

**ИНЖЕНЕР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
РЫЦАРЬ В СТИЛЕ ХАЙ-ТЕК**

**Лео
Франковский**



**ИНЖЕНЕР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
РЫЦАРЬ В СТИЛЕ ХАЙ-ТЕК**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**Лео
Франковский**



**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

LEO
FRANKOWSKI

THE CROSS-TIME
ENGINEER

THE HIGH-TECH
KNIGHT

ЛЕО
ФРАНКОВСКИ

ИНЖЕНЕР
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
РЫЦАРЬ В СТИЛЕ
ХАЙ-ТЕК

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Ф83

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Leo Frankowski
THE CROSS-TIME ENGINEER
THE HIGH-TECH KNIGHT

*Перевод с английского Ю. Бушуевой («Инженер Средневековья»),
М. Пановой («Рыцарь в стиле хай-тек»)*

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 22.09.04. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 3000 экз. Заказ № 2812.

Издание подготовлено при участии А/О «Титул»

Франковски Л.

Ф83 Инженер Средневековья. Рыцарь в стиле хай-тек: Фантаст. романы:
Пер. с англ. / Л. Франковски. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО
«ЛЮКС», 2004. — 604, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-026497-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9660-0449-8 (ОАО «ЛЮКС»)

Конрад Старгард — обычный инженер — несколько удивился, оказавшись в далеком прошлом своей страны, однако не стал терять времени даром... В рекордные сроки он — последовательно — умудрился попасть в руки Инквизиции, выйти сухим из воды, сделаться рыцарем, нажить кучу врагов, обзавестись десятком верных вассалов и построить город высоких технологий в самом сердце мрачных Темных Веков...

Казалось бы, проблемы решены?

О нет.

Проблемы ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ!

Читайте смешную и увлекательную сагу о приключениях «Инженера во времени», достойно конкурирующую с произведениями Сташефа и Асприна!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

© Leo Frankowski, 1986, 1989

© Перевод. Ю. Бушуева, 2004

© Перевод. М. Панова, 2004

© ООО «Издательство АСТ», 2004

ИНЖЕНЕР
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПРОЛОГ

— Черт побери! У меня пять научных степеней! — выкрикнула она.

Он оторвал глаза от кучи польских правительственных бумаг на своем столе и окинул взглядом затрапезной внешности официантку средних лет, стоящую напротив него. *Господи, почему я?*

— Неужели? — сухо произнес он. — Да будет вам известно, что на этой базе в академическом плане вы ниже нормы. У меня девять степеней. Также я ваш начальник, а вы на меня кричите.

— Но это несправедливо!

— Согласен. Однако никто никогда не считал Службу справедливой — или же Вселенную, если уж на то пошло. Это ваш первый день здесь. Если у вас проблемы, поделитесь ими со мной. Но если вы еще раз повысите на меня голос, клянусь, вы ударитесь о три этих стены, прежде чем свалитесь на пол. Одна из *моих* диссертаций — по военному делу. Все ясно?

— Да, пан.

— Ну а теперь о вашей проблеме. В чем она?

Он откинулся назад и сложил ладони треугольником так, что кончики пальцев соприкоснулись.

— Во всем! — выкрикнула было официантка, но вовремя вспомнила его слова и продолжила более спокойным

тоном: — Это какая-то ошибка. Я не должна быть в Польше двадцатого века. Моя специальность — Древняя Греция. И это толстое тело сорокалетней тетки!.. Ведь принято начинать службу подростком! А обслуживать столики в баре! А...

— Успокойтесь, и не надо так вопить! Значит, вы говорите, что это ошибка. Давайте проверим ваши данные.

Он коснулся четырех неприметных кнопок на обшарпанном деревянном столе, и перед ним возник дисплей — белые буквы, мерцающие в воздухе.

— Хм-м... родилась в Северной Америке в 62218 г. до н. э. ...пригодна к деторождению. Одиннадцать детей... Вышла в отставку в 45 лет, посещала Музейный Университет с 62219 г. до н. э. до 62912 г. до н. э. ...Научные степени по медицине, славянским языкам, психологии и греческой литературе... принята в Исторический Корпус...

Первое задание — Афины времен Перикла! Боже, вот так удача! Вы представляете, я дважды подавал прошение на отпуск в Афинах времен Перикла, и оба раза мне отказали! Желающих попасть туда гораздо больше, чем местных жителей! А вас направили туда на первое задание!

— Ну, пан, мое настоящее тело не имеет ничего общего с этими жировыми складками. И если вы знакомы с нужными людьми...

— Хм, тогда я рекомендую вам сесть на диету и заняться физическими упражнениями. В любом случае ваша характеристика оттуда не безупречна... вы влезли в местную политику и историю с убийством.

— Предполагалось, что гетеры должны интересоваться политикой.

— Ваши экзаменаторы так не считали. Ладно, давайте посмотрим... Проведя сорок один год в Афинах, вы вернулись в университет и получили степень по древнеегипетским языкам... четыре раза вам отказали в заданиях, связанных с девятой по тринадцатую династиями... затем отклонили еще одиннадцать просьб... в конце концов вы решили

стать добровольцем в открытом задании и получили Польшу двадцатого века.

Столкнувшись с этим заданием, вы попросили как можно более короткий срок пребывания. Так вышло, что ваша предшественница отслужила двадцать семь лет из пятидесяти одного и подала в отставку.

— Неужели? Но это означает...

— Совершенно верно. Ее уволили из Корпуса. Как она проведет остаток жизни — это ее дело. Большинство «отставников» от скуки спиваются, хотя я слышал, что антропологам всегда нужен кто-нибудь, чтобы проследить пути миграции *Человека Прямоходящего*.

— Жить в доисторической Африке? — передернулась она.

— Верно. И вообще, я не вижу, с какой стати вам жаловаться. Вы добровольно согласились на это задание, и вам повезло вплоть до наличия теплого туалета. Вы хотели короткое задание — вот и получите, всего лишь двадцать четыре года. Несомненно, ваше телосложение должно соответствовать телосложению вашей предшественницы, и кроме того, эта работа вполне подходит к вашей научной степени по славянским языкам.

— Я поняла это, когда пыталась получить место при дворе Казимира Великого.

Он взмахнул руками.

— Черт побери, красотка! Когда же ты повзрослеешь? Мы здесь пишем точную историю человечества! Моментов славы мало, и они далеки друг от друга. А в основном это утомительная, грязная, рутинная работа — хорошо выполнять обычные дела. Так что твоя участь — подносить пиво пьяному туристу. — Он постучал по столу, и изображение на дисплее изменилось. — Его стакан уже почти пуст. Тебе пора поспешить обратно. Вижу, ты еще не загрузила капсулу.

— Какую капсулу?

— Разве ты не ознакомилась со списком своих обязанностей? Черт, от тебя вообще никакой пользы. Согласно

расписанию, мы должны отправить в тринадцатый век 9 тонн ячменя — сегодня ночью, в 2.27. Тебе предстоит загрузить его в капсулу.

— Значит, я не только официантка, но еще и грузчик?

— Ты считаешь, что заполнять правительственные бланки — более приятное занятие? Вон отсюда, и живо приступай к работе!

Громко топая, женщина вышла, а он вернулся к пачке бумаг.

Что, черт возьми, они делают с этим добром? Им просто физически не хватает времени все прочесть. А что с психологической точки зрения? «Психология правительственных форм в Восточной Европе XIII века»... Чем не тема для диссертации?

Получив взбучку, официантка в дурном настроении вернулась к своим обязанностям. Она ругалась на чем свет стоит, вручную загружая мешки с зерном в примитивный грузоподъемник, от злости не замечая, что отверстия в деревянных поддонах под мешками совпадали с вилами подъемника на грузовике.

— Черт, даже никакого гравитационного поля! Как будто дикари что-нибудь поймут, даже если найдут это место!

Работая так неэффективно, с перебежками на два лестничных пролета вверх каждые пятнадцать минут, чтобы посмотреть, как там ее одинокий посетитель, она затратила на погрузку два часа. К этому времени форменная одежда на ней порвалась, на чулках появилось множество «стрелок», а от одной туфли отломался каблук.

— Что за дурацкий наряд! — пробормотала женщина, выходя наверх без туфель. Погасив за собой свет, она в ярости забыла закрыть двери.

ГЛАВА 1

Ранней осенью Высокие Татры просто великолепны. Я решил провести свой ежегодный отпуск, бродя с рюкзаком за плечами в горах к югу от Кракова, и по большей части мой план был рассчитан как нельзя лучше.

Погода стояла замечательная, листва из зеленой превратилась в желтую и ярко-красную, и — поскольку туристический сезон уже прошел — горы были в моем полном распоряжении. Фермеры собирали урожай, а у ребятишек начались занятия в школе. Учителя тоже вернулись в школы, что было весьма некстати. Обычно я соревновался с учителями.

Во время отпуска я решил окончательно завязать с обществом одной приятной особы, и в этом путешествии мне сильно ее не хватало. Прошло вот уже три недели, и, честно говоря, у меня начали появляться рога.

Двухнедельный отпуск, предоставленный Катовицким машиностроительным заводом, уже подошел к концу, и мне оставалось лишь выполнить одно маленькое поручение. Я жил вместе с матерью, и она прочитала в журнале статью о Закопанской садово-сельскохозяйственной исследовательской станции. Я собирался побывать вблизи Закопане, и мать решила, что я должен непременно зайти на эту станцию и купить там для нее кое-каких семян.

Я так и не понял, чем семена, купленные на станции, отличаются от тех, что можно купить в Катовице. А это ее

внезапное увлечение садоводством!.. Очевидно, матери хотелось чаще видеть меня пропалывающим морковь в огороде, нежели в обществе друзей. Как бы то ни было, чтобы сохранить в семье мир, я пообещал купить семена.

На станцию можно было добраться по узкой пешей тропе и по дороге. Я выбрал тропу, потому что все прелести пешей прогулки уничтожаются дорожной пылью и шумом, а также потому, что мне не по душе толстые автолюбители с их глупым вопросом: «Вы хотите сказать, что пришли сюда пешком?».

Когда я добрался до магазина, там было пусто. Пусто, за исключением нескольких миллионов семян. Просто невероятно, сколько там было различных видов растений. На одной полке находились семена более чем восьмидесяти сортов роз. На другой — примерно столько же сортов свеклы, салата и клубники.

Цены на семена были низкими, если не сказать грошовыми, и поэтому мне в голову пришла мысль: *Старушке нужны семена? Ладно, будут ей семена! Сколько душа пожелает! Но это не значит, что я буду их сажать!*

Тут мои слегка садистские размышления прервали: из подсобного помещения показалась монументальная грудь, вслед за которой появилась ее обладательница — очаровательная молодая особа.

— Извините. Я не знала, что здесь покупатель. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Глаза изумительного светло-зеленого цвета, лицо покрыто рыжими веснушками. Волосы рыжие от природы — такой цвет увидишь раз в десять лет. Да уж! Эта особа еще как способна мне помочь!

Но из своего горького опыта я знал, что напористость часто пугает женщин. Поэтому я лишь улыбнулся, предварительно удостоверившись, что рот у меня закрыт и из него не капает слюна.

— Думаю, да. Моя мать просила купить ей несколько сортов семян.

— Вы обратились как раз по адресу. — Она улыбнулась в ответ. Великолепно! — Ваша мама составила для вас список?

Девушка была одета в легкую ситцевую блузку, под которой, очевидно, ничего не было — только пышущая здоровьем молодая полка.

— Вообще-то нет. Она не просила ничего конкретного. Я надеялся получить дружеский совет специалиста.

— Давайте попробуем. Где она живет?

Девушка все еще улыбалась; хороший знак.

— У нас дом недалеко от Катовице.

— А какая у вас почва?

— Даже не знаю. Она остается под ногами и, как правило, не стремится привлечь к себе особое внимание.

— Ах, да нет же! Я имею в виду, она песчаная, глинистая или подзолистая? Какого цвета? Что там сейчас у вас растет?

— Ну, она такая коричневатая. Не липнет к подошвам, как глина. А в данный момент мы собираем огромный урожай отменнейшего салата.

Я с улыбкой поставил свою сумку на пол, чтобы намеренно придвинуться поближе к девушке. Она осталась стоять на месте.

— Хорошо. Это уже что-то. Теперь вы должны решить, что вам нужно.

Я точно знал, что мне нужно. Но пришлось проявить терпение.

— Думаю, нужно взять всего понемногу, а мать уж пусть потом сама решает.

— Разумно. Вы любите клубнику?

— Просто обожаю. А еще больше — клубничных блондинок.

— Значит, вот это именно для вас!

Она потянулась к одной из полок и слегка задела меня бедром. Есть контакт! И она начала первой!

— Вот этот сорт просто идеален для домашнего огорода. Плодоносит с ранней весны и до самых морозов. Причем сорт многолетний. — От нее исходил тончайший аромат духов.

— Вы меня уговорили.

— А этот хорош для заготовок — все ягоды появляются сразу же.

— Покупаю.

На девушке была юбка и чулки, а не какие-то там модные брюки.

— А это новый выющийся сорт.

— Чудеса современной науки.

Так мы прошли несколько полок, складывая кулечки с семенами в коричневый бумажный пакет. Ходить за ней следом было чрезвычайно приятно. Сзади она выглядела так же восхитительно, как и спереди.

— Вы просто энтузиаст своего дела. Оно приносит вам доход?

— Какой вы глупый, конечно, нет. Это же государственный магазин. Но моя зарплата зависит от количества продаж.

— Ну, мы вам обеспечим количество продаж... а кстати, как вас зовут?

— Анна.

— Анна. Красивое имя.

— А вас?

— Конрад.

— М-м... Сильное, мужественное имя. — Она продолжала бросать в пакет семена.

— Анна, а чем обычно занимаются люди в этой округе, когда не продают семена?

— После завершения туристического сезона особо ничем.

— Но здесь же есть хоть какая-нибудь забегаловка?

— Те, кто работает на станции, обычно заходят выпить в гостиницу «Красные ворота». — Она по-прежнему улыбалась.

— И где же это чудное заведение?

— О, оно далеко на чудное. Оно скорее чудное. Ему уже несколько веков, и туда до сих пор никак не построят дорогу.

— Тогда как вы туда добираетесь?

— Вы ведь пришли по тропе? Значит, вы, наверное, пришли с юга. А если идти с севера, то оно будет как раз по дороге.

— Гостиница на пешей тропе?

— Примерно в пятистах метрах пути. Знаете, тропа очень древняя. Она есть на самых старых картах. Когда-то это была единственная дорога через нашу местность. Раньше по ней ходили караваны.

Караваны? Закопане окружено одними из самых высоких горных пиков Карпат. Если вы не путешествуете по скоростной автостраде, не альпинист и не пилот вертолета, отсюда или сюда есть лишь один путь — на север. В сотне километров — как на запад, так и на восток — можно найти горные тропы, ведущие в Чехословакию, но эта местность — один большой тупик. В давние времена ничто не могло пройти здесь. Единственные природные ресурсы этого края — пешие тропы, лыжни и величественный пейзаж. Но их не увезешь на мулах.

Однако я не хотел разубеждать красавицу в ее романтических взглядах. Наоборот, я хотел им способствовать.

— Потрясающе. Мне и впрямь надо посетить это место. А есть ли шансы, что вы окажетесь там этим вечером?

— И немалые! — Она подмигнула. — Я живу прямо за гостиницей.

Мир был великолепен. Анна была великолепна. И я, да, я тоже был великолепен и поэтому даже не слишком расстроился, когда она показала мне счет. Кажется, что один пакетик семян стоит сущие гроши, но помножьте цену на 324, и сумма окажется весьма внушительной. Она почти равнялась моей недельной зарплате.

Но я не дал себе тревожиться из-за этого. Особенно когда мне предстояло провести вечер в обществе Анны.

Дорога в гостиницу «Красные ворота» вилась между сосен, растущих на нижних склонах Высоких Татр.

Я получил диплом инженера в Массачусетском университете, где учился за счет одного богатого американского родственника. Летом у меня обычно каникулы, и однажды я путешествовал в Аппалачах. Это хорошие горы, но я так и не смог считать их своими. Татры, Польша — моя страна, и я люблю ее.

Гостиница «Красные ворота» оказалась на удивление большой. Кроме ресторана и пивного зала там были комнаты для постояльцев и персонала.

Я пришел туда около четырех часов пополудни и тут вспомнил, что так и не спросил Анну, когда она заканчивает. Ладно, когда придет, тогда и придет.

Ресторан так и манил к себе, но перспектива обеда с Анной была еще более заманчивой. Поэтому я пошел в пивной зал — красивую старую пещеру с дубовыми балками и до блеска натертой старой мебелью. Только освещение и сами краны были современными.

Они сами варили пиво — в наши коммерческие времена это редкость. Пиво оказалось отменным, и к половине шестого я уже осушил три кружки. А также выкурил с десяток сигарет. Время от времени я поглядывал на настенные часы — наручных у меня не было.

Вообще-то у меня отличные часы — электронные, на солнечных батареях. В них есть калькулятор с тригонометрическими функциями, а по утрам они будят меня музыкой Шопена. Но сейчас я в отпуске, а отпуск в том и заключается, чтобы отдохнуть от часов, расписаний, графиков поставок и производства.

Нет, я не жалею о своей работе. Я работаю в хорошей организации, у меня порядочный, компетентный, понимающий начальник, который обычно позволяет мне поступать разумно, то есть как мне угодно. На хорошем предприятии правит бал его величество Дизайнер.

Мы разрабатываем и строим специализированную промышленную технику, обычно какой-то один вид приборов промышленного назначения — например, карбюраторы. Наш отдел разрабатывает электронные и гидравлические приводы для машин; обычно для этого требуется лишь заказать на складе нужные части и разработать несложную компьютерную программу для управления. В результате работа над одним проектом редко занимает более двух недель, и работать легко и интересно. Мне приходилось заниматься самыми необычными вещами. В мои обязанности также входили деловые поездки для выяснения запросов конечного потребителя или для наладки машин.

Я спросил официантку о сотрудниках станции.

— Трудно сказать, пан. Вы же знаете, ученые — люди непредсказуемые. Пан желает еще пива?

Она изъяснялась по-польски книжными фразами.

Дела у ресторана шли невероятно успешно — я проверял это каждые пятнадцать минут, — но в пивной, кроме меня, был только один посетитель — какой-то путешественник, которого я однозначно не хотел видеть в качестве соседа за столиком, когда придет Анна. Если она вообще придет. Я прикурил очередную сигарету.

К семи часам меня начало охватывать раздражение — даже несмотря на количество выпитого пива. Чтобы как-то скоротать время, я решил навести порядок в своем рюкзаке и переложить семена на дно. Мне пришлось в голову почитать надписи на пакетиках.

Во-первых, большинство семян было совсем не со станции в Закопане. Половина сортов оказалась из Советского Союза, а на других — по меньшей мере четверти — красовалась надпись «Отпечатано в США».

Во-вторых, я рассмотрел, на что же истратил половину своего недельного заработка. Пять сортов клубники, отлично. Шесть видов салата, неплохо. Черника и малина, возможно. Семь сортов картофеля? Ладно. Но эта рыжая стер-

ва продала мне шесть пакетиков пшеницы. Можете себе представить мою мать, выращивающую пшеницу в своем крошечном огороде? Не говоря уже о ржи, овсе, ячмене и четырех сортах кукурузы! И сахарная свекла. Черт бы побрал эту сахарную свеклу! И цветы. Целая сотня разных сортов цветов. Надпись на одном конвертике гласила: «Японская роза. Живая изгородь. Абсолютно непроходима для человека и животных. Вырастает до четырех метров в высоту и ширину. *Осторожно: Не высаживать на небольших участках!*»

И деревья. У меня было пятьдесят видов деревьев. На следующий год у меня не будет необходимости ехать в Закопане. Я смогу вырастить свой собственный лес!

Когда ко мне в очередной раз подошла официантка, я вновь заинтересовался у нее насчет сотрудников станции.

— Знаете, пан, уже почти восемь часов, и я полагаю, что если их нет, то вряд ли уже они появятся. Они не всегда приходят. Не угодно ли пану еще пива?

— Нет. Пива больше не нужно. Водки. Большую рюмку.

Я снова сложил все в рюкзак — семена и все остальное — и приготовился как следует выпить.

В конце концов официантка стала настаивать на том, что уже пора покинуть бар — мы были последними посетителями, — поэтому я оплатил внушительный счет и с рюкзаком за плечами направился к двери. Оказалось, что неплохо бы еще раз наведаться в туалет. Он находился в подвале, и я уже несколько раз там побывал.

Но теперь мне показалось, что ступенек вдруг стало больше, к тому же не было света. Я плутал в темноте, наверное, минут двадцать, но так и не нашел ни туалета, ни выключателя и присел немного отдохнуть.

За последние две недели я спал на земле и на камнях. Так что могу чувствовать себя комфортно где угодно. Я расслабился, прилег и заснул.

ГЛАВА 2

Когда я проснулся, в лицо мне бил мерцающий свет. Спина и руки сильно занемели: я так и уснул с рюкзаком за плечами. Голова просто раскалывалась от боли. Мочевой пузырь был нестерпимо полон, во рту жуткая вонь.

У меня не было ни малейшего представления о том, где я нахожусь. Пришлось медленно и мучительно вспоминать события вчерашнего дня. Ах да. Чертова красотка. Дурацкие семена. Гостиница. Должно быть, я в гостиничном подвале.

Я медленно поднялся на ноги. Как мне в тот момент хотелось, чтобы голова моя взорвалась, и наступил конец моим страданиям!.. Я спал на мешках с каким-то зерном — вероятно, это был ячмень. Да, точно. Они там сами варили пиво. Я, наверное, в кладовке.

С рюкзаком, кажется, все в порядке. Проверил бумажник: на месте. Только вот вчерашние расходы нанесли значительный ущерб моему финансовому положению: едва осталось денег на обратную дорогу.

Двойная дверь наружу оказалась более чем странной: толстая сталь наподобие обшивки деньгохранилища или стенок подводной лодки. В старых зданиях бывает много чего необычного. Не исключено, что когда-то здесь находилось бомбоубежище.

Но я не мог тратить время на размышления. Мне срочно требовалось в туалет.

За странной дверью оказалась большая комната, заваленная коробками и тюками; она ничуть не походила на коридор, ведущий в туалет. Я нашел лестницу и лихорадочно поднялся по ступеням. Если я в подвале, значит, выход где-то наверху. А по нужде можно сходить и в кусты.

Пройдя через дверной проем наверху лестницы, я оказался в знакомом коридоре, залитом тусклым серым светом из высокого окна. Наверное, это был полуподвал. Я бросился к туалету; дверь громко захлопнулась за мной.

Вот только никакого туалета там не оказалось, а вместо этого еще одна кладовая, уставленная огромными глиняными кувшинами с дурно пахнущей квашеной капустой.

Мочевой пузырь был переполнен, я больше не мог терпеть. В помещении было темно, поэтому я шагнул за дверь и помочился на стену.

Прошу вас, поймите, я цивилизованный, образованный и воспитанный молодой человек. Мне было нестерпимо стыдно из-за того, что я осквернил чью-то кладовку. Справив нужду, я понял, что у меня возникли новые проблемы. Как объяснить свое присутствие в подвале? В лучшем случае хозяева могут потребовать, чтобы я заплатил за ночлег — если это можно назвать таковым. В худшем — сочтут меня грабителем, а это вызовет еще больше неприятностей. Лучше всего побыстрее и как можно тише смыться отсюда.

На цыпочках я подошел к ступеням, ведущим наверх, — они начинались как раз напротив двери, через которую я только что вошел сюда. Но эта дверь превратилась в каменную стену без каких-либо просветов.

Похмелье еще не прошло; возможно, я по-прежнему слегка пьян. У меня никогда не было галлюцинаций, но я знал, что подобное вполне возможно. Судя по всему, я оказался в очень неприятной ситуации. Поэтому, поднявшись по лестнице, открыл какую-то дверь и быстро, не оглядываясь, зашагал по тропе.

Я осмелился остановиться только после того, как прошел по меньшей мере километр. Достав из рюкзака фляжку, я осушил ее одним глотком. С каждым шагом мой страх быть пойманным улетучивался, а вот настроение, наоборот, становилось все мрачнее. Вместо того чтобы вернуться из отпуска отдохнувшим и готовым к работе над новым проектом, я ощущал себя больным, страдающим от похмелья и в придачу сексуально озабоченным. С бодуна так бывает всегда, а несостоявшаяся интрижка с рыжей продавщицей еще больше усугубила положение дел. Погода испортилась, стало пасмурно и холодно, и от этого мое настроение упало совсем.

Вдруг я увидел на тропе сумасшедшего фаната средневековой культуры.

На расстоянии этот тип смотрелся весьма неплохо. Ехал он на большом черном коне и был облачен в белую накидку с огромным черным крестом. Черный крест виднелся и на белом щите; в форме креста был вырез для глаз и носа на шлеме, по виду старинном. Всадника защищала длинная кольчуга. За спиной у него висело копьё, на поясе — меч, а к седлу были приторочены всевозможные орудия членовредительства.

По мере приближения стали более заметны детали: накидка оказалась потрепанной, а щит — грязным. Кольчуга всадника состояла не из аккуратных маленьких колечек, какие я видел в музее. Это были большие железные кольца размером с мужское обручальное. Гораздо больше они подошли бы для одежных вешалок. Шлем и оружие были из железа самого отвратительного качества, а его лошадь — какая-то дохлая кляча.

Должен признаться, что в Польше хватает сумасшедших любителей средневековья. Раз в году эти странные люди, по большей части студенты, переворачивают Краков с ног на

голову. Вообще-то Ювеналии — неплохой праздник, но сейчас я был не в настроении.

Однако мне нужно было найти автобусную остановку, и я решил остановить незнакомца.

— Эй! — помахал я всаднику, когда тот подъехал ближе.

Он резко остановился, выпрямился в седле и снял шлем, повесив его на седельную луку. Волосы его по крайней мере были натуральными: очень длинные, очень светлые и очень давно не мытые. Глаза светло-голубого цвета, нос сломан, а на лбу и щеке виднелись шрамы. У меня сложилось впечатление, что он затеял весь этот маскарад потому, что не мог позволить себе приобрести мотоцикл.

Всадник крикнул мне что-то на незнакомом языке — вероятно, по-немецки. Я неплохо владею американским английским, да и на британском тоже могу изъясняться. А вот немецкий за пределами моего понимания.

— Здóрово. Хорошо играешь роль. Но, может, все-таки будешь говорить по-польски?

— Немного говорю на польском. Какого черта нужно?

— Придуривайся дальше, если так твоей душе угодно, но мне хотелось бы знать, далеко ли до главной дороги на Краков?

— Ты стоишь на дороге, конская ты задница!

— Я на тропе, но мне нужно поймать автобус до Кракова. Так что, пожалуйста, прекрати эту дурь.

— Тебе нужно дать по башке.

Вот когда наступает момент изменения тактики разговора с идиотом. Я офицер запаса польских Военно-Воздушных сил и в свое время несколько месяцев провел на сборах. Есть такая вещь под названием «командирский голос». Он очень громкий, очень низкий и очень пронзительный. От такого голоса у новобранца душа обязательно уходит в пятки. Итак:

— А теперь слушай, ты, безмозглый урод! Меня уже достала вся эта старинная фигня! Я задал тебе простой, веж-

ливый вопрос: «Как далеко до главной дороги?». А теперь будь добр, ответь мне, и поживее, не то потом сам пожалеешь! Ты все понял, кретин?

Очень важно никогда не орать на тех, кого считаешь ниже себя, потому что таким образом опускаешься до их уровня. Но иногда можно подойти достаточно близко.

Он широко раскрыл глаза и вытащил меч, затем убрал его обратно в ножны. Вначале я решил, что мне удалось осадить этого чокнутого, но, хорошенько поразмыслив, понял, что тот просто не хотел пачкать свой меч.

Всадник искал что-то среди своих железяк и, выбрав цепь длиной около метра с длинной палкой на одном конце и большой железной звездой на другом, замахнулся на меня этой штуковиной.

Я до того оторопел, что моя реакция оказалась немного замедленной. Но мне все же удалось броситься наутек, а удар звезды пришелся по рюкзаку и лишь слегка по затылку. Этого хватило, чтобы я отлетел на несколько метров от дороги в колючий кустарник. И я решил, что разумнее подождать, пока безумец уедет прочь.

Всадник больше не взглянул на меня. Он повесил железную штуковину обратно на луку, надел шлем и продолжил свой путь в южном направлении.

Боже Всемогуший! Это не просто сумасшедший, это какой-то маньяк!

Я вылез из колючих кустов и искал в рюкзаке чистый кусок ткани. Рана на затылке слегка кровоточила, и я решил, что потерплю, пока не доберусь до больницы. Было больно, хотя не так сильно, как в области лба, куда обычно отдает похмелье. Угрозы для жизни нет, но уж в полицию на этого агрессивного идиота я обязательно заявлю!

Кроме морального и физического ущерба, он также проколол мою палатку, разорвал рюкзак, поцарапал котелок и разбил фонарик на три части. Черт, я подам на этого ублюдка в суд!

Собрав все обратно, чтобы представить испорченные вещи в качестве доказательства, я направился на север.

Погода из плохой стала просто отвратительной. Облачность перешла в густой туман, а тот, в свою очередь, в слякоть и снег. Я остановился, чтобы надеть кальсоны — мать настояла, чтобы я их взял с собой. Легкие кроссовки пришлось сменить на тяжелые туристические ботинки. Поверх футболки с начесом я надел теплый свитер и ветровку. Вскоре я был вынужден облачиться в пластиковый дождевик, а затем стало ясно, что пора под дождевик надеть спальный мешок.

Похмелье продолжало мучить меня с прежней силой.

Для середины сентября погода была на редкость паршивой.

Согласно карте, я должен был пересечь шоссе несколько часов назад. Я предположил было, что шел не по той тропе, но на карте другой нет. Да я и не видел другой с тех пор, как покинул гостиницу. Наверное, мне следует повернуть назад и идти к шоссе по гравиевой дороге, но вдруг кто-то заметил мой «побег»? Нет. Скорее всего я, раненый и страдающий от похмелья, шел слишком медленно.

Приблизительно в полдень — без часов я не мог точно определить время — мой желудок начал урчать. Мне захотелось есть.

Я нашел ручей, перегороженный большими камнями. Странно: обычно Управление по туризму ставило мосты. Рядом с тропой под выступом скалы лежала куча хвороста, защищенная от снега и слякоти. Хворостом — к сведению городских жителей Польши — мои американские друзья называют мертвые, сухие сучья под живыми ветвями деревьев. Это самые лучшие дрова во всем лесу, и вообще, для деревьев полезно, когда с них срезают мертвые ветви.

Чтобы разжечь костер, потребовалось немного сухого бензина, и через полчаса в одном алюминиевом котелке кипело рагу сухой заморозки, а в другом — растворимый кофе.

Кофе пошел хорошо, но после изрядной дозы алкоголя мой желудок все еще не слишком хорошо чувствовал себя. У меня было несколько вариантов: первый — выкинуть остатки рагу; второй — заставить себя съесть его, поскольку оно горячее, а я замерз; третье — взять его с собой.

И тут я встретил второго сумасшедшего за этот день — он, как и я, шел в северном направлении.

Я решил, что неподалеку проводится какой-то фестиваль, чтобы хоть как-то оживить мертвый сезон. По крайней мере этот человек полностью соответствовал своему образу. Он был одет в длинную, грубую и изрядно потрепанную монашескую рясу с огромным капюшоном, низко надвинутым на глаза. Он нес две котомки из натуральной кожи, чем-то напоминавшие полевые сумки военных. Одна была надежно застегнута, а вторая лишь прикрыта откидывающейся крышкой.

Перекусив, я немного прибодрился, а после встречи с безумным рыцарем мне не хотелось больше никого раздражать.

— Приветствую тебя, брат! — крикнул я. — Похоже, ты замерз. Иди сюда, погрейся у костра!

Тот отпрыгнул чуть не на метр в сторону.

— Что? О! Да благословит тебя Господь, сын мой! Что ты сказал?

Акцент показался мне довольно странным, но все же я его понял.

— Я сказал: добро пожаловать к моему костру! А также к моему обеду!

На этот раз мне пришлось громко кричать, так как в лесу завывал ветер.

— Благослови тебя Бог, сын мой, благослови тебя Бог! — Он проковылял к моему костерку.

Боже праведный! Да он же босой! В таком снегу он наверняка через час отморозит ноги, а на следующий день умрет от пневмонии. Сидя возле костра, я не чувствовал

холода и в общем-то не нуждался в спальном мешке, в который завернулся. Незнакомец шагнул ближе, и я расстелил спальный мешок на земле.

— Подойди, брат! Садись вот сюда!

— Ты позволяешь мне сидеть на твоей одежде?

— Это не совсем одежда. Пожалуйста, садись.

— Ты оказываешь мне великую честь, сын мой. — Он низко поклонился, прежде чем сесть.

— Ничего подобного. Я просто пытаюсь спасти тебе жизнь, — ответил я, застегивая на нем спальный мешок.

— Иисус Всемогущий! Он срастается!

— Нет, просто застегивается. Вот, видишь? А теперь успокойся и поешь рагу.

Рыжая торговка и двое — целых двое! — чокнутых типов за одни сутки. Говорила мне мать, что лучше бы я поехал к морю.

— Ты отдаешь мне свой обед?

— Невелика услуга. Я приготовил слишком много и хотел выкинуть остатки. Ничего, что у меня всего одна ложка?

— Все в порядке. Ты вновь оказываешь мне честь.

— Тоже мне честь — грязная ложка.

Я вновь налил в котелок для кофе воды из фляжки и пошел за дровами.

Вернувшись с охапкой хвороста, я кинул его в костер. Монах доел рагу и решил вымыть котелок снегом.

— Это самое легкое серебро, какое мне только доводилось видеть.

— Нет, брат. Это всего лишь алюминий, он особой ценностью не обладает.

Явно чокнутый... Я высыпал кофе в кипящую воду, размешал и половину перелил в его котелок.

— Выпей, брат. Тебе пойдет на пользу.

— Это настой каких-то трав?

— Типа того. Это кофе. Хоть немного согреешься.

Теперь нужно посмотреть, как сильно обморожены его ноги. Я вытащил из рюкзака запасные носки и кроссовки. Затем расстегнул спальный мешок снизу и просто оторопел.

Ну и ступни у него! Покрасневшие и невероятно широкие — чуть ли не в два раза шире моих кроссовок. А мозоли — толщиной в сантиметр! Я не знаю, что это за болезнь, но на обморожение никак не похоже. Я потрогал его ступни, потер их. Они оказались теплей, чем мои руки!

— Ты что, собираешься помыть мне ноги, сын мой?

Снег таял на моем пончо, и капли воды летели во все стороны. Один-ноль в его пользу.

— И ты бы отдал мне свои башмаки, будь у меня ступни поменьше, но это уже слишком. День на исходе, и если мы хотим найти ночлег, то пора отправляться в путь. Идем, сын мой. Забирай свою накидку, и пойдем. До Кракова путь не ближний. — С этими словами монах встал и направился к дороге.

— Эй! Подожди! Это же просто безумие! Ты же заблудишься в такую пургу! Нужно подождать отряд спасателей!

— Тот, кто следует путем Господним, не может заблудиться, — медленно произнес он, разговаривая со мной как с ребенком. — В любом случае отсюда нужно идти вниз, а вниз может идти даже слепой. Что же касается спасения, о котором ты говорил... предполагаю, Бог не счел нужным спасти меня. — С этими словами он ушел.

Сумасшедший он или нет, но я не могу позволить ему умереть в такую метель. Я быстро упаковал снаряжение (хотя многие вещи и намокли) и кинул остатки хвороста в огонь. Во время снегопада вряд ли возникнет лесной пожар, а вот костер может привлечь внимание. Я закинул на спину рюкзак и поспешил вдогонку.

Делая короткие и быстрые шаги, монах успел отойти на достаточное расстояние, прежде чем я догнал его. Его следы было нетрудно заметить в глубоких сугробах. Я остано-

вился и вытоптал на снегу стрелку, чтобы указать направление, в котором мы движемся.

— Я уж подумал, сын мой, что ты добрый христианин.

— Что? Конечно же, я добрый христианин, брат. И если уж на то пошло, еще лучший католик. В детстве я был алтарным служкой. А почему ты засомневался?

— Как почему? Ты же рисуешь какие-то языческие знаки.

— Языческие? Ничего подобного, брат. Я просто указываю наше направление для спасательных отрядов. Нас будет искать Туристическое Общество и Лесная Служба. Должно быть, в эту метель попали десятки людей. На редкость паршивая погода для середины сентября.

— Ну, если ты просто оставляешь знак для своих друзей, я полагаю, что это хорошо. Я, конечно, согласен, что для середины сентября такая погода необычна, но позволю себе заметить, что сегодня двадцать пятое ноября.

— Брат!

Мы брели по тропе. Меня поразили малый рост моего спутника — он едва доставал мне до подмышек.

— И вот еще что. Хотя мне и не хочется исправлять моего благодетеля, но прошу заметить, что мое звание не «брат». На самом деле меня уже рукоположили в священники, и поэтому более правильно обращаться ко мне «отец».

— Как скажешь, отец.

Я думаю, что можно одновременно быть и сумасшедшим, и священником, но в любом случае немного лести не повредит.

— Откуда ты знаешь, что я держу путь в Краков?

— Разве я это говорил? Даже если и говорил, мне не следовало об этом упоминать — тайна исповеди. Но перед исповедью доблестный христианский рыцарь сказал мне, что убил тебя — по крайней мере, я предполагаю, что речь шла о тебе. Не много великанов бродит в округе, и у тебя небольшая рана на голове. Он попросил провести над тобой

обряд соборования, и я согласился — хотя теперь не вижу в этом необходимости.

Великан? Я довольно высокий — 190 сантиметров, но даже при таком росте меня вряд ли можно назвать великаном.

Я остановился и вытоптал в снегу еще одну стрелку.

— Доблестный христианский рыцарь! Да он просто кровожадный маньяк-убийца! Он рыщет здесь в поисках новых жертв! Он внезапно напал на меня, а ты отпустил его с миром, заставив несколько раз прочитать «Аве Мария».

— Ошибаешься. «Аве Мария» — шесть дюжин и три дюжины «Отче Наш». И он утверждал, что ты первым вызвал его гнев. Зачем ты грубо разговаривал с Рыцарем Креста?

— О! Девять дюжин молитв за покушение на жизнь!

— Пожалуйста, успокойся. Похоже, ты почти не пострадал, и я думаю, что молитвы не повредят его душе. В конце концов важно именно намерение.

— Реальность для меня совсем другое дело.

— Конечно же, сын мой. Теперь я понял: ты был один, шел пешком и не имел при себе никакого оружия. Без извинения, комплимента или просто поклона ты остановил тевтонского рыцаря и начал его о чем-то расспрашивать. Ты даже не назвал ему своего имени. Он все-таки ответил на твой вопрос, даже постарался перевести свои слова на польский — ты ведь не понимаешь немецкого. Но ты повел себя еще более грубо и заявил — по крайней мере намекнул, — что он лжет. Затем он пытался предупредить тебя, но ты ответил... погоди, сейчас вспомню «тоном, который я бы счел недопустимым, обратиться так ко мне Магистр Ордена». Потом он ударил тебя. Ну что, сын мой, так было на самом деле?

— Может, и так, но вы излагаете факты очень предвзято, и в любом случае никак нельзя оправдать покушение на жизнь.

— Это верно. Насилие вряд ли подлежит оправданию. Именно поэтому я приказал ему после исповеди замолить свои грехи.

Боже Всемогуший! Меня чуть не убили, а теперь человек, которому я пытался спасти жизнь, старается убедить меня в том, что виноват во всем я. Черт! Где же Воздушные Спасатели? К этому времени мы уже должны были услышать шум вертолета. Я порылся в кармане рубашки и извлек сигареты и одноразовую зажигалку. В пачке оставалась всего одна сигарета. Я хотел выбросить пустую пачку, но мусорить нехорошо, даже в обществе сумасшедшего во время снегопада. Смяв пачку, я засунул ее обратно в карман, прикурил, глубоко затянулся и убрал зажигалку.

Глаза священника расширились от удивления, но он не замедлил шаг.

— Потрясающе. Ты утверждаешь, что являешься истинным христианином. Будь добр, скажи, когда ты в последний раз исповедовался.

— Примерно три недели назад, святой отец.

— Это давно. Не хочешь ли исповедаться сейчас?

— Что? Здесь?

— Конечно, тихий, темный уголок в церкви — гораздо более подходящее место для исповеди. Но это совсем не обязательно. Самое главное — это то, что в сердце.

События последних дней сильно беспокоили меня. Странно исповедоваться сумасшедшему, но ведь за последние сутки и так произошло немало странного. На дворе сентябрь, я бреду по колено в снегу рядом с этим кротким босоногим человеком, который не ощущает ни малейшего дискомфорта. Разумнее всего было бы остановиться, развести костер, поставить палатку и ждать отряда спасателей. Но этот человек отличался невероятной стойкостью, и я знал, что у меня только два выхода — или остаться с ним, или пойти своей дорогой, но остановить его я не мог. Я решил, что испове-

даться — неплохая идея, и — кто знает? — может, он и вправду священник.

Возможно, не все мои читатели — добропорядочные католики (а может, таковых и вообще нет), поэтому я расскажу о таинстве исповеди. В костеле вывешиваются таблички, где указано время, и обычно священник слушает исповеди несколько раз в день. Если вы чувствуете, что вам нужно исповедоваться, то идете в костел, часто в одиночестве. Обычно перед вами уже есть несколько человек, и вы терпеливо ждете своей очереди, потому что исповедь — глубоко личное таинство. Священник находится в маленькой комнатке, по обе стороны которой еще два закутка, отгороженных ширмами. В свой черед вы заходите внутрь и опускаетесь на колени. Когда священник выслушал человека в кабинке напротив, вы слышите, как перед вами открывается звуконепроницаемый экран, и для начала вы произносите традиционные слова: «Отпусти мне грехи мои, святой отец, ибо грешен я...»

И затем вы изливаете душу суровому священнику, который не имеет права повторить и слова из того, что услышал. Вы рассказываете о своих поступках и помыслах. Вы отвечаете на его вопросы до тех пор, пока оба не доберетесь до истины. Он отпускает ваши грехи и затем назначает вам наказание. Обычно оно состоит в епитимье и прочтении некоторого количества молитв. Хотя в принципе наказание может быть каким угодно, по усмотрению священника. И вы выполняете, потому что чувствуете в этом необходимость — а иначе какой смысл ходить на исповедь?

У католической церкви есть семь таинств. Некоторые — крещение, конфирмация и соборование — случаются в жизни католика лишь единожды. Другие — изредка, но не всегда: венчание и рукоположение. Два проводятся регулярно — исповедь и причастие. Исповедь — не только самое частое таинство, но и, учитывая природу души человеческой, самой важное.

И поэтому, немного подумав, я произнес:

— Да, отец, мне бы хотелось исповедоваться. Отпусти мне грехи мои, святой отец, ибо грешен я. Последний раз я исповедовался три недели назад, и за это время я... — И я поведал ему обо всем, что случилось, придав особое значение событиям последних тридцати шести часов.

Это была самая странная исповедь в моей жизни. Судите сами: я брел в лесу через сугробы, иногда проваливаясь в них по пояс, в обществе босоногого священника. И конечно, она была самой длинной, так как он задавал бесчисленные вопросы, стараясь уточнить каждую, казалось бы, самую незначительную деталь. Когда исповедь завершилась, небо заметно потемнело.

Наконец он произнес:

— Это просто невероятная история, и я не знаю, что все это значит. У меня есть несколько соображений на этот счет. Ты случайно не солгал во время исповеди?

— Что?!

Никто не лжет на исповеди — ведь это же все равно что вожделеть родную мать.

— Я знал, что ты говоришь правду. Тогда есть два других объяснения. Первое — и наиболее вероятное: ты получил сильный удар по голове. В таких случаях часто происходит помрачение рассудка, но это никак не объясняет наличия у тебя таких странных вещей. Другое объяснение заключается в том, что Бог счел нужным сделать что-то необычное. Но кто я такой, чтобы рассуждать о подобных вещах?

Что до твоих грехов, то они совсем не тяжкие. Ты гневался на свою мать, но это вовсе не удивительно для холостого мужчины двадцати восьми лет от роду. Тем более что в конце концов ты все же послушался ее. Ты возжелал девушку, но опять-таки, ты не женат, а она не замужем, и вы не совершили ничего предосудительного. Разочаровавшись, ты напился, но счет оплатил и никому не причинил вреда. Будучи пьян, ты вторгся в жилище хозяев, однако не нанес

ему ущерба. Ты оскорбил рыцаря, но ты не знал подобающего вежливого обращения. И ты плохо подумал обо мне; ты до сих пор убежден, что это у меня помрачен рассудок.

— Отец, пожалуйста!

— Нет-нет! Позволь мне закончить. — Он сделал вдох. — И, возможно, принимая во внимание все эти странные события, ты уверен в своей правоте. Не мне об этом судить. Несмотря на твое странное повествование, несмотря на твой гигантский рост и несмотря на твое необычное облачение, в душе ты очень хороший человек. Я отпускаю тебе твои грехи. Я хочу, чтобы ты понес епитимью, и думаю, что мы сейчас должны опуститься на колени и вознести молитвы Всевышнему.

— Отец, мы же окажемся по пояс в снегу!

— Верно. К тому же небо темнеет и становится холоднее. Сын мой, Господь возьмет нас, когда сочтет нужным, и спасет, когда сочтет нужным. Все, что можем сделать мы, смертные, — это то, что кажется наиболее подходящим в данную минуту.

Итак, дорогой читатель, я встал на колени в снегу, оперся на локти и мысленно прочитал «Символ Веры Апостолов».

Через некоторое время мы вновь продолжили путь.

— Отец, ты сказал правду. Я действительно уверен, что ты сумасшедший. Но должен признать, что, несмотря на это, ты самый святой человек из всех, кого я когда-либо встречал.

— Благодарю, сын мой. Очевидно, ты никогда не встречал по-настоящему святого человека. А вот я однажды встретил Франциска Ассизского, он благословил меня и принял в свой орден. Я вижу, ты устал. Почему ты остановился?

Святой Франциск Ассизский! Сказать, что я удивился, — значит, ничего не сказать. На мне было теплое нижнее белье, плотные джинсы, две пары шерстяных носков, высокие туристские ботинки, толстый свитер, ветровка и пончо.

И мне было холодно. А он был босой, в одной лишь монашеской рясе. Я на две головы выше него, но он шел первым, чтобы расчищать для меня путь.

— Спасибо, отец! Я справлюсь. Что занесло тебя в эту глушь?

— «В эту глушь»! Еще одна интересная фраза. Ответ проще простого. Я был в Риме и получил назначение в Краков. Чтобы добраться из точки «А» в точку «В», нужно пройти расстояние между ними.

— Ну, если ты истинный последователь Эвклида, твой маршрут должен пролегать намного западнее, через Францию и Германию, или по крайней мере севернее, через Моравские ворота, — заметил я.

— Дорога через Германию, может, и легче, но намного длиннее. Разве ты ничего не смыслишь в картах? И потом, тебе следует знать, что император Священной Римской Империи — хотя она вовсе не Римская, вовсе не Империя, и далеко не священная... — так вот, он вовсе не император! В лучшем случае он нечто вроде представителя пестрого лоскутного одеяла немецких городов-государств, которые навязывают свою власть во всех концах христианского мира. Он получил в наследство Сицилию; получил власть над Миланом и Флоренцией и угрожал Его Христианнейшему Величеству королю Франции Людовику IX! По невероятной глупости князя Конрада Мазовецкого немецкие рыцари были приглашены — обрати внимание, приглашены! — в Северную Польшу! И эти так называемые Рыцари Креста теперь убивают бедных диких пруссов целыми деревнями!

Я по незнанию наступил на его больную мозоль, и он говорил без остановки почти целый час. Как выяснилось, император Священной Римской Империи Фридрих II — который также являлся королем Сицилии, Рима и кем-то еще — владел большей частью Италии, а остальное принадлежало Папе Римскому. Они начали войну, и проклятые немецкие купцы на службе у Фридриха II имели невероят-

ную наглость разгромить доблестных христианских рыцарей Папы (которые также были купцами) — вот почему казна оказалась пуста, и некому было оплатить дорогу священнику. Более того, эти немцы тайком, а иногда даже в открытую, вторгались в Польшу, захватывали польские города и основывали монастыри, в которые поляки не допускались.

Мой дядя в 1944 году во время варшавского восстания был подпольщиком. Он ненавидел немцев, но по сравнению с ненавистью этого добрейшего человека, шагавшего сейчас рядом со мной, его ненависть была сродни отвращению к капусте.

Когда мы, наконец, остановились, чтобы перевести дух, я сказал:

— Ты совершенно прав. Я полностью с тобой согласен. Пожалуйста, скажи мне, почему ты не пошел через Моравские ворота?

— Вначале я и собирался пойти этой дорогой вместо того, чтобы взбираться на Бескиды. Я прошел пешком через Италию и попросил, чтобы меня взяли на корабль (я отработал свой проезд), который плыл через Адриатическое море до Фиуме в Далмации. Затем пересек Динарские Альпы в Хорватии — каких-то двадцать миль на карте, но в действительности четыре дня ходьбы. Потом я вновь работал на речном корабле, плывшем по Саве к Дунаю, нашел еще один корабль и поплыл вверх по Дунаю. Я собирался доплыть до Моравы, через ворота, затем вниз по Одеру, через Вислу, и так до Кракова. Это вполне разумный путь. Но оказалось, что судно идет по Вагу, а не по Мораве. Сезон заканчивался, и вряд ли можно было найти другое. Я вспомнил карту: от верховий Вага не более тридцати миль через Татры до Дуная, а оттуда можно добраться в Краков до наступления зимы. Так я и сделал, но переход занял шесть дней. Татры лучше Альп, но намного северней, и я пересекал их на два месяца позже.

Было уже совсем темно. Снег перестал падать, и небо прояснилось. Каждый турист знает, что ясная ночь всегда холодная. Снег начал скрипеть под моими ботинками и босыми ногами священника.

— Ты хочешь сказать, что пересек Татры в одиночку? Босиком? В такую погоду?

Из-за облаков показалась полная луна, и на его лице я увидел то выражение, с которым сам смотрел на толстых автолюбителей. Но он сказал лишь:

— Видишь ли, Бог дает нам свет, а значит, и надежду. Мы пойдем дальше.

Я скатал и упаковал спальный мешок еще днем, когда мы покинули привал, и, все время догоняя этого коротышку, отлично согревался. Но сейчас я начинал замерзать.

— Отец, я собираюсь разрезать спальный мешок — то, что ты назвал моим «одеянием». Одну половину я дам тебе.

— Не порти свои вещи, сын мой, и не надо останавливаться, чтобы распаковывать накидку. Мы скоро найдем укрытие — по запаху чую.

Я не чувствовал никакого запаха, кроме снега и сосен.

— Отец, как тебе это удастся? Как ты можешь ходить босиком по скрипучему снегу?

— Ладно, открою тебе тайну, которая не должна быть тайной. Когда ты чист сердцем, ты обладаешь силой десяти-рых. Конечно, лучше всего, чтобы сердце было чисто от Господней любви, но сойдет и любая другая чистота. Чистая честь или чистая жадность. Чистая ненависть или даже чистое зло. Человека ослабляют только противоречия и внутренние конфликты. Но хватит об этом. Мы кое о чем забыли, а мне скоро придется представлять тебя. Мое имя отец Игнаций Серпиньский.

— Очень рад познакомиться, отец Игнаций. Меня зовут Конрад.

И здесь у меня возникла проблема. Вы должны понять, что я поляк. Все мои деды, прадеды и пращуры были чис-

токровными поляками. Но почему-то моя фамилия — Шварц. А после часовой тирады отца Игнация о немцах я не хотел сообщать ему свою фамилию.

— Просто Конрад? Ну, тут нечего стыдиться. У многих людей одно только имя. Скажи мне, где ты родился?

— В Старгарде.

Старгард — небольшое городишко на северо-западе Польши. Это название появилось в те времена, когда на одном из торговых путей выстроили склад. Затем для защиты склада был построен замок, вокруг которого впоследствии выросло поселение.

— Значит, будешь зваться Конрадом Старгардским. Ну вот, мы и пришли. Эй, вы! Могут ли попросить у вас пристанища два странника-христианина?

Я даже не подозревал, что мы пришли к какому-то жилищу — до тех пор, пока чуть не наступил на него. Оно едва достигало метра в высоту и напоминало горку соломы. Мы услышали внутри какую-то возню.

— В здешних краях часто на зиму роют землянки. Это хорошая защита от холода.

В соломенной крыше появилось отверстие.

— Добро пожаловать, святой отец, и твой друг тоже. Но я могу предложить вам лишь место на полу у огня. Никакой еды, вы же понимаете.

— Конечно, понимаем, сын мой. Ты не был бы праведным христианином, если бы не заботился в первую очередь о своей семье. А о нас не беспокойся, у нас есть пища. Ты дал нам ночлег, а значит — спас наши жизни, иначе мы бы погибли в такой холод. Я — отец Игнаций Серпиньский, а моего друга зовут Конрад Старгардский.

Мы спустились по грубо сколоченной лестнице в прямоугольное помещение, освещенное маленьким костром посередине.

— Я — Иван Тарг. Вот моя жена Мария. Мои сыновья: Сташ и Владислав. Моя дочь, крошка Мария. Тише, мальчики! Уступите место нашим гостям!

Дети отошли в сторону, освободив место примерно в два квадратных метра с одной стороны огня. Я постелил на землю свой дождевик, а сверху раскатал спальный мешок. Потолок был достаточно высоким, чтобы все они могли стоять в полный рост. Мне же пришлось согнуться почти пополам.

Когда мы уселись, я шепнул священнику:

— Я знаю, что нам не предложили ужин. Как по-твоему, мы должны что-нибудь предложить им?

— О да. Это будет очень любезно с нашей стороны. Я как раз собирался это сделать. — Он повернулся к хозяину. — Иван, мы еще раз благодарим тебя за твое гостеприимство и оказанную нам помощь. Ты окажешь нам честь, если пригостишь от нас небольшой знак нашей благодарности.

Его слова, казалось, были установленным ритуалом. Он медленно открыл одну из своих котомок — ту, которая с откидной крышкой, — и вытащил оттуда большой кусок жирной колбасы и кусок довольно зрелого сыра. Ни то, ни другое не было завернуто в бумагу или фольгу. Он вытащил из-за пояса нож и разрезал каждый кусок на две части, а затем убрал две половины обратно в котомку. Остальное же разделил на семь равных частей и раздал каждому — в том числе и себе — по куску колбасы и сыра.

Все ели с удовольствием и кивали в знак благодарности. Несмотря на мой скепсис относительно чистоплотности, я тоже ел. Ритуал есть ритуал, и нельзя оскорблять человека, который помог найти убежище в такой холод.

Теперь, очевидно, настала моя очередь. Я покопался в своих запасах пищи — надо сказать, они уменьшались на глазах, — стараясь найти что-нибудь такое, что можно разделить, но чтобы оно было не замороженное. Наконец я нашел двухсотграммовую плитку шоколада. Развернув ее, я увидел, что плитка поделена на 14 квадратиков — очень удобно. Следуя ритуалу священника, я разломал шоколад на пополам, а затем одну половину на семь равных частей и угостил всех присутствующих.

Я дал один кусочек пятилетнему мальчику, но тот с недоумением взглянул на меня.

Он не знал, что такое шоколад.

В моем мире есть безумцы и есть святые. Есть убийцы и есть люди, которые живут в норах под землей.

Но нет ни одного мальчишки, который бы не знал, что такое шоколад. По крайней мере в двадцатом веке. Я больше не мог противостоять правде, с которой сражался весь день.

— Отец, ты сказал мне, что сегодня двадцать пятое ноября. А теперь, пожалуйста, скажи, какой сейчас год?

Казалось, он уже давно ожидал этого вопроса.

— Тысяча двести тридцать первый от Рождества Христова.

Я подтянул колени к груди, обхватил их руками и склонил голову. Здесь нет ни полиции, ни судов. Нет больниц и врачей. Нет магазинов, нет Туристического Общества, нет Воздушных Спасательных отрядов. Здесь вообще нет никакого спасения. Есть только жестокие рыцари, безумные святые и монголы.

Через десять лет сюда ворвутся монголы и уничтожат всех.

Я погрузился в сон.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

— Боже праведный! Ты хочешь сказать, что один из Команды Исторического Корпуса так опозорился?

Мы смотрели документальную съемку совершенно незаконного перемещения Конрада Шварца. Информацию получили частично из его дневника (который он вел на английском, чтобы сохранить записанное в тайне), частично из распечаток многочисленных жучков-зондов, изначально разработанных для полиции.

Когда поступала информация о преступлении, наша полиция направляла к месту и времени преступления зонды. Они записывали все происходящее, хотя жертве не было от этого никакой пользы. Время — это однонаправленный линейный континуум, и невозможно сделать так, чтобы «что-нибудь не случилось». Если находили труп, значит, человек был мертв, и с этим уже ничего нельзя поделать. Но наши методы способствовали тому, что преступник совершал только одно преступление и всегда оказывался пойманным. Результатом этого метода был поразительно низкий уровень преступности и отсутствие профессиональных преступников.

Зонды с готовностью взял на вооружение Исторический Корпус, в чьи обязанности входило написание истинно точной истории человечества. Именно одна из их команд и потерпела неудачу.

— Не одна, а две. Имели место совершенно дурацкие нарушения правил безопасности в обоих порталах: двадцатого и тринадцатого веков, — сказал Том.

Он был моим собутыльником в ВВС США задолго до начала наших путешествий во времени. Через много лет мы с удивлением для нас обоих узнали, что он мой отец. Также были некоторые проблемы... связанные с моей матерью, которые я предпочитаю не обсуждать. Путешествия во времени имеют некоторые недостатки.

— А мы не в состоянии отправить его назад? — спросил я. — Анахронизмы могут иметь крайне отрицательные последствия, а у нас нет намерения приумножать несчастья человечества.

— Невозможно. Его обнаружили только через десять лет, когда я наблюдал вторжение монголов в Польшу.

— О... — Если Конрада Шварца обнаружили в 1241 году, значит, это установленный факт, вроде трупа, о котором я упоминал ранее. — Значит, мы ничем не можем помочь бедняге.

— Мы не можем отправить его обратно, пока он не проведет здесь по меньшей мере десять лет. Но кое-что мы все-таки можем для него сделать, и я уже сделал. Например, провел деконтаминацию. В тринадцатом веке были не такие болезни, как в двадцатом. В Польше тринадцатого века не знали ни сифилиса, ни гонореи, ни угревой сыпи. И я не заметил, чтобы наш пьяный Конрад принес с собой эти заболевания. Далее, в двадцатом веке исчезла оспа, проказа приняла более мягкие формы по сравнению с прежними временами, а чума стала одной из разновидностей обычной простуды.

«Мерцающий свет», под которым он спал в гостинице «Красные ворота», сделал больше, нежели просто осветил путь из транспортационной капсулы. Он уничтожил в нем все чужеродные микроорганизмы и дал полный иммунитет от всех болезней.

Одно из главных преимуществ перемещений во времени — то, что у тебя есть возможность сделать важные дела. Я провел бóльшую часть своей жизни, помогая строить техническую цивилизацию в 63 веке до нашей эры. Она обеспечивает нас большинством нашего персонала и некоторыми очень сложными технологиями. А также там просто приятно жить.

— Раз уж речь зашла о болезнях, Том, что там у этого священника?

— У отца Игнация? Ничего. С ним все в порядке.

— Но эти огромные ступни в мозолях?

— Это не болезнь. Так обычно выглядят ступни человека, всю жизнь ходившего босиком по камням и снегу.

Голая официантка, улыбаясь, объявила ленч, и мы сделали перерыв.

К часу дня мы вновь вернулись к экрану.

ГЛАВА 3

— Вставай, Конрад! Вставай!

Отец Игнаций тряс меня за плечо. Я находился в темной, вонючей, задымленной хижине с бревенчатыми стенами, земляным полом и соломенной крышей. Я все вспомнил. Босоногий святой. Снег. Тринадцатый век.

— Да-да, отец. Я проснулся. Что случилось?

— Ничего не случилось. Бог счел нужным подарить нам новый день. Как истинные христиане, мы не должны растратить его дар впустую. Пойдем, нам пора отправляться в путь.

— О да. Конечно. — Я начал собирать свои вещи. — Угли еще теплые. Давай приготовим завтрак и попьем кофе перед дорогой.

— Что? Есть сразу после пробуждения? Это привычка лентяев. Пойдем. Я уже попрощался с хозяином, и теперь нужно поторопиться.

Мне всегда почему-то бывает трудно отстаивать свою позицию на голодный желудок, и вскоре мы уже брели на север в тусклом свете зарождающегося дня. По мере приближения к реке Дунаец снега становилось меньше. Мы обнаружили маленькую деревянную пристань, но лодки там не было.

— Зачем же было так спешить, отец? Лодка отплыла без нас?

— Да. Вчера утром, и это была последняя лодка в этом году. Тебе не следовало терять сознание так рано, Конрад.

— Я просто заснул.

— Мне показалось, что ты потерял сознание. Затем я выслушал исповеди наших добрых хозяев — Ивана и Марии, и помолился за их семью. Они сказали мне про лодку.

— Какой нам прок от уплывшей лодки?

— Правильно, уплывшей. Но с командой из двух человек. Рулевой и странствующий поэт — бездельник, бесполезный тип. Несмотря на снег и дождь, уровень воды в реке все еще низкий, и человек шесть было бы лучше, чем двое. Возможно, Бог распорядится так, что мы найдем их севшими на мель и нуждающимися в нашей помощи.

Мы шагали по тропе вдоль реки.

— Что ж, пойдем. Но, по правде говоря, у меня больше нет надобности добираться до Кракова. Моего дома там нет. У меня вообще больше нет дома. Нет матери. Нет работы.

Я чувствовал, что попал в западню, и с трудом сдерживался, чтобы не разрыдаться.

— Мы будем молиться за твою мать, сын мой. Не забывай, что она не умерла, она просто где-то еще. Что же до твоего дома, это всего лишь материальное препятствие, и при необходимости его можно устранить. Ты образованный, здоровый молодой человек — ну, может быть, слегка высоковат, — и тебе будет несложно найти подходящую работу. Я уже упоминал, что у меня есть задание в Кракове. Оно состоит в том, чтобы возглавить отдел переписчиков францисканского монастыря. Мне приказано увеличить число переписчиков и основать хорошую библиотеку. Ты умеешь читать и писать, и ты говорил мне, что знаешь алгебру и Эвклидову геометрию.

Не говоря уже об аналитической геометрии, интегральном и дифференциальном исчислении и компьютерном программировании, подумал я.

— Ты предлагаешь мне работать на тебя в качестве переписчика?

— А почему бы нет? Ты сказал, что твоя предыдущая работа в основном была у чертежной доски. Судя по твоему описанию, это нечто вроде копировального стола.

— Хм. — Мысль о постоянной работе немного взбодрила меня.

Я вырос в стране, где политика правительства основана на в общем-то разумных социалистических принципах. Хотя подобная система и не одобряет чрезмерного обогащения, она все же гарантирует, что обо всех людях будет проявлена забота. А вот из уроков истории я помнил, что в тринадцатом веке правительство позволяло народу — своим соотечественникам — умирать с голоду!

— Мне отчасти нравится твое предложение, хотя есть и некоторые проблемы. Во-первых, я не думаю, что готов принять постриг.

— Я согласен с тобой, сын мой. Ты не готов к такому внезапному решению, но в этом нет надобности. Тебя возьмут в качестве брата-мирянина, и ты не должен будешь давать обет.

— Следующая проблема заключается в том, что я не знаю, справлюсь ли с работой переписчика. Это не совсем то, чем мне приходилось заниматься раньше.

— Я тоже не знаю этого, сын мой, и поэтому мое предложение предварительное и временное — по меньшей мере на зимний период.

— Затем еще вопрос о вознаграждении за мой труд, отец. Каковы расценки за работу?

— У меня нет ни малейшего представления о расценках в Кракове. Когда спрос большой, а переписчиков мало, оплата может быть очень высокой. В любом случае тебе гарантируется крыша над головой и еда в желудке.

— Тогда отлично, отец. Я согласен работать на тебя в течение некоторого времени на твоих условиях.

Снегопад закончился. Небо было ярко-синего цвета, а вечнозеленые деревья немного оживляли унылый ландшафт.

— Вот и замечательно! Я рад, что все устроилось, ведь я беспокоюсь о тебе. Теперь вот что. У меня к тебе тысячи вопросов. Вчера, будучи твоим исповедником, я должен был сосредоточить внимание на твоих грехах. Сегодня же я твой спутник и будущий работодатель, и поэтому имею право задавать вопросы по своему усмотрению. Теперь скажи мне, прав ли я. Ты родился в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году от Рождества Христова?

— Верно, отец.

— В двадцатом веке! Расскажи мне про церковь, сын мой! Папа все еще правит из Рима? Им повелевают немцы?

— Папа главенствует в Ватикане; светская власть не имеет над ним силы. Немцев оттеснили к северу от Альп и к западу от Одры.

— А сам Папа — что с ним? — Священник дрожал от волнения.

— Его зовут Иоанн Павел II, и — тебе это понравится — он, как и ты, поляк, урожденный Кароль Войтыла. Хороший человек и замечательный Папа.

— О, превосходно! Сын мой, твои слова наполняют мое сердце радостью!

Этот необычайно стойкий человек, босиком перешедший через Альпы, молившийся в глубоких сугробах, остановился, и по его обветренных щекам заструились слезы.

Через некоторое время мы вновь пустились в путь до Кракова по дороге вдоль реки.

— А что стало с моим орденом, сын мой? Расскажи мне о последователях Франциска Ассизского.

— С радостью, потому что тебе будет приятно услышать об этом. Основатель известен исключительно как Святой Франциск Ассизский. Орден францисканцев жив и процветает в двадцатом веке. Я был знаком с одним из его представителей и считал этого человека своим другом.

В колледже мы были в одной фехтовальной команде, он хорошо владел саблей, а я частенько побеждал его рапирой.

Игнатий остановился, крепко обнял меня, пригнул мою голову и расцеловал в обе щеки. Я почувствовал себя неловко. В мое время мужчины отказались от древнего славянского обычая целовать друг друга; возможно, потому, что за гомосексуализм хотя и не преследовали, но и не поощряли, и нормальные мужчины не хотели ассоциироваться с другими.

— Я вижу, что обидел тебя, сын мой.

— Нет, все в порядке. Просто со временем обычаи меняются.

— Прости. Что ты еще помнишь?

— О францисканцах? Погоди... Да, я помню, что видел древнюю медную табличку, где говорилось о большой церкви, почти что соборе, которая была построена Генрихом Благочестивым для францисканцев в 1237 году. Эта церковь до сих пор стоит в Кракове.

Он снова хотел обнять меня, но передумал. А затем тихо спросил:

— А я? Ты знаешь что-нибудь обо мне?

— К сожалению, нет, отец. Пожалуйста, пойми, я знаю об этом времени примерно столько же, сколько ты о пятом веке. Если бы ты вдруг встретил человека из того времени, что ты смог бы рассказать ему?

— Ты совершенно прав, сын мой. Прости меня, пожалуйста, за эти расспросы.

— Возможно, ты известен историкам и теологам моего времени.

— А возможно, и нет. Прости меня еще раз. Расскажи мне лучше об удивительных механизмах, которые изобретены в твоем времени. Ты рассказывал о машинах, которые могут летать по воздуху, о кораблях, которые плавают без парусов и весел, и о разных сухопутных механизмах, автобусах и поездах.

Я отвечал на его вопросы, и мы проговорили до утра. Я честно отвечал, однако не сказал ему всей правды. Он не затронул тему Протестантской Реформации, поэтому и я не стал говорить об этом. И с какой стати мне упоминать об инквизиции живому святому? Ведь отец Игнаций был святым. Сильный, умный и по стандартам того времени хорошо образован.

По стандартам нашего времени он мог бы показаться сумасшедшим. Его волновало — да еще как! — сколько ангелов могут танцевать на острие булавки! Для него это предмет серьезного теологического диспута. Также его интересовала анатомия инкубов и суккубов, а кроме того, его беспокоило, можно ли принимать причастие по пятницам, поскольку, согласно неоспоримой доктрине пресуществления, пресная облатка-гостия и вино превращались в тело и кровь Христа. А почему не мясо? Не запрещалось ли мясо по пятницам?

Меня определенно привлекал этот человек, хотя не в том смысле, как меня привлекла та восхитительная рыжая девица в Закопане.

Около десяти часов утра мы начали подумывать об обеде.

— Конрад, сколько у тебя с собой еды?

— На три, ну, может, на четыре дня.

— Это продукты холодной заморозки, которые могут храниться бесконечно долго?

— Сухой заморозки. В основном да. Еще есть конфеты, они тоже долго не портятся.

— Ах да, как раз об этом я и хотел спросить. Что это были за сладости, которыми ты нас вчера угощал?

— Это называется шоколад.

— Необычайно вкусно. Если бы ты умел его делать, то заработал бы огромное состояние, и тебе не пришлось бы становиться переписчиком книг.

Просто невероятная идея! Конрад Шварц, капиталистический кондитер! Эксплуатирующий детей и женщин, гну-

ших спину на шоколадной фабрике!.. Но надо же как-то зарабатывать на жизнь. Из чего вообще состоит шоколад? В основном из молока, сахара и какао-бобов, не так ли? Какао-бобы привозят из Южной Америки. Или из Индонезии? Надо бы уточнить.

Нет, не буду уточнять, потому что это просто невозможно. Я ведь в тринадцатом веке, а в эти времена хорошая библиотека состояла из Библии, пары молитвенников и тома Аристотеля.

— Нет, отец. Это невозможно. Нужны специальные бобы, которые не растут в этих краях.

— Очень жаль. Тогда побереги остатки; возможно, шоколад понадобится тебе, чтобы произвести впечатление на высокопоставленного покровителя. Предлагаю сегодня на обед доесть мой сыр и колбасу, а твои припасы оставить на черный день.

С этими словами Игнаций вытащил остаток колбасы весом примерно с килограмм. Вначале он решил разрезать его на два равных куса, однако, немного поразмыслив, разделил пропорционально нашему росту и дал мне кусок побольше. Через полчаса он проделал то же самое и с сыром. Священник отказался останавливаться на привал, и потому мы ели на ходу.

И вновь у меня возникли сомнения по поводу пищи, но теперь я жил в тринадцатом веке, нужно привыкать к подобным вещам. Священник похлопал по своей опустевшей котомке.

— Вот и кончились мои венгерские припасы.

— А что у тебя во второй сумке, отец? Смена белья?

В первый раз с начала нашего знакомства я услышал его смех.

— Ах, Конрад, я знал, что ты преувеличиваешь мои способности путешественника, и я признаюсь, что испытываю необоснованную гордость по этому поводу. Но нет, я бы не понес ничего лишнего через Высокие Татры, не говоря уже об Альпах. А в котомке мой подарок новому аббату. Здесь у

меня том Эвклида, полное собрание Аристотеля и Птолемея на латыни, «Поэма о Сиде» де Бивара в моем собственном переводе на польский, а также письма. Три дюжины писем, притом одно из них от Его Святейшества, Папы Григория IX! Так что мы не должны мешкать в дороге.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет ничего, кроме этой рясы? Ведь мы, возможно, доберемся до Кракова не раньше, чем через несколько недель.

— Ты чересчур беспокоишься о материальных вещах. Мы поедем в Краков и будем там через пять дней; в пути нас хорошо накормят. Я чувствую это по запаху.

Я же не чувствовал ничего. Снегопад усилился. Я погрузился в молчание.

Примерно в два часа пополудни мы услышали приближение лодки. Из-за кустов донесся чей-то высокий голос:

Несмотря на дождь и снег
В реке все еще мало воды.
До Кракова эта лодка не доплывет.
Давайте посеем зерно и посмотрим,
как оно будет расти.

Ну как тебе, брат рулевой? Звучит неплохо, как ты думаешь?

— Я думаю, что если мы не сдвинем лодку с камней, то к утру покроемся льдом и проведем здесь всю зиму. Единственное, что порадует меня, — что ты будешь умирать от голода вместе со мной. А теперь тяни за веревку, болван!

— Что? Умереть с голоду, сидя на сотне мешков с зерном? Нет, такое не придет в голову даже поэту. Посмотрим...

Умирая с голоду на куче зерна,
Я увидел проплывающую мимо девушку.
Она сказала...

— Заткни свою пасть и тяни!

— Эй, друзья! — крикнул отец Игнаций.

— Кто здесь?

— Добрый христианский священник и добрый христианский рыцарь идут к вам на помощь!

Продираясь к реке через кустарник, я шепотом спросил:

— Что ты имел в виду, назвав меня рыцарем? Меня же никто в рыцари не посвящал.

— И несомненно, тебе это совсем не нужно. Но ты же офицер, не так ли? А кроме того, подданный короля? Это примерно то же самое, что и рыцарский титул.

— У нас нет королей! Мы сами выбираем правительство, которое...

— Великолепная политическая система. Но, пожалуйста, не говори им ничего о будущем. Это может их напугать. Если начнут задавать вопросы, скажи, что ты испанец.

— Со светлыми-то волосами?

— Почему бы нет? У многих испанцев светлые волосы. Или лучше скажи, что ты англичанин. Ты вполне можешь сойти за англичанина.

Я не успел ничего сказать в ответ, потому что мы выбрались из кустарника на каменистый берег. На середине реки между двух камней крепко застряла лодка. Она была около восьми метров в длину и примерно три в ширину, с заостренными носом и кормой. Стройный юноша в ярком одеянии, по пояс мокрый, пытался вскарабкаться на борт лодки. Его спутник, в мокрой серой тунике, стоял на корме и смотрел на нас. В левой руке у него был лук со стрелой наготове. Мне показалось, что он как-то странно его держит.

— Убери свое оружие, лодочник! Мы не причиним вам вреда! — Отец Игнаций высоко поднял котомку с книгами и ступил в воду.

Я снял рюкзак, поднял его над головой и последовал за священником. Вода была ледяной! Я готов поклясться перед судом, что температура воды достигала минус 10 градусов, но там не было никаких судов. Мои ноги онемели от холода, прежде чем я добрался до лодки. Отец Игнаций по-

ложил свои торбы на дно лодки, а затем вскарабкался сам. Я сделал то же самое.

— Добрый день, лодочник! Я — отец Игнаций Серпиньский, а этот рыцарь — пан Конрад Старгардский.

— Добрый день вам, святой отец и доблестный пан рыцарь. Меня зовут Тадеуш Колпиньский, и я к вашим услугам.

— Рад познакомиться, Тадеуш Колпиньский. Мы держим путь в Краков. А куда направляетесь вы?

— И мы туда же, отец. Вниз по реке Дунаец, а затем вверх по Висле. Всегда готов взять пассажиров, которые заплатят за проезд. Это мой девиз, господа. — Про поэта он вообще не упомянул.

— Видишь ли, мы ограничены в средствах. — Отец Игнаций присел на мешок с зерном и продолжал: — Пан Конрад, мы говорили о Святом Августине. Итак, в «Граде Божьем»...

— Но, отец, — сказал Тадеуш. — Мы находимся в затруднительном положении...

— И ты полагаешь, что мы поможем тебе. Нас это устраивает, остается лишь договориться об оплате.

— Ах, отец, я человек щедрый, и если вы будете сопровождать меня до Кракова, я дам вам пищу и буду полагаться исключительно на вашу щедрость.

— Тот, кто работает, сам заслуживает оплаты. Мы трудолюбивые, но бедные. Мы ведь можем добраться до Кракова и пешком, избавив себя от необходимости таскать твои мешки с зерном. Может, остановимся на еде и шести серебряных монетах на человека в день?

Тадеуш чуть не подавился.

— Пожалуйста, пойми, отец, я не богат, и мне нужно кормить жену и пятерых детей. Вы же не будете отнимать у них кусок хлеба, тем более что надвигается зима. Пусть будет одна монета.

Спор продолжался еще минут двадцать. Лодка висела между камнями, а мы продолжали сидеть в ней. Я понял, что этим людям будет трудно привить рациональные соци-

алистические принципы, и что если я хочу выжить, мне нужно многому учиться. Я задумался о технической стороне дела.

В конце концов они остановились на кормежке и трех монетах в день. Позднее я выяснил, что это была отличная оплата для опытного лодочника, каковым я, в отличие от отца Игнация, не являлся. Он повернулся ко мне и спросил:

— Ну что, пан Конрад, вы решили нашу проблему?

— Кажется, я знаю, что можно сделать. У вас есть блок и веревка? Нет? Значит, надо постараться применить силу. Мы все заходим в воду и пытаемся стянуть лодку с камней.

Именно это и собирался сделать Тадеуш, поэтому возражал только поэт. Поскольку было решено не принимать во внимание его мнение, все мы полетели за борт. Первым — не без посторонней помощи — полетел поэт. Вернее, отец Игнаций был уже в воде, когда стоявший между лодочником и мной поэт собирался что-то возразить в стихотворной форме. Лодочник взглянул на меня, и я кивнул. Мы схватили рифмоплета и швырнули в воду.

Я замерзал. Мы пытались поднять лодку спереди, но она не поддавалась. Затем пробовали тянуть сзади — тоже никакого результата. Мы раскачивали лодку. Трясли ее — все равно не помогало. Лодка застряла намертво.

Дрожа от холода, мы вновь забрались в лодку.

— Ничего не помогает, — сказал я Тадеушу. — У тебя есть длинная веревка? И какой-нибудь жир?

— Есть нутряное сало и тридцать саженей крепкой веревки.

— Хорошо. Дай мне сало и привяжи веревку к задней части лодки.

— К корме.

Яхтсмены везде одинаковы. Они привыкли к своему дурацкому жаргону.

— Да, к корме. Я сейчас вернусь.

Примерно в полусотне метров вверх по течению я заметил закругленный вертикальный камень. Сойдя с лодки, я

зашагал по воде по направлению к нему. Черт, ну и холодная же вода! В реке плавали маленькие кусочки льда. Камень оказался именно таким, как нужно — округлым с одной стороны и немного вогнутым с другой. Я основательно намазал его жиром и обвязал веревкой. Затем намазал жиром около десяти метров веревки от камня до лодки и туго ее натянул.

Лодочник прыгнул в воду и крикнул:

— Отлично! А теперь все выходим на берег!

— Что ты делаешь? — завопил я. — Забирайтесь обратно в лодку!

— Что ты хочешь этим сказать? Нам же нужно стянуть лодку с камней!

— Да, но мы будем тянуть, находясь в лодке.

— Но это же просто глупо, пан рыцарь! К весу лодки добавится еще и наш вес, а значит, тянуть будет труднее.

— Верно, но наш вес ничтожно мал по сравнению с весом лодки и мешков. А если мы внутри лодки, то удваиваем нашу силу. Будь разумнее. Делай, как я предлагаю.

— Ладно! Попробуем сделать по-твоему, чтобы ты понял бесполезность своей затеи.

Я передал веревку отцу Игнацию, и мы забрались в лодку.

— А что, по-твоему, нам делать, если это не сработает? — спросил лодочник.

— Если ничего не получится, мы начнем переносить мешки на берег. А затем попробуем еще раз. Если сработает, потом заново загрузим мешки в лодку.

— На это уйдет несколько дней! И мы потеряем половину зерна — ведь мешки могут упасть в воду.

— Знаю. Поэтому вначале попробуем сделать так, как я предложил. Построились, друзья! Тяните!

Лодка сдвинулась с места, сначала на сантиметр, затем на два, затем на десять. Сдвинувшись с камней, лодка легко заскользила. После десяти метров лодочник обмотал веревку вокруг кормы и побежал на нос лодки.

— Она не набирает воды!

Вскоре мы убрали веревку и отправились в путь.

Я заметил, что помимо обычных уключин по бокам лодки, на носу и корме располагались дополнительные уключины. Их назначение стало понятно, когда Тадеуш вставил в них весла. Сам он взял кормовое весло, а отца Игнация отправил на нос. Этими веслами обычно выгребали в сторону, чтобы не наткнуться на подводные камни. Как только лодочник удостоверился, что все в порядке, он жестом позвал меня к себе.

— Наш добрый священник хорошо знает свое дело. Что же касается тебя, пан рыцарь, ты умеешь отлично управлять лодкой, давненько мне не приходилось видеть ничего подобного. Надеюсь, ты примешь мои извинения за грубость.

— Не беспокойся. Нам всем пришлось лихо. Я принимаю твои извинения, пан лодочник.

— Конечно, пан Конрад. Я хочу выяснить, почему ты говоришь, что мы тянули вдвое сильнее, стоя в лодке, чем если бы стояли в воде.

— Были бы у меня карандаш и бумага...

— Что?

— Что-нибудь, чтобы я объяснил с помощью рисунка. Мы тянули не вдвое сильнее. Посмотри на это с точки зрения лодки. Мы тянули веревку, так ведь? И в то же время толкали лодку ногами. Ясно?

— Да.

— А еще вокруг камня была обвязана веревка, и она тоже тянула лодку.

— Значит, мы одновременно и тянули, и толкали лодку? То есть делали двойную работу?

— Нет, не совсем так. Когда мы тянули веревку, то сумели подтянуть лодку только на четверть сажени. Силу мы приложили большую, но расстояние преодолели меньшее.

— Значит, то на то и вышло.

— Не совсем. Некоторая часть силы утратилась при трении веревки о камень. Было бы лучше, если бы мы могли поставить на камень колесо.

— Ты хочешь сказать, что-то вроде лебедки?

Интересно, как же мог он, явно неглупый человек, знать о веревках и лебедках, но не иметь ни малейшего представления о механических преимуществах?

— Да, что-то вроде лебедки. Ты не будешь возражать, если я сниму свою одежду? Я просто ооченел.

— Делай, что пожелаешь, пан Конрад. — С его одежды вода стекала на дно лодки и замерзала там.

Я ничем не мог помочь ему, но было бы глупо самому оставаться в дискомфорте без какой-либо выгоды для других. Я взял рюкзак и вытащил оттуда свои кроссовки, легкие брюки, запасные носки и нижнее белье. Быстро переодевшись, я разложил мокрые вещи на мешках с зерном. Практически вся моя одежда была мокрой.

Я разобрал свое снаряжение. Легкий бинокль с двадцатипятикратным увеличением. Швейцарский офицерский нож. Маленький топорик. Хороший охотничий нож с одним лезвием в кожаных ножнах. Фляжка. Помятый котелок. Компас. Запас еды на несколько дней. Спальный мешок. Порванный рюкзак. Набор для шитья. Аптечка первой помощи. Огарок свечи. Несколько монет, которые, возможно, чего-то стоят. Несколько банкнот, которые, кажется, не стоят ничего. Разбитый фонарик я выкинул за борт. С этими вещами — единственным, что мне принадлежало в этом мире, — я должен был столкнуться лицом к лицу с жестоким тринадцатым веком.

Я разложил все это посушиться.

На дне рюкзака я обнаружил пакетики с идиотскими семенами. Рыжая обманщица! Казалось, это было много лет назад, а не позавчера.

ГЛАВА 4

После полудня плыть по реке становилось все интереснее и интереснее. Я радовался, что у руля опытные люди, и только благодаря им мы умело проходили камни и пороги.

Я забрался под свой спальный мешок — он все еще был мокрым — и рассматривал окружающую местность — довольно живописный ландшафт. Река Дунаец течет через Пенинские горы, и друг друга то и дело сменяли величественные пейзажи с белыми мраморными скалами, торчащими среди соснового леса, а временами попадались поляны, на которых овцы щипали траву.

На склоне горы с тремя вершинами возвышался замок. Я полез в рюкзак за биноклем.

— Это Пенинский замок! — закричал лодочник. — Пенинский замок!

Однажды я пошел на экскурсию по его развалинам. Сейчас же на башнях красовались «шутовские колпаки», а подвесной мост был цел и невредим. Здесь укрылся — то есть будет укрываться — король Болеслав Трусливый после того, как хан Батый разгромит его в битве при Хмельнике, и Польша окажется открытой для монгольских завоевателей. Это было — будет — весной 1241 года, через девять с половиной лет.

— Что это ты держишь перед глазами? — спросил Тадеуш.

— Бинокль. С его помощью предметы кажутся ближе. Вот, посмотри.

— Позже, пан Конрад. Сейчас я занят.

Он и вправду был занят, ведя перегруженную лодку через пороги и перекаты. Я с ужасом ждал своей очереди на веслах.

Уже в сумерках он, наконец, сказал:

— Самое худшее позади. До завтрашнего утра плыть будет легко. Святой отец, передай свое весло поэту. Пан Конрад, бери мое весло. Веди лодку посередине реки, и у тебя все получится.

Через полчаса было уже темно, мы тихо проплыли мимо замка Сац. В замке не горели огни, и мы не видели людей.

Я вновь оделся в теплые вещи — одежда немного подсохла и была лишь слегка влажной. А вот сидевший на носу лодки поэт все еще дрожал от холода. После купания в ледяной воде он не проронил ни слова, и я почувствовал к нему жалость. Я понял, что отнесся к нему предвзято. Никогда раньше мне не приходилось встречать бродячих поэтов, но такой тип людей мне знаком. Он был точно такой же, как представители «потерянного поколения», хобо, битники, хиппи и — кто там теперь сейчас? — кажется, панки. Приблизительно раз в десять лет они начинают говорить на еще более странном сленге, одеваться в другую «униформу» и заявляют, что мы конформисты, а они делают что-то новое и удивительное.

Группировки, которые каждое десятилетие меняют свое название, имеют на это определенные причины. Люди обнаружили, что они самые обыкновенные бездельники и лоботрясы, и им требуется новая маскировка. Вот, например, я славянин, и горжусь этим. Это слово имеет древний корень со значением «слава», но в течение первого тысячелетия западные европейцы поработили так много славян, что во многих языках это слово обозначает «раб». Обиднее про-

сто не бывает. То есть получается, что мы — люди без чувства собственного достоинства, вроде черных американцев, которые постоянно меняют собственное имя, словно стараются смыть с себя позорное пятно. Нет, мы не такие. Попробуйте заставить еврея называть себя как-нибудь по-другому. Та же самая история.

Тем не менее поэт не был виноват в собственной бесполезности. И поэтому когда мы сделали перерыв — поглотив изрядное количество овсяной каши и пива, — я присел рядом с ним.

— Эй, дружище, прости меня за то, что кинул тебя в воду. Просто иногда не следует спорить.

— Все в порядке, пан Конрад. В погоне за музыкой приходится привыкать к обидам.

— Да... Послушай, это вся твоя одежда?

— Да, все, что на мне. Больше ничего нет.

Бродяга был одет в дешевые красные брюки и тонкую желтую куртку с декоративными пуговицами, протертую на локтях. Также на нем была рваная рубашка — очевидно, когда-то бывшая белой. От башмаков остался только верх — подметки уже совсем истоптались. На голове шляпа с кривым лебединым пером. Он был такого же роста, как и остальные мои спутники, но если те были крепкого телосложения, то поэт напоминал костлявую девочку-подростка. Если бы он не дрожал от холода, то являл бы собой удивительное зрелище.

— Может, я одолжу тебе что-нибудь?

Я вытащил смену белья и носки. Рубашку и брюки. Кроссовки и дождевик.

— Ты в этом утонешь, но по крайней мере тебе будет тепло.

— Премного благодарен, пан Конрад. Только, прошу, ничего не говори о воде. В этом году я уже достаточно наплавался.

Моя одежда была велика этому юноше на несколько размеров. Его просто поразили застежки-молнии и эластичная ткань. Смутили и пуговицы.

Я был в недоумении. Его куртку украшали бесчисленные пуговицы, но он не знал, что такое петля. Зачем же тогда пуговицы, если нет петель? Вправду ли я в тринадцатом веке, или же мне снится дурацкий сон?

Мои кроссовки пришлось поэту как раз впору. В те времена у всех, что ли, были большие ступни?

Когда я его приодел, он перестал походить на клоуна. Теперь он напоминал бездомного подростка-оборванца.

Мы вернулись к веслам, и Тадеуш тихо сказал мне:

— Пан Конрад, ты слишком добр для этого мира.

— Он ведь еще ребенок.

— Ему только дай возможность — и этот ребенок обчистит тебя до нитки.

— Посмотрим. Сколько должна длиться моя вахта?

— Шесть часов. Осталось четыре. Сейчас полнолуние, река спокойна, поэтому ничего не должно случиться. Если что — буди меня.

Еда и тепло взбодрили юношу, и вскоре он начал рассказывать о себе и своей жизни. Его звали Роман Маковский. По тем временам он был неплохо образован. Он посещал Парижский университет.

Однажды на одной из парижских улиц зарезали студента, а городской совет оставил это происшествие без внимания. Студенты, обвинив купцов, в знак протеста подняли бунт, сосредоточив свое внимание в основном на винных лавках и тавернах. Вызвали стражу, но пьяные драки не прекращались. В конце концов для установления порядка свои силы применила королевская охрана. Двести студентов, включая Романа, угодили в тюрьму, а университет на год закрыли.

Отец Романа, экономивший на всем, лишь бы только платить за обучение сына, ничуть не удивился. Он заплатил

за освобождение Романа, а затем лишил его наследства и выгнал из дома.

Роман был безумно влюблен в трех разных девушек, причем чувства его были чисто платоническими. Он бродил по миру в поисках Истины, и душа его была незаживающей раной. В общем, типичный юноша.

В конце концов лодочник приказал ему заткнуться.

Тадеуш хранил свой лук и стрелы рядом с кормовым веслом. Лук был огромным, выше самого лодочника, и толщиной в руку. Я долгое время не мог понять, что же в этом луке странного.

Тадеуш был правой, и упор для стрелы тоже располагался справа, а не слева, как обычно. Добротно сделанные стрелы, более метра длиной. Я выше Тадеуша на голову, но могу стрелять только 82-сантиметровой стрелой.

На следующее утро, когда снова была моя очередь грести, я увидел этот лук в действии. Кажется, в тринадцатом веке два приема пищи в день — вполне нормальное явление, и я привык плотно завтракать. Лодочник опустил за борт рыболовную леску, и я надеялся, что нам не придется слишком долго ждать улова.

— Тихо, — прошептал Тадеуш.

Он взял свой лук и продел большой палец правой руки в кожаную петлю. В мгновение ока натянул лук и приладил стрелу.

Но вместо того, чтобы натянуть тетиву нормальным способом — первыми тремя пальцами правой руки, лодочник воспользовался только большим пальцем. Это дало ему поразительно длинный размах. Он поднял лук на тридцать градусов и выпустил стрелу.

Меня настолько заинтересовала его манера стрелять, что я только через несколько секунд задумался, во что же он, собственно говоря, стреляет. Может, на нас хотят напасть? Я осмотрелся, но в пределах досягаемости так ничего и не

заметил. Затем вдруг в прибрежных кустах, примерно в трех-стах метрах вниз по течению, раздался громкий звук.

Тадеуш жестами позвал нас, и мы подгребли к берегу.

— Какой интересный лук, — сказал я. — Какого он типа?

— Станный вопрос из уст англичанина, — ответил Тадеуш. — Это английский длинный лук. Я купил его у торговца деревом.

После недолгих поисков мы обнаружили оленя со стрелой аккурат посередине лба. Поразительно. Я бы не смог произвести такой выстрел даже из ружья с оптическим прицелом.

— Ну, панове, — сказал лодочник. — Теперь у нас будет кое-что повкуснее овсяной каши. Тащите его на лодку! И поживее!

Как только мы перетащили тушу в лодку, я обратился к Тадеушу:

— Это был самый точный выстрел из всех, что мне доводилось наблюдать.

— Благодарю, пан Конрад, но многое зависит от удачи. А теперь еще немного удачи, и все будет вообще замечательно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Где находится здешний барон, зависит от того, на кого он сейчас охотится. Если он ловит браконьеров, то вешает их.

— А сообщников тоже вешает?

— Это зависит от его настроения. — Глаза Тадеуша хитро блеснули.

Юноша упал в обморок.

Я полагаю, что низкорослость людей того времени во многом обусловлена недостатком витаминов. Мои спутники с жадностью набросились на внутренние органы оленя. За следующие три дня они съели практически все без остатка, за исключением глазных яблок и содержимого кишечника.

ника. Когда я попросил филейный кусок, а не вареное легкое, они приняли меня за сумасшедшего, но просьбу мою выполнили. Также я предпочел отбивные мозгу.

К вечеру мы доплыли до Вислы и привязали лодку на ночь. Пока что наше путешествие вниз по течению серьезных сложностей не доставляло, за исключением порогов. Но до Кракова пришлось плыть вверх по течению, и следующие три дня прошли в трудах. Мы не нашли мулов, хотя мне кажется, что Тадеуш и не прикладывал особых усилий в поисках.

Поэтому мы изображали «бурлаков на Волге». Трое из нас шли по берегу с веревками через плечо, а один оставался в лодке.

Это была изнурительная работа. В какой-то момент в лодке оказался поэт, Тадеуш с луком за спиной шел впереди меня, а священник — сзади.

— Тадеуш, — сказал я. — Если ты хочешь, чтобы мы работали как лошади, обеспечить нас лошадиными хомутами.

— Что ты имеешь в виду?

— Видел мой рюкзак? Сделай что-нибудь в этом роде, с лямкой на груди. А веревку привяжи сзади, и тогда по крайней мере руки будут свободны.

Тадеуш задумался над моим предложением.

— А если нужно будет срочно отпустить веревку?

— Завяжи ее свободным узлом.

— Хм. Неплохая идея, пан Конрад. В следующий раз постараюсь соорудить такое приспособление. Может, тогда присоединишься ко мне, чтобы посмотреть, как оно работает?

— Нет, спасибо.

День клонился к вечеру, и за исключением крошечной деревушки в месте слияния Дунайца и Вислы, мы за весь день не увидели ни одного поселения и ни одного человека.

— Просто поражаюсь, как безлюдна эта страна, — сказал я.

— Люди здесь есть, — ответил лодочник, — однако река слишком открыта и слишком опасна. Народ живет в лесах в маленьких укрепленных поселениях, которые защищают один-два рыцаря.

— Чего же они боятся?

— Разбойников. Волков. Но в основном других рыцарей.

— А почему правительство не сделает что-нибудь?

— Правительство? — Он плюнул от негодования. — В Польше нет правительства! В Польше есть дюжина мелких князей, которые только и делают, что спорят друг с другом, вместо того, чтобы защищать страну. Польша — это страна, где нет короля! Последний король Польши умер сто лет назад, разделив страну между своими пятью сыновьями, чтобы у каждого было свое игрушечное королевство! А затем каждый из них стал дальше делить свои владения, чтобы не обделить своих детей. Хоть кто-нибудь из них подумал о стране? Нет! Они поступили со страной как с мешком золота, владелец которого мертв, и нужно поделить золото между наследниками.

— Ты рисуешь слишком мрачную картину, пан лодочник, — сказал отец Игнаций. — Существует сильное движение, стремящееся к объединению страны. Хенрик Бородатый сейчас владеет всей Силезией, а также Западной Померанией, половиной Великой Польши и большей частью Малой Польши. Его резиденция в Кракове и — помяните мое слово — юный Хенрик будет нашим следующим королем. Я чую это.

— Думаешь, династия Хенрика сможет править? Разве Бородатый поступает как король? Когда Конрад Мазовецкий попросил его о помощи в борьбе против прусских завоевателей, согласился ли Хенрик? Нет! Он был слишком занят политическими интригами, чтобы помочь другому польскому князю, и тогда князь Конрад взял да и пригласил проклятых Рыцарей Креста. Они заняли столько же польских земель, сколь-

ко и прусских! Все равно как приглашать волков, чтобы избавиться от лисиц!

— Но, Тадеуш, политика — это неотъемлемая часть объединения страны. По крайней мере польские князья никогда не воюют друг с другом, чего нельзя сказать об английских, итальянских или французских.

— Нет, они предпочитают засады, яд, ну и изредка убийство. А с Рыцарями Креста будет война — вот увидите!

С этим утверждением никто и не собирался спорить, посему разговор на некоторое время прекратился.

В тот вечер после ужина мы с отцом Игнацием сели в стороне от остальных наших спутников.

— Знаешь, отец, я был в гостинице. Значит, оно находилось именно там.

— Что было в гостинице, сын мой?

— Гостиница «Красные ворота», на дороге возле Закопане. Наверное, я попал в прошлое, когда спал в гостинице. Эти двойные стальные двери кладовки... Наверное, я находился в чем-то типа машины времени.

— В двадцатом веке делают машины времени?

— Что? Нет. Конечно, нет. Но разве ты не понимаешь? Если у них была машина времени, значит, они могли быть из любого века.

— То есть ты полагаешь, что твое пребывание здесь — результат действия какого-то механизма, а не Божья воля?

— Отец, Божьей волей может быть что угодно! Бог может делать все, что захочет, но я могу рассматривать этот мир единственным известным мне способом — как инженер. Думаю, что я должен вернуться в ту гостиницу. Может, там я найду ответ.

— Сын мой, во-первых, твои слова близки к богохульству. А во-вторых, в это время года ты просто не сможешь проделать обратный путь вверх по реке Дунаец. Ты замерзнешь насмерть, не пройдя и полпути. Я бы никогда не отва-

жился на такое, разве только по указу Папы. Тогда бы я пошел, зная, что меня канонизируют как святого мученика.

— И все же я должен попробовать.

— Ты можешь верить в машины, сын мой, а я верю в Бога. Я думаю, что на твое пребывание здесь есть причина, и полагаю, что тебе следует ее выяснить.

— Но...

— И потом, мы же договорились с лодочником доставить его зерно в Краков. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что лодка с зерном — единственное его богатство. Если лодка замерзнет в реке, он погиб.

Некоторое время мы сидели молча.

— Отец, если ты так заботаешься о лодочнике, почему тебя не беспокоит участь юноши? Тадеуш из тех людей, кому почти все беды нипочем. Но судя по тому, что он рассказывал о Кракове, поэт вряд ли доживет до конца зимы.

— Сын мой, существует большая разница между честным работающим человеком и бродячим поэтом. Ты не знаешь таких людей? Главное для них пьянство и разврат. Они поднимают на смех церковь и глумятся над общественным порядком.

— Нет же, он всего лишь заблудший юноша. Думаю, ему надо дать шанс, и он встанет на путь истинный.

— Дать ему шанс? Что ты имеешь в виду?

— Дать ему работу! Он неплохо образован. Он учился в Парижском университете. Говорил, что он не только поэт, но и художник. Если тебе нужны переписчики, из него выйдет больше толку, чем из меня.

— Ты и вправду думаешь, что я впущу его в монастырь?

— Я знаю, что впустишь.

— Знаешь? Ты читал об этом в исторических книгах?

— Нет, отец. Скажем так, я чувствую это.

— Ладно, я подумаю. Но ничего обещать не могу. А вот тебя попрошу кое о чем. Обещай хранить молчание. Ты не должен никому говорить — слышишь, никому! — что ты

явился из будущего. Я позволяю тебе сочинить правдоподобное объяснение и рассказывать эту историю всем, кто будет задавать вопросы. Истинное положение обсудит Святая Церковь, но до тех пор, пока не принято решение, ты должен хранить молчание.

— Почему, отец?

— Как почему? Ну, во-первых, потому что я — твой духовник, и я говорю тебе сделать так. Во-вторых, ты представляешь, какие противоречия вызовут твои заявления? Тебе не дадут покоя сотни, а может, и тысячи желающих узнать свое будущее. Не исключено, что какой-нибудь сумасшедший объявит тебя новым мессией. Другие наверняка сочтут тебя исчадием Дьявола и потребуют твоей казни. Ты и вправду хочешь стать объектом такого внимания?

— Боже праведный! Нет, отец, конечно, нет!

— Тогда ты дашь клятву?

— Да, отец. Но какое отношение к этому имеет церковь?

— Самое непосредственное! Я должен отправить своему начальству полный отчет об этом деле. Я уверен, что мой отчет с их аннотациями в конце концов достигнет Ватикана и попадет в руки самому Папе. Вероятно, он отправит сюда своих представителей для выяснения обстоятельств. Затем они сообщат обо всем Папе, и в конечном итоге будет принято решение.

— Решение? Какое?

— Какое? Разве ты не понимаешь, что, возможно, являешься орудием Божьим, посланным по какой-то определенной причине?

— Я не ощущаю себя орудием Божьим.

— Твои ощущения ничего не значат.

— Хм... А как долго будет продолжаться процесс принятия решения?

— Может быть, два года, а может, и десять. Но пока оно не принято, ты не должен это обсуждать. Мне нужна твоя клятва молчания.

— Что конкретно я должен сделать?

— Становись на колени и повторяй за мной...

Я сделал все, как он просил, и произнес длинную клятву. Очевидно, отец Игнаций уже давно думал об этом. Я держу эту клятву, но в ней ничего не говорилось о том, что нельзя вести секретный дневник на языке, который в тринадцатом веке никто не мог прочитать.

Перед сном я обратился к отцу Игнацию:

— А что, если Церковь не сочтет меня Божьим орудием? Вдруг она решит, что я — орудие Дьявола?

— Я надеюсь, что в таком маловероятном случае, сын мой, ты подчинишься приказу церкви.

Уснуть после такого разговора оказалось делом нелегким.

ГЛАВА 5

На следующее утро, как только рассвело, мы начали тянуть лодку. Дорога вдоль берега Вислы плохая. Она пролегает через бесконечные хребты и сотни ручьев. Каждые несколько часов нам приходилось забираться в лодку и грести против течения мимо устья ручья или болота, где нельзя пройти пешком.

Но все же тянуть легче, чем грести, поэтому мы медленно шагали вперед с веревками за плечами.

Размышляя об этом, я никак не мог понять, как такую работу могли выполнять мулы.

— Летом вода выше, она покрывает заболоченные места, — объяснил Тадеуш.

— Разве вы не можете как-то улучшить эту дорогу? Несколько тысяч человеко-часов работы, какие-нибудь маленькие деревянные мосты, и наши труды вполовину сократились бы.

— Говорили, что гильдия лодочников просила феодалов сделать что-нибудь в обмен на дань, которую мы готовы уплатить, но ничего не вышло. Другое дело в городе, где народ более сплоченный, а на реке мы слишком разобщены. Некоторые работают на коротких перевозках между двумя точками. Другие — на длинных. Третьи, как я, доставляют товар туда, где можно заключить соглашение или хорошую сделку. Как же гильдии работать по всей Висле, со

всеми ее притоками? Я уже восемь лет здесь плаваю, но до сих пор не знаю половины людей, у которых есть собственные лодки.

— Разве правительство не может ничего сделать?

— Черт возьми! Я же говорил тебе — здесь нет правительства!

Некоторое время я молчал.

— А что там насчет дани? Я не заметил, чтобы ты кому-то платил.

— Ты спал, когда они поймали нас в Войнице, что на Дунайце. Я пытался проскользнуть ночью, как в Саце, но в это время года на реке так мало движения, что они обычно не выставляют сторожевую лодку, и я боялся, что если мы потеряем время, то река может замерзнуть. За следующим поворотом Бржеско, и нам придется там тянуть лодку. Они точно нас поймают.

На высоких каменных стенах Бржеско стояли два арбалетчика в кольчугах, рядом с ними напыщенный чиновник, который добрую четверть часа торговался с лодочником, прежде чем они сговорились на двадцать одной гривне.

Я никогда раньше не видел настоящего замка. Хотелось его исследовать, но Тадеуш воспротивился.

— С них хватит того, что мы заплатили. Не дадим обогатиться их постоялому двору, — сказал он, когда мы снова двинулись в путь. — Чертовы ублюдки со своими арбалетами. Будь там только один, я выпустил бы в него три стрелы, прежде чем он схватился бы за свое оружие.

— Ты бы убил человека за двадцать одну гривну? — спросил отец Игнаций.

— Нет, отец. Это болтовня, просто мне приходится проходить здесь восемь—десять раз в год. Убей я их, меня бы наверняка поймали. И все же, нужно признаться, это приятная мысль.

Вскоре настала моя очередь сидеть в лодке, и я мог расслабиться и немного поразмышлять.

Когда я начал изучать английский, меня поражало, что в двадцатом веке умный, образованный англоговорящий человек мог читать Чосера в оригинале только после специального курса в колледже. Язык до неузнаваемости изменился за шестьсот лет. Даже меньше, потому что спустя два столетия Шекспир написал свои пьесы, и они не понятны образованному американцу.

Зато каждый образованный испанец в двадцатом веке может без труда прочесть «Поэму о Сиде», написанную в 1140 году.

Славянские языки относятся к числу наиболее стабильных. Разделение восточных и западных славян — русских и поляков — произошло приблизительно в середине первого тысячелетия. Но несмотря на полторы тысячи лет самостоятельного развития, поляк и русский способны понять друг друга — если говорить медленно и внимательно слушать.

Так что несмотря на некоторые трудности, все могло быть гораздо хуже. Окажись я в Англии тринадцатого века, меня бы никто не понял. А так люди думали, что у меня просто странный акцент, но это не затрудняло общения.

В тот вечер я беседовал с поэтом, Романом Маковским.

— Чем ты планируешь заняться, когда мы прибудем в Краков? — спросил я.

— Планирую? У меня нет никаких других планов, кроме одного — поймать музу.

— Но как это поможет тебе выжить? Вот-вот наступит зима.

— Что-нибудь да подвернется. Кто знает? Вдруг какой-нибудь содержатель борделя захочет расписать стены соблазнительными картинками для воодушевления своих клиентов, и тогда я немного заработаю. Муза сама о себе заботится.

— Пока что ей от тебя мало проку.

— Не отрицаю. А у тебя есть какие-то предложения?

— Только одно. Отцу Игнацию нужны переписчики, а такая работа тебе по силам. Вот если бы ты произвел на

него хорошее впечатление и вежливо бы его попросил, глядишь, он и предложил бы тебе работу.

— Отец Игнаций уже впечатлен мной, но в отрицательном смысле. Лучше уж просить работу у Дьявола — в этом случае больше шансов быть принятым. Кроме того, не хотелось бы проторчать всю зиму в монастыре. Только представь: несколько месяцев без вина и женщин! Целую вечность вставать к молитве каждые три часа! Нет, Дьявол наверняка сделал бы куда более выгодное предложение!

— Шутки в сторону, приятель! Через месяц ты, возможно, умрешь от холода или от голода! Тебе не следует упускать единственную возможность.

— Единственную возможность! Неплохо звучит. Можно мне будет воспользоваться этой фразой?

— Пожалуйста, только прекрати уклоняться от темы. Ты собираешься последовать моему совету?

— Пан Конрад, что именно, по-вашему, я должен сделать?

— Для начала попроси его исповедать тебя, а затем постарайся немного помолиться.

— Замечательно. Это, конечно же, не повредит, а возможно, и поможет. А владелец борделя придет и позже.

Я покачал головой.

— Иди спать, приятель.

Назавтра мы прибыли в Краков так поздно, что последний километр пришлось преодолевать при свете факелов.

Привязав лодку к пристани, Тадеуш сказал:

— Ну, ребята, мы справились. Сегодня можете бесплатно поспать в лодке, а если хотите, идите в гостиницу — слева, вон на той улице.

— За приглашение спасибо, но я больше не хочу спать на мешках с зерном, — сказал я.

— Вполне разделяю мнение пана Конрада, — сказал отец Игнаций. — Только давайте вначале решим вопрос с нашей оплатой.

— Конечно. Чуть не забыл.

Лодочник отсчитал нам со священником по пятнадцать гривен каждому и шесть гривен поэту. Полагаю, он даже не пытался торговаться.

Мы с отцом Игнацием направились к гостинице. Я обернулся и крикнул:

— Тадеуш, а ты не идешь с нами?

— Оставить мое зерно вора́м? Я и здесь неплохо посплю. А вы идите и возвращайтесь весной, если понадобится работа!

— Может быть. Пойдем, приятель! Я угощу тебя пивом. Поэт, как щенок, послушно пошел за нами.

На постоялом дворе было грязно, пиво оказалось кислым, еда скверной, а прислуга — неприветливой. Но все же было приятно впервые за пять дней иметь крышу над головой и сидеть не на мешках с зерном.

Еда и ночлег стоили по одной гривне, что показалось мне вполне сносным, пока не выяснилось, что нам всем придется спать на одной кровати.

Не знаю почему, но мне казалось странным ложиться в постель с двумя другими мужчинами, хотя за время нашего путешествия каждую ночь, чтобы согреться, мы все вместе свертывались калачиками под моим расстегнутым спальным мешком.

Впрочем, трое в одной кровати — это не самое плохое. Вскоре мы обнаружили несколько тысяч непрошенных гостей. Половину времени я чесался от укусов блох, а чуть заснув, вновь просыпался, так как мои товарищи тоже чесались.

К полуночи я решил, что с меня хватит. Хотя в лодке Тадеуша холодно и неудобно, там по крайней мере нет паразитов. Приглашение, несомненно, оставалось в силе, поэтому я выполз из кровати и на ощупь вышел на улицу через темный коридор.

На улице было не менее темно. Небо затянуто тучами, а никакого уличного освещения не наблюдалось. Я покопал-

ся в рюкзаке и нашел огарок свечи. Зажег фитиль зажигалкой, застегнул рюкзак и направился к реке.

Я сконцентрировал свое внимание на свече, и при этом еще смотрел под ноги. Лодки на реке казались черными тенями и не отличались друг от друга.

— Тадеуш! — крикнул я. — Где ты? Тадеуш! Проснись!

— А? Что? Черт! — услышал я знакомый голос.

Внезапно я понял, что на его лодке четыре фигуры: Тадеуш на корме и трое других мужчин, которые подкрадывались к нему с ножами наготове.

— Берегись! — закричал я, но лодочник уже и так со всего размаху опустил весло на голову одного из них.

Раздался громкий треск — это хрустнули весло и череп бандита.

Я был просто ошарашен. Если бы я поставил свечу на землю и бросился на помощь Тадеушу, пришлось бы драться в полной темноте. Единственной вещью, способной сойти за оружие, был мой топорик, но он лежал на дне рюкзака. Я вытащил складной нож и пытался открыть его одной рукой.

А вот Тадеуш не мешкал. Как только первый грабитель рухнул ему под ноги, лодочник бросил сломанный кусок весла в лицо второму. Тот поднял руки, чтобы защититься от острой, зазубренной деревяшки, а в это время Тадеуш вытащил нож. В мгновение ока он кинулся на своего противника и одним сильным, точным ударом воткнул лезвие под ребра прямо в сердце грабителя.

Третий вор, видя, как Тадеуш расправился с его напарником, а возможно, заметив и меня за своей спиной (все они были очень низкорослыми) — испугался и бросился наутек. Прежде чем я успел раскрыть нож, он пронесся мимо, надеясь скрыться среди деревьев.

Быстрее, чем это возможно, Тадеуш схватил свой лук и, когда грабитель пробежал мимо первых деревьев, выпустил

стрелу. Стрела попала беглецу прямо в горло, сбив с ног и пригвоздив к дереву.

Все это произошло в считанные секунды, в гробовой тишине и при тусклом мерцании единственной свечи.

Я посветил возле лодки. Тадеуш, целый и невредимый, убрал свой лук. В голове первого грабителя от макушки до носа зияла глубокая дыра. Очевидно, рана была смертельной.

Второй лежал на спине с ножом, по рукоятку загнанным в солнечное сплетение. Глаза открыты, а на лице застыло удивленное выражение. Он не дышал.

Последний разбойник тихо трепыхался возле дерева. Я, наконец, раскрыл нож и подошел к нему, думая освободить его и оказать первую помощь.

Ко мне подбежал Тадеуш.

— Благодарю, пан Конрад, но это меня они пытались убить, поэтому честь принадлежит мне.

Проявив об убитом не бóльшую заботу, чем если бы он прихлопнул комара, Тадеуш воткнул свой окровавленный нож в яремную вену грабителя и аккуратно разрезал горло, чтобы извлечь стрелу.

Я был настолько потрясен и испуган, что не мог ничего сделать.

— Но разве мы не должны вызвать полицию?

— Полицию? Ты имеешь в виду стражу? Пан Конрад, ты с ума сошел? — Он обыскал труп и вытер нож о брюки грабителя. — Черт, при нем ни гроша.

Лодочник спрятал нож в ножны, заткнул стрелу за пояс и потащил труп по направлению к лодке.

— Не возьмешь ли ты его за ноги? Судя по твоему выражению лица, не возьмешь. Разве ты не понимаешь, что эти головорезы чуть не ограбили и не убили меня?

Он тащил тело, пока не заметил оброненный разбойником нож.

— Вот это вещь! — восхищенно проговорил Тадеуш. — Его «орудие труда». За такой запросто дадут тридцать гривен в любой оружейной лавке Кракова. Так и хочется оставить его себе. Но его могут опознать. Лучше не рисковать. — И он кинул нож метров на двадцать в реку.

— Стой! — крикнул я, но слишком поздно. — Нож понадобился бы в качестве доказательства, что они были вооружены.

— Доказательство? Ты все еще надеешься на стражу? Пан Конрад, наверное, ночь тебя одурманила. Посуди сам! Мы же здесь чужаки. А эти люди, несомненно, местные, у них здесь десятки друзей и родственников, которые готовы поклясться в их честности и добропорядочности. Нас обоих на полгода упекут за решетку, даже если признают невиновными, что крайне маловероятно. Лично мне не хочется болтаться на виселице.

К этому времени он дотащил тело до реки и подтолкнул, чтобы его подхватило течение. Оружие и тела двоих других разбойников нашли свой последний приют в той же водяной могиле.

Боже Праведный! Я провел пять дней в обществе хладнокровного убийцы!

Тадеуш вымыл нож и стрелу и сказал:

— Что ж, мне пора спать. Спасибо, что окликнул меня. Ты, несомненно, спас мне жизнь. Но что ты здесь делал среди ночи?

— Ну... Там на постоялом дворе полно блох, и я не мог уснуть.

— Можешь спать в моей лодке, пан Конрад.

— О нет... нет. Пойду-ка лучше обратно.

— Как хочешь. Приходи весной, если будет нужна работа.

В конечном итоге я вновь забрался в кровать к священнику, поэту и блохам.

Уснул я не сразу.



Утром, как только забрезжил свет, священник заявил, что хочет найти общественную баню. Роман и я последовали за ним, продолжая чесаться.

За баню пришлось заплатить еще по грошу, но одежду нам постирали бесплатно. В полу находились две огромные деревянные лохани: одна с теплой водой, где можно намылить себя дурно пахнущим коричневым мылом, а вторая с горячей, чтобы было в чем отмокать и чем поливаться. Я не мылся уже больше недели, поэтому с наслаждением принял «ванну».

«Общественность» этой бани заключалась в том, что помимо нас здесь была еще дюжина мужчин. Я услышал женские голоса и огляделся в дымном полумраке. У всех были усы.

Наконец я понял, что это помещение и лохани вдвое большего размера, а деревянную перегородку установили позднее. Вторая половина предназначалась для женщин. В перегородке имелось несколько дырок.

— Хорошая вещь эта стена, — сказал отец Игнаций. — Ее построили после того, как Церковь припугнула владельцев бани отлучением.

— Ты хочешь сказать, что до этого мужчины и женщины мылись вместе?

— Да. Отвратительный пережиток варварства.

Я предпочел оставить свое мнение при себе и начал бриться. В зеркале я увидел, как Роман небрежной походкой подошел к перегородке и быстро заглянул в дырку. Позднее я сел рядом с ним в ванне с горячей водой.

— Я видел, как ты смотрел в дырку, — прошептал я. — Не исключено, что отец Игнаций тоже тебя видел. Разве ты забыл, что нужно стараться произвести на него благоприятное впечатление, чтобы получить работу?

— Не забыл. Но искушению трудно противостоять.

— Согласен. Увидел ты там хоть что-нибудь, достойное внимания?

— Все, что мне удалось увидеть, — это чей-то смотрящий на меня глаз.

Когда мы вышли из бани, уже вовсю светило солнце и звонили колокола церковей.

— О, уже шестой час, — произнес отец Игнаций. — Мне нужно пойти доложить моему новому аббату. Пан Конрад, предлагаю тебе провести день в городе, а затем, после часа девятого, прийти ко мне во францисканский монастырь.

— Шестой? — переспросил я. — Девятый?

— Когда солнце вот здесь, — объяснил он, указывая на зенит, — и ты слышишь колокола, это девятый час. — Он ушел, ни словом не упомянув о Романе.

— Нам нужно как-то убить время, — сказал я. — Не подкрепиться ли для начала?

— Было бы неплохо. Но, пан Конрад, после мне придется проститься с тобой и отправиться на заработки. Полагаю, к завтрашнему утру я истрачу все заработанные деньги.

— Я думал, мы решили, что ты будешь работать в монастыре.

— Вот именно, мы решили, а не отец Игнаций.

Район вокруг пристани был невероятно грязным, с убогими деревянными хижинами, которые теснились вдоль немощенной дороги. Сама дорога была покрыта густым слоем дерьма — человеческого, лошадиного, собачьего, свиного, коровьего и, несомненно, многих прочих разновидностей, которые сразу не пришли мне на ум. Я героически терпел, когда мои ботинки утопали в зловонном чавкающем месиве.

— Если мы будем здесь обедать, то, вероятно, вновь подцепим блох, — сказал я. — Давай пройдем за городские ворота. Там наверняка чище.

— Нисколько не чище, пан Конрад. Разве что суше.

Городские стены были кирпичными. Они достигали всего четырех метров в высоту и явно нуждались в починке. Вряд

ли такие стены могли служить защитой в случае войны, их предназначение стало ясно, когда сонный стражник потребовал с нас дань.

После нескольких минут пререканий он впустил нас за один грош.

За стенами и впрямь оказалось не чище. Люди выкидывали мусор прямо на улицы; свиньи бегали без присмотра, копаясь в кучах отходов. Собаки дрались из-за объедков, а то, что они не доедали, клевали куры. Я не мог понять, как же люди различают своих животных.

И как контраст этой невероятной грязи, мужчины и женщины в изысканных одеждах проезжали на породистых лошадях через вонючую жижу, игнорируя дерьмо, а также и тех, кто ходил пешком. Вскоре я, в свою очередь, перестал замечать эти напыщенные видения в шелках и бархате.

Мы нашли таверну, выглядевшую относительно чисто, или, по крайней мере, чище четырех предыдущих, в которые мы заглядывали. После спора с хозяином, который настаивал, чтобы ему показали деньги, мы сговорились на полгривне с каждого за тушеную свинину, хлеб и пиво.

Как только мы сели за стол, раздался женский голос:

— Не составить ли вам компанию?

На вид ей было лет двенадцать, и выглядела она крайне отошавшей. Платье грязное и залатанное, лицо неумытое, ноги босые. Она пыталась улыбаться и не смотреть на дымящийся котелок со свининой, который стоял передо мной.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Хочешь есть?

— Ну...

— Хозяин, неси на наш стол третью порцию!

— Да, пан Конрад! — отозвался он из кухни. Но, подойдя с едой на подносе, он увидел девочку и недовольно произнес: — Опять ты здесь! Сколько раз я уже выгонял тебя отсюда? Пан Конрад, ты считаешь, что я стану обслуживать попрошайек и шлюх?

— Я считаю, что ты должен проявить хоть немного христианского милосердия. Эта девочка голодна. А теперь поставь еду на стол.

— Но ты же не знаешь, кто она такая!

— Я знаю, что она хочет есть.

— Но цена...

— Я заказал еду, я и заплачу. Так что делай, как я говорю.

Он поставил поднос на стол и, ворча, удалился. Я встал и сам помог девочке поесть.

— Все эти споры и препирательства начинают портить мне настроение.

— Чего всегда нужно избегать, — сказал Роман. — Это вредит пищеварению, что нам совсем ни к чему, когда хорошей еды вдоволь.

— Да, пан Конрад. Пожалуйста, сядьте, — сказала девочка.

Я сел. Мы представились друг другу. Ее звали Маленка. Она была сиротой и жила в Кракове два года. Разговор продолжался во время обеда, и вскоре стало понятно, что она зарабатывала на жизнь, торгуя собственным телом.

— А сколько ты за это просишь? — поинтересовался Роман.

Она взглянула на меня, пытаясь улыбнуться.

— Я надеялась, что спросите вы. День и ночь всего за одну гривну.

Я заметил, что Роман пересчитывает свои оставшиеся монеты, и решил, что дурное дело нужно пресечь на корню. Достав из кармана три гривны, я положил их перед девочкой.

— Ты ходишь в церковь?

— Да, господин. Каждое утро, — печально ответила она. — Там хорошо находить клиентов.

— Я хочу, чтобы в следующий раз ты помолилась.

— Хорошо, господин. Но на следующие три дня я в вашем распоряжении. Куда мы пойдем?

У меня уже давно не было женщины, и, должен признаться, искушение было сильно. Но этот жестокий век еще не лишил меня моральных принципов, и Конрад Шварц не совратитель малолетних.

— Я пойду во францисканский монастырь, а ты останешься здесь. Кажется, ты чем-то обидела хозяина таверны. Ты загладишь вину, работая у него в течение трех дней!

— У хозяина таверны! — чуть было не заплакала она.

— Ты будешь мыть посуду, подметать полы и спать одна.

— Что? — удивленно воскликнул Роман. — Пан Конрад, это дурная шутка! Если ты не собираешься воспользоваться ее услугами, во имя музыки, отдай ее мне!

— Во имя Бога, этому не бывать! Что ты скажешь отцу Игнацию на следующей исповеди? Что изнасиловал девочку-подростка?

— Какое же это насилие? Она предложила, ты заплатил, — не унимался Роман.

— Ее вынудили к этому голод и нищета — силы более убедительные, чем меч или пика. И куда более жестокие! Так что садись и допивай свое пиво.

К нам подошел хозяин таверны.

— Ты уж прости, пан Конрад, но я случайно подслушал ваш разговор. Что ты там задумал?

— Я собираюсь на три дня обеспечить тебя служанкой. Если она будет хорошо работать, ты, возможно, оставишь ее на более длительный срок. Тебя это устраивает?

— Вполне. Только почему ты решил так поступить?

— Можешь назвать это деянием верующего. Вот, держи деньги за обед. Пойдем, Роман. Нам пора.

Выйдя на улицу, Роман сказал мне:

— Пан Конрад, ты очень странный человек.

Мы несколько часов побродили по городу, в котором убожество соседствовало с варварской роскошью, и остановились помолиться в церкви святого Андрея.

Несмотря на отсутствие знакомых башен в стиле барокко, сейчас церковь почему-то казалась мне больше, чем в двадцатом веке. Вероятно, причиной тому отсутствие высоких строений вокруг. Я задумчиво посмотрел на круглые башни Вавельского королевского замка и собора. Но Роман покачал головой.

— Это не для таких, как мы, пан Конрад.

— Но они же не станут прогонять честных посетителей, — сказал я. — И я все-таки рыцарь.

— Ты рыцарь без лошади, без доспехов и даже без меча. Попробуй, если хочешь. А я подожду тебя здесь.

— Наверное, ты прав. К тому же нам пора искать францисканский монастырь.

Здание монастыря выглядело сурово, но по крайней мере там было чисто, поразительно чисто по сравнению с окружающими его зловонными трущобами. Монах в коричневой рясе провел нас в комнату, где можно было помыться, и я начал понимать смысл библейского обряда омовения ног. Несколько часов ходьбы по дерьму превращают ноги в нечто ужасное.

Когда нас привели к отцу Игнацию, тот радушно приветствовал меня, сказав, что я принят переписчиком за четыре гривны в день. Он показал мне мою келью и спросил, устраивает ли она меня.

— Намного лучше тех казарм, где я жил во время армейской службы.

— Вот и отлично. Ужин сразу после вечерней молитвы, тогда и увидимся.

Он уже собрался уходить, но я окликнул его:

— Отец, а как же Роман?

— Прости, пан Конрад, я полагаю, что его нежелательно брать сюда на работу.

— Но почему бы не дать ему шанс, хоть на несколько дней?

— Это только позволит ему распространять свои богохульные мысли.

Отец Игнаций ушел, и Роман совсем сник.

— Выше нос, приятель! Приходи завтра и вновь попроси его. Со временем он смируется.

— К завтрашнему дню у меня не останется ни гривны.

— Ошибаешься. — Я отдал ему свои оставшиеся восемь гривен. — Мне они не понадобятся. Вернешь, когда сможешь.

— Спасибо, пан Конрад. Да благословит тебя Бог. Но Игнаций вряд ли захочет видеть меня.

— Попроси его выслушать твою исповедь. Не думаю, что он откажется. А потом приходи ко мне.

Но и на следующий день поэта отвергли.

— Бесполезно, пан Конрад. Он не соглашается. И в городе тоже не получается найти работу.

— Единственное, что могу посоветовать, — попробуй завтра еще раз.

И опять он пришел ко мне отверженный и упавший духом. К тому времени я уже заработал свою дневную плату и, попросив мои деньги у брата-эконома, отдал их юноше.

Так продолжалось еще четыре дня, а потом отец Игнаций позвал меня к себе.

— Что это ты каждый день выпрашиваешь свои деньги и отдаешь их беспутному поэту?

— Видишь ли, отец, я просто не могу позволить ему умереть с голоду.

— Просто невероятно! Ты превосходишь церковь в своей благотворительности!

— Отец, проблему легко разрешить.

— И как же?

— Найми его. Окажи сам немного христианского милосердия.

— Но... — Казалось, он хотел выругаться. — Хорошо! Но если что-то будет не так, отвечать тебе!

— Спасибо, отец!

ГЛАВА 6

Переписчик из меня оказался никудышный.

Все дело в отсутствии навыка. Поймите, я провел несколько лет у чертежной доски, неплохо чертил, а мой технический шрифт считался отличным. У меня за спиной семнадцать лет обучения, поэтому человек я грамотный.

Но я не знаю латыни. А технический шрифт на ватмане японским механическим карандашом не имел ничего общего с черными готическими буквами на пергаменте гусиным пером и чернилами.

Кроме того, пергамент — это разновидность кожи, причем довольно дорогой. Единственный способ стереть ошибку — подождать неделю, пока чернила высохнут, а затем засыпать ее песком и потереть камнем.

Они все-таки согласились с моим предложением использовать линейку и треугольник для разметки страницы и были мне благодарны за это. А еще они сочли меня редким недогрой.

А условия работы! Приходилось сидеть на скамье в холодном, темном скриптории. Крошечные окна в помещении были затянуты промасленным пергаментом, поэтому источником света являлась масляная лампа на столе, в которой еле-еле горел свиной жир.

Большинство других переписчиков также плохо знали латынь, поэтому «погоняла» — простите, автор — диктовал по

одной букве. Он говорил «А», и вы пишете «А», говорил «Б», и вы пишете «Б», говорил «В»... Так продолжалось два с половиной часа, затем наступало время очередной молитвы.

Четыре таких отрезка составляли десятичасовой рабочий день, что само по себе не так уж плохо. В двадцатом веке я часто работал и дольше, когда мы отставали от графика. Но если прибавить сюда время, уходившее на молитвы, это казалось уже чересчур.

Я всегда считал себя человеком религиозным. Посетить мессу перед работой совсем неплохо. Но ходить в часовню еще восемь раз в день — это многовато. Особенно когда эти восемь раз — через каждые три часа: Повечерие — в 9 вечера, Полунощница — в полночь, Утренняя — в 3 часа ночи, а затем вновь вставать в половине пятого, чтобы в пять идти к мессе.

Я не настолько греховен, чтобы так много молиться. Поскольку я не давал никаких обетов, мне было необязательно делать все это, но меня все равно будили, на тот случай если я вдруг возжелаю духовной пищи.

Прошло уже семь недель, с тех пор как я в последний раз был с женщиной, и мне хотелось немного погрешить. Я здесь неплохо зарабатывал — четыре гривны в день, — однако не мог потратить ни гроша, потому что выходной у меня только в воскресенье, а в этот день таверны закрыты.

И почти не помогло, что непутевый поэт оказался отличным каллиграфом. Учась в Парижском университете, он подрабатывал переписчиком книг. Кроме того, за две недели пребывания в монастыре он проникся религиозным духом. Юноша дал обет послушника, чтобы продолжать выполнять ту же работу, но платы не получал.

Такое быстрое превращение закоренелого грешника в религиозного фанатика — явление не столь редкое, но я никогда этого не понимал.

В любом случае, когда после утренней мессы мне сказали, что отец Игнаций хочет поговорить со мной наедине, я

знал, что меня должны лишить работы. Я заслуживал «увольнения», и отчасти мне этого хотелось.

Но, с другой стороны, хотелось по-прежнему регулярно питаться.

— Доброе утро, отец. Я знаю, что ты хочешь сказать мне, поэтому не утруждай себя. Я действительно не подхожу на должность переписчика.

— Твои навыки намного улучшились, сын мой. Со временем ты можешь стать компетентным переписчиком. Однако ты никогда не станешь *счастливым* переписчиком, поэтому я нашел тебе новую должность. Я знаю одного купца, которому нужен помощник вести записи о покупках, продажах, прибыли и прочих вещах. Он постоянно путешествует по всей Европе, и ты будешь его спутником. Как потвоему, справишься с такой работой?

Я когда-то изучал основы бухучета, знал принцип двойной записи и прочее. Посмотреть на мир было бы очень интересно. Я с радостью покинул бы монастырь.

— Думаю, что справлюсь.

— Отлично. Он часто носит при себе большие суммы денег, и в твои обязанности будет входить его охрана — в случае необходимости. Но нужно быть дураком, чтобы напасть на такого великана, как ты, поэтому я надеюсь, что такого не случится. Все еще согласен?

— Да.

— Хорошо. Тогда твое жалованье удваивается до восьми серебряных гривен в день. Тебе нужно будет приобрести коня, оружие и доспехи, но купец выделит тебе деньги на эти расходы, а затем вычтет из твоего жалованья.

— Доспехи! Зачем они мне?

— Пан Конрад, это я могу свободно путешествовать, потому что меня защищает Церковь, и денег у меня с собой нет. У тебя же нет такой защиты, к тому же ты будешь сопровождать богатого человека. Понятно?

— Конечно, отец!

— Замечательно. Он ждет в соседней комнате. Если ты ему понравишься, будем считать, что сделка состоялась. Его зовут Борис Новацек, и он хочет отправиться в дорогу как можно быстрее.

Новацек оглядел меня с ног до головы, что-то буркнул себе поднос, а вслух сказал:

— Кажется, он вполне подходит. Пан Конрад, насколько я понимаю, ты офицер. Сколько человек было под твоим началом?

— Одновременно, пан Новацек? Самое большое — сто семь.

Я отвечал за электронное оборудование в аэропорту, но зачем все усложнять?

— Понятно. А условия для тебя приемлемы?

— Восемь гривен в день, а также ты даешь денег вперед за лошадь, доспехи и оружие. Полагаю, что ты также оплатишь мне дорожные расходы, питание и ночлег.

— Конечно. Но мы не всегда сможем найти ночлег, и часто придется спать под деревом.

— Согласен. — Мы скрепили сделку рукопожатием.

Одно из преимуществ тринадцатого века заключалось в том, что не нужно заполнять договор в трех экземплярах.

Наша первая остановка была у лавки подержанных доспехов, поскольку новые изготавливались вручную, а на это могло уйти несколько месяцев. Вскоре я узнал, что значит «подержанные доспехи» — в них кто-то умер. Впрочем, моя брезгливость начала постепенно отступать.

Лавка доспехов напоминала свалку двадцатого века, и мне оказалось трудно подобрать вещи подходящего размера. За исключением шлемов, здесь вообще не было брони и лат, а для кольчуги необязательно, чтобы она сидела плотно. Она растягивается лучше, чем вязаные вещи. Но под кольчугу нужно надевать что-нибудь толстое, а я не нашел ничего подходящего по размеру. Решил, что сойдет теплое нижнее белье, джинсы и ветровка.

Мне нашли одну кольчугу относительно приличного качества. Из неплохого кованого железа, каждое отдельное звено не просто скручено, но и заклепано. Кольчуга явно предназначалась человеку, равному мне по толщине, но намного ниже ростом. Рукава должны были быть в полную длину, мне же они едва доходили до локтя. «Юбка» — рассчитанная до колен — закрывала лишь мой пах.

Длинные кованые латные рукавицы закрывали предплечья, но все равно мне нужны были перчатки. Продавец нашел что-то вроде «юбки» длиной от пояса до колен. Леггинсы прикрывали икры.

Я отказался от бочонкообразного шлема — в нем ничего не увидишь — и нашел каску, не закрывающую лицо и защищающую шею без лишней брони. Под нее нужно было поддевать толстую веревочную шапку.

Комплект получился не самый гармоничный, но я и не собирался участвовать в нем в конкурсе красоты.

Когда лавочник-немец подсчитал общую сумму, я весь напрягся. Цена трехсот фунтов кованого железа равнялась моему двухлетнему заработку.

— Пан Новацек, — обратился я к своему новому начальнику, — у вас больше опыта в общении с лавочниками, нежели у меня. Могу ли я убедить вас договориться о более приемлемой цене?

— Конечно, пан Конрад.

Он улыбнулся и набросился на лавочника — тот явно был не в силах с ним тягаться. Я привык считать отца Игнация мастером заключения выгодных сделок, но теперь увидел настоящего специалиста высокого класса. Он использовал невероятную смесь вежливости, агрессии, мольбы и откровенной грубости. Он так раскритиковал выбранные мной доспехи, что я почувствовал неловкость из-за своего выбора. Первоначальная цена составляла 5500 гривен. Он заставил лавочника снизить ее до 1500 гривен, а затем вдруг от-

чаянно завопил и пулей вылетел из лавки. У меня хватило ума последовать за ним.

— Это, несомненно, самый замечательный образец коммерческого убеждения, которое мне только приходилось наблюдать. — Его красноречие утомило меня.

— Благодарю тебя, пан Конрад, и хвалю за твои добрые суждения по поводу негоциантов. Но мне что-то захотелось пить, и глоток пива будет очень кстати.

— Отличная идея, пан Новацек.

Выпивать в девять часов утра было в тринадцатом веке делом вполне обычным. Думаю, что если нет возможности попить кофе и как следует позавтракать, то сойдет и пиво. Некоторые из посетителей таверны уже как следует набрались.

Служанка не отличалась особой красотой, однако была молода, расторопна и всегда готова услужить.

— На это нет времени, пан Конрад. Хотя мы и выбрали для тебя доспехи, еще нужно подобрать лошадь с седлом и уздечкой, копье и щит. А также добротный теплый плащ.

— Но, пан Новацек, у нас ведь и доспехов нет. Ты, конечно же, помнишь, что с криком выбежал из лавки, поминная недобрым словом не только его отца и мать, но и всех предков по мужской линии.

— Я вижу, что тебе еще учиться и учиться искусству ведения коммерческих переговоров. Сегодня днем я еще дважды загляну в эту лавку, и окончательная цена будет 720 гривен.

Он немного ошибся. Я приобрел доспехи за 718 гривен.

— Просто поразительно, пан Конрад. У тебя будто чутье на хорошую сталь. Ты и впрямь выбрал самое лучшее, и я согласен с тобой относительно этих похожих на бочонки шлемов. Они хороши для поля брани, когда со всех сторон летят ошметки, и ничего с этим не поделаешь. Но в сражениях, которые нам предстоят, зрение и слух очень важны. Хотя, конечно же, вряд ли нам придется столкнуться с насилием.

За всю свою жизнь мне приходилось ездить верхом раз 20—30, на частных ипподромах, где лошади спокойные и дрессированные — здесь наверняка на таких ездят дамы. Я любил лошадей, но вряд ли мог назвать себя наездником. Однако мой хозяин настоял на том, чтобы поехать в единственную во всем Кракове конюшню, где продавались исключительно скакуны. Это очень большие, очень сильные и очень вредные животные. Всего их было восемь. Когда я проходил мимо них, один конь укусил меня, два попытались укусить, а еще один чуть было не лягнул. Меня не слишком радовала перспектива несколько лет ездить на таком дьяволе.

В задней части конюшни находился загон с лошадьёю — большой рыжей кобылой, размером ничуть не уступающей жеребцам. Я погладил ее по носу.

— Что ты скажешь вот об этой?

— Ты шутишь, пан Конрад? Чтобы мой рыцарь ездил на кобыле? Меня же все на смех поднимают!

— Меня тоже, пан Новацек. Я просто спросил.

— Отличная лошадь! — сказал владелец конюшни. — Ее специально натаскивали для битвы. Кроме того, она очень умна.

— Натаскивали для битвы? Разве кто-нибудь в здравом уме возьмет в битву кобылу? Ха-ха! А вдруг у нее в разгар битвы начнется течка! Ты хочешь, чтобы на нее вскарабкался настоящий скакун, когда у нее на спине сидит пан Конрад?

— Нет же, господин! Эта кобыла абсолютно безразлична к противоположному полу. Она не подпускает их к себе, пан.

— Ха! Значит, она не подходит даже для разведения потомства. Но у меня есть приятель, он разводил лошадей, и он знает про шпанскую мушку. Возможно, это задерет ей хвост! Конечно же, чаще это их убивает. Я могу заплатить тебе 50 гривен.

Конюх настаивал на цене в 1200, и после часа криков и пререканий мы ушли ни с чем. Хотя 1200 гривен не казались такой уж огромной суммой, если учесть, что за жеребцов он просил 4000.

На второй раз они договорились о цене в 165 гривен, или, по крайней мере, я решил, что договорились.

— Решено, пан, при условии, что пану Конраду понравится, как она себя поведет.

— При условии? Но ты же сказал...

— Я сказал, что отправлю ее во Вроцлав, к своему другу, который занимается разведением лошадей. А как еще нам ее туда доставить? Мы скоро вернемся с седлом и уздечкой. Пойдем, пан Конрад.

Кажется, каждую свою сделку Новацек завершал пивом и разглагольствованиями.

— Мы и впрямь совершили выгодную покупку — 165 гривен за боевую лошадь! Я даже за старого мула больше платил. Но, видишь ли, если эту лошадь тренировали для боя, больше ни на что она не годится. Запряги ее в плуг — она, того и гляди, убьет тебя. Немногим рыцарям понравится кобыла, а ему пришлось бы всю зиму ее кормить. Вскоре мы узнаем, что она собой представляет — как только ты на ней поедешь. Сабельная лавка по пути в седельную.

— О, если у нее и впрямь начнется течка и поблизости окажется жеребец, то мне крышка!

Я плохо разбирался в лошадях, а в успехах еще меньше. Но в мечтах я немного понимал. Во время учебы я занимался фехтованием и в течение трех лет выступал за университет. Более того, я был единственным человеком во всем колледже, кто умел пользоваться как саблей, так и рапирой. Хотя «сабля» — польское слово, я предпочитаю испанскую рапиру.

Оружейная лавка меня разочаровала. Она напомнила мне свалку металлолома. Повсюду груды огромных кусков железа, которые годились разве что костолому. В основном

это были железяки длиной в метр, а то и больше. Я прошелся вдоль прилавка, пробуя то одну, то другую, не скрывая своего отвращения. Я уже собрался уходить и поискать где-нибудь еще, как вдруг мое внимание привлекло что-то на задней полке. Это оказался ятаган. У него была свободная медная рукоятка с дешевыми стеклянными «самоцветами». Ножны старые, явно повидавшие виды, и когда я вытащил лезвие, вылетело облако ржавой пыли. Лезвие не меньше метра — намного длиннее и тяжелее, чем фехтовальная сабля. В нем был лишь небольшой изгиб, поэтому острие можно использовать для выпадов. Баланс был плохой — слишком тяжелое лезвие.

Я поднес меч к свету и потерял лезвие. Булатная сталь! Лучшая сталь для мечей состоит из твердой стали с высоким содержанием углерода, запаянной между слоями гибкой стали с низким содержанием углерода. Высокоуглеродистая сталь не так быстро ржавеет, и в результате поверхность выглядит как пузырьки на воде — отсюда и название. Это был первый хороший кусок металла, виденный мной в тринадцатом веке.

Я пытался не показать виду, что взволнован. Это все равно что найти скрипку Страдивари в комиссионном магазине.

— Интересная вещица! — сказал я лавочнику. — Сарацинский меч, да?

Мало кто из польских рыцарей принимал участие в крестовом походе, поскольку в окрестностях обитало немало язычников, с которыми приходилось воевать.

— Верно, пан. Один великий рыцарь привез его со Священных войн. Это святая реликвия.

— Святая реликвия, сделанная неверными! Тот великий рыцарь скорее всего подарил его своей даме сердца, поскольку не хотел хранить дома. Это просто барахло, и мы оба это знаем. Он чересчур легок, чтобы причинить серьезный вред, и поэтому мне он нужен. У меня есть племянник,

который хочет получить первый игрушечный меч. Что-нибудь дешевое, чтобы он мог размахивать им и не повредиться. Как насчет пяти гривен?

— Нет, пан, я не могу продать такую ценность дешевле, чем за пятьдесят.

И так я продолжал, подражая своему хозяину. Через десять минут мы остановились на четырнадцати, и я заплатил из своего кармана.

Покинув лавку, я обратился к Новацеку:

— Ну что, я хорошо усваиваю твои уроки?

Честно говоря, это были более чем странные уроки для добропорядочного социалиста.

— Вполне неплохо для новичка. Правда, я бы смог сбить цену до одиннадцати. Только вот зачем тебе эта хреновина?

— Ты просто не понимаешь. Эта вещь стоит не одиннадцать, а одиннадцать тысяч гривен. Будь добр, дай мне свой нож — правда, я могу его немного испортить.

В тринадцатом веке каждый человек носил с собой нож. Новацек протянул его мне. Я достал свой новый меч и отрезал от лезвия ножа тонкую полоску. Глаза Новацека расширились от изумления.

— Проба номер один — он может резать менее прочное лезвие!

— Менее прочное! Это же первоклассная сталь!

— Всего лишь хорошее кованое железо — вокруг такого добра навалом. Проба номер два: лезвие меча можно согнуть, и оно не сломается и даже не потрескается. — Я воткнул меч в землю и нагнул лезвие градусов на 90, но дальше не стал — на всякий случай.

— А третья проба есть?

— Будет позже, после того как я его наточу. Он будет разрезать парящий в воздухе шелковый платок. А ты знаешь какого-нибудь кузнеца, способного укрепить рукоятку? Граммов пятьдесят меди значительно улучшат баланс.

Седла и уздечки продавались двумя разными гильдиями, поэтому невозможно было подобрать похожие. Седла для боевых коней были огромными. Седельная лука и спинка седла доходили мне до пояса. Противник мог переломить вам хребет, но ему ни за что не удалось бы выбить вас из седла.

Забираться в седло было делом непривычным. Пришлось поставить правую ногу в левое стремя, подтянуться, поставить левую ногу в специальную кожаную петлю, подтянуться еще выше, а затем плюхнуться в седло, не запутавшись и не задев гениталии.

Но я забегаю вперед.

Я позволил пану Новацеку выбрать седло и уздечку.

С копьями и щитами я был знаком разве что по фильмам. Собственно говоря, я не нуждался ни в том, ни в другом, но мой хозяин стал настаивать. Я выбрал щит и копье как можно легче по весу.

— А что изобразить на щите, пан?

Все щиты в лавке были белыми. Подержанные щиты продавались редко, потому что обычно их разрубали непосредственно перед тем, как нанести удар их обладателю.

— У нас есть время?

Я взглянул на Новацека. Уже перевалило за полдень, так как мы часто останавливались попить пива. Оставалось еще много дел, а он хотел отправиться в путь до рассвета.

— Постараюсь управиться за час, пан, если работа не слишком сложная.

Новацек утвердительно кивнул.

Возможно, причиной стало выпитое на голодный желудок пиво, а может, что-то в глубине моей души завопило: сделай это!

— Белый орел на красном фоне, — сказал я. — У орла на голове нарисуй корону.

Художник никак не отреагировал. Я предположил, что национальная символика еще не получила широкого распространения.

- Какой-нибудь девиз?
- *Jeszcze Polska nie sginela**.

И полное отсутствие всякой реакции даже на первую строку польского национального гимна, который будет написан через пять с половиной столетий.

Седло и упряжь доставили в конюшню и надели на лошадь.

Я постарался усесться верхом как можно аккуратнее, чтобы ненароком не поставить себя в глупое положение.

Лошадь и впрямь оказалась отличная: спокойная, покорная и нисколько не пугливая. Ее приучили как к уздечке, так и к стремянам. Ею можно было управлять одними только ногами. Конечно же, она ничуть не походила на свирепых боевых скакунов, но как раз это мне и нравилось.

Я не успел купить шпоры — еще одна гильдия, — но, очевидно, они мне и не понадобятся.

Наконец я возвращаюсь верхом обратно в монастырскую гостиницу, а мой хозяин идет рядом. На мне шлем, кольчуга и широкий красный плащ, отороченный овчиной. У меня лошадь и седло, а также меч, копье и «дерзкий» щит. Если не считать джинсов, видневшихся из-под моих железных доспехов, я выглядел как настоящий рыцарь.

А также на мне висит долг, выплатить который я смогу не раньше, чем через год.

* «Еще Польша не погибла» — первая строка польского национального гимна. — *Примеч. пер.*

ГЛАВА 7

Мы пустились в путь за час до рассвета.

В последний вечер мы быстро поужинали и вымылись; неизвестно, когда удастся помыться в следующий раз. Я собрал свои вещи.

Отец Игнаций пришел в мою келью, чтобы попрощаться со мной и пожелать доброго пути. Он дал мне рекомендательное письмо и список францисканских монастырей, где в случае необходимости я всегда смогу рассчитывать на пишу. Также он вручил мне послание, которое надлежало передать графу Ламберту в Окойтце.

— Это как раз по дороге, и ценой за твои труды будет обед и ночлег. Я нес это письмо из Венгрии, но сейчас ты должен доставить его по назначению. Ступай с Богом, и знай, сын мой, что здесь для тебя всегда открыты двери. — Он улыбнулся. — С тобой будет все в порядке, пан Конрад. Я чую это.

В коридоре поджидал Роман с моей одеждой, взятой напрокат. Она была постирана и сложена. Некоторые вещи выглядели так, будто их терли между двумя камнями, но я сделал вид, что не заметил. Еще он держал кошелек с серебряными монетами.

— Благодарю за то, что дал мне взаймы, пан Конрад. Возвращаю долг.

— Спасибо, приятель. Но почему бы тебе не оставить кроссовки? Они тебе в самый раз.

— Еще раз благодарю, но они не подходят к моей рясе. А ты слышал новости о той потаскушке Маленке?

— Нет, а что случилось?

— Она получила самую что ни на есть постоянную должность у владельца таверны.

— Правда?

— Да. Они уже вывесили объявление в церкви и через месяц поженятся.

— Просто невероятно, будь я проклят!

— Что ты, пан Конрад. Полагаю, ты спас ее душу своими тремя гривнами. Да благословит тебя Бог!

Что-то странное было в его взгляде. Зависть? Восхищение?

Я вернулся к Борису Новацеку, который все еще пил в гостинице.

Он удивил меня утром, облачившись в полное обмундирование. Мы съели холодный завтрак и отправились в путь, взяв с собой двух лошадей и мула. Я ехал на своей рыжей кобыле — в честь девушки из Закопане я назвал ее Анной, — используя в качестве одной из седельных сумок свой рюкзак. Сверху «ехал» мой щит. Копье одним концом упиралось в углубление в стремени, верхнюю часть древка удерживал зажим на седельной луке.

Борис (выпив прошлым вечером пива, мы решили в неофициальной обстановке называть друг друга по именам) ехал на сером мерине, везя пару небольших, но очень тяжелых седельных сумок. Он вел мула, нагруженного припасами, кожаным мешком с пивом и некоторыми «предметами роскоши» — сахаром и перцем. Обе эти «ценности» стоили одну пятую эквивалентного веса серебра. Их доставили из Индии.

Мы ехали по тропе к северу от Вислы, направляясь на запад. Анна уверенно ступала по дороге, которая была мне еле видна. Ее не пугали странные звуки или летящие по

ветру листья. Замечательное животное. Нам нужно было идти по этой тропе до тех пор, пока река не повернет на юг, затем перейти на другую тропу, также ведущую на запад к реке Одре, а затем на юг в Моравию. В случае удачи мы надеялись добраться до Моравских ворот — низкого перевала между Карпатами и Судетами, вечером четвертого дня — 26 декабря.

После этого предстояло более легкое путешествие при теплой погоде в Венгрию, где мы купим 144 бочонка вина, чтобы весной доставить их краковскому архиепископу. Это вино предназначалось исключительно для мессы и, конечно же, не имело никакого отношения к пристрастию архиепископа к красным венгерским винам.

Утро было в самом разгаре, когда мы прошли бенедиктинское аббатство в Тынице, высоко на белых скалах на другой стороне реки, но с тех пор, как выехали из Кракова и до десяти часов утра мы не встретили ни единой живой души.

Борис ехал рядом со мной, и мы беседовали. Разговаривать в темноте было затруднительно, потому что мы не могли видеть жестикуляцию друг друга. Ему хотелось узнать об арабских цифрах, и я пустился в объяснения.

Борис быстро понял основные положения. Его позабавило существование нуля («Специальный знак, который обозначает «пустое место»! Ха-ха!), но вскоре он понял всю его пользу. Я рисовал цифры в воздухе, как будто на школьной доске, и он без труда запомнил их очертания. Новая система числовых обозначений показалась ему выдающимся изобретением. Он все еще продолжал размышлять о десятой цифре, как вдруг мы услышали позади себя конский топот. Мы с Борисом расступились по краям тропы, чтобы пропустить всадника.

Тот резко остановился посередине и повернулся к моему хозяину. Он вел себя так, как будто меня вообще здесь не было.

— Ты Борис Новацек?

— Да.

— Ты вор! Ты не выплатил долг! — воскликнул незнакомец с сильным немецким акцентом.

— Кто ты и почему называешь меня вором?

— Я называю тебя вором, потому что ты не уплатил двадцать две тысячи гривен, которые должен торговцу тканями Швайбургеру. А он твой долг продал мне!

— Я тебе ничего не должен, потому что я тебя не знаю. Что до Швайбургера, то мой долг истекает на Рождество, а сегодня только двадцать третье декабря.

Перебранка накалялась все сильнее, и я насторожился. Я не был знаком с юридическими тонкостями дела, но очевидно, что моим долгом было защищать Бориса.

Незнакомец, кажется, забыл обо мне, потому что, потрясая кулаком, потянулся достать из-за спины нож.

Я не собирался пускать в ход меч и убивать его, поэтому схватил всадника за шиворот и вытряхнул из седла. Я намеревался перекинуть его через голову и бросить на землю. Затем я мог вытащить свое копье и предотвратить нападение.

Но он оказался намного тяжелее, чем я предполагал. Пролетая в воздухе, он выбил у меня из рук копье, которое я пытался подхватить правой ногой. Таким образом легко выпасть из седла — что, собственно, и произошло. Я никогда не считал себя хорошим наездником.

Я выскальзывал из седла вправо, но руками вцепился в кредитора, поэтому не мог схватить рукоятку меча. Моя правая нога выскользнула из стремени, что остановило падение копья. Отчаянно пытаюсь найти стремя, я выпустил копье. В заключение я подумал: *черт возьми, почему я?* — и упал на землю, запутавшись в клубке рук, ног и оружия.

Лошади бросились в разные стороны, и мы мгновенно расцепились. Не успел я подняться, как он уже вскочил на ноги и начал вытаскивать меч. К счастью, его первый удар

был нацелен влево, потому что я парировал его прежде, чем вытащил меч из ножен.

Я вовремя вытащил меч, чтобы отразить сильный удар, направленный мне в голову.

— Эй! Остановись! Я с тобой не спорю! — закричал я и блокировал удар в правый бок.

— Ублюдок! — завопил мой противник, пытаясь еще трижды нанести удар по моему черепу.

— Я тебе не враг! — Я отразил удар в левую ногу. — Я просто пытаюсь не дать тебе совершить убийство.

Защита почти всегда требует меньше движений, чем нападение, и поэтому она быстрее. Кроме того, моему противнику недоставало умения обращаться с оружием и, главное, напроочь отсутствовала способность к обманным приемам и уловкам. Каждый удар он обозначал еще до того, как его нанести.

— Ты едешь с ворами! — Он еще дважды нацеливался в мою правую ногу.

Что у него было, так это тяжелый меч и невероятная выносливость и настырность.

— Учти, я не хочу причинить тебе вреда!

Он снова нацеливался мне в голову.

Когда-то я лучше всех в университете владел саблей, но уже шесть лет не практиковался. К тому же я отражал выпады фехтовальной шпаги, которая весит в десять раз меньше, чем сабля моего противника.

— Ты польский вор и лжец, как и все твои друзья! — Он продолжал вращать саблей в воздухе.

— Может, мы остановимся и поговорим? Ты вообще когда-нибудь устаешь? — Моя правая рука начала неметь.

— Ублюдок! — завопил он и начал еще быстрее размахивать шпагой.

В двадцатом веке я подумал бы, что здесь не обошлось без допинга.

Наконец он приблизился ко мне и нанес удар в правое плечо. Он не повредил ни кожу, ни кость, но было больно. Я понял, что игра в защиту не может продолжаться бесконечно. Придется его обезвредить.

Как только подвернулась возможность, я отклонил его меч вправо. Противник же не рассчитал сил, и я согнулся пополам под его мечом. Затем, выставив руку вперед — голова и тело в вертикальном положении, — я сделал быстрый выпад в сторону противника.

В фехтовании все происходит настолько быстро, что даже не успеваешь рационально проконтролировать. Чтобы руки и ноги рефлекторно работали правильно, нужно тренироваться годами. Именно так набирают очки.

Именно так я вонзил свой меч в шею противника, разрезав его трахею и по меньшей мере две артерии. Вероятно, он был мертв еще до того, как упал на землю, но продолжал истекать кровью. О Боже, сколько было крови!

Я уставился на мертвое тело, не в силах поверить, что я сделал.

— Отличная работа, пан Конрад! Но была ли в этом такая уж необходимость?

— А?

Мне еще никогда не приходилось никого убивать.

— Зачем ты выкинул его из седла?

Борис собрал лошадей и спрыгнул на землю.

— Разве ты не видел? — немного погодя произнес я. — Он вытащил из-за спины нож. Собирался тебя убить.

— А, вон он, этот нож — лежит на земле! Прошу прощения, пан Конрад. Ты спас мне жизнь! Теперь я твой должник.

Борис наклонился над трупом и обыскал его.

— Я только зарабатываю свое жалованье и должен тебе примерно три тысячи гривен.

Я убийца.

— Больше не должен, пан Конрад. Смотри.

Он показал мне кошелек, который нашел у покойника. Там было с килограмм золота.

— Это примерно восемь тысяч гривен, или я не Борис Новацек. И еще вот что! У него под одеждой кольчуга! Если бы ты нанес ему удар мечом, то меч зацепился бы за кольца, и тогда бы он отсек тебе голову!

Борис быстро раздел убитого, а я тупо смотрел на него. Когда он справился, труп остался полностью голым.

— Оттащи его подальше от дороги, ладно? Когда он начнет разлагаться, то приобретет отвратительный вид, а вдруг тут будут проезжать дамы.

Так на языке тринадцатого века он объяснял мне, что мусорить нехорошо. Я оттащил труп. Когда я вернулся, к лошади убитого был приторочен сверток. Борис уже взобрался на своего коня.

— Пан Конрад, я полагаю, что смогу продать эту лошадь и доспехи за четыре тысячи гривен. За золото можно получить еще восемь, значит, всего двенадцать. Это наша общая добыча. Главную работу сделал ты, однако ты состоишь у меня на службе. Таким образом, я думаю, что нам причитается поровну. Согласен?

— Как скажешь.

Иисус Всемогущий! Я только что убил человека. Убил и спрятал тело. Теперь я делил его имущество.

Борис увидел мое выражение лица.

— Не можем же мы оставить все это на дороге для какого-нибудь вора! Итак, твоя доля — шесть тысяч из двенадцати, но ты должен мне три, значит, тебе остается три.

Я положил деньги в кошелек. Вместе с моими пятьюдесятью гривнами теперь у меня была значительная сумма. Двухгодичный доход за одно убийство.

— Не забывай, что ты спас мне жизнь. Прошу, прими в знак моей признательности еще тысячу.

Я спрятал и ее в кошелек и взобрался на лошадь.

— И вот еще что, — сказал Борис, когда мы ехали по тропе. — Этот человек, кто бы он ни был, не имел при себе переводного векселя, и я думаю, что скорее всего он обыкновенный вымогатель. Но если он и вправду купил у Швайбургера долг, и если у него нет наследников, мой долг прощен, и я сэкономил двадцать две тысячи. Если эти невероятные события перестанут быть тайной, ты заработаешь еще одиннадцать тысяч.

Некоторое время я молчал.

— Так значит, ты в долгах? — наконец произнес я.

— Ну, не совсем, но очень удобно, скажем так... отложить выплату на несколько месяцев. Видишь ли, прошлым летом я обнаружил в Кракове отличные русские меха. Я знал одну семью в Пеште, которая может ими заинтересоваться. Но поскольку я уже вложил кучу денег в покупку янтаря, то не мог позволить себе приобрести много мехов и оплатить их перевоз в Пешт. Поэтому я оставил янтарь знакомому немецкому торговцу шерстью, и он одолжил мне двадцать две тысячи гривен. Торговля пошла хорошо, и я вернулся в Польшу с медью и образцами вина, закупленного возле Пешта.

— Погоди, Борис. Ты говоришь, что привозил медь в Польшу?

В двадцатом веке Польша является одним из главных экспортеров меди. Очевидно, рудники возле Легницы еще не открыты.

— Конечно. Торговля медью приносит доход, хотя и не слишком большой. Ты понимаешь, что я недостаточно богат, чтобы участвовать в таких крупных предприятиях, как торговля тканями, поэтому лучшее, что я могу сделать, — это соединять отдельных торговцев с различными запросами, которые не знают о существовании друг друга. Так и я сделал с одним сортом красного венгерского вина. Оно не высоко ценится в Венгрии и потому дешево, однако краковскому епископу оно пришлось по душе. Он заказал большое количество по цене, которая полностью возместит мне

все издержки. Трудность в том, что рынок янтаря сейчас небольшой, и уплати я долг Швайбургеру, я не смог бы доставить заказ епископа. Я навел справки и выяснил, что у моего кредитора не было острой нужды в деньгах, поэтому решил отсрочить выплату до весны. Это весьма выгодно, хотя мне и придется уплатить ему убытки.

— Ты имеешь в виду дополнительный процент с его денег?

— Процент? Как ты можешь так думать, пан Конрад? Разве тебе неизвестно, что брать процент — это стяжательство, преступление против Церкви?

— О... Тогда что в первую очередь получит Швайбургер за то, что одолжил тебе деньги?

— Да ничего. Конечно, он беспокоился о сохранности своих средств и настаивал на том, чтобы его люди привезли их мне. Мне пришлось согласиться заплатить им за эту работу. Это обошлось мне в тысячу двести гривен, но заем был беспроцентным.

— И ты заплатишь ему не проценты, а убытки или другие затраты на перевоз, если вернешь деньги позже.

— От тысячи до полутора тысяч гривен в зависимости от того, насколько будет отсрочена выплата. Именно так делаются дела.

До полудня мы ехали молча, а затем мой спутник произнес:

— Пан Конрад, ты получил удар в плечо, он не опасный?

— Нет. Возможно, там сейчас синяк размером с мое лицо, но рука работает нормально.

— Тогда почему ты так мрачен? Два дня у меня на службе — и уже богат!

— Я ненавижу убивать.

— В нашем деле без этого не обойтись.

— Что верно, то верно.

— Еще как! Удар, который ты ему нанес, был просто замечательный. Твое лезвие вдруг оказалось на другой стороне его меча. Затем ты даже не ударил его! Ты выпрямил

руку и как будто толкнул его, и твое лезвие вышло с обратной стороны его шеи!

— Это называется двойной удар. Ты бьешь по его мечу, и когда он отодвигается, чтобы отбить твой удар, опускаешь свой меч под его клинок и бьешь с другой стороны.

Борис смаковал мой поединок так же, как ему не терпелось снова поторговаться. Я удивился, что он не заказал пива.

— В следующий раз, когда мы спешимся, ты должен показать мне, как это делается. Мы потеряли время, и нужно пройти Моравские ворота, пока погода не испортилась. Уже шестой час. Шестой, а мы с утра еще ни глотка не сделали!

Он расстегнул свой кожаный мешок с пивом и начал жадно пить. Затем протянул мешок мне, и я понял, что тоже испытываю жажду.

— Во время драки лошади отдохнули. Может, перекусим прямо в седле?

— Ты хозяин, как скажешь, так и будет.

Мы продолжили путь. Когда спешишь, нельзя все время скакать галопом — это плохо для лошади. Надо чередовать аллюры. Сейчас мы ехали рысью.

Еще засветло мы проехали мимо города-крепости Освенцим.

— Можно перебраться через реку и переночевать здесь, пан Конрад, но боюсь, что погода переменится. Если снег пойдет раньше, чем мы пройдем через Ворота, наш добрый епископ с опозданием получит свое вино.

— Как скажешь, Борис, хотя погода весь день была хорошей.

Я не привык ездить верхом и очень устал. Лошадь у меня была отличная, но десять часов в седле — это уже слишком.

— Да, а земля достаточно тверда для хорошей езды. И все равно у меня такое предчувствие, будто что-то не так, и я беспокоюсь.

Так мы продвигались до самой темноты, кормили лошадей и давали им отдохнуть. Когда взошла луна, мы снова пустились в путь.

Через три часа все лошади, кроме Анны, начали спотыкаться, и настала пора остановиться. Я поставил палатку, развел костер, достал немного вяленой оленины и бросил ее вариться в ячменную похлебку. Борис же тем временем стреножил и разгрузил лошадей.

После того как мы вдвоем втиснулись в мою круглую палатку, Борис сказал:

— Это арабская арифметика очень интересна, и я вижу, что как только к ней привыкнешь, она кажется намного проще, чем старая римская. Но в ней есть один недостаток старой системы.

— Какой же?

Боже, как я устал.

— Она так же основана на десятках и сотнях. Большинство товаров, которые я покупаю и продаю, исчисляются дюжинами, а дюжина — хорошее число. Я могу разделить дюжину на две, три, четыре и даже шесть частей. А десять можно разделить только двумя способами — на два и на пять.

— Так почему бы не приспособить арабскую нумерацию к основе «двенадцать»? — предложил я. — Всего лишь добавь еще два знака — для десяти и одиннадцати. Тебе нужно будет запомнить новые таблицы умножения, правда, ты еще не выучил старые. Я покажу тебе утром.

Наверняка это было одно из самых полезных дел в моей жизни. Но также и одно из самых трудных.

— Как хочешь. О, я вижу, ты разумно поступил с обретенным богатством.

— Да. Я привязал его к лодыжке.

Сейчас тринадцатый век, и меня окружали грабители и головорезы. Впрочем, я и сам теперь мало чем отличался от них.

ГЛАВА 8

Пивной мешок опустел, и я уже почти выговорился, когда пошел снег. В двадцатом веке здесь были бы фабрики и многоэтажные дома, но мы за все утро не встретили ни единой живой души. Мы разработали — в голове — таблицы для сложения, вычитания, умножения и деления для арифметики, основанной на числе двенадцать. Борис заучил их и к полудню делил многозначные числа. Невероятная демонстрация интеллекта.

Вообще, почти все люди, которых я встречал в тринадцатом веке, обладали интеллектом выше среднего. В чем-то они были невежественными, но все же сообразительными. Является ли интеллект природной компенсацией невежества? Или в современном образовании есть что-то, что разрушает мозг? В школе мне было откровенно скучно. Или нас намеренно выращивали глупыми? Не иначе как тому содействовали священники. Здесь духовенство было единственным образованным классом, и для многих крестьянских мальчиков это единственный путь наверх. Обет безбрачия, которого требовали новые Григорианские реформы, был равносителен убийству. Пока еще эти реформы не были приняты в Польше, но скоро будут. В течение веков в монастырях давали обет безбрачия.

Города привлекали умных ребят, которые не стремились пополнить ряды духовенства. Вместе с тем города эти были

так грязны, что наверняка служили рассадником всякой заразы. Неужели семи столетий достаточно, чтобы все изменилось? Выходит, что так.

Я предавался этим размышлениям под медленный, спокойный шаг Анны. Лошадь во многом напоминает автобус — не нужно обращать внимание на то, куда ты едешь. Я погрузился в свои мысли и точил меч. После вчерашней драки меч противника стал похож на пилу, мой же оставался целым и невредимым.

Из-за снегопада звуки стали приглушеннее, и мы ехали в тишине, пока я не услышал где-то вдалеке топот копыт и лязганье доспехов. Ошеломленный, я с отсутствующим видом уставился на приближавшегося к нам рыцаря. Он ехал на массивной черной лошади, которая тяжело дышала, а ее широко раскрытые глаза были налиты кровью. У него на плечах был красный плащ с черной оторочкой. Похожий на бочонок шлем отполирован, а ширина глазного отверстия составляла лишь пару сантиметров. На щите изображен черный двуглавый орел на красном фоне. На копье висел черно-красный выпел.

Всадник поднял щит и направил копье прямо на меня!

Вдруг Анна полностью вышла из-под контроля. Ее хорошо подготовили к таким «играм». Она перешла на галоп и ринулась на нападающего рыцаря.

Она, может, и знала, что нужно делать, а вот я — нет. О таких сражениях мне было известно лишь то, что следует убрать меч в ножны, выставить вперед щит и направить копье на противника. Затем вцепиться ногами в стремяна и постараться выбить неприятеля из седла, чтобы он кувырком полетел на землю.

Я уронил точильный камень и попытался убрать меч, теряя драгоценные секунды; когда лошадь скачет галопом, не так-то легко спрятать меч. Это единственное оружие, которым я умел пользоваться, и мне не хотелось его уро-

нить. Я взглянул вверх; рыцарь уже слишком близко. Нет времени выставить щит!

Левой рукой я потянулся через седло за копьем. Оно было направлено острием вверх, а древко упиралось в гнездо возле стремени. Размахнувшись, я занес его древком вперед — как раз вовремя, чтобы отбить копье противника, направленное мне в грудь. Острие прошло по моей кольчуге над левым локтем, но я почти не почувствовал удара.

Прорезь для глаз в его шлеме — вот единственное, куда я мог целиться, и я ткнул туда своим копьем. Лошади под нами отступили вправо, и мы столкнулись нашими левыми коленями.

Противник пронесся мимо меня, и я почувствовал, как меч задел по кости и железу, а лезвие едва не выпало из моей руки. Я оглянулся через левое плечо и, прежде чем у меня вырвали мой меч, увидел, что его шлем развернулся на 180 градусов. На мое счастье, к такому тактическому приему рыцарь никак не был готов.

Анна остановилась и развернулась, пока противник падал со своей лошади, и когда шлем упал, его кровь потекла на снег. Верхняя часть черепа и половина мозга отлетела в другую сторону, оставив на снегу еще одно багровое пятно.

Но Борис был в беде. Два вооруженных пеших воина наступали на него с длинными алебардами, а он отчаянно отмахивался мечом. Не дожидаясь моего сигнала, Анна бросилась ему на помощь.

Кто-то в синей одежде выбежал из леса и схватился за поводья моей лошади. Я взмахнул мечом, уронив при этом копье, но, очевидно, промахнулся. Увидел, как возле моей ноги блеснуло лезвие ножа. Мне удалось высоко поднять ногу, неуклюже вращая в воздухе мечом.

Затем вдруг бандит в синем исчез, затоптанный передними ногами Анны.

Мы снова рванулись в сторону Бориса, но чувствовалось, что что-то не в порядке. Продолжая твердо сидеть в седле, я медленно скатывался с лошадиной спины.

Мне перерезали подпругу! Стараясь выпутаться из ремней, Анна дернулась и повалилась на бок в снег, чтобы не задавить меня, как того бандита.

Я с размаху плюхнулся на землю и почувствовал, как подо мной треснуло седло. На мгновение я был ошарашен. Я увидел, как Анна зубами тянула седло. Встав на ноги, я встряхнулся, и в этот момент бандит с топором нанес удар по шее Борисова коня. Брызнула кровь, животное замерло, а затем начало падать.

С мечом в руке я кинулся на помощь Борису. Анна, без седла и поклажи, трусила слева от меня. Я мысленно поблагодарил человека, который тренировал ее. Лошадь вела себя так, как будто ее и впрямь волновало происходящее, и она стремилась защищать меня.

Борис все еще находился в седле, когда его лошадь упала на бок. Бандиты с топорами отпрыгнули в сторону и затем набросились на него.

Падая, Борис выронил меч. Он оказался зажат под своим умирающим конем; и один из нападавших приготовился нанести смертельный удар.

Я крикнул, чтобы привлечь внимание этого головореза, и он повернулся лицом ко мне, поскользнувшись на окровавленном снегу. Когда я подбежал к нему, он замахнулся на меня трехметровой алебардой.

Управляться с таким большим оружием получается намного медленнее, чем с мечом, хотя им можно нанести более сильные удары. Даже попытайся я отразить удар, он бы все равно обрушился на меня. Мне ничего не оставалось, как изо всех сил ударить по алебарде. На счастье, мне удалось разрубить и ореховое древко, и железные полосы на нем.

Топор отскочил от моей спины. На скользком снегу мне стоило немалых трудов сохранить равновесие.

Сейчас я понимаю, что мне удалось лишь срезать алембарду противника до короткого черенка. Но, как затем выяснилось, он хорошо управлялся и с палкой.

Он быстро отступил назад, поставил ногу Борису на грудь и внезапно с силой ударил меня в солнечное сплетение. От удара у меня перехватило дыхание, и я едва не упал.

В тот момент когда я покачнулся, Борис схватил нападавшего за ногу. Противник рухнул, я упал сверху, растянувшись на недвижимом теле мерина. Лежа на спине, я смутно заметил, что ко мне с топором подходит второй разбойник.

Внезапно небо потемнело, и в нескольких сантиметрах от своего лица я увидел копыта Анны. Она перепрыгнула через нас и ринулась на бандита.

Я вскочил и увидел, как Анна набросилась на разбойника. Она ловко увернулась от его топора, а затем изо всех сил лягнула его в левую руку, очевидно, сломав ее.

Тут меня в третий раз сбили с ног ударом в голову. Первый нападавший сумел отбрыкаться от Бориса и теперь пытался пустить в ход свою палку.

Прежде чем подняться на ноги, я получил еще два удара — по спине и по ребрам. Мой противник вращал в воздухе своим оружием, выписывая восьмерки, и дважды отражал выпады моего меча.

Однажды я читал про великого японского мастера меча Мусаши, который к тридцати годам совершил шестьдесят поединков. В большинстве этих смертельных схваток он пользовался деревянной палкой, в то время как у его противника был настоящий меч. Для меня виртуозный его талант сродни искусству тонкой японской вышивки. Впрочем, возможно, талант Мусаши в том, чтобы находить себе более слабых противников.

Это было, конечно же, до того, как я встретил человека, в самом деле знавшего, как пользоваться палкой.

Мой противник оскалился через открытое забрало шлема. Из раны в левой руке у меня лилась кровь, я шатался, и он понял, что я потерпел поражение.

Негодяй мерзко улыбался! Вдруг у него в каждой руке появилось по половине от его прежней дубинки. Теперь он ловко орудовал двумя палками — кажется, это называется флорентийский стиль.

У меня внутри все закипело от злости. Он не имеет права скалиться! Я был просто взбешен, и в своей ярости забыл обо всех правилах фехтования. Я зарычал как зверь и кинулся в драку, подобно пьяному матросу.

Наверное, он ударил меня еще три или четыре раза, но я даже не почувствовал ударов, мне не было до этого дела. Через несколько мгновений от его дубинки остались разве что палочки для риса, и он потянулся за ножом. Я нанес удар мечом по его правому запястью.

Внезапно у него пропала охота к поединку. Он осел на снег, уставившись на кровь, хлещущую из обрубка правой руки. На лице застыло удивленное выражение.

Я лягнул негодяя в плечо, и он завалился на бок, продолжая смотреть на окровавленный обрубок.

Я взглянул на свою лошадь и увидел, что она обратила другого бандита в бегство. Он петлял между деревьями, а его сломанные руки как плети болтались по бокам. Разбойник спрятался за широким стволом дуба и затем выглянул с другой стороны, чтобы посмотреть, где же лошадь.

Анна обнаружила его. Как только он высунул голову, она ударила его копытом в лицо. Я услышал хруст.

Анна посмотрела на тело, спокойно наступила на горло и неторопливо вернулась ко мне.

Я стоял, тяжело дыша и чувствуя, как ярость уступает место изнеможению. Анна убедилась, что я жив, и потом только взглянула на первого бандита. Он был так поглощен разглядыванием обрубка, что, наверное, даже не заметил, как лошадь наступила ему на шею.

Как можно выдрессировать лошадь, чтобы она могла делать такие вещи? Я подумал и решил, что мне не хочется об этом знать.

Черное море. А ведь я мог поехать на какой-нибудь отличный черноморский курорт, и меня окружали бы девушки в купальниках. А затем вернулся бы на свое удобное рабочее место в Катовице на машиностроительном заводе. Советовала же мне мать поехать на море...

— Эй, пан Конрад! — позвал Борис. — Если у вас найдется свободная минута...

Его слова заставили меня вернуться к реальности. Я был побит, окровавлен и, признаюсь, слегка обескуражен, но мне предстояли кое-какие дела. Я поспешил на помощь Борису, который никак не мог выбраться из-под своего коня. Удар топором в шею частично разрубил позвоночник мерина; его тело было недвижно, но голова все еще подергивалась.

— Ты хорошо сражался, пан Конрад! А вот я нет. Сначала прикончи моего коня. Он верно служил мне, и я не могу позволить, чтобы он мучился.

Я открыл свой складной нож и, приложив его туда, где, как мне казалось, располагались артерии, спросил:

— Здесь?

— Нет. Немного выше. Вот тут. Спи спокойно, мой добрый друг.

Пришлось обвязать веревку вокруг шеи Анны и стащить мертвое животное с ноги Бориса. Опавшие листья и снег смягчили его падение; нога онемела, однако все же работала.

Мое колено болело, но я мог идти. А вот рука меня беспокоила. Рана не была слишком серьезной, но при отсутствии антибиотиков малейшая царапина может оказаться смертельной. Я вытащил свою аптечку, чтобы забинтовать руку, а Борис начал не спеша раздевать убитых.

Почему-то это сражение не подействовало на меня так, как вчерашнее убийство. Возможно, потому, что разбойни-

ки нападали на невинных людей. А может, потому, что душа моя вся в шрамах, и я становился жестоким.

Мое седло сломалось, а вот седло убитого рыцаря было приблизительно такого же размера и значительно лучшего качества. Отличная вещица; интересно, у кого он ее украл.

Закончив седлать Анну, я услышал плач.

— Не ребенок ли кричит, Борис?

— Больше похоже на кошачьи вопли!

— Пойду выясню, что же это такое.

— Как хочешь, пан рыцарь.

Он ошибочно принял мою удачу в битве за рыцарскую отвагу и поэтому был готов простить мне щепетильность.

Я сел на лошадь и поехал в направлении плача. Он прозвучал еще несколько раз, прежде чем я обнаружил заброшенный лагерь. Почти пусто. Несколько плетеных хижин, горшок над затухающим огнем, и этот ребенок. Ему, наверное, еще и месяца не исполнилось, хотя я плохо умел определять возраст младенцев. Ребенок был завернут в тряпки и куски меха. Лицо его закрывала меховая накидка.

Я закричал, надеясь, что откликнется мать. Я объяснил, что пришел с добрыми намерениями, но никто не отозвался.

Я не мог оставить этого ребенка в снегу. Я выкрикнул свое имя и сказал, что еду с ребенком в западном направлении. По-прежнему никакого ответа. Я вновь забрался на лошадь, держа в одной руке ребенка, и поехал к тропе.

— Неплохая добыча, пан Конрад, — крикнул Борис, увидев меня. Он упаковал наши «трофеи». — Лошадь, снаряжение, три набора доспехов и одежды! Думаю, потянет тысяч на пять. Так что ты там кричал про какого-то ребенка?

— Я нашел их лагерь. Там был младенец.

— Ах! Бедный ребенок, совсем один в этом бессердечном мире. Лучше окрестить его и оставь с матерью, пан Конрад.

— Я искал ее. Наверное, она прячется в лесу.

— Разве ты не знаешь? Я не видел, как это случилось, потому что сам был занят, но у тебя на пути, когда ты пришел мне на помощь, была женщина в синем плаще. Ее задала лошадь. Пойдем, я покажу тебе.

Трупы были обнаженными — на них теперь не было даже нижнего белья. Голова рыцаря была полностью разрублена надвое на уровне глаз, но шлем остался цел. Наверное, мой меч ходил колесом, как нож для резки яблок.

Возможно, женщина когда-то отличалась красотой. Ее ноги и руки были сломаны, грудь и живот в кровоподтеках. Лицо казалось ужасной, расплющенной карикатурой. Свежие растяжки на животе свидетельствовали о том, что она недавно рожала.

— Я же не знал, — всхлипнул я. — Я увидел, что тебе грозит опасность, и поспешил на помощь. Она схватила поводья моей лошади. Я не знал, что убил женщину.

— Пан Конрад, я опять твой должник. Ты вновь спас мою жизнь. Но перестань расстраиваться из-за этой женщины, неизвестно, что со мной случилось бы. Еще мгновение — и я был бы убит.

— Поэтому теперь убита она.

— И что с того? Ее смерть была мгновенной — это даже больше, чем она заслужила. Она жила с разбойниками и убивала вместе с ними. Да ты и не убивал ее. Просто ранил ее в руку, а это не смертельно. Ее падение под лошадь было случайным, а может, это самоубийство. Я хочу посмотреть на их лагерь. Соберись, приятель. Нам еще надо заняться младенцем. Если у тебя нет воды, растопи немного снега в руке и окрести его.

Он отъехал на лошади, которую мы «нашли» накануне, таща за собой убитых разбойников.

В случае крайней необходимости любой католик может совершить таинство крещения. В моей фляжке оставалось немного воды, и я брызнул несколько капель на лоб младенца.

— Я крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. Я нарекаю тебя... — В честь кого дать ему имя? Ну, конечно! — Я нарекаю тебя Игнацием!

Когда Борис вернулся, я убрал с дороги покойников.

— Их добыча, пан Конрад! Мы с тобой богаты! У них было более ста тысяч серебром и золотом, награбленных у путников, таких, как мы. Будь я проклят, если ты не наступил прямо на их сундук!

Мне почему-то было все равно.

— Я беру ребенка с собой.

— Пан Конрад, в тебе дьявольским образом сочетаются мудрость и невежество, каких мне еще не приходилось встречать. Ты доблестный рыцарь, и в то же время иногда бываешь сентиментальным, как девчонка. Но мучить ребенка неразумно! Как ты собираешься его кормить? Ты думаешь, что мужчины способны кормить грудью? Как он продержится весь этот день? Становится все холоднее, а снег все глубже. Уже темнеет, а ехать нам еще далеко.

Он был прав. Я знал, что он прав. Ребенок умрет. Зачем же зря мучить его? И зачем беспокоиться о нем?

— Я забираю ребенка.

— Пан Конрад, как твой работодатель, я приказываю тебе оставить ребенка с матерью! Черт возьми! Дай мне его! Я сам это сделаю. — Он наклонился вперед.

— Борис, ты желаешь со мной сразиться?

Он остановился.

— Ладно, как хочешь. Можешь оставить ребенка себе. Но если мы собираемся остаться в живых, то пора ехать.

Днем было ужасно, а вечером еще хуже. Западный ветер бросал нам в лицо снег. Дорогу почти невозможно разглядеть, и если бы не Анна, мы бы не смогли прорваться сквозь снежную завесу. Я вел коня убитого рыцаря — наше второе сильное животное. Следом ехал Борис на захваченной лошади и вел мула.

Я завернул ребенка в плащ, обнажив свои собственные ноги. Через несколько часов я потрогал тельце ребенка — оно было холодным, как моя рука. Так не пойдет.

Под доспехами я расстегнул ветровку, натягивая кольчугу, свитер и футболку. Я спрятал ребенка у себя на груди. Он весь озяб. Чтобы ему не замерзнуть, я поплотнее запахнул плащ.

Вскоре он отблагодарил за услугу, обмочив меня. Полагая, это означало, что он все еще жив.

Мы блуждали в беззвездной темноте. Я даже не мог посмотреть на компас. Остановка было равносильна смерти, но и идти вперед было невозможно. И все же мы продолжали идти. Вперед и вперед.

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Изображение на экране из цветного превратилось в черно-белое с плохим разрешением, что означало, что зонды использовали инфракрасное излучение, и местность была практически в полной темноте. И все же рыжая кобыла без труда продвигалась вперед.

— Том, эта лошадь просто невозможна.

— Что значит невозможна? Ты считаешь, мы стали бы заниматься фальсификацией документальных материалов?

— Я хочу сказать, что эта лошадь способна видеть в темноте. Она ведет себя так, словно у нее в голове компас! А как она убила этих разбойников! Здесь явно что-то не так!

— Ты хочешь сказать, что здесь все правильно. Да, это одна из наших лошадей. Результат многолетней селекции; не обошлось и без генной инженерии. Коэффициент ее интеллекта около 60, и она отлично понимает польский. Да, она может видеть инфракрасное излучение и обладает такой же способностью чувствовать магнитные линии, что и голуби.

— Тогда что она делала в краковской конюшне?

— Она была там, потому что это я ее туда отправил в надежде, что у Конрада хватит ума ее купить, что он и сделал. Видишь ли, ты должен понять некоторые вещи. Слышал

про богатого американского родственника, который запла-тил за обучение Конрада? Так вот, это я. Конрад Шварц — мой троюродный брат, и хотя я никогда не пытался управ-лять чьей-то жизнью, мне хотелось бы, чтобы мои родствен-ники достойно начинали жизнь.

Конечно же, мне пришлось действовать, руководствуясь определенными правилами. Кроме физических ограниче-ний по человеческим жертвам, у меня есть еще два партне-ра в деле путешествий во времени, и мы пришли к согласию по ряду моментов. Например, что не станем вмешиваться в ход истории — мы не играем в Бога. Однако нам позволено помогать кровным родственникам до четвертого поколения и их потомкам.

Не я отправил Конрада в тринадцатый век. Это про-изошло по вине Исторического Корпуса, который находит-ся под юрисдикцией Яна. Но раз уж Конрад туда попал, я просто не мог не помочь своему кровному родственнику. Оказаться в средних веках без денег и оружия — дело край-не неприятное.

— Ты хочешь сказать, что вовлек его в эти сражения и даже помог ему получить свою долю награбленного?

— Не совсем. Я узнал о сражениях таким же образом, как и ты, — посмотрев документальный материал. Я не бес-покоился за Конрада, потому что встретил его десять лет спустя целого и невредимого. Но после второго сражения, когда он бинтовал свою руку, я нажал на кнопку «пауза» и заставил пару торговцев с полным сундуком золота пройти здесь на четыре дня раньше. На них напали разбойники, они и убежали, оставив свой груз. Это обеспечило Конраду безбедное существование в течение десяти лет, которые ему пришлось провести в средневековье.

— А меч? Это тоже твоих рук дело?

— Конечно, алмазное напыление и все такое. Более того, если бы он пошел в польскую оружейную лавку, а не в не-

мецкую, то нашел бы там добротную турецкую кольчугу, как раз его размера, которую он мог бы приобрести по невысокой цене.

— Ха. Полагаю, невозможно предугадать все.

— Конечно, невозможно. Хотя нужно изо всех сил стараться. А теперь давай вновь посмотрим ту метель.

ГЛАВА 9

Первым завалился конь убитого рыцаря. Я почувствовал это, хотя и не мог увидеть. Животное поднялось и прошло еще полчаса. Затем вновь упало и больше не смогло встать. И кричало от боли.

— Оставь его, пан Конрад! Кажется, у него сломана нога. Но если мы слезем на землю, чтобы прикончить его, мы больше не сможем найти наших лошадей.

Я привязался к нашим лошадям, и крики животного ранили мне душу. Однако Борис был прав; пришлось оставить коня умирать.

Мы продолжали идти, пока не увидели впереди крошечный огонек. Вскоре мы наткнулись на огромную бревенчатую стену.

— Эй вы там, в крепости! — крикнул Борис. — Мы — два добрых христианина, умирающих от холода.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мы дождались ответа.

— Стойте на свету! Кто здесь?

— Борис Новацек и пан Конрад Старгардский. Это ты, пан Мешко?

— Да, пан Новацек! — Перед нами открылась маленькая калитка. — Идите прямо в замок. Я позабочусь о муле. Эй, в замке! К нам гости!

Сонный конюх увел наших лошадей, а нас провели в большую, теплую кухню. Там сидели четыре молодые женщины. Судя по выражению их лиц, мы выглядели как зомби. Именно так я себя и ощущал.

— Извините, что встречаем вас на кухне, пан рыцарь, но...

— Вначале самое важное, — сказал я и вытащил из-под одежды ребенка. — Кто-нибудь из вас знает, как нужно с ними обращаться?

Это вызвало суету и переполох среди женщин.

— О Боже! Он мертв?

— Нет, нет! Сердце бьется! Когда его в последний раз кормили?

— Самое позднее — этим утром, — ответил я.

— А что случилось с матерью?

— Она мертва.

— Кто же тогда?.. — Женщины переглянулись.

— У пани Малиньской недавно умер ребенок.

— Я сейчас ее позову!

Одна из женщин накинула плащ и выбежала из кухни.

Еще одна осторожно положила ребенка рядом с огнем.

— Пеленки! Бедной крошке целый день не меняли пеленки! — Она сердито взглянула на меня.

Третья побежала наверх — очевидно, за пеленками. Две оставшиеся осматривали младенца. Мы, мужчины, были забыты. Я убедился, что теперь ребенок в надежных руках.

Я попытался снять верхнюю одежду, но кольчуга примерзла к ветровке. Заметив, что одному мне с ней никак не справиться, одна из женщин повернулась ко мне.

— О! Вы, наверное, замерзли. Садитесь ближе к огню.

Нам тут же вручили громадные кружки с вином, нагретым при помощи раскаленных в огне кочерег. Мы мгновенно осушили их.

Как только принесли пеленки, нам еще раз наполнили кружки. Вскоре три женщины столпились вокруг кухонного стола, куда положили ребенка. Они принялись растирать и

перепеленывать младенца, издавая при этом глупые звуки. Как бы мне самому хотелось стать младенцем, которому всего месяц от роду.

— Даже не думал, что сможем доставить его сюда живым, — сказал я. — Поэтому я на всякий случай окрестил. Нарек его Игнацием.

Разговоры вдруг смолкли. Все три уставились на меня, как на еретика.

— Какой ужас! — воскликнула высокая блондинка.

— Что же тут ужасного? Если бы он умер некрещеным, его душа отправилась бы в чистилище, — сказал я.

— В чистилище? Ты хочешь сказать, в ад?

— Так почему же вы так рассердились? Я же спас его.

— Да нет же, глупый! Дело в имени!

— Я назвал его в честь доброго друга. Святого отца, францисканца. Игнаций — хорошее имя.

— Для девочки? — спросила рыжеволосая женщина.

— О...

Выходит, я окрестил бедную малышку именем, которое она будет ненавидеть всю жизнь. Борис хихикал, но не хотел вмешиваться.

— Разве ты не знаешь разницу? — спросила высокая блондинка.

— Черт возьми, женщина, конечно же, я знаю разницу. Что? По-твоему, я должен был раздеть ребенка в такую метель, чтобы выяснить, какого он пола? Ты, наверное, предпочла, чтобы она умерла, но была окрещена правильно?

На мгновение они замолчали, а затем вернулась четвертая женщина, пышногрудая, не иначе как кормилица. Ребенок тотчас же был покормлен.

К этому времени лед на моих доспехах растаял, и я, наконец, смог оторвать кольчугу от ветровки и повесил ее сушиться. Борис сделал то же самое. Затем я разделся до теплого нижнего белья. Если они могли ухаживать за ребенком, я мог просохнуть. Признаюсь, я был раздражен.

Пани Малиньская ушла с ребенком, а четыре молодые женщины начали перешептываться между собой.

Затем к нам подошла высокая блондинка и официально извинилась за то, что нам не уделяли внимания и она была плохой хозяйкой. Мы представились друг другу. Высокую блондинку звали Кристина, остальных — Илона, Янина и Наталья.

Она сказала, что граф спит, будить его не нужно.

Вскоре все уладилось, перебранка с хозяйками утихла. Стол помыли и застелили скатертью. Нам принесли еду и вновь наполнили кружки. Я произнес молитву, и мы принялись за еду.

Я совсем забыл о своей раненой руке. Чтобы не раздеваться во время снежной бури, я перевязал ее через дыру в одежде и доспехах. Но кровь обагрила рукав до самого запястья. Кристина настояла на том, чтобы обработать рану, пока я ел.

Я бы мог отказаться и сделать все самостоятельно с помощью походной аптечки, но еда, вино и женское общество начали действовать на меня.

За обедом они вытянули из Бориса мельчайшие детали его путешествия. Он с радостью поведал им обо всем.

Вскоре нас проводили в отдельные комнаты. Борис не беспокоился о своих вещах, так с какой стати должен беспокоиться я?

Я разделся, оставшись в трусах, футболке и носках, и растянулся под чистыми простынями на широкой кровати. Она была достаточно удобная и накрытая необычайно толстым пуховым одеялом.

Я задул масляную лампу. Был канун Рождества, и кровать явилась отличным подарком.

Я уже засыпал, когда услышал скрип открывающейся двери.

Вошла Кристина.

— Ты поступил благородно, пан Конрад, когда спас эту малышку. — Она сняла платье и забралась ко мне в постель. — Нам нужно будет придумать для нее хорошее прозвище.

ГЛАВА 10

Поздно следующим утром я лежал на спине, а на животе у меня лежала Кристина, упираясь локтями мне в плечи.

Она внимательно изучала мою футболку. Прошлой ночью все произошло так внезапно, и я слишком торопился вначале и был слишком утомлен впоследствии, чтобы снять футболку. На ногах у меня все еще были носки. Утро было тихим и умиротворенным, и мне не хотелось ничего менять.

Честно говоря, Кристину вряд ли можно было назвать красавицей, но все же она была миловидна. Ее красивые светлые волосы сейчас разметались по моим плечам. Они гармонировали со светло-голубыми глазами и белесыми, почти незаметными бровями и ресницами. Нос девушки чуть длинноват, рот широковат, а зубы неровные, но это ничуть ее не портило. Я сказал, что она высока ростом, но только по сравнению с остальными. Сейчас ее голова находилась на уровне моих плеч, а пальцы ног касались моих голеней. У нее было красивое стройное тело. Она выглядела моложе, чем показалось мне прошлым вечером. Наверное, ей было лет шестнадцать.

Впоследствии я узнал, что Кристине четырнадцать — в Окойтце это обычный возраст для вступления в брак.

— Пан Конрад, это просто удивительное вязанье! Не знаешь, как это делается?

Она рассматривала мою трикотажную футболку. Вязанье? Я тоже присмотрелся. Да, возможно, это и впрямь можно назвать вязаньем. А если предположить, что сделано оно вручную, то это и впрямь может показаться невероятным.

— Никогда об этом не задумывался. Думаю, что смогу тебе чем-то помочь.

— Очень надеюсь. Хотелось бы сделать нечто подобное. Это замечательно!

— Тебе так нравится моя рубашка?

— О да! Вчера вечером на меня произвел впечатление твой свитер, но это просто невероятно. Все такое крошечное!

— Если хочешь, забирай ее себе. Счастливого Рождества!

— Ура! Но не нужно дарить рождественские подарки сейчас, пан Конрад! Надо подождать до вечера.

— Как хочешь. Значит, вечером. И вообще, не называй меня «пан». Для друзей я Конрад, или просто Кон.

— Но это же будет неподобающе, пан Конрад! Если бы я обращалась к тебе не как к рыцарю, а как к простому мужчине, тогда получилось бы, что я спала с мужчиной до брака, а это грех.

Я растерялся.

— Ты же не замужем?

— Конечно, нет! — Она была удивлена.

— Наши... обычаи, кажется, различны. Объясни мне, пожалуйста — медленно, как будто ребенку, — о чем ты вообще говоришь?

Она с удивлением взглянула на меня, но пояснила:

— Ты — рыцарь. Я — незамужняя девушка незнатного происхождения. Ты имеешь право на любую незамужнюю женщину, которая тебе понравится. Таким образом, я обязана исполнять все, что ты пожелаешь. Если кто-то исполняет свои обязанности, это не может быть грехом. Для меня же спать с кем-то вне брака — по меньшей мере простибельный грех.

Это были самые невероятные объяснения, основанные на праве насилия над женщиной, которые мне только приходилось слышать.

— У меня есть право на любую крестьянскую девушку?

Воспользоваться расположением женщины, которая забирается к вам прямо в постель, — это одно. А взять силой женщину, работающую в поле, — совсем другое, и это не для Конрада Шварца, нет уж, спасибо!

— Не только право, пан Конрад, но и обязанность! «Пан» — это обращение к рыцарю. Рыцарем может стать один из сотни, а страна нуждается в детях таких героев!

Чарльз Дарвин был прав, черт возьми! Рыцарство как генетическая программа улучшения вида?

— Но это ты пришла ко мне!

— Неправда, пан Конрад. Я просто прилегла поспать. Это ты взял меня. А я не сопротивлялась, чтобы спасти какую-нибудь другую девушку, которая могла быть не в настроении. Так что это удваивает мою добродетель.

Какой невероятно запутанный клубок оправданий! Ну, хорошо. Я откинулся на спину и задумался. Девушка наклонилась вперед, чтобы посмотреть в окно, и задела раны на руке и плече. Я вскрикнул от боли.

— Прости, пан Конрад. Я совсем забыла.

Она выпрыгнула из кровати и открыла занавешенное промасленным пергаментом окно, которое пропускало немного света, но разглядеть что-либо через него было невозможно. У нее и впрямь было красивое тело, стройное, но в меру округлое.

— Замечательный день! Ни облачка на голубом небе. Но уже поздно! Мы пропустили рождественскую мессу! Посмотри! Пан! Они уже топят баню. Побежали, а то опоздаем!

Я сел в кровати и начал искать свою одежду. В комнате было холодно.

— Нет. Нет, глупенький.

Она нагнулась к моим ногам, стянула с них носки и куда-то закинула. Затем сняла футболку, аккуратно сложила и отложила в сторону. Схватив мою руку, девушка потащила меня к двери, а потом вниз по ступеням. Мне было холодно, я был раздет и смущен, но все же последовал за ней через кухню и заднюю дверь к концу вереницы обнаженных людей, бегущих по холодной снежной белизне. Снег с каждой стороны более метра глубиной, однако к бане рассчитили дорожку.

Мне всегда казалось, что баня — это скандинавский обычай, распространившийся повсеместно лишь в наши дни, но теперь я понял, что ошибался. Вероятно, проблема заключалась в том, что я всегда считал своих предков суровыми, героическими людьми, а бабушку — девственницей.

Эта баня отличалась от тех, что я видел раньше. Кирпичный купол со стенами толщиной более метра. Дым шел из маленького отверстия наверху, а сбоку открывалась маленькая дверь. Чтобы растопить сауну, внутри в течение четырех часов горели сосновые поленья. Затем огонь тушили, и через несколько минут, после того, как дым выпускался, туда забегали люди. Нагретая баня сохраняла тепло целый день.

Банщик вручил мне доску. Я последовал за Кристиной через дверь, только вот ей пришлось наклониться, а мне проползти через крошечный вход.

Дверь за мной закрылась, а дымовое отверстие заткнули. Я был окутан жарой и темнотой. Кто-то взял меня за руку и подвел к месту, куда нужно сесть. Мои ягодицы коснулись раскаленных камней, и я подскочил, ударившись головой о низкий потолок. Кто-то положил доску на кирпичную полку и усадил меня на нее. Как только глаза немного привыкли к темноте, я разглядел масляную лампу.

Силуэты вокруг приобрели расплывчатые очертания. Мы находились в круглом помещении, где при необходимости могли разместиться человек пятьдесят, но я насчитал лишь

девять, включая самого себя. Напротив меня сидел русоволосый мужчина с обветренным лицом — пан Мешко, который вчера открыл нам ворота. Другого человека я видел впервые — красивый, мускулистый, примерно моего возраста. Он был высоким, по местным меркам, с очень светлыми волосами — намного светлее, чем у меня. В двадцатом веке я бы заподозрил, что он их обесцвечивает. Мужчина сидел, обняв своими сильными руками Илону и еще какую-то незнакомую мне женщину, которые просто светились от счастья. Третья женщина растирала мышцы его шеи и плеч.

Кристина и Янина сели рядом со мной, а Наталья — возле пана Мешко.

Мы все до единого были обнаженными. Пышущие здоровьем тела являли собой восхитительное зрелище, но женская нагота в бане не вызывала греховных мыслей. При таких высоких температурах не думаешь о любовных утехах.

Следуя примеру блондина, я раскинул руки, и женщины прижались ко мне. Я заметил, что пан Мешко все еще держит руки на коленях.

— Пан Конрад, — обратился он ко мне, — ты должен понимать, что иметь на что-то право — одно дело. А уклониться от этого — совсем другое.

Блондин рассмеялся.

— Пан Мешко, ты просто поражаешь меня своей доблестью в битвах и кротостью в браке. Ты бы лучше последовал совету Святой Церкви, которая позволяет нам бить жену палкой не длиннее, чем расстояние от кончиков пальцев до локтя, и не толще, чем твой большой палец. Последуй моему совету — никогда не используй ничего, кроме палки! Уверяю тебя, пан Мешко, это только пойдет на пользу твоему счастью, как в браке, так и в других делах.

— Всегда рад твоим советам, мой господин, хотя, возможно, я сообщу некоторые факты на празднике сегодня вечером. — Он хитро улыбнулся.

— Ха! О том, что моя жена предпочитает оставаться в Венгрии, а я обеспечиваю ее здесь? Твоя взяла, пан Мешко! Он повернулся ко мне.

— А это, должно быть, благородный великан, пан Конрад Старгардский, прибывший из загадочной страны с волшебным снаряжением. — Его глаза горели, и он улыбался. — Человек, который побеждает целый взвод бандитов и разбойников и захватывает множество трофеев! Человек, который спасает юных дев, выхватывая их из лап смерти и купцов, и, рискуя своей жизнью, доставляет в безопасное место. Человек, изможденный сражениями со злом, у которого тем не менее хватило сил, чтобы Кристина целое утро улыбалась, как не улыбалась уже несколько месяцев.

Кристина кинула в него мокрую кедровую ветку, но он даже не обратил внимания.

— Полагаю, эти раны и ушибы — результат честной битвы, а не схватки с нашей кроткой Кристиной. — В него снова полетели ветки. — Благородный пан Конрад, я рад знакомству с тобой и польщен твоим визитом. Я — граф Ламберт Пяст, и я приветствую тебя в Окойтце.

Я попытался встать. Мне было очень жарко, и с меня градом катился пот. Но в первый день моего пребывания в этом веке я получил по голове за несоблюдение правил этикета. Я решил во что бы то ни стало выучить их и безоговорочно им следовать.

— Ах, пожалуйста, не кланяйся. Не подумай, что я не уважаю формальности, но чтобы поклониться, тебе придется встать, а я опасаюсь за крышу.

— Благодарю тебя, граф Ламберт, и мой череп тоже тебя благодарит, — ответил я, стараясь поддерживать этот шуточный, но все же полезный для меня разговор. — Боюсь, что ты сильно преувеличил мои заслуги.

— Именно так о тебе говорят. Я знаю, что история с ребенком — чистая правда, потому что сам разговаривал с пани Малиньской и удостоверился, что с девочкой все в

порядке. Борис Новацек проявил благоразумие, когда предлагал не брать с собой ребенка. Лишь по счастливой случайности вы нашли Окойтц в такую метель. Но на то он и купец, что может позволить себе быть разумным, а вот благородный рыцарь — далеко не всегда. В первую очередь он должен думать о справедливости и чести, а остальное не важно. Ты хорошо поступил, пан Конрад! Мне стало известно из третьих рук — Борис рассказал Илоне, а она мне, — как ты убил на дороге пятерых разбойников. Это правда?

— Нет, мой господин, я убил только двоих. Один из них, вероятно, был вором, вымогателем или всего лишь разгневанным кредитором. Он напал на меня, я же не сумел его разубедить. Я сожалею, что убил его. Вторым был рыцарь, которому я нанес удачный удар. Других — оказалось, что среди них одна женщина — я только ранил, а добила их моя лошадь.

— Ах да. Твоя умная боевая кобыла. Твой тонкий меч и твоя странная тактика. Но об этом позже. Пора вылезать.

Я обрадовался, потому что мои глаза горели от жара. Один странный эффект сауны состоит в том, что как только распаришься, то холод уже не ощущается. Я стоял по колено в снегу и, стегая себя веником из кедровых веток, очищал тело от пота и грязи. Мы находились во внутреннем дворе, окруженном зданиями, но у этих людей не было абсолютно никакого табу на наготу! Десятки крестьян проходили мимо, не обращая никакого внимания на нас — девятерых обнаженных людей в снегу. Я никогда не слышал о таком бытовавшем в Польше обычае; вряд ли монахи записывали подобное в своих исторических книгах.

Размышляя об этом, я почувствовал, как меня кто-то резко хлестнул по ягодицам. Я повернулся.

Напротив меня стояла Кристина с словым веником в руке. Ее ноги были широко расставлены, кулаки уперты в бедра, и она улыбалась во весь рот, как будто бросая мне

вызов. Я не был уверен, чего именно она ожидала, но вызов принял и ответил ей тем же.

Она взвизгнула и вновь шлепнула меня веником. Вскоре к ней присоединились остальные пять девушек. Я был окружен, и мне пришлось нелегко.

— Не бойся, пан Конрад! Я иду к тебе на помощь! — В круг ворвался граф. — Спина к спине, пан Конрад!

— Благодарю за своевременную помощь, господин мой. Вместе мы, может, и одержим победу!

Вокруг собралась толпа зрителей, подбадривая нас криками.

И все же мы с графом проигрывали. «Противник» превосходил нас числом, и мы, в отличие от девушек, не столько наносили удары, сколько увертывались из-под них.

— Пан Мешко! — закричал граф. — Разве ты останешься в стороне и не придешь на помощь твоему господину на поле брани? Защищай меня!

— Не врага я боюсь, господин, но жены моей! И вообще, тебе и без меня всегда везет! Вот и сейчас тоже!

О да. На холоде мужское естество снова громко — вернее, зримо — дало о себе знать. Будь у меня время, я бы смутился. На графа «сражение» вениками возымело точно такое же действие. У этих людей не было ни капли стеснения. Я опасался, что меня сейчас вовлекут в свальный грех.

— Защищай меня, пан Мешко!

— Господин, я буду поддерживать тебя своими метательными машинами.

Пан Мешко начал всех нас без разбору закидывать снежками. Через несколько минут снежок попал в лицо графу.

— Прекрасные дамы, — сказал он. — Предлагаю заключить перемирие, чтобы одолеть нашего общего врага.

Кристина, как обычно, была заводилой.

— С радостью, господин. Дамы, вперед!

Все мы мгновенно повернулись к пану Мешко и забросали его снежками.

Видя поражение пана Мешко, некоторые из зрителей — а их к этому моменту собралось около сотни — обрушили град снежков на нас.

Внезапно граф замер и поднял руку. Тут же все успокоились. Летящие в воздухе снежки упали на землю, как будто в замешательстве.

— Мои добрые подданные! — произнес граф. В нем больше не было ничего от клоуна или остролова. Сейчас он был прирожденным командиром, знающим свой народ и уверенным в его поддержке. — Сегодня Рождество, но празднование начнется только через три часа. Я — ваш суверен, и хочу, чтобы ко мне относились с уважением. — На его лице мелькнула улыбка.

Он жестом позвал нас обратно в баню, и толпа разошлась. Какая-то женщина шлепнула мальчика, который кинул в нас снежок.

Мы вновь вернулись в тепло. Как только мы закончим купания, до конца дня баня будет в распоряжении простолюдинов.

В течение двух или трех недель после Рождества работать на улице невозможно. Путешествовать также невозможно, а значит, нет необходимости в защите. По традиции после обеда в Рождество никто в округе не работал.

Никто никуда не ходил, но все же люди веселились. Порядка практически не было. Еда и выпивка за счет графа, хотя предполагалось, что каждый должен принимать участие в подготовке праздника.

Подарки дарили два дня. В Рождественскую ночь, 25 декабря, было принято дарить подарки людям своего сословия. На двенадцатую ночь, 6 января, дарили подарки тем, кто выше или ниже по статусу. Что касается дворовых девушек — Кристины и компании, — то они получали рождественские подарки дважды.

Как следует согревшись, мы вернулись в замок. В подчинении графа Ламберта состояло около ста сорока рыца-

рей; все они, за исключением пана Мешко, устраивали праздники в своих собственных домах. Обычно человек шесть несли дворовую службу в Окойтце, а еще два с половиной десятка охраняли дорогу.

При слове «замок» на ум приходит несколько картин. Первым делом представляешь себе огромную каменную твердыню типа Мальборка на Ногате, возле Гданьска, где киногерои в доспехах сражаются на рыцарском поединке. Второй тип — укрепленные жилища викингов, где воины-язычники пьют мед, сидя вокруг огня, над которым жарится мясо, а затем засыпают прямо на скамьях. Третий — с просторными залами и потолками в лепнине, картинами на стенах и дамами в кринолинах и с глубокими декольте.

Окойтц был совсем иным. Он больше походил на бревенчатый форт из американских фильмов про ковбоев — почти квадратный, со сторожевыми башнями по углам. Стены достигали примерно четырех метров в высоту и двухсот в длину. Около двухсот крестьян и их детей жили в хижинах, пристроенных к внешней стене, обычно одна семья в одной комнате. Вдоль половины стены тянулись конюшни.

Внутри бревенчатых стен вокруг небольшой площади располагались специальные здания — кузница, пекарня, баня, два отхожих места и мельница, где камень вращали вручную. Одна из сторожевых башен служила постоянным двором; остальные служили комнатами для приезжавших в гости рыцарей, когда в замке не было места.

В центре этого укрепленного поселения стояли непосредственно замок и церковь. Несмотря на то, что они представляли собой единое здание, обычно их считали отдельными помещениями. Возможно, потому, что церковь была открыта для всех, а в замок можно было попасть лишь по приглашению.

Граф мог проходить из своих палат прямо на хоры и слушать мессу оттуда. Но он никогда не делал этого и все-

гда садился на скамью в переднем ряду, чтобы подавать пример.

Церковь, замок и почти все остальные постройки были бревенчатыми. Доски использовались редко, только там, где это действительно необходимо, например, для полов и дверей. Кирпичи и камень встречались еще реже, а металла почти не было вообще, за исключением, пожалуй, дверных петель.

Здесь все отличалось новизной. В некоторых местах дерево даже еще не успело обветриться. Думаю, постройкам было около трех лет.

Рюкзак принесли мне прямо в комнату. Достав бритвенные принадлежности и воспользовавшись тазом с водой, я избавился от трехдневной щетины и наконец почистил зубы. Кошелек с золотом куда-то исчез, но здесь я был среди друзей; вероятно, они спрятали его в безопасное место.

Я надел нижнее белье и уже собирался влезть в свою грязную одежду, как в комнату вошла Янина. Большинство людей стучатся, прежде чем войти, но, видимо, к придворным дамам это не относилось. Или, может, они просто не хотели. Девушка принесла сверток с одеждой.

— Пан Конрад, у нас не было времени постирать твою одежду, в доспехи тебе пока не нужно облачаться, по крайней мере на празднике. Эти вещи были сшиты для графа Ламберта, но оказались ему велики. Он сказал, чтобы я отнесла их тебе.

— Спасибо, Янина. Граф очень великодушен.

Кажется, она чего-то ожидала, но дворовые графа приравнивались к знати; не принято было давать им деньги. Хотя в присутствии действительно знатных дам к ним относились почти как к обычной прислуге.

Янина разложила одежду в изножье кровати. Кровать эта была громадная: два с половиной метра в длину и более двух — в ширину. Над ней располагалась рама с пологом.

— Думаю, это будет тебе впору.

Она поднесла ко мне тунику и разгладила. Девушка так старательно разглаживала, что мне вскоре стали ясны ее намерения.

— Да, — сказал я. — Я уверен, она мне подойдет. Вышивка здесь просто замечательная. Вы сами вышивали?

— Да, пан Конрад. Но рукава получились слишком длинными, видишь? А тебе придется в самый раз. Мне всегда после бани так жарко! Ты не возражаешь?

Даже не дождавшись моих возражений, она сбросила с себя платье, оставшись в длинной сорочке.

— Все в порядке, главное, чтобы тебе было удобно. — Я порылся среди принесенных ею вещей. — Это чулки-брюки?

Я таких отродясь не видел. Чулки из ткани, но обтягивающие, наподобие женских колготок. Сверху на них были подвязки.

— С короткими штанами их не носят. Нужны вот такие, с поясом. — Она быстро стянула с меня трусы.

— Интересно. Какие башмаки странные.

Эта игра начала меня забавлять. Очень необычно ощущать себя жертвой, а не охотником!

— Думаю, они тебе подойдут. — Она наклонилась к моим ногам, чтобы я хорошо рассмотрел глубокий вырез ее сорочки. — О, у тебя такие холодные ноги! Нужно их согреть!

Игра продолжалась. Обнаженная Янина лежала на кровати, я пытался разобраться с пряжкой для пояса.

— К черту пряжку, пан Конрад, лучше иди сюда!

И я смирился с неизбежным и позволил ей делать с моим телом все, что пожелает, отлично зная: потом она заявит, что я взял ее силой. Она была не так красива, как Кристина, но молодость и жизнерадостность компенсируют недостаток красоты.

Я пообещал Янине свою последнюю футболку.

В последующие дни меня посетили остальные четыре девушки. Вероятно, они считали, что имеют на меня рав-

ные права. Типично социалистический принцип. Если на одного рыцаря приходилась сотня женщин-крестьянок, я не мог представить себе насилия в современном смысле этого слова. Мужчине просто физически тяжело удовлетворить всех желающих.

Позже я выяснил, что в дополнение к тому, что девушкам предоставлялась социально приемлемая возможность дать выход своей сексуальности и смешаться со знатью, рыцарь должен был обеспечить их приданым и найти подходящего мужа. Поскольку женщин это устраивало, я не видел в таком обычае ничего дурного.

Устраивало это и родителей девушек. Оправданный обществом обычай, избавляющий от необходимости собирать приданое и оплачивать свадьбу.

Меня одели в новые вещи. Полотняные нижние штаны на поясе дополняла такая же полотняная рубаха. К поясу привязывались темно-синие брюки, в действительности состоявшие из двух отдельных штанин. Посередине они соединялись чем-то вроде подгузника — это называлось гультфик. Такая «конструкция» имела свои преимущества, учитывая пользование отхожими местами в зимнее время. Сверху надевалась богато вышитая темно-бордовая рубаха с длинными рукавами. На шее она завязывалась чем-то наподобие обувных шнурков.

Мягкие ботинки из черной кожи — без толстых подошв — натягивались как чулки. Выходя на улицу, поверх них надевали толстые войлочные калоши. Неплохо, но мои туристские ботинки все же лучше.

К левому плечу пристегивалась накидка — темно-синяя, под цвет брюк.

Весь наряд немного портил мой простоватый кожаный ремень, но по этикету полагалось носить меч и нож. Внезапно ножны показались мне потрепанными, а футляр для ножа — невыразительным.

Янина заканчивала одевать меня, когда раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула она, не стесняясь оставаться обнаженной.

— Пан Конрад, — сказал граф Ламберт, не обращая внимания на неодетую даму. — Я надеялся посмотреть на твои волшебные приборы... Должен признаться, тебе идет этот наряд, и он тебе впору.

За ним вошли все, кто был в сауне.

— Благодарю тебя, господин. Одежда красивая, а вышивка просто потрясающая.

— Верно. Мои дамы сделали ее для меня прошлой осенью, чтобы преподнести мне сюрприз. Они еще были здесь новенькими и не знали моего размера. Но тебе в самый раз, так что считай эти вещи моим подарком.

— Хорошо... Спасибо, мой господин! — Наверное, на одну только вышивку ушло несколько месяцев.

— Пожалуйста, не подумай, что я отдаю тебе обноски. Мне эта одежда не подошла, и дамы очень расстроились. Смотрю, ты им понравился. — Он указал на голую Янину.

— Но... пожалуйста, господин, надеюсь, что я не...

— Ни в коем случае, пан Конрад. Какая радость в обладании чем-то, если не можешь поделиться этим с друзьями? Только смотри, не заberi их всех с собой, когда будешь уезжать. Оставь хоть нескольких, чтобы они обучали новеньких. Самому это делать ох как не хочется! Ну а теперь показывай свои волшебные приборы...

Я достал рюкзак и показал, как его нужно носить. Затем развернул спальный мешок, и Янина забралась в него. Комната не отапливалась, и девушке, очевидно, было холодно. Граф долго изучал застежку-молнию, прежде чем понял, как та работает.

— Просто невероятно, пан Конрад! Сможешь научить наших кузнецов делать подобные вещи?

— Возможно, мой господин, но вряд ли на это хватит тех нескольких недель, которые я проведу здесь.

— Понятно. А это что? Твой шатер?

— Да, господин. О, чуть не забыл! У меня есть для тебя письмо. Его доставил из Венгрии отец Игнаций.

Граф лишь мельком взглянул на конверт и бросил его Янине.

— Принесите мне это письмо, когда я буду в плохом настроении. А хорошее сейчас портить не хочется.

Я поставил нейлоновую палатку на деревянном полу. Для такой палатки не требовались прутья. Граф засыпал меня вопросами о палатке, материи, из которой она изготовлена, о фибергласовых шестах, зажимах, застежках и сетке от комаров.

— Самый настоящий дом! И такой легкий!

— Может быть еще легче, господин. Она все еще сырая. Пусть останется здесь и просохнет.

Я показал остальные вещи. Гостей поразило, насколько легки фляжка и котелок, однако в остальном особого впечатления на них ничего не произвело. Они выказали легкий интерес к пище сухой заморозки, но вряд ли представляли, как долго она может храниться. Швейцарский нож показался им хитроумной игрушкой. Они не знали, что такое сталь.

Аптечку первой помощи рассматривали равнодушно, по крайней мере граф и пан Мешко. Беспокоиться о ранении было ниже их рыцарского достоинства. Девушки немного заинтересовались — Янина все еще находилась в моем спальном мешке, — но решили воздержаться от комментариев.

— А эти пергаментные пакетики, пан Конрад?

— Семена. Я купил их в подарок матери.

Пан Мешко пришел в восторг от моего компаса.

— Так, значит, стрелка всегда указывает строго на север?

— Не совсем. Она немного отклоняется на запад. Но она всегда указывает в одном и том же направлении, и если ясной ночью сверить карту с Полярной звездой, то можно

узнать, насколько сильно она отклонена. Сбить компас может только железо.

— Неудивительно. Холодное железо всегда перехитрит любой колдовской прибор.

— Нет, пан Мешко! Он изготовлен умелыми людьми, которые разбираются в науке. Наука — это искусство познать способы, которыми Бог создал мир, и к колдовству не имеет никакого отношения.

— Клянешься?

— Клянусь своей честью! Более того, если тебе компас понравился — возьми его. Пусть это будет моим рождественским подарком.

— Тогда, клянусь своей честью, я принимаю твой подарок, но вручить его ты должен вечером.

Швейный набор, особенно иглы с крошечными ушками, был с энтузиазмом встречен девушками. Я знал, что сделаю с четырьмя оставшимися подарками.

Напоследок я оставил бинокль. Он произвел немалое впечатление — люди стали вырывать его друг у друга из рук. Наконец, граф Ламберт забрал его у Янины.

— Дорогуша, ты что, хочешь замерзнуть до смерти? Ну-ка быстро оденься!

Он вышел на балкон, некоторое время приспособливал линзы и стал рассматривать свои угодья.

— Извини, граф, — обратился я к нему, — я весь день не видел Бориса Новацека. Не знаешь, что с ним?

— Ушел рано утром с двумя моими конюхами и пятью лошадьми. Кажется, прошлой ночью вы потеряли коня и поклажу. Они отправились на поиски. — Граф вновь посмотрел в бинокль. — А, вот и они, Богом клянусь! Смотри! Снег такой глубокий, что люди вынуждены идти впереди, чтобы расчищать дорогу лошадям. — Он опустил бинокль. — Нет! Так ничего не увидишь! Замечательный прибор, пан Конрад! — Он вновь поднес бинокль к глазам. — Смотри! Две лошади тянут за собой убитого боевого коня. А еще на одной — поклажа.

Смотри, тот щит — черный орел на красном фоне! Ты расправился с ним, пан Конрад!

— С кем я расправился?

— Ты убил рыцаря Райнберга, подлого немецкого ренегата, который более года грабил и убивал моих торговцев! Этот черный орел погубил восьмерых моих рыцарей, полторы сотни простого народа и украл бог знает сколько скота! Но ты прикончил этого ублюдка, черт побери, ты прикончил его!

Граф Ламберт с энтузиазмом похлопал меня по спине.

— На тот момент это было делом простой необходимости, — сказал я.

— А сейчас это причина, чтобы возрадоваться! Более того, пан Конрад, награда за его голову — твоя! Десять тысяч гривен.

Ого! Я богатею на глазах. Кстати, где мой кошелек? Но спрашивать об этом как-то невежливо.

— Вижу, тебе понравился бинокль, господин, — сказал я.

— Понравился — это мягко сказано. Изумительнейший прибор! Как бы он пригодился на поле боя!..

— Значит, ты завершил мой список рождественских подарков! Дарю его тебе!

Покинув Катовице полтора месяца назад, я пользовался биноклем всего один раз, а компас вообще ни разу не пригодился. Это были скромные дары за оказанные мне услуги.

ГЛАВА 11

С позволения графа я ушел, оставив его осматривать в бинокль свои владения. Мне нужно было сходить в конюшню, тем более что обеда сегодня не будет, чтобы не перебивать аппетит перед пиршеством.

Анна, моя лошадь, обрадовалась мне. Ее поставили в хороший загон в большой, чистой конюшне и как следует почистили.

— С тобой хорошо обращаются, Анна?

Она утвердительно кивнула.

— Тебе что-нибудь нужно?

Лошадь отрицательно покачала головой.

— Отлично.

Я отказывался верить своим глазам.

Перед ней лежал несъеденный овес. Я потрепал ее по шее и отправился на поиски спасенного мной ребенка.

Все в замке и вокруг него суетились, занятые последними приготовлениями к празднику. Многие все еще были одеты в повседневную одежду из серой шерсти, но некоторые уже переоделись в яркие праздничные наряды с вышивкой.

Казалось, все знали, кто я такой. Проходя мимо, люди приветствовали меня кивками и улыбками. Я всегда думал, что в средние века крестьян жестоко угнетали, заставляя пресмыкаться перед господами. Вероятно, где-то так и было, но только не в Окойтце.

Когда я проходил мимо мельницы, меня остановил какой-то мужчина. В одной руке он нес корзину с едой, а в другой — бадью с пивом.

— Пан Конрад, — обратился он ко мне, — уж не спасенного ли ребенка ты ищешь?

— Угадал.

— Значит, я смогу отвести тебя в дом. Я — Михаил Малиньский, и этот младенец сейчас у моей жены.

— Тогда я твой должник, Михаил.

— Нет, пан Конрад. Это я твой должник. Два дня назад мой третий ребенок умер, едва появившись на свет. Жена моя безутешно скорбела по нему. Я думал, такое горе ее саму сведет в могилу. Но сейчас она счастлива. Понимаешь?

— Понимаю. Мы в долгу друг у друга. Давай пойдем к ним.

— Чуть погода, пан. Сейчас у меня есть небольшое дело.

Он вошел в здание мельницы, и я последовал за ним. То, что я там увидел, повергло меня в шок. К тяжелому жернову, перемалывая зерно на муку, были прикованы четверо мужчин. Впервые в Окойтце я столкнулся с жестокостью.

— Что это?

— Жернов, что же еще, пан Конрад! А, ты имеешь в виду людей... Этих двоих поймали на прошлой неделе, они были пьяны, учиняли беспорядки и приставали к замужним женщинам. Они будут здесь до завтрашнего утра. А вот это мой брат. Я всегда предупреждал его насчет браконьерства. Он получил за это шесть месяцев.

— Я не браконьер! Я пристрелил оленя на своих землях и гнал до того места, где нас поймали.

— Прибереги свою ложь для тех, кто тебе поверит, братишка! Тебя поймали в четырех милях от твоих земель, и у оленя в сердце торчала стрела. Он не смог бы пройти такое расстояние!

— А этот, последний? — спросил я.

— Это плохой человек. Его поймали, когда он грабил купца. Он проработал здесь примерно половину из пяти лет, которые он получил.

Михаил поставил корзину и пиво на пол.

— Твое рождественское угощение, брат! Если хочешь, поделись с остальными.

Покинув мельницу, я сказал Михаилу:

— Пять лет за кражу — суровое наказание.

— Если бы он ограбил простого крестьянина, то получил бы всего полгода. Но купцов нужно защищать. В противном случае они перестанут приходить сюда, кому мы тогда будем продавать зерно и шкуры?

— Понятно. А что, если кто-нибудь ограбит рыцаря?

— Что-то не припоминаю, чтобы такое случалось, пан Конрад. Полагаю, если бы рыцарь оставил грабителя в живых, тот получил бы куда больше пяти лет.

Я перестал беспокоиться о местонахождении моего золота.

— А что же вы делаете, если преступников нет?

— В любом случае зерно нужно перемалывать на муку, так ведь? Обычно на мельнице есть одно или два свободных места, и остальные мужчины по очереди там работают. Но мы зорко следим за нарушителями закона.

— Еще бы. Ты все время говоришь о мужчинах. А как вы поступаете с женщинами-преступницами?

— Такое редко случается, пан Конрад. Женщины более законопослушны. Однажды, два года назад, двенадцатилетняя девчонка украла кинжал с серебряной рукояткой — и не у кого-нибудь, а у самого графа!

— И что же сделал граф?

— Забрал свой кинжал обратно и поставил в известность отца девочки. Тот устроил дочери знатную порку! Затем граф приговорил отца к месяцу работ на мельнице — за то, что плохо воспитывал свою дочь. Но подобное происходит крайне редко.

— А если бы она была замужем?

— В двенадцать лет? Не следует выдавать девушку замуж, пока она не созреет.

— Да нет же, Михаил. Я имею в виду женщин постарше.

— Ее участь решит муж. — И Михаил зашагал в сторону дома.

В двадцатом веке этот дом можно было бы назвать сараем. Три метра в ширину и пять в длину, он был одной из многочисленных бревенчатых построек, которые вплотную прилегали к внешней стене. Возле стены, над сараями, тянулся деревянный помост шириной два метра — вероятно, для стражников. Остальная часть крыши была соломенной.

— Все это построено согласно планам самого графа. Если дома строить вплотную друг к другу, то они сохраняют тепло, да и стен нужно возводить меньше. Соседи иногда шумят, но в этом нет вины графа.

На двери не было петель; ее нужно было просто поднять и отставить в сторону. Михаил вошел без стука, я последовал за ним.

Очевидно, отсутствие запрета на наготу распространялось также и на замужних женщин. Судя по распаренному телу, пани Малинская только что вернулась из бани. На вид ей казалось лет тридцать, но потом я узнал, что ей всего лишь девятнадцать. Она заплетала свои длинные волосы и даже не подумала встать и хоть чем-нибудь прикрыться.

— Пан Конрад! Прости, что не поговорила с тобой вчера вечером. Ты же понимаешь, ребенок...

— Конечно, пани Малинская.

В центре комнаты горел огонь, от которого поднимался дым. На деревянных крючках по бревенчатым стенам была развешана одежда, мешки с продуктами, связки чеснока и единственный котелок для приготовления пищи. Набитые соломой тюки служили постелями. На земляном полу играли двое маленьких детей. И все же было заметно, что Михаил гордился своим домом! Где же тогда он родился?

— Граф говорит, что на следующий год у нас будет настоящий деревянный пол, — сообщил Михаил.

— Он хороший правитель, да?

— Лучше не бывает! Он бы на каждого человека здесь поселил еще добрую дюжину, было бы только место.

Проходя мимо отхожих мест и амбара, я задумался. Здесь жили хорошие люди, и я во многом мог им помочь. Но как только дороги расчистят, я должен покинуть это место.

Оставалось сделать еще одно дело. Здесь есть церковь, а значит, и священник. Я убил — или по меньшей мере стал причиной смерти — пятерых человек. Я согрешил с двумя очень молодыми девушками. Мне требовалось исповедаться.

Когда я пришел в церковь, там царила суета. Алтарь убрали, а заодно и свечи, реликвию — как я впоследствии выяснил, клочок волос святого Адальберта — и все прочие церковные принадлежности. Вместо прибитых к полу скамей в этой церкви были передвижные стулья; подозреваю, что скамьи в церквях появились позднее — для того, чтобы не допустить мирского использования церковных помещений. Стулья переставили и принесли длинные складные деревянные столы. Дело в том, что церковь — единственное помещение в Окойтце, способное вместить все его население.

Я узнал, что священник отец Иоанн со своей женой (!) находились в комнате слева от алтаря.

Я вошел туда и обнаружил, что запрет на наготу все же распространялся на жену священника, по крайней мере на жену этого священника.

Судя по ее вскрику с акцентом, я решил, что она француженка. Это была привлекательная женщина, намного красивее любой из придворных дам графа. Я отвернулся и собрался было уйти, но священник остановил меня.

— Пожалуйста, простите ее, пан Конрад. Она в Польше недавно и еще не привыкла к местным обычаям.

Его жена все еще закутывалась в одеяло.

— Понимаю, отец. И все же я должен уйти.

— Если хочешь, уходи. Однако я прошу тебя остаться. Ты с запада. Я встретил Франсин, будучи студентом в Париже. Она внучка епископа и была законнорожденной до того, как Второй Лютеранский Совет запретил браки клира на западе. Но здесь, в моей родной Польше, эти указы не приняты, и вот теперь мы волей Божьей муж и жена.

Он повернулся к супруге:

— Франсин, мы не можем нести слово Божие этим людям, если не примем местные обычаи! Ни в заповедях, ни в речах Христовых нет запрета на наготу. Вспомни притчу о цветах в поле и не волнуйся о своем одеянии. Так что раздевайся. Прошу тебя.

Франсин пришла в замешательство, да и я не меньше. Ситуация была крайне неловкой. Я ничего не мог сказать ей, но постарался доверительно улыбнуться и кивнул. Женщина прикусила нижнюю губу, взглянула на меня и встала. Затем медленно уронила свое одеяло. Думаю, она сделала это медленно, чтобы подтянуть его снова, если я буду возражать, а не из желания покрасоваться.

Поистине красавица — таких можно лицезреть в современном Кракове. Волосы цвета воронова крыла — первые черные волосы, которые я увидел в тринадцатом веке. Тонкая талия, полные бедра и пышные груди с маленькими темными сосками.

— Спасибо, дорогая. Кстати, Иисус говорил, что одной из добродетелей является чистота, а баня начинает остывать, — сказал священник.

— Хорошо. Пан Конрад. — Она кивнула мне и выбежала из комнаты.

— Благодарю, пан Конрад. Я целый день пытался заставить ее помыться. Ей не нравится их нагота, а им — ее запах.

Священник на мгновение умолк, и мы услышали, как толпа в церкви разразилась бурными рукоплесканиями.

— Черт возьми, зря они так делают!

Этот священник был куда более странным, чем отец Игнаций!

Его следующая проповедь была о том, как важно проявлять доброту к людям, которые стараются нам угодить. И все же, несмотря на странности, в нем была святость.

— Я сходил в баню раньше, надеясь, что она присоединится ко мне, но ничего не вышло. Однако, пан Конрад, у тебя ведь был повод, чтобы прийти сюда. Чем могу быть полезен?

— Отец, я пришел исповедаться.

— Конечно, сын мой, если тебе это нужно. В церкви сейчас много народу, но здесь достаточно уединенное место. Тебя устраивает?

Я согласился и рассказал ему об убитых мной людях, соблазненных девушках, а также о том, что несколько минут назад воцарился его жену.

Первые два «греха» он даже не счел таковыми, а наоборот, поступками, достойными любого разумного мужчины. Что же до последнего...

— Ты должен учиться противостоять плодам своего воспитания. Если бы ты увидел ее одетой, ты бы признал ее красавицей, но у тебя не было бы похотливых мыслей. На ней было то, что дал ей Бог. Грех в твоих глазах, пан Конрад.

Я подумал об этом и решил, что священник прав. Впоследствии я узнал, что Франсин — личность неординарная и по-своему творческая. Я понял, что мое первое впечатление о ней было обманчиво. Она не скромная и застенчивая домохозяйка. В ней немало развратного и стервозного. Но я забегаю вперед.

Я ушел, получив епитимью из одного «Отче Наш» и трех «Аве Мария». Меня это немного удивило; мое удивление возросло еще больше, когда я увидел, как Франсин, обнаженная, возвращается из сауны через заповоленную народом церковь. Надо было видеть ее величественную походку!

По-моему, ее поведение во многом напоминало обращение в религию поэта-безбожника.

Через полчаса мы сидели за деревянным столом на помосте, недалеко от алтаря. Нас было пятеро: граф Ламберт, пан Мешко, я, отец Иоанн и Франсин. Шесть пустых стульев предназначались для дворовых девушек. Правда, сидеть им некогда, потому что они обслуживали пирующих. Но все равно девушки имели право сидеть во главе стола, даже если у них нет на это времени.

Попробуйте представить себе современных шестерых четырнадцатилетних девочек, ответственных за банкет на двести персон! И все же они отлично справились.

Всех взрослых простолюдинов рассадили за длинными узкими столами с одной стороны. Между каждой парой столов было свободное пространство, чтобы «прислуга» могла пройти. На самом деле роль прислуги выполняли женщины-крестьянки. Составили специальное расписание, согласно которому каждая женщина помогала разносить определенные блюда, но большую часть времени быть в качестве гостыи.

Здесь собрались все. Ворота Окойтца не просто были оставлены без охраны — их открыли! Если бы вошел известный преступник, его обслуживали бы вместе со всеми до конца праздника. А потом повесили.

Детей усадили в проходе, ведущем в графский зал. Их кормила часть музыкантов. Самые маленькие были еще дальше, в коридорах и пустых комнатах для гостей. Их матери сновали туда-сюда, им помогали шестеро наших дворовых. Даже поварам удалось побывать в роли гостей. А вот девушкам этим вечером не удалось. Зато в течение последующих двух недель они были распорядительницами, знатными дамами.

Борис, сидевший среди гостей в окружении женщин, помахал мне рукой. Я помахал в ответ, и толпа зааплодировала.

Передо мной стоял обычный прибор: чашка, ложка, глубокая тарелка, большой кувшин вина (простолюдинам подали пиво) и солонка, сделанная из крутого теста с углублением наверху. Длинная скатерть заодно служила и салфеткой.

У нас, на главном столе, у каждого было по полному набору, потому что шесть мест были пусты. Простому народу один набор полагался на двоих, почти всегда на мужчину и женщину. Не из-за нехватки посуды, а просто так было принято — делить ложку и чашку с сестрой или женой.

Музыканты играли по очереди — на флейте, свирели, дудке, бубне, рожке и волынке. Конечно же, это была не боевая шотландская волынка, а благозвучная польская версия, более высокого тона. Вероятно, музыканты долго репетировали накануне праздника. Только после окончания пира они сыграли все вместе.

Отец Иоанн прочел молитву.

Первым блюдом было рагу. Чья-то бабушка разлила его по тарелкам большинству гостей, но наш стол удостоила своим обслуживанием Кристина. Я подмигнул ей, и она подмигнула мне в ответ.

За рагу последовало жареное мясо. Янина положила передо мной толстый ломоть хлеба — прямо на скатерть, а девушка по имени Явальда, которой меня еще не представили, положила на хлеб сочный кусок мяса. Позже я узнал, что это мясо лошади, которую мы потеряли в снежную бурю вечером предыдущего дня. На вкус оно было весьма неплохим.

Одно блюдо сменяло другое, обычно мучное следовало за мясным. Свежих овощей не было вообще.

Когда настал черед последнего блюда, с места поднялся сам граф. Он взял у Натальи и Янины огромный поднос и лично вручил по небольшому куску пирога каждому из гостей, не переставая смеяться и шутить. Он прошел почти через всю церковь, а затем в свой зал, где лично угостил

каждого ребенка. Потом прошелся по коридорам, раздав по маленькому кусочку каждому из младших детей или просто положив на пеленку. Затем вернулся в церковь и вручил по куску простолюдинам, которых пропустил.

Он подошел к главному столу, где положил по куску напротив каждого места, включая свободные места дворовых девушек. Словно ужаснувшись оставшимся на подносе кускам, вновь подошел к столу, удвоив под аплодисменты толпы порции «знати». Дойдя до конца стола, он взял в руку пять оставшихся кусков и сделал вид, что пересчитывает людей в толпе, и вдруг убрал куски в свой мешок. Народ одобрительно загоготал.

Я так внимательно наблюдал за этим представлением, что даже не попробовал пирог. Когда граф Ламберт сел рядом со мной — между нами было два пустых стула, — он сказал:

— Ну, ешь же, пан Конрад!

Я кивнул, улыбнулся и откусил от пирога. Неплохо, но это всего лишь медово-ореховый пирог. Не то что чудеса кондитерского искусства, которые делают в современной Торуни. Я жестом подозвал Кристину.

— Вкусно, господин мой. Позволь мне тоже внести небольшой вклад в пиршество.

Когда девушка подошла, я обратился к ней:

— Ну-ка, бегом! У меня есть кусок коричневого лакомства, завернутого в серебряную и коричневую бумагу. В последний раз я его видел на своей кровати. Принеси его сюда, да побыстрее!

— Какие-то твои сладости? — спросил граф.

— Что-то вроде этого. Шоколад.

Когда Кристина вернулась, остальные пять девушек раздавали простому народу булочки.

Осталось семь кусков шоколада. Естественно, невозможно угостить двухсот простолюдинов и такое же количество их детей. За главным столом сидят пять человек, плюс еще

шестеро. Я разломал каждый кусок надвое, встал и положил по маленькому кусочку на каждое место.

Поднялся граф.

— Это заморское угощение, — выкрикнул он. — Его очень мало. Поэтому хватит лишь для главного стола, плюс два куска для короля и королевы!

Эти слова также встретили возгласами одобрения. Если бы сейчас здесь проводились выборы, думаю, народ проголосовал бы даже за Чингисхана.

Я продолжал раздавать шоколад, не забыв и себя. Когда я вернулся на место, осталось три кусочка.

— Господин, что ты там говорил про короля и королеву?

Граф попробовал шоколад, и его глаза округлились от удивления.

— Мы собираемся выбрать их на время праздников — короля и королеву неповиновения. Видишь маленькие булочки, которые сейчас раздают? Пшеничные — мужчинам и ржаные — женщинам. В одной пшеничной и одной ржаной спрятано по горошине. Кому попадетсЯ горошина, те и станут королем и королевой праздника. Тогда ты и я, пан Мешко и отец Иоанн станем простолюдинами!

— Ты хочешь сказать, что король будет иметь право на Франсин? — спросил я.

— Она замужем. Хотя он может попробовать охмурить и ее, и, может, это ему даже удастся, пока не кончится праздник. А потом я этому ублюдку яйца отрежу! Если на нее не могу претендовать я, то, будь я проклят, какой-нибудь чертов крестьянин — тем более.

— О... да. Осталось три куса.

— Хорошо. Один для короля и один для королевы. А последний... что ж, титул дает некоторые привилегии. — Граф собрался было положить его в свой мешок, но затем передумал и жестом подозвал Наталью. — Отдай это рыжеволосой дочери Петра Мороцека.

Когда девушка умчалась, он взглянул на меня и сказал:

— Кажется, ты лишаешь меня кое-кого из моих дворовых девушек, пан Конрад. Мне, пожалуй, пора набирать новых.

Пани Малинская обнаружила в своей булочке горошину и стала королевой. Кузнец стал королем и приказал нам, «простым свиньям», убираться с главного стола. Для нас был приготовлен стол рядом.

Первым делом «король» выбрал себе шесть «придворных дам», а именно шесть самых пышнотелых женщин. Пани Малинская потребовала себе «пажей», которые принялись ластиться к ней. Все это сопровождалось одобрительными выкриками толпы.

Король потребовал, чтобы граф выказывал больше почтения кузнецам, и, следовательно, должен попробовать себя в этой роли.

Принесли кожаный фартук и молот. Облачившись в наряд кузнеца и взяв в руки его орудие труда, Ламберт разыграл пародию, которая понравилась бы мне еще больше, если бы я был лучше знаком с кузнецом.

Пану Мешко поручили оставить свою жену и на «вакантное место» назначили другую женщину. Этой дородной матроне дали набитую перьями подушку, и он позволил ей гоняться за ним с подушкой по всему залу и лупить себя. Народ визжал от восторга. Пиво лилось рекой.

Настала моя очередь. «Король» решил, что поскольку у меня хорошо получается спасать младенцев, то я, вероятно, сам еще не вышел из нежного возраста. Это решение, очевидно, было придумано заранее, потому что слишком уж скоро меня окружили три незнакомые женщины и прикололи на мою тунику и брюки огромные пеленки. А я-то думал, что булавка — современное изобретение.

Затем мне под нос сунули шесть огромных сисек, три из которых принадлежали кормящим матерям. Меня насильно покормили грудью. Я выжил. В телевизионных комедиях юмор намного утонченнее.

Затем вызвали Франсин. «Король» заявил, что лишь немногим посчастливилось лицезреть ее прелести, а это несправедливо. Он приказал ей раздеться догола и пройти по залу, чтобы показать народу истинную красоту.

Я хотел вмешаться. Я готов стерпеть весь этот маскарад по отношению к графу, пану Мешко и к себе самому. Но не мог позволить, чтобы на моих глазах унижали жену священника, хотя сам факт наличия у священника жены немало удивлял меня.

Однако я даже не успел схватиться за меч.

Франсин встала из-за стола и сбросила с себя одежду. Толпа разразилась радостными возгласами. Я был в шоке. Она горделиво прошлась, покачивая бедрами, между столами простолюдинов, кого-то ущипнув за подбородок, кого-то поцеловав в губы или небритую щеку. Все это сопровождалось оглушительным ревом толпы, и Франсин упивалась всеобщим восторгом! Наконец она подошла к нашему столу. Пана Мешко она поцеловала в щеку, и тот даже не возражал. Граф потребовал большего и погладил ее от подмышки до колена. Мне же захотелось еще большего. Я усадил ее к себе на колени и поцеловал. Она тесно прижалась ко мне.

— Но все это во имя Церкви, — сказала она с притворной невинностью в голосе. — Нужно смешаться с варварами и следовать их обычаям.

Я не знал, чего мне хочется в первую очередь — шлепнуть ее или заняться с ней любовью, поэтому я просто передал ее законному мужу. Она осталась возле него до конца праздника, позволив, в конце концов, чтобы ей на плечи набросили плащ. Я не солгу, если скажу, что ситуация оставила у меня в душе неприятный осадок.

Священника и дворовых девушек не стали вовлекать в это шутовство; король с королевой переключили внимание на простолюдинов. Все музыканты дружно заиграли в надежде, что их не станут вызывать.

«Королевские указы» простолюдинам были еще более грубыми, чем знати. Большинство из них были основаны на непонятных мне местных шутках и вскоре стали скучны. По крайней мере для меня. Все остальные веселились от души.

Вскоре у нашего «правительства» иссяк запас идей, и они объявили начало танцев. Столы и стулья отодвинули к стене и вкатили две бочки с пивом. С бочек сняли крышки, и пиво нужно было просто черпать оттуда.

Ламберт, пан Мешко и я танцевали первыми. Я не был уверен, что у меня получится, но Кристина вытащила меня на середину зала.

Вряд ли это можно было назвать танцами. В Окойтце никогда не слыхивали о польке или мазурке, не говоря уже о вальсе. Танец заключался в том, что люди самозабвенно скакали вверх-вниз. Это походило на «танцы» современных панков.

После этого я оказался в сторонке рядом с графом. Он похлопал меня по плечу и жестом пригласил последовать за ним. Я прошел в его палаты. Он закрыл дверь и облегченно вздохнул.

— Как хорошо, что подобные праздники проводятся лишь раз в году! Согласно традиции, я должен устраивать пир для народа и строить из себя дурака, но мне это нравится не больше, чем тебе. Если бы ты увидел этих людей во время сбора урожая, у тебя сложилось бы совсем иное мнение. Важный вид можно напустить на себя и позже, а сейчас давай сыграем в шахматы. Да, и сними с себя дурацкие пеленки.

Я вполне сносно играю в шахматы, хотя и не могу назвать себя мастером в этом деле. Его техника примерно соответствовала современной, за исключением того, что пешки не могли бить походя. Граф играл хорошо, однако слишком консервативно. За семь столетий стратегия игры заметно развилась. В тот вечер я выиграл четыре игры из четырех.

— Пан Конрад, у тебя больше не осталось этих коричневых сладостей, которыми ты угощал?

— Боюсь, что нет, и не удастся сделать еще. А мне понравился ваш пирог.

— Вкусно, правда?

— Да. Просто восхитительно. Но я заметил, что, в отличие от еды и напитков, пирога всем досталось немного.

— Естественно. Он же с медом. Продав этот мед, я получил бы столько, сколько ушло на остальные угощения.

— Мед здесь редкость? Удивительно. Это же натуральный продукт, который легко добыть.

— Достаточно легко, пан Конрад, если найти медовое дерево. Охотнику за медом удастся найти одно, ну, может, два медовых дерева за год.

— Поразительно. А что вы делаете потом?

— Как что — нужно выкурить оттуда пчел, а затем рубить дерево.

— Я начинаю понимать, в чем дело. Знаешь, господин, пчелы не могут сами сделать себе дупло. Им приходится искать для улья подходящее место. Если рубить каждое дуплистое дерево, им будет негде жить. Неудивительно, что мед — такая редкость.

— Понятно. Ты предлагаешь, чтобы мы сами делали в деревьях дупла?

— Не обязательно нужно целое дерево. Сойдет и простой деревянный ящик. Пчелы — поистине паразитические существа, я читал о них. Знаешь ли ты, что у них есть свой язык?

— Что? Насекомые разговаривают?

— Не совсем. Но когда пчела находит цветущий луг, она возвращается в улей и начинает специальный танец, чтобы показать остальным, куда нужно лететь.

— Потрясающе! Ты говоришь «она». А как же пчелы-самцы?

И я целый час рассказывал о пчелах. Друзья всегда обвиняли меня в том, что у меня не голова, а свалка. Все, что

в нее попадает, остается там и «гниет». В результате я согласился проинструктировать местного плотника по поводу постройки ульев — целых двенадцати дюжин.

В этом, конечно же, нет ничего сложного. Сойдет и обычный прямоугольный ящик вместимостью около сорока литров. В нем нужно сделать отверстие в четыре квадратных сантиметра в нижней части. А затем водрузить на шесть высотой метра в три.

— Это была очень приятная и поучительная беседа, пан Конрад. И вдвойне приятно, что мы играли в шахматы не на деньги. Но теперь нам нужно возвращаться вниз и продолжить маскарад.

В заключение праздника принято дарить подарки. Никто и не думал о том, чтобы подарки во что-то заворачивать, но это мало кого волновало. Правда, получилась неловкость, когда священник и его жена подарили мне деревянное распятие и вырезанные из дерева четки — ручная работа самого священника, я же не знал, что подарить им в ответ. Единственное, что я мог тотчас же придумать, — подарить им семена роз.

Пан Мешко подарил мне новый ремень для меча. Дворовые девушки ничего не дарили; они только получали. Хотя, наверное, все-таки дарили. В ту ночь меня посетили Явальда и Мария. Они предпочитали работать сообща.

ГЛАВА 12

Это был тихий, спокойный вечер.

Я давал уроки фехтования Ламберту и пану Мешко. Несмотря на их энергичные протесты и по моему настойчивому совету, вместо настоящих мечей мы пользовались деревянными палками. Вскоре к нам присоединился Борис Новацек, расхваливший предыдущие мои поединки.

У графа и пана Мешко были довольно странные представления для людей, которые редко расставались с мечом. Такое впечатление, что они не верили, что у меча есть острие! Мечом они умели только резать и рубить. Они не знали, что им можно еще и колоть.

Наконец Борис сказал:

— Господа, я видел, как он пользуется этой штукой! Я видел, как его маленький меч насквозь прошел через шею противника, и как он убил того немца единственным ударом в прорезь для глаз в шлеме.

— А я, Новацек, не видел, как он кого-либо убивал, — сказал граф. — Нужно проверить это на деле. Неси свой меч, пан Конрад.

Я с опаской последовал за графом. Мы вышли из здания, за нами все остальные. Он остановился возле загона с шестью свиньями, чья участь была стать завтрашним ужином.

— Что ж, пан Конрад. Ты говорил, что край меча эффективней в конном сражении, в то время как острие — в

пешем. Сейчас посмотрим. Я зарежу этого борова краем своего меча, а ты — вон ту свиноматку острием.

Без дальнейших рассуждений граф с мечом в руке запрыгнул в загон.

Это испытание было слегка несправедливым, потому что боров оказался злобным. Размахнувшись мечом, Ламберт слегка задел свинью «ниже талии». Удар сломал животному позвоночник, но не рассек его. Боров рассвирепел. Его задние ноги не действовали, но он, перебирая только передними, двинулся на графа.

Свинья — очень сильное животное; ее челюсти могут оторвать человеку ногу. Свиное мясо — это на самом деле мышцы.

Ламберт в ярости отступал назад, и его второй удар — в плечо — нисколько не остановил борова. Я уже собирался вмешаться, но меч графа обрушился на голову животного, и оно затихло.

— Видел, какой сильный удар? — Ламберта явно распирало от гордости за свое искусство владения мечом. — Теперь твоя очередь, пан Конрад.

Мне очень не хотелось запрыгивать в свинарник в вышитой тунике и кожаных чулках, но другого выхода не было.

— Вот эту свиноматку, господин?

Остальные свиньи внимательно рассматривали Ламберта. Я попытался вспомнить расположение ребер у свиней, но забыл, отходили ли они назад, как у человека. Я собирался вложить в удар всю силу. Исходя из анатомического строения свиньи, я решил рубить сверху вниз.

Так и я поступил. Туловище выпрямлено, рука прямо, меч вперед краем вниз.

Результаты поразили меня. Никогда раньше мне не приходилось убивать животных. Мой меч прошел прямо сквозь первую свинью и наполовину через другую, находившуюся за ней. Обе они упали замертво, не успев даже взвизгнуть.

Я вышел из загона и вытер меч о снег. Затем я начал очищать обувь от свиного навоза, Кристина помогала мне.

— Превосходный удар, пан Конрад! — сказал пан Мешко. — Но насколько настоящим было это испытание? А что, если бы на них были доспехи?

— Отличная идея! — воскликнул граф. — Кристина, Борис принес четыре комплекта доспехов. Возьми Марию, и принесите два. Выбери похожие.

Как только девушки побежали, пан Мешко крикнул им вслед:

— И две кольчуги! Принесите две одинаковых кольчуги!

Граф Ламберт и слушать даже не стал возражения Бориса о том, что мы испортим его кольчуги.

— Не бойся, наш кузнец починит их!

Мнения свиней никто спрашивать не стал, зато собралась толпа простого народа, и поэтому помощников хватало с лихвой. По моему предложению мы решили устроить «сражение» за стенами загона.

Несмотря на решительные протесты со стороны свиней, их одели в доспехи, поставив между горизонтальными шестами, передними ногами вверх, задними — вниз.

Общество, выступающее против жестокого обращения с животными, наверняка пришло бы в ужас, но в любом случае мы собирались съесть этих свиней, и я не вижу, чем мой меч хуже ножа мясника.

Вообще-то меч графа был намного хуже. Согласно правилу, удары должны разрубить кольчугу, и графу пришлось нанести пять ударов, прежде чем свинья затихла. Смерть наступила в результате внутренних травм. Доспехи же остались целы.

Булатное лезвие легко разрезало железные кольца и вонзилось в сердце.

От меня не скрылась борьба чувств в душе Ламберта. С одной стороны, он увидел ценную новую технику. С другой —

под сомнением оказалось то, чему он всю жизнь учился. Я встревожился. Не обидел ли я ненароком своего хозяина?

— Можно посмотреть лезвие твоего меча, пан Конрад?

— Конечно, господин.

Он схватился за дешевую медную рукоятку и несколько раз крутанул меч. После чего запрыгнул в загон, где оставалась одна живая свинья. Единственным мощным ударом он полностью снес животному голову. И расплылся в улыбке.

— Твоя техника великолепна, пан Конрад, но меч! Он просто волшебный!

— Сомневаюсь. Просто хорошая сталь.

— Можешь обучить нашего кузнеца, как ее изготавливать?

— Я могу объяснить ему, как это делается, но сама работа — это искусство, которое он должен сам для себя вырабатывать. Хороших результатов можно ожидать не раньше, чем через год-два.

— Пан Конрад, нам нужно поговорить.

Казалось, граф немного в нерешительности.

Когда мы возвращались обратно, я заметил, что Кристина насупилась.

— В чем дело, красавица? — спросил я. — Прости, эти убийства расстроили тебя.

— Да нет, дело не в этом. Просто завтра на ужин мы собирались испечь кровавой пудинг, а вы взяли и расплескали всю кровь по двору.

Трудно угодить всем.

Перед ужином мы с графом играли в шахматы, а в другом конце зала девушки установили ткацкий станок.

Хотя это громко сказано. Вокруг верхней планки обмотали несколько тысяч шерстяных нитей. На нижнюю планку предполагалось наматывать готовую материю. Посередине две девушки тщательно двигали челнок взад-вперед между вертикальными нитями, а затем закрепляли горизонтальную нить чем-то вроде небольшого гребня. За час они не сделали и сантиметра ткани.

— Это их увлечение? — спросил я, указав на работающих девушек.

— Увлечение? Материя нужна всегда, а девушки должны быть чем-то заняты.

— Тогда почему бы не использовать нормальный ткацкий станок?

— Ты в них разбираешься? — Игра была моментально забыта.

— Вообще-то я не ткач, но я знаю этот процесс...

— Понятно, пан Конрад. «Но не за эти несколько недель, что я пробуду здесь!». Ты вообще представляешь нашу экономическую ситуацию относительно материи? Разве ты не знаешь, что французы и итальянцы получают огромные прибыли, торгуя тканью? На одной только ярмарке в Труа вертятся миллионы гривен — в основном польское серебро за французские ткани.

— Почему бы не пригласить сюда ткачей?

— Мой сеньор, Хенрик Бородатый, уже пытался. За огромную сумму он выписал три дюжины валлонских ткачей и на свои средства поселил их во Вроцлаве. Но вплоть до сего дня ни один поляк — за исключением самого Хенрика — не был допущен понаблюдать за их работой! А цена на материю ни на грош не упала! Ткань, из которой сшита твоя туника, произведена во Фландрии и покрашена во Флоренции.

— Я ничего не смыслю в окраске тканей, но уверен, что смогу построить ткацкий станок, — сказал я.

— Вот и решено! Пан Конрад, ты мне нужен. Я хочу, чтобы ты остался здесь и проинструктировал моих людей в тех делах, о которых ты рассказывал. Не прошло и пары дней, как ты поведал про мед, сталь и материю. Ты показал мне лучшее искусство владения мечом, лучшие танцы, лучшие приемы игры в шахматы, чем вообще представляется возможным. Ты действительно нужен мне. Называй цену.

— Цену? Я не уверен, что мне нужны деньги. У меня есть половина захваченного добра, и...

— Еще одно: у тебя больше, чем ты думаешь. Равная доля с Новацеком — это же чепуха! Хотя ты и находишься у него на службе, ты все же рыцарь, а он простолюдин; и всем, что у него есть, он обязан твоему мечу. Ты можешь подарить ему двенадцатую часть, но больше — это уже слишком. Кроме того, добыча захвачена на моих землях. Согласно обычаю, я имею право на десятую часть. Но это примерно соответствует сумме, которую ты получил от меня за убийство проклятого немца, так что считай, что мы в расчете.

— Пусть так, граф Ламберт, но все же у меня есть договоренность с Борисом. Я обещал сопровождать его, считать его расходы и прибыли, а также защищать его.

— Новацек поедет отсюда в Венгрию и затем обратно. Мне как раз нужно послать в Венгрию рыцаря. Письмо, которое ты мне привез, — от моей жены. Она с нашей дочерью гостит у своих родственников в Пеште. Как обычно, она жалуется на недостаток средств, поэтому я должен отправить ей денег. Иначе жена сама придет сюда за ними. Если я должен послать рыцаря — а кому еще можно доверять? — тогда он может сопровождать Бориса и работать на него. Учет расходов — едва ли подходящее занятие для рыцаря.

— Видишь ли, господин, не все так гладко. На самом деле я еще не посвящен в рыцари.

— Что? Ты хочешь сказать, что ты скрестил со мной меч, обыграл меня в шахматы, наслаждался обществом моих девушек — и ты не посвящен в рыцари? Пан Мешко! Мне нужен свидетель! Скорее сюда!

— Иду, господин!

— Но, понимаешь, граф Ламберт... в моей стране нет такого понятия — рыцарство, но я был офицером — нет, я и сейчас офицер, и священник сказал, что...

— Молчать! Преклони колени, Конрад Старгардский! — Он вынул меч из ножен.

У меня в мозгу промелькнул образ борова с раздробленным черепом, но все же я опустил на колени.

— Видишь ли...

— Тише!

Он сильно ударил меня мечом плашмя по ушибленному правому плечу. Затем не менее сильный удар пришелся и по раненой левой руке. По всей видимости, меня посвящали в рыцари, и граф явно не желал довольствоваться легким касанием, как в современных фильмах.

— Я посвящаю тебя в рыцари!

Последний удар пришелся мне по голове, и в глазах на мгновение потемнело. Я чуть было не упал, но все же удержался в коленопреклоненном положении.

— Встань, пан Конрад!

Девушки за ткацким станком смотрели на все это, шептались и посмеивались.

— Эй, вы! — обратился к ним граф. — Это была чистая формальность, чтобы избавить пана Конрада от сомнений. В их стране принята другая церемония. И все же помалкивайте об этом. Ты тоже, пан Мешко.

Я с трудом поднялся на ноги.

— Вот и все, пан Конрад! Есть еще что-нибудь?

— Проблемы? Нет, мой господин. Но чего именно ты от меня ожидаешь?

— Я хочу, чтобы ты построил механизмы, которые, потвоему, принесли бы пользу, а также, чтобы ты присягнул мне на верность.

Что ж... а ведь это не так уж и плохо. Удобное жилище, доброжелательные люди, которым я нужен, внимание противоположного пола. Если сравнить с моей предыдущей должностью — что ж, надо отдать должное, Борис Новацек был честен со мной. Но за два дня путешествия я оказался вовлечен в два кровопролитных сражения. Хотя два — цифра незначительная, все же она что-то да значит! Не будь судьба ко мне так благосклонна — лежать мне раздетым до гола трупом в заснеженном лесу.

— Очень хорошо, господин. Я надеюсь, что ты уладишь дела с Борисом Новацеком без ущерба для него. Я присягну на верность, но не навсегда. Лет эдак на девять.

Я оставил для себя малодушный выход из положения. В битве при Легнице — а это совсем недалеко отсюда — тридцать тысяч христиан сражались с превосходящим по численности войском монголов. Эти варвары не оставили в живых ни единого человека. Никто из поляков, что принимали участие в битве, не вернулся с поля боя, чтобы о ней рассказать. Не хотел бы я там оказаться.

— Решено, пан Конрад. А чего бы ты хотел в качестве вознаграждения? Если не деньги, может, тогда земли? Или собственных крестьян?

— Давай пока не будем с этим торопиться. Договоримся обо всем чуть позже. А пока меня устроит, если ты позволишь мне пожить в твоём замке. Ты понимаешь, что я согласен в случае нападения защищать тебя и твоих людей, но я не хочу брать на себя ответственность за прочие военные действия.

— Согласен. Борис рассказывал мне о твоём двойственном отношении к убийству, и я видел твоё лицо, когда ты заколол тех свиней. Ты странный человек, пан Конрад Старгардский.

ГЛАВА 13

В тот вечер праздник был куда более цивилизованным, чем на Рождество. Просто праздничное застолье, за которым последовали танцы.

Кажется, это я научил поляков танцевать польку. Мой короткий танец с Кристиной явно произвел на всех впечатление, и в тот вечер граф настоятельно попросил меня продемонстрировать его вновь. Несколько минут я насвистывал музыкантам мелодию, хлопая для ритмичности по бедру, и они быстро подхватили мотив. Нот не было, они играли по слуху.

Я не стану описывать пронзительный звук трех рожков, четырех флейт, свирели, двух бубнов и волынки, играющих польку «Пивной бочонок».

Праздничная суматоха слегка улеглась. Женщины-крестьянки разделились на шесть групп, которые по очереди исполняли роль прислуги. Каждую группу возглавляла юная девушка. И это работало.

Кажется, граф считал, что рыцарю подобает всегда иметь под рукой по меньшей мере двух молодых женщин. Думаю, их называли подручными девушками, потому что они всегда были под рукой. Слово «девушки», конечно же, было эвфемизмом. Если они беременели, он отдавал их замуж и заменял новыми. Позже я обнаружил, что это не всем удастся. Большинство рыцарей графа, а также и

его феодал, завидовали такой способности справляться с этой проблемой.

Я играл в шахматы с паном Мешко, когда в комнату ворвалась Кристина. Она нетерпеливым жестом попросила меня следовать за ней. Я извинился перед Мешко и последовал за девушкой. Мы прошли в пустую комнату рядом с палатами графа. Она приложила ухо к стене и знаками показала, что мне нужно сделать то же самое. Смутившись, я так и поступил.

Оказывается, Ламберт и Новацек обсуждали меня! Я отошел от стены и побежал обратно в свою комнату, опасаясь, что таким образом могу нарушить конфиденциальность.

Меня догнал граф.

— О, пан Конрад! Я хотел с тобой поговорить!

— Да, мой господин. Ты знаешь, что слуги подслушивают твои разговоры?

— Что? Ну конечно! Дорогой пан Конрад, или ты слишком наивен, или в твоей стране слуги совершенно иной породы, нежели остальные люди. Слуги подслушивают! Это все равно что сказать «рыбы плавают»! Или у тебя есть слуги, или секреты. Иначе не бывает. Но я не об этом хотел с тобой поговорить! Пойдем в мои палаты. Я хочу довести до конца наше соглашение с Борисом. Я правильно предположил, что ты сделал Борису подарок, равный двенадцатой части захваченного тобой сокровища?

— Ну да, по крайней мере...

— Отлично, потому что именно такую сумму он решил дать мне в качестве рождественского подарка.

Борис побагровел.

— Дорогой граф Ламберт, конечно же...

— Хватит об этом. Ты и так был слишком великодушен. Пан Конрад, ты недавно покупал доспехи. Я решил приобрести доспехи, которые ты захватил. Сколько ты платил за свои?

— Семьсот восемнадцать гривен, господин.

— Значит, моя цена в тысячу гривен за комплект дос-
тойная.

— Но, граф Ламберт, — запротестовал Борис. — В Вен-
грии я получил бы за них куда больше! А кроме доспехов
было еще оружие, седла, уздечки...

— Да, но за все я решил заплатить четыре тысячи.

— Но, господин...

— Я все решил! Итак, по рукам. Ты привез мертвую ло-
шадь, которую я счел твоим вкладом в пиршество. Другая
захваченная лошадь — что ж, ты потерял лошадь на моих
землях, поэтому считай ее моим даром, как возмещение
ущерба. Пан Конрад, у меня есть для тебя поручение. Схо-
ди в хранилище, Кристина покажет тебе дорогу. Кристина!
Я знаю, что ты подслушиваешь! Иди сюда. Хорошо. Теперь
ступай в хранилище. Там ты найдешь, помимо моих ценно-
стей, седельные сумки Бориса Новацека, кошельки пана
Конрада и кредитора, а также сундук, который они нашли в
лагере немцев. Возьми четыре тысячи гривен из моего ко-
шелька и прибавь их ко всему остальному. Возьми три ты-
сячи гривен и положи их в сумки Бориса, чтобы заплатить
за доспехи пана Конрада. Затем возьми из сундука одну две-
надцатую и положи ее к моим деньгам. Сундук останется
пану Конраду, и, думаю, мы будем в расчете.

Все это на словах, без единого документа. Сомневаюсь,
что граф знал точную сумму своего богатства. Полагаю, что
одной из моих задач будет научить его принципу двойной
записи.

— И еще, — продолжил он. — Отправь все мое новопри-
обретенное добро мастерам. Я хочу, чтобы все это как сле-
дует починили и убрали после окончания праздника. Ору-
жие кузнецу, лошадиную сбрую шорнику, одежду... О, я за-
был про одежду. Я заплачу за нее шестьсот гривен. Значит,
всего из моего кошелька уходит четыре тысячи шестьсот
гривен. Хорошо, что мы все уладили.

— Но, господин...

— Какие у тебя проблемы, Новацек? Ты ступил на мои земли с рыцарем и мулом с поклажей. Покинешь их с тем же, поскольку пан Мешко соблаговолил сопровождать тебя в Венгрию и обратно за ту же сумму, что ты собирался платить пану Конраду. Ты веселился на празднике, и тебе не пришлось ничего потратить. Что же до всего остального, у тебя были приключения, о которых можно будет долго рассказывать в тавернах. На что же тут жаловаться?

Борису пришлось смириться с неизбежным. Очевидно, торговаться с графом Ламбертом невозможно.

— Он собирался научить меня арабской арифметике.

— Да? Пан Конрад, согласен обучить пана Новацека здесь, если тебе удобно?

— Конечно, господин.

— Ну и отлично. Кристина, пан Конрад! Вы получили указания. Идите, но вернитесь, пока солнце не село. Не забывайте о своей клятве верности.

Мы с Кристиной пошли в подвальное хранилище. Будь оно охраняемо, армия вряд ли смогла бы ворваться туда, но если нет, вор бы попал в него беспрепятственно. В общем-то охраны здесь не было. Нужно срочно придумать какие-нибудь замки.

Мы последовали инструкциям графа, и я начал считать деньги. Удивленно посмотрев на меня, Кристина достала весы и взвесила деньги. Кажется, количество монет не имело значения.

Когда мы справились, я узнал, что стал владельцем 112 200 гривен. Кристина сказала мне, что за эти деньги можно нанять каждого простолюдина из форта на пять лет.

С трудом верилось, что такое богатство может быть сосредоточено в руках одного человека, особенно добропорядочного социалиста! Возвращаясь обратно, я ощущал легкое головокружение.

В те времена во всей Европе вассал приносил клятву верности, стоя на коленях. Он складывал ладони как при

молитве, а сеньор брал их в свои руки. Сеньор обычно сидел.

Но в Польше тринадцатого века все было не так. Здесь нужно в солнечный день выйти на улицу, чтобы было как можно больше свидетелей. Вы поднимаете правую руку в сторону солнца и громко произносите клятву. Несомненно, традиция заимствована из прежних, языческих времен, но мне она нравится больше.

Я торжественно произнес:

— Я, пан Конрад Старгардский, обещаю приходить на помощь моему феодалу, графу Ламберту Пясту, если ему или его народу грозит опасность на его землях. Я обещаю служить ему девять лет. Клянусь.

Граф ответил:

— Я, граф Ламберт Пяст, обещаю защищать своего вассала, пана Конрада Старгардского наилучшим образом. Я обеспечу его всем необходимым и буду делать то, о чем время от времени мы будем заключать соглашения. Клянусь.

Люди захлопали в ладоши, и присяга закончилась. Никаких вам документов в четырех экземплярах, никаких обсуждений в комитетах. Тринадцатый век начинал мне нравиться.

ГЛАВА 14

Праздники проходили приятно. Часто я залеживался в постели допоздна, иногда пропуская завтрак в 10 часов утра. Во время святок баню топили каждый день (а в обычное время лишь два раза в неделю). Ее могли посещать все — и простолюдины, и знать.

После обеда я выполняю роль инструктора, обучаю фехтованию, первой помощи, учету денег и арифметике. Я рассказал об арифметике, основанной на числе двенадцать (а не на десяти, как обычно принято) — отчасти потому, что на этом настоял Борис Новацек, а отчасти из-за того, что эти люди считали дюжинами и дюжинами дюжин, а не десятками и сотнями. Они убедили меня, что двенадцать — более удобное число, чем десять. У двенадцати четыре частных, у десяти — только два. Круг можно без труда разделить на двенадцать частей, а на десять — практически невозможно без транспортира. Двенадцатеричная система гораздо проще и удобнее; можно указывать бóльшие числа, используя меньшее количество цифр.

В действительности единственное преимущество десятичной системы — это не столь важный биологический факт, что у человека десять пальцев. Я слышал, что индейцы племени майя всегда ходили босиком, и поэтому разработали двадцатеричную систему, считая пальцы как на руках, так и на ногах.

Выработать двенадцатеричную систему оказалось не сложно. Ноль и цифры от одного до девяти оставались прежними. Для десяти и одиннадцати требовались новые символы; я выбрал для них греческие буквы «дельта» и «фи».

Счет осуществлялся следующим образом: один, два, три... девять, десять, одиннадцать, двенадцать, один-десять, два-десять, тринадцать десять... девятнадцать, десятнадцать, одиннадцатинадцать, двадцать, двадцать один... двадцать девять, двадцатьдесять, двадцатьодиннадцать, тридцать, и так далее. Одиннадцатнадцать равнялось ста сорока двум в десятиричной системе. Очевидно, не так ли? Достаточно составить таблицы умножения и все. Опять-таки понять их несложно.

Меня поразила быстрота, с которой люди усваивали новые знания. В двадцатом веке детей в школах обучают арифметике восемь лет, здесь же мои «студенты» выучили все это за две недели! Подобно сухой губке, они жадно впитывали в себя все новое.

Число моих учеников варьировалось от четырех до пятидесяти. Мы решили, что после праздников занятия возобновятся по воскресным вечерам.

Обучение проходило исключительно в устной форме; для запоминания числа повторялись вслух хором. Я оштукатурил часть одной стены и покрасил ее в черный цвет, чтобы использовать в качестве школьной доски. Здесь не было ни книг, ни бумаги, ни карандашей и, соответственно, никаких письменных экзаменов.

Несмотря на все эти недостатки, обучение шло успешно. К концу своего пребывания здесь, Борис завел пергаментную учетную книгу, в которой разбирался лучше, чем я, поскольку я так и не научился мыслить категориями двенадцатеричной системы счета. Я смог ее придумать, но не более того.

Борис пожаловался, что чернила медленно сохнут и не слишком удобны в дорожных условиях, поэтому я предло-

жил пользоваться заостренным кусочком твердого свинца. Это сработало, и через несколько лет мы производили и продавали свинцовые карандаши, сделанные из настоящего свинца, а не современной смеси графита с глиной.

На празднестве в двенадцатую ночь я должен был дарить подарки простому народу, и к тому времени уже определился. Эти люди явно страдали от недостатка витаминов. Купленные мной еще в двадцатом веке семена при условии правильного обращения могли стать ценным вкладом в их питание.

Я аккуратно разложил пакетики с семенами на шесть кучек.

Первая состояла из овощей, которые можно съесть, а семена сохранить: тыквы, кабачки, люффы, помидоры и так далее. Всего девяносто две упаковки — достаточно, чтобы раздать каждому по одной.

Во второй были растения, семена которых употребляются в пищу: зерновые культуры, кукуруза, горох и бобы. Предпочтительнее было бы выращивать их на семена, по крайней мере в первый год, поскольку я полагал, что современные разновидности плодovie старинных. Их лучше всего сажать на личных землях графа, так как крестьяне с голоду могли и съесть семена следующей зимой. Немного поразмыслив, я положил сюда же двулетние растения — лук и чеснок. Я знал, как они размножаются.

Третья группа состояла из многолетних растений — фруктовые деревья, ягодные кусты, сахарный клен, спаржа, виноградные лозы и так далее. Они также предназначались для владений Ламберта, поскольку он мог позволить себе долговременные вложения, а крестьяне — вряд ли.

В четвертую кучку я положил декоративные растения, не имеющие практической ценности: декоративные деревья, цветы и так далее. Розы — красивые цветы, но если что-то вдруг не прорастет, невелика беда. Их я решил отдать женщинам из замка.

Оказалось, что я сильно ошибся относительно бесполезности декоративных растений. Некоторые из них отлично отпугивали насекомых, а некоторые цветы люди ели. Розы служили основным источником витамина С. Японская роза вырастает в сплошную живую изгородь — эта живая колючая стена куда лучше колючей металлической проволоки. Кустарник также оберегал поля от скота.

Были у меня и растения, которые вообще не произрастали в Польше. Я нашел два пакетика риса, шесть видов цитрусовых деревьев и упаковку семян хлопка. Я не знал, зачем та рыжая девица продала их мне, но факт оставался фактом, и здесь, в Окойтце, от них не было никакой пользы.

Хорошо, что Борис отправлялся в более теплые края — в Венгрию. Я знал, что там вырастал рис и апельсины, и — кто знает? — может, там вырастет и хлопок. К тому же мне хотелось хоть немного загладить свою вину перед бывшим хозяином. Если он распорядится моим подарком правильно — а Борис был достаточно умен, — эти растения помогут ему разбогатеть.

Хлопок особенно важен. Хлопок лучше льна, и его легче скручивать в нити. В эти времена, когда ткани так ценны, Борис наконец нажил бы немалое состояние, о котором он так мечтает.

Эх, будь у меня семена табака...

В последней кучке находились растения, о размножении которых я ничего не знал. В основном это были корнеплоды: морковь, репа, редис, свекла, а также капуста и ее «родственники»: цветная капуста, брокколи, листовая капуста и кольраби. Последние шесть на самом деле являются различными сортами одного вида и их можно скрещивать между собой. Лучшее, что я мог сделать, — отдать все графу и посмотреть, что из этого получится. Меня беспокоило, что сахарная свекла оказалась в этой последней кучке. Учитывая огромные цены на мед, сахарная свекла принесла бы графу большие доходы, но я не знал, как ее выращивать.

Мероприятие прошло неплохо. Все люди горели желанием попробовать что-нибудь новое, а графу хотелось отдать несколько гектаров под семена. С приходом весны мы с отцом Иоанном — единственные грамотные люди в Окойтце — по просьбе народа читали и перечитывали надписи на пакетиках.

Когда все вокруг неграмотные — это раздражает и занимает много времени. Невозможно оставить кому-нибудь записку. Нужно найти посланника и положиться на его память. Нельзя давать письменные указания. И вообще, неграмотность — дело плохое.

Я застал отца Иоанна за резьбой по дереву; он вырезал статую святого.

— Отец, я думаю, нам нужно основать здесь школу.

— Правда? И чему учить?

— Как чему? Конечно же, чтению и письму.

— А какую пользу это принесет моему приходу?

— Какую пользу? Да ведь все эти люди неграмотные! Они даже свое имя написать не могут, не говоря уже о чтении.

— А если я обучу их грамоте, что тогда? Что они будут читать?

— Книги, что же еще?!

— Единственные книги в Окойтце — это не слишком разборчивая Библия и моя собственная копия Аристотеля. Их я могу цитировать по памяти. Что же до написания имен, где эти люди будут ставить свою подпись? На стенах уборной?

— Но все же грамотность важнее, чем резьба по дереву!

— Неужели? Если учесть, что крестьяне платят десятину, они все равно отдадут мне лишь десятую часть того, что продают купцам — а это, вероятно, десятая часть того, что они выращивают. Остальное уходит им на прокорм. Граф обеспечивает меня пищей и кровом, но не более того. У меня есть жена, которая... довольно честолюбива. Я могу продавать свои деревянные статуи, а обучение не продашь.

— Ясно. Я понимаю тебя, отец. Сколько ты зарабатываешь резьбой?

— Иногда по пять-шесть гривен в неделю.

— Отлично. Я буду платить тебе — вернее, жертвовать церкви — по гривне в день за твое преподавание. Обучай дюжину человек — самых сообразительных — пять дней в неделю, с обеда до захода солнца, в течение зимы. Особенно я хочу обучить сына Кульчиньских, Петра. У него есть способности, которые нельзя зарывать в землю.

— Будут расходы. Пергамент, чернила, восковые таблички.

— Купи их. Я дам денег. Если нужно что-то еще — поможет отец Игнаций из францисканского монастыря в Кракове. Он знает меня.

— И я смогу по утрам заниматься резьбой по дереву?

— Да, черт возьми!

— Значит, решено.

Вернувшись от отца Иоанна, я застал графа Ламберта за разговором с недавно прибывшим рыцарем. На незнакомце была красивая одежда бордового цвета с дорогой золотой вышивкой. Его позолоченные доспехи состояли из очень маленьких колечек — такие можно увидеть в музеях. Вышитый бархатный плащ рыцаря гармонировал с богатой попоной на его белом скакуне, а окантовка его шлема и оружия смахивала на чистое золото.

На мне был свитер и синие джинсы, но я подошел к нему и представился.

— А, пан Конрад, — оживился Ламберт. — Я представлю тебя пану Стефану. Пан Конрад — мой новый вассал; Пан Стефан — сын моего главного вассала, барона Ярослава. Вы оба будете вместе служить мне до Пасхи.

— Честь имею, пан Конрад, — сказал пан Стефан, придя в замешательство от моего роста и странной одежды. — Я полагал, что буду служить с паном Мешко. Но как бы то ни было, я рад любому, кто будет нести караул в течение второй половины долгой зимней ночи.

— Э-э-э... ну... — промычал я.

— Ах да. Я отправил пана Мешко с поручением в Венгрию, — сказал Ламберт. — Что касается остального, ты затронул один больной вопрос, пан Стефан. Видишь ли, мое соглашение с паном Конрадом состоит в том, что он не будет выполнять военных обязательств, за исключением защиты при нападении. Прости, но из этого следует, что тебе придется нести караул в одиночку.

— Но, господин, от заката до рассвета, семь дней в неделю, зимой? По-моему, это уже слишком!

Мне пришлось признать, что он прав. На широте Окойтца зимой ночь длится семнадцать часов. Три месяца еженощного караула в таких обстоятельствах могут свести человека с ума или заставить преждевременно постареть. Мне стало жаль этого молодого рыцаря, но не настолько, чтобы вызваться ему на смену. Это не входило в мои обязанности. У меня хватало своих дел.

— Граф Ламберт, — сказал я, — не можешь ли ты позвать кого-нибудь ему на помощь.

Ламберт отрицательно покачал головой.

— Если позвать еще одного рыцаря, ему пришлось бы договариваться с другим воином для охраны его поместья, а тот, в свою очередь, тоже должен уладить подобную проблему. На это уйдет время, около трех месяцев, а к той поре уже отпадет необходимость в охране. Нет. Жребий бросили на прошлый Михайлов день, и я не стану ничего менять, разве что в случае смерти или угрозы войны.

— Значит, ничего не поделаешь, — сказал Стефан. — Но, пан Конрад, может, ты хоть иногда будешь сменять меня?

— Прости, но у меня слишком много работы.

— У пана Конрада есть свои обязанности, которые может исполнять только он, — сказал Ламберт. — Боюсь, что тебе придется смириться с этим трудным поручением, пан Стефан.

— В одиночку, господин?

— Да, черт возьми! Я же тебе объяснил. Как же еще? Замок нужно охранять! Я же не могу доверить охрану крестьянину. Они возомнят себя равными нам. И, конечно, ты же не думаешь, что я сам должен нести караул. Достаточно того, что я должен бодрствовать весь день. Я сеньор твоего отца! Хватит об этом! Все уже решено!

Думаю, Ламберт испытывал чувство вины не меньше, чем я.

Пан Стефан посмотрел на меня так, как будто это я был во всем виноват, и зашагал к замку.

Моя первая задача — обеспечить постройку двенадцати дюжин ульев. В этом не было особой срочности, поскольку пчелы начинают роиться не раньше июня, но я хотел установить хорошие рабочие отношения с плотником, прежде чем мы приступим к сооружению ткацкого станка.

Вскоре стало очевидно, что без затруднений не обойдется. По всей видимости, Витольд компетентный плотник; он руководил строительством всего форта. Но когда дело дошло до распиливания досок и сооружения простых ящиков, он никак не мог понять, чего же я хочу. Я рисовал картинки на снегу, но чертежи в трех проекциях были за пределами его понимания. Он задавал бесчисленные вопросы о пчелах и о том, что мы вообще должны сделать. Так продолжалось часами, и к вечеру я начал терять терпение. Мы решили отложить обсуждение до завтрашнего дня. Готов признать, мы обсуждали одновременно слишком много вещей, и, наверное, уйдет месяц или два, чтобы все уладить, но ведь ящик — вещь несложная.

На следующее утро он встретил меня, когда я шел к кузнецу. Если я не мог объяснить, как сделать ящик, что же тогда говорить о двадцати с лишним сложных стадиях производства булата?

— Пан Конрад! — окликнул меня Витольд. — Ничего, если я попробую изготовить ящик так, как я это понял?

Если тебе не понравится, мы всегда сможем пустить их на дрова.

— Правильно, Витольд.

Я решил, что это на время избавит меня от разъяснений, и как только у нас будет образец, я смогу указать ему на недостатки.

Кузнец, Илья, был тем самым «королем», выбранным во время праздника. Это он тогда нарядил меня в пеленки, чем оставил не слишком благоприятное впечатление о себе.

— Илья, граф хочет, чтобы я рассказал тебе о стали.

— Ну ладно, раз так хочет граф, я послушаю. Но вообще-то я уже знаю, что такое сталь.

Он работал над своим кузнечным горном и не взглянул на меня во время разговора. Горн был примитивным, размером приблизительно с мангал для шашлыков, что-то вроде каменной ступы высотой со стол, с приподнятой задней стенкой в качестве защиты от ветра. Грубые кожаные мехи вдували воздух с одной стороны. Их закрывала крыша без стен, а также наковальня — еще одна главная деталь всего оборудования. Несколько щипцов, плоскогубцев и молотов завершали небольшую коллекцию кузнечных инструментов. Угли в горне были раскалены дожелта.

— Ты кое-что знаешь о кованом железе. А вот о стали — ничего, — заметил я.

— Хм-м... — Кузнец даже не поднял головы.

Он был невысокого роста, но казался невероятно сильным. Даже на морозе ходил с закатанными рукавами, выставив напоказ руки в два раза шире моих. Он чинил доспехи, которые были на свинье, что пала от моего меча несколько недель назад.

— Не иначе, как тебе тогда повезло! Ты, должно быть, пробил несколько слабых звеньев.

— Ничего подобного! Я заколол ту свинью, потому что мой меч из хорошей стали, а эти доспехи — из дешевого кованого железа!

— Нормальные доспехи.

Он так и не взглянул на меня, так как вбивал железное кольцо в разложенную на наковальне кольчугу.

— Черт побери, почему ты не смотришь на меня, когда разговариваешь со мной?

Он поднял взгляд.

— Я вижу тебя. — И вновь вернулся к своей работе.

— Ну, если не хочешь смотреть на меня, посмотри тогда на мой меч! — Я вытащил его из ножен показать, как выглядит булат.

— Игрушка.

Мне как-то нужно было привлечь его внимание. Я решил проделать дырку в кольчуге, над которой он работал, — возможно, это заинтересует его.

— Тысяча чертей, Илья, отойди, иначе можешь лишиться руки!

Я замахнулся на разложенную на наковальне кольчугу, и он вовремя отскочил.

Результат был просто поразительным. К счастью, Илья, в удивлении раскрыв рот, уставился на наковальню и не заметил выражения моего лица. Я отсек от края наковальни три сантиметра и разрубил доспехи практически надвое. Меч же остался цел и невредим.

Военная служба приучила меня не терять самообладания.

— Теперь почини это, Илья! — прорычал я. — А после ужина приходи ко мне поговорить.

Преисполненный собственной значимостью, я ушел прочь.

Плотник выбирал из поленницы бревна — около метра длиной и полуметра толщиной, разрубал их надвое и складывал половинки в ряд на снегу.

Я не хотел задавать никаких вопросов.

Я отправился обратно в замок, мечтая о кружке пива. Может, граф хочет поиграть в шахматы. Знатным людям не разрешалось играть с простолюдинами — вдруг проиграешь?

Янина принесла пиво, и девушки обступили меня.

— Пан Конрад, ты обещал нам показать, как делать это удивительное вязанье.

У Кристины не слишком хорошо получалось кокетничать. Полагаю, она пыталась подражать Франсин, жене священника.

— Да? Не помню, чтобы я что-то обещал, но все же подумаю.

Я и вправду подумал, но это не помогло. Поймите, моя мать постоянно вязала. Если она не готовила или не спала, у нее в руках были спицы и клубок ниток. Пока была жива моя бабушка, она делала то же самое.

И знаете что? Я никогда не обращал внимания на то, чем они были заняты. Я знал, что в каждой руке было по спице с маленькими петельками, соединяющими их с плетеной тканью внизу. Посередине она делала с ними что-то замысловатое. Больше часа я пытался мысленно представить, как это делается, и девушки в замешательстве удалились.

Затем мне в голову пришло частичное решение проблемы. Я не умел вязать на спицах, но когда мне было семь лет, бабушка показала мне, как вязать крючком. Я взял несколько больших деревянных щепок у плотника, который все еще колот и раскладывал бревна.

Остальные группы работали. Несколько мужчин разложили на земле кучи льна и молотили по ним деревянными колотушками. Женщины скручивали лен в нитки или плели нечто вроде веревки. На соломенной крыше что-то ремонтировали. Казалось, никто никем не руководил, однако дела все же продвигались.

Я отнес щепки в свою комнату и через час выстругал три вполне пригодных крючка. Жаль, конечно, что нет наждачной бумаги, но если не торопиться, можно сделать их гладкими, пользуясь одним только ножом. Я принес из комнаты графа свечу и натер крючки воском. Затем взял немного пряжи и вскоре связал ухватку, которая оказалась несколько не хуже той, что получилась у меня в семь лет.

Девушки заинтересовались и без труда поняли принцип. Через неделю у нас с графом было по две льняных сорочки. Вскоре они уже экспериментировали с узорами, а их примеру последовали и крестьянские женщины.

Одна поразительная характерная черта техники заключается в том, что очень часто изобретение простейших процессов и приборов занимает очень много времени, или я бы сказал, что это удивительно, если вы не дизайнер. И соответственно намного легче изготовить нечто сложное, чем понятный простой механизм. Сложные машины, которыми славилась Германия двадцатого века, — и впрямь результат ленивых умов.

Вспомните эволюцию мушкета. Дорогой и замысловатый колесный курок изготавливался сотню лет, прежде чем некий безымянный умелец изобрел надежный кремневый.

Или возьмите, к примеру, вязание крючком. Трудно представить инструмент проще, чем крючок. С его помощью можно довольно быстро изготавливать плетеную ткань; тем не менее я не слышал ни об одном примитивном племени, использующем крючок. Даже кочевники, которым нужно носить с собой все свое имущество, чтобы изготавливать материю, перевозят с места на место ткацкий станок.

Дизайнеру приходится ломать голову над сложными проектами по несколько месяцев. Затем вдруг ему приходит в голову простое, элегантное, красивое решение. Когда такое случается, кажется, что с вами говорит Бог! А может, так оно и есть.

После ужина Мария привела в мою комнату кузнеца Илью. Он выглядел значительно менее угрюмым, чем днем.

— Пан Конрад, пойми, пожалуйста, что когда в горне горит огонь, мне нужно работать! Чтобы поддерживать огонь в течение нескольких часов, нужно два-три дня добывать уголь.

— Хорошо, Илья. Я сочту это извинением, если ты простишь, что я погорячился. А теперь о булате.

В открытую дверь вошел Ламберт.

— Да, пан Конрад, о булате! Мне тоже хочется послушать. Сегодня у тебя был плодотворный день! Все мои дамы занялись плетением узелков из пряжи, и я слышал, что ты изобрел новый способ привлечь внимание Ильи.

Видимо, в таком маленьком городке каждый знал, что делают остальные.

— Прости, что я погорячился, господин. Наковальни, наверное, недешевы.

— Да, но Илья уже починил ее, а заодно и кольчугу. — Его глаза весело заблестели. — Иногда мне хотелось применить подобный прием на его голове, но я опасаясь за свой меч. Ну а теперь расскажи нам про сталь.

— Первый шаг — это превратить ковкую сталь в твердую. Ковкая сталь — почти чистое железо, а твердая сталь — это железо с примесью углерода. Уголь в основном состоит из углерода, так что их нужно правильно смешать.

Вы начинаете ковать железо до тех пор, пока оно не станет тонким — тоньше вашего мизинца. Затем берете глиняный горшок с хорошей глиняной крышкой. Заливаете железо в горшок и обкладываете мелко размолотым углем. Закрываете крышку и запечатываете глиной. Очень важно, чтобы в горшок не поступал воздух. Затем ставите горшок в огонь и медленно нагреваете его до тускло-красного цвета и поддерживаете огонь в течение недели.

— Что? Целую неделю? — недоверчиво переспросил Илья.

— Да. Хотя достаточно топить дровами. Если вы все сделали правильно, горшок не треснул и в него не попал воздух, в железе будут маленькие бугорки, и теперь это сталь. Не самого высокого качества, но все же пригодная для некоторых вещей. То, что я только что описал, — это процесс затвердевания.

Вы, случайно, не слышали про тепловую обработку? Думаю, что нет. Ковкое железо остается мягким, что бы вы

с ним ни делали. А сталь можно сделать твердой. Вы доводите ее до красного каления, почти желтого, а затем окунаете в воду. Сталь затвердеет и не будет быстро тупиться. Только вот ломается она легко.

Затем закалка, что сделает ее крепче. После затвердевания вы накаляете ее почти докрасна, а затем медленно охлаждаете.

— И в этом весь секрет? — спросил Илья.

— Да, весь секрет, если надо изготовить приличный кухонный нож или лезвие для топора, но для меча она будет недостаточно упругой. Меч может сломаться, если он не будет таким тяжелым, как, например, у графа.

— Давай рассказывай дальше.

— На деле это будет гораздо труднее, чем на словах, — сказал я. — Вряд ли получится с первой попытки научиться так долго «варить» содержимое горшка, не разбив его, а закалка стали — настоящее искусство.

— Я все равно хочу об этом услышать.

— Да, пан Конрад, опишите весь процесс, — попросил Ламберт.

— Хорошо. Я расскажу, как изготавливают сталь в Дамаске.

На самом деле я не знал, как ее изготавливают в Дамаске, зато я смотрел замечательные телепередачи Якова Броновского, где рассказывали о производстве стали в Японии, — это сходные процессы.

— Вы припавляете кусок уже схватившейся стали к равному куску хорошей ковкой стали. Вы же умеете паять?

— А Папа Римский умеет молиться?

— Принимаю это за утвердительный ответ. Вы спаиваете их вместе и куετε до тех пор, пока кусок не станет в два раза длиннее. Затем переворачиваете на другую сторону и снова паяете. Затем опять нагреваете, отбиваете, переворачиваете и паяете. Повторяете эту процедуру по меньшей мере

двенадцать, а лучше пятнадцать раз. Получается слоистая структура толщиной в две тысячи слоев.

— Просто невероятно.

— Это действительно трудно. Посмотрите внимательно на мой меч. Видите тончайшие линии? Это слои железа и стали. Это и есть водяной рисунок — отличительная черта лучших булатных мечей.

— И все?

— Почти. Затем вы придаете булату форму меча. Чем быстрее охлаждается сталь, тем тверже она становится. Вам нужен очень твердый край меча, а само лезвие — упругое. Вы обмазываете меч глиной — тонким слоем край и толстым — середину. Нагреваете вместе с глиной до «цвета восходящего солнца», затем остужаете в воде, нагретой до температуры вашей руки. Затем закаляете меч и полируете. Вымачивание в уксусе сделает водяные узоры более четкими.

— Очень трудоемкий процесс, — сказал Илья.

— Но, бьюсь об заклад, результат стоит затраченных усилий, — решил граф. — Илья, поработаешь над этим — естественно, не забывая и про другие свои обязанности. Спокойной ночи, Илья. Партию в шахматы, пан Конрад?

В тот вечер Ламберт выиграл одну партию. К весне он уже обыгрывал меня в двух партиях из трех.

ГЛАВА 15

Проснувшись, я увидел, что плотник жжет все бревна, которые он распилил и разложил накануне. Не один большой костер, а сотни маленьких огней, по одному в каждой половине бревна. Более того, он взял себе в помощники полдюжины ребяташек. Двое мальчиков постарше кололи щепки, а остальные под руководством Витольты следили за костерками.

Не буду ни во что вмешиваться.

Я подобрал несколько щепок, пригодных для изготовления вязальных спиц, и вернулся к себе в комнату.

Видите ли, часто случается так, что проблема, которая не дает мне покоя днем, внезапно находит разрешение среди ночи. Проснувшись в темноте с ответом, я резко вскочил, чем перепугал Наталью.

Ну конечно же. У меня ведь был образец — связанный моей матерью свитер. Мне нужно лишь понять, как вставить спицы, и затем произвести эту операцию в обратном направлении! Распустив свитер, я смогу определить, каким образом он связан.

К обеду спицы были готовы, и, поев, я с энтузиазмом принялся за работу. Это оказалось куда сложнее, чем я предполагал: свитер был связан причудливым узором, с разными косами и переплетениями. А кроме того, я не знал, с какой стороны начинать.

Длинный, унылый вечер! Я мало что понял и потерял треть единственного свитера.

Девушки заходили и уходили, но я не мог обратить на них должного внимания.

Плотник по-прежнему жег свои бревна с новой командой помощников.

После ужина я продолжал колдовать над свитером при тусклом свете масляной лампы, но граф Ламберт взял у меня из рук вязание и отдал Кристине. Мы сели за шахматную доску.

— Пора отдохнуть, пан Конрад.

К концу третьей партии Кристина частично восстановила мой свитер.

— Вот видишь, пан Конрад, — произнес граф, широко улыбаясь. — Еще одно таинственное ремесло, которому ты обучил мой народ.

— О... да, господин.

— Кстати, ты не знаешь, с какой целью Витольд распалил все эти костры?

— Сказать по правде, господин, он уже два дня приводит меня в замешательство своими действиями.

— Рад это слышать. Мне очень не нравится быть единственным человеком, который не знает, что происходит вокруг. Иногда мне кажется, что они играют в игру под названием «сбей графа с толку». Ну а теперь пора спать. Идем, Кристина? Или сегодня еще чья-то очередь?

В полдень следующего дня Витольд показал мне первый образец улья; к вечеру были готовы все двенадцать дюжин. За три дня он выполнил работу, на которую, как я полагал, должно было уйти несколько месяцев.

Кажется, изготавливать доски оказалось делом хлопотным. Их нужно было вручную выпиливать из круглых бревен с помощью плохой пилы. С гвоздями дело обстояло еще хуже. Их изготавливали по одному за раз из очень дорогого железа.

Но если современные плотники мыслят в категориях досок и гвоздей, Витольд мыслил в категориях деревьев и природных сил как естественного помощника.

Поскольку бревна уже имелись в наличии, расколоть их надвое не представляло никакого труда. Затем он выжег дыру в каждой половине, аккуратно оставив вокруг около пяти сантиметров нетронутыми. Топором было вырублено входное отверстие, а затем два желобка связывались вместе крепкой, но грубой полотняной веревкой. Чтобы собрать мед, нужно всего лишь развязать веревки, достать соты и связать две половины вновь.

Метод Витольда был одним из простейших блистательных решений, о которых я упоминал ранее. Я мог многому научить людей из тринадцатого века, но многому мог научиться и сам.

В своем повествовании я почти ничего не говорил о детях, возможно, потому, что это слишком болезненная тема. В современной Польше детей холят и лелеют — как, впрочем, и во всем цивилизованном мире. В тринадцатом веке было не совсем так. Может быть, из-за того, что много детей умирало в младенчестве, родители не могли позволить себе привязаться к ним.

В течение всего репродуктивного возраста женщины Окойтца почти всегда были беременны. Большинство из них рожали по двенадцать—пятнадцать раз. В те времена не было ни малейшего представления о контрацепции, а воздерживаться от секса никому и в голову не приходило. В этой маленькой общине примерно из двухсот семей в неделю обычно случалось двое родов. Раз в неделю, а то и чаще, случались похороны — обычно в землю опускали крошечный, завернутый в материю сверток, даже без деревянного гроба.

Взрослые тоже умирали рано. Сорокалетних уже считали стариками. Медицины, способной поддерживать жизнь

у больного, не существовало вообще. Или вы были здоровы, или мертвы.

И я ничем не мог в этом помочь. Я практически не разбираюсь в медицине. Я, конечно, посещал курсы оказания первой помощи. Мог сделать искусственное дыхание. Мог оказать первую помощь при обморожении, тепловом ударе и шоке. Мог наложить шину на перелом и обработать рану. Но все это я учил для того, чтобы знать, что делать до того, как придет доктор.

На эти мысли меня навела смерть маленькой сестры Кристины. Ее отец случайно задавил ребенка во сне. Зимы здесь были холодными, а дома не отапливались, поэтому дети спали вместе с родителями. Только так можно было согреть их. Отец всего лишь повернулся на другой бок.

Этот мужчина был ненамного старше меня, но его обветренное лицо прорезали глубокие борозды морщин; руки тоже были морщинистыми и покрыты мозолями, а спина согбенная, как будто под тяжестью мешка с зерном. В его глазах застыло такое выражение, что я не смог выдержать эту краткую церковную службу. Ушел и заплакал.

Все знали, что я странный человек, и не стали приставать ко мне с расспросами.

Я не врач. Я инженер. Не знаю, от чего умирало большинство детей. Черт, здесь никто не болел раком! Человек мог умереть оттого, что у него болел живот. Одно я знал наверняка — лучшее питание, лучшие жилищные и санитарные условия, лучшая одежда и — черт возьми! — немного отопления могли сотворить для них чудеса.

Лесопилка для изготовления досок для деревянных полов и кроватей, чтобы люди не спали на полу. Холодный погреб, где хранить пищу. Ткацкие станки, чтобы производить тканей больше и лучшего качества. Что-то вроде прачечной — эти люди всю зиму не могли стирать свою одежду; канализационная система и водопровод.

Все это я мог сделать; все это я сделаю!
А еще подготовиться к отражению монголов.

Сразу после Рождества я начал разрабатывать свой план, или по крайней мере у меня появились первые идеи.

Если мы собирались сделать что-то относительно монголов, то нам понадобится оружие и доспехи в количестве, невероятном для Польши тринадцатого века. Нам потребуются сотни тонн железа, стали и — если возможно — пороха.

Все это подразумевает тяжелую промышленность, которая, в свою очередь, требует широкого применения механизмов. Доменную печь нельзя остановить на выходные или праздники. Не может она быть остановлена и на время сева или сбора урожая. Ее рабочие должны были быть квалифицированными специалистами.

Сталелитейный завод в Окойтце, или где угодно в Польше с ее аграрной системой — это невозможно, тем более в городах, где дюжины могущественных традиционно мыслящих гильдий охраняют свои особые привилегии и готовы противостоять всему новому. Очевидно, чтобы свободно осуществлять нововведения, мне потребуются собственные земли и собственные люди. Вообще-то однажды Ламберт говорил, что это возможно.

Мне нужно будет кормить своих рабочих, а при местных аграрных технологиях практически не производилось излишков. Привезенные мной семена хоть немного помогут. Химические удобрения, инсектициды и лучшая техника были делом будущего, но племенной отбор скота нужно начать немедленно.

Я уже пообещал наладить легкую промышленность — производство материи, и так далее — это усилит мой статус и обеспечит людям неплохую одежду.

Ветряные мельницы. Мы определенно можем использовать ветряные мельницы, но я еще ни одной здесь не видел.

Я разговаривал с Ламбертом о моих планах для Окойтца, и хотя я сомневаюсь, что он понял хотя бы треть моих рассуждений, он дал мне свое благословение.

— Да, конечно, пан Конрад. Эти нововведения — именно то, что я от тебя ожидаю. В твоём распоряжении все дерево, какое достанешь, и вся рабочая сила крестьян.

— Спасибо, господин.

— Только не делай никаких глупостей, например, не мешай во время сева или сбора урожая.

— Конечно, нет. Кстати, однажды ты говорил, что я могу получить собственные земли.

— Ну да. Есть небольшое затруднение. Видишь ли, ты же ведь иностранец.

— Нет, господин. Я родился в Польше.

— Но говоришь как-то чудно, значит, не наш. По закону я не могу наделить тебя землями без разрешения моего сеньора. Конечно, это всего лишь формальность. Я уверен, он согласится, когда я в следующий раз его увижу — наверное, через год или два.

— Через год или два? Так долго ждать?

— О, возможно, он будет здесь весной или летом. К чему такая спешка? Ты только что рассказал о проектах для Окойтца, на которые уйдут года.

Я стал рассказывать о монголах, тяжелой промышленности и доменных печах.

— Ну, если так, пан Конрад. В таком случае, приняв на веру твои слова, я пошлю гонца, чтобы он нашел герцога. Должен сказать, что поверить, что огонь настолько силен, что никто не осмелится потушить его — ну, это развивает разум больше, чем чудо перевоплощения.

— Но когда ты отправишь письмо?

— Если нужно, сразу после Пасхи. В любом случае ты не сможешь ничего построить на своих землях, пока не растает снег.

В течение последующих нескольких месяцев все мое время было разделено на четыре неравных части. Одну их них я решил уделить животноводству. Дело в том, что жителям Окойтца были известны основные принципы скотоводства — например, здесь выращивали замечательных боевых коней, — но почему-то принципы эти не распространялись на обычную домашнюю скотину.

Современная курица откладывает более одного яйца в день. Куры в Окойтце несли примерно одно яйцо в неделю. Овцы были маленькими и костлявыми. Сомневаюсь, что на каждой было хоть по килограмму шерсти. Молочные коровы давали, вероятно, всего несколько литров в день, и то только весной и летом. Взрослые свиньи были вчетверо меньше своих современных сородичей.

В основном тому были экономические причины. Крестьянину, у которого всего одна корова, пара свиней и полдюжины кур, незачем заниматься научным животноводством. Еще одна проблема заключалась в том, что крестьяне часто скормливали домашним животным отбросы. Поскольку пищи не хватало, свиньям и курам позволено свободно бегать и самим находить корм. Результат — полное отсутствие племенной работы, а также вечные выяснения отношений из-за того, что чьи-то свиньи погубили чьи-то посевы. А еще, разгуливая, где им вздумается, животные повсюду гадили.

Но у графа имелись свои собственные стада, и если бы мы смогли улучшить их качество, результаты постепенно распространятся и на другие. В основном мой план состоял в разделении каждого вида на небольшое стадо «А» и стадо «Б» побольше. Стадо «А» должно было включать лучших животных, в основном самок. Они получали лучшую пищу и лучшего пастуха, который должен был знать каждую особь. Их держали строго отдельно от стада «Б», за исключением тех случаев, когда малопродуктивные животные «понижались в должности». Стадо «Б» шло на мясо. Было два стада

«А» для крупного рогатого скота, одно на мясо и одно для молочных продуктов, но Ламберта пришлось долго убеждать в том, что полезно разводить отдельно два стада с разными качествами.

То же самое было сделано и с курами: одна стайка на яйца и одна для быстрого роста. Я сосредоточил свое внимание на курах, потому что их жизненный цикл короче и селективное разведение могло дать результаты быстрее.

Разведение кур на яйца требовало подсчета. Нужно было знать, сколько яиц несет каждая курица. Для этого нужна «птицефабрика», где каждая курица содержится в небольшой ячейке. Это требует дополнительных трудовых затрат, потому что курам нужно приносить пищу и воду. Я сделал в каждой клетке маленькую полку. Когда доставали яйцо, на полку клался камешек. Большое яйцо — камень побольше; маленькой яйцо — камешек поменьше.

Раз в месяц производилась оценка кур. Лучшие куры получали петуха, а худших отправляли в стаю «Б». Средних оставляли выполнять прежнюю работу. Этим проектом заинтересовалась пара пожилых женщин, и в первый год производство яиц увеличилось вдвое.

В большинстве своем животноводством занимались женщины. Кажется, они лучше в этом разбирались.

Прошло полдюжины праздников. Меня это раздражало, потому что в эти дни никто не работал. Праздники достигли своего разгара во время недельного карнавала, этого польского аналога «Марди Гра». Слово «карнавал» в переводе с латыни означает «до свидания, мясо!». Пост — это не столько религиозное воздержание от употребления в пищу мяса, сколько формальное признание того факта, что в деревне больше не осталось мясных продуктов, а имеющийся скот нужно сохранить для весеннего и летнего размножения.

Вторым делом, отнимавшим у меня уйму времени, была лесозаготовка. Нет, конечно, люди в Окойтце валили дере-

вья в огромных количествах. Окойтц почти полностью построен из бревен, и в последние четыре года на это затратили немало сил.

Но в том-то и дело, что сами эти бревна были побочным продуктом расчистки земель. Если вы хотели расчистить участок под поле, вам приходилось не просто срубить дерево, но и выкорчевать пень. Куда разумнее не рубить дерево, а копать вокруг него, разрубить корни и затем вытащить дерево. Поскольку копать промерзшую землю невозможно, деревья выкорчевывали летом.

Бревна, заготовленные зимой, лучше, чем заготовленные летом. Они суше. Неподалеку располагался холмистый участок земли, который невозможно пустить под поле, но вполне сойдет под фруктовый сад. Оставляя пни в земле, можно было предотвратить эрозию почвы, пока не вырастет сад.

Проекты, планируемые мной на следующее лето, требовали много дерева, и все это в дополнение к зимней заготовке дров.

Проблема заключалась в том, что крестьяне не привыкли трудиться зимой. За исключением разбрасывания навоза по снегу и основных домашних дел, зима — это время, когда вы рано ложитесь спать и поздно встаете, а оставшееся время посвящаете развлечениям. Чтобы что-то сделать, приходилось прибегать к убеждениям.

Как ни странно, моя лошадь Анна была согласна надеть хомут и тягать бревна, при условии вежливого к ней отношения. Несколько крестьян с хлыстами испытали на себе крепость ее зубов, а одного моя кобыла сильно лягнула, только тогда люди поняли, что от них требуется. Зато Анна подружилась с восьмилетней девочкой, одной из сестер Янины. Вдвоем они проявляли чудеса трудолюбия. Немного позже выяснилось, что лучший скакун графа тоже был готов тянуть лямку, если ему позволяли работать рядом с Ан-

ной. Подобные вещи дали людям первые новые темы для разговоров со дня моего прибытия.

Я наблюдал, как это странное и забавное трио тянет огромное бревно с заснеженного холма. Неожиданно одно бревно, которое тащили несколько волов, сорвалось и покатилося.

Раздались вопли, крики, и люди бросились врассыпную. Волы упали и, возможно, погибли бы, если бы не развязалась веревка. Бревно покатилося вниз, перепрыгивая через пни и круша все на своем пути.

Михаил Малиньский стоял у подножия холма. Он как раз нес затупившийся топор кузнецу, чтобы тот заострил лезвие. В тех условиях заточить лезвие было невозможно, напрасная трата железа — оно нагревалось, а затем край отбивался.

Михаил услышал крики, взглянул вверх и увидел, что прямо на него катится бревно. Он бросил топор и кинулся в сторону. В тот момент, когда он решил, что опасность миновала, бревно ударилось об еще один пень, перевернулось в другую сторону, придавив левую ступню Михаила к пню, на который он опирался, затем отскочило и покатилося дальше вниз.

Я первым подбежал к Михаилу. Его лодыжка представляла собой красное месиво, а ступня была почти оторвана. Из раны хлестала кровь. Он кричал; он знал, что умрет. Не задумываясь, я сорвал с себя кожаный ремень и туго обмотал икру Михаила, чтобы остановить кровотечение.

Я действовал не раздумывая — результат тренировки, и сделал все, что нужно до прибытия врача.

Но в глубине души внутренний голос панически кричал мне, что я и есть врач! Здесь некуда отвезти Михаила. Здесь был только я, но, увы, я некомпетентен.

Но, как всегда, когда я был напуган и не знал, что делать, во мне просыпался актер. Я говорю притворные сло-

ва, совершаю притворные действия и сам пытаюсь в это поверить.

— Спокойно, Михаил, спокойно. Не волнуйся, мы позаботимся о тебе.

Вокруг начала собираться толпа. Я указал на длинноногого юношу:

— Эй, ты! Беги в замок и скажи Кристине или еще кому-нибудь из девушек, что мне нужен чистый кухонный стол, застеленный чистой материей. А также большой котел с кипятком и как можно больше чистых салфеток. Пусть готовят все как можно быстрее! Теперь беги!

Он умчался.

— Теперь ты, сними с меня плащ. Расстели на земле, вот здесь. — Я все еще держался одной рукой за жгут. — Мне нужно восемь мужчин! Становитесь сюда. Остальные сзади. Теперь поднимите его! Осторожнее! Положите его на плащ! Так. А теперь поднимите плащ! Нет! Лицом туда, дурак! А теперь мы понесем его в замок.

Я шел рядом, продолжая придерживать жгут и натужно пытаюсь вспомнить, что же делать дальше. Мне ни разу не приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. Кроме... кроме... Однажды на рождественских каникулах в общегитии я две недели совершенствовал свой английский, читая романы Форестера Хорнбловера. Там был очень подробный отрывок, где замечательный мистер Буш потерял ногу в бою, и его лечили врачи начала девятнадцатого века. Боже мой, я надеялся, что Форестер знал, о чем пишет.

Мы положили Михаила на кухонный стол.

— Хорошо. Теперь поднимите его и вытащите мой плащ, он недостаточно чистый. Первое правило обработки раны заключается в том, что ее нужно содержать в чистоте.

Я начал читать лекцию, действуя так, как будто это было занятие по медицине — частично для того, чтобы хоть немного успокоить Михаила, частично чтобы самому вспом-

нить, что делать, но в основном, чтобы немного отвлечь истекающего кровью человека.

Я попросил графа держать жгут и разрезал своим ножом одежду Михаила; вымыл руки и раздробленную ступню, не переставая повторять о важности чистоты. Ступня напоминала мешок с камнями. Мы влили в раненого несколько литров вина, и я немного выпил сам.

— Один или два перелома можно вылечить, — сказал я. — А эту ступню нужно ампутировать.

Толпа зашумела.

— Это не так уж страшно. Позднее мы сделаем ему новую ногу, деревянную.

Я вымыл свой нож в вине, а затем в кипятке. Затем взял пару ножниц и тоже продезинфицировал их. Еще нужна нитка и игла, вспомнил я. Попросив Ламберта ослабить жгут, я нашел артерии, увидел, откуда хлещет кровь. Мне пришлось отрезать плоть, чтобы их обнаружить. Найдя их и перевязав, я оставил длинные нити, как упоминалось у Форестера. Обрезал кожу и натянул ее на икру. Кость обычно перепиливали, но здесь не было ни одной подходящей пилы. Я вымыл меч и одним ударом перерубил кость. Затем почти полностью зашил рану. Я оставил торчащие из артерий нити и жгут из прокипяченной ткани. Форестер подчеркивал необходимость оттока гноя.

Михаил относительно неплохо перенес операцию, учитывая, что ампутацию провели без обезболивающих средств, за исключением вина. Большую часть времени его даже не приходилось держать. Видите ли, бедняга хотел поверить в мои действия. Ему было необходимо верить моим словам, и он верил.

Мы поместили Михаила в одну из свободных комнат в замке, и толпа разошлась.

Я встретил пана Стефана, когда он шел на свое ночное дежурство, закутанный с ног до головы, чтобы не замерз-

нута. Долгие одинокие ночи начали сказываться на нем. Он выглядел уставшим и старше, чем месяц назад.

— Пан Конрад, я слышал, что ты отрубил крестьянину ногу на кухонном столе. За что же он заслужил такое наказание?

Я был заляпан кровью и сильно устал.

— Заслужил? Он вообще этого не заслужил. Он ранен, и чтобы ему стало лучше, мне пришлось ампутировать искалеченную ступню.

— Значит, в твое колдовство входят кровавые ритуалы?

— Колдовство? Черт возьми, я...

— О, прости. — Он поднял руку. — Я перебиваю тебя. Ты должен понять, как я устал нести караул каждую ночь, от заката до рассвета, а ты в это время преспокойно спишь с какой-нибудь девкой.

— Да. Я знаю, что у тебя трудная работа. Но осталось каких-то пару месяцев.

— Еще пару месяцев, чтобы ты в дневное время мог строить из себя деревенского плотника.

— Слушай, пан Стефан. Если бы меня сегодня там не было, Михаил потерял бы больше, чем ступню. Он бы мог потерять жизнь.

— Ну и что с того? Какая польза от увечного крестьянина?

— Ты просто отвратителен.

— Это я отвратителен? Ты только что залил кухонный стол человеческой кровью! Мне приходится есть с этого стола, когда ты дрыхнешь. — Он громко затопал прочь.

Михаил был образцовым пациентом. Рана не вызвала серьезного воспаления и, казалось, заживала хорошо. Я навещал его по несколько раз в день. За Михаилом ухаживала жена, она даже спала рядом с ним. Детей, включая приведенного мной ребенка, отправили по соседям. Сюда Игнацию приносили только на время кормления.

Мы говорили о его будущем. Он подумывал о том, чтобы стать торговцем. Ведь торговцы в основном на лошади,

не так ли? Я пообещал одолжить ему денег и познакомить с Борисом Новацеком.

Через месяц я аккуратно вытащил длинные нити, убрал гнилые концы артерий и затем зашил рану. Казалось, все шло хорошо. Через несколько недель мы уже собирались перенести Михаила домой.

Затем однажды ночью у него началась лихорадка, и к утру он был мертв.

Я не знаю почему.

Через две недели после похорон Ламберт решил, что неплохо женить кузнеца Илью на вдове, и через месяц, на Пасху, сыграли свадьбу.

В подчинении у Ламберта было одиннадцать баронов. Граф наделял их землей. У каждого из них имелся свой форт или особняк, и у всех, кроме одного, в подчинении были рыцари, часто со своими собственными поместьями. Количество рыцарей варьировалось от нуля до двадцати шести. В дополнение к этому пятнадцать рыцарей, включая меня, подчинялись непосредственно графу.

Большинство знати получало свои титулы по наследству, но и у простых людей была возможность возвыситься.

Конечно же, Окойтцем управлял граф. У нескольких специалистов — кузнеца, плотника, пекаря и некоторых других — была своя сфера деятельности, и они работали под руководством графа. Сам замок управлялся постоянно меняющейся группой юных служанок, но при более пристальном наблюдении я заметил, что сильное дисциплинирующее влияние на них оказывала повариха.

У крестьян было полдюжины старост, которые, в свою очередь, получали указания от Петра Корженевского. Этих лидеров не выбирали и не назначали; они занимали свои должности и руководили работой на основе системы соглашения, которую я так и не смог понять. Люди просто обговаривали дела, и затем каким-то образом все было сделано.

Петр не имел официальной должности или звания. Теоретически все крестьяне работали непосредственно на Ламберта. Пробыв в Окойтце несколько месяцев, я понял, что именно Петр являлся главным управляющим всего города.

Знание структуры Окойтца оказалось для меня весьма полезным в последующие годы. Большинство знати интересовалось исключительно поединками, охотой и «статусными играми» друг с другом. Если мне что-то требовалось для собственного «поместья» — санитарные меры или рабочие для фабрик, — достаточно было попросить одного из моих подчиненных обговорить все с неформальным управляющим.

Но я забегаю вперед.

ГЛАВА 16

Моим третьим подвигом был ткацкий станок. Граф настаивал на том, чтобы установить его в зале. Он был недоволен положением дел в ткацкой промышленности и хотел похвастаться станком перед своими летними гостями. У него полностью отсутствовало понятие о хранении выгодного торгового секрета в тайне. Я не заметил, чтобы он когда-либо беспокоился о деньгах. Им руководило исключительно желание положить конец удушающей монополии в производстве материи.

Поймите, зал действительно очень просторный. Там можно было накрыть обед на сто персон. Он занимал большую часть первого этажа замка и имел потолок высотой четыре метра.

Чтобы станок занимал как можно меньше места, я подумал, что его лучше сделать вертикальным, чем горизонтальным. В общем-то ткацкий станок — довольно простое приспособление. Он имеет раму, на которой располагается несколько тысяч катушек ниток, идущих вниз сквозь изготавливаемую ткань. Я не знал, был ли это уток или основа. Я не ткач и решил придумать собственную терминологию. У нас не было ни основы, ни уткí. У нас были длинные нити и короткие нити.

На станке крепилось несколько рамок, на которые набрасывались петлями длинные нити. Их предстояло распре-

делить в нужном порядке и продернуть через них короткие нити. Простейшим числом этих гребней было два, но я хотел, чтобы на станке можно было производить более сложные ткани, типа твида, поэтому я установил шесть гребней, каждый из которых соединялся с шестой частью длинных нитей. Был челнок, держащий короткую нить, когда та ходит взад и вперед, и приспособление, которое скрепляет короткие нити. А также валик для готовой материи.

Я был уверен, что на современных ткацких станках есть специальные устройства, которые крепко держат длинные нити, а в готовой ткани немного ослабляют их. Но не мог придумать простой способ для всего этого. Он должен быть очень простым, поскольку нам нужна тысяча таких устройств.

Я решил эту проблему, проигнорировав ее. Плотник просверлил целый ряд дырок — 36 в ширину и 48 в высоту, прямо в деревянной стене графского зала. В них он забил 1728 крючков, чтобы держать катушки с длинными нитками. Это было удобное число, потому что равнялось двенадцати в кубе — или тысяче в нашей новой двенадцатеричной арифметической системе.

Отсюда нити перебрасывались вокруг шеста под потолком, снова спускаясь вниз под подвешенным шестом, который можно было поднять, когда нитки закончатся, затем снова вверх на четыре метра к потолку и снова вниз через гребни, к колотушке и валику с готовой тканью.

Таким образом, прежде чем ослабить каждую из тысячи катушек и вновь опустить подвешенный шест, можно было произвести восемь метров ткани.

Пусть не отличное, но вполне приемлемое решение.

В готовом виде ткацкий станок занял площадь около четырех квадратных метров, а если учитывать пространство для двух ткачей, то восемь. На нем можно было производить ткань шириной в два метра.

Однажды вечером, когда я разговаривал с Витольдом о гребнях, вошел пан Стефан. Он был облачен в доспехи и укутан в теплый плащ.

— Снова какое-нибудь колдовство? — устало поинтересовался он.

Витольд перекрестился, но ничего не сказал.

— Станок, чтобы ткать материю, — сказал я. — Сколько можно нести эту чушь о колдовстве.

— Чушь, да? Тогда как ты объяснишь сверхъестественное поведение своей любимой кобылы?

— Я купил Анну в Кракове меньше двух месяцев назад. Она всего лишь умная, отлично обученная лошадь.

— Правда? Знаешь, что я видел прошлой ночью? Я видел, как она вышла из конюшни, зашла в отхожее место и справила там нужду! Я проследовал за ней до ее загона и увидел, как она поставила на место загородку. Нормальные лошади так не делают!

Он гневно взглянул на меня.

— Да, конюх говорил мне, что она не пачкала свой загон, ну и что с того? Если собаку можно приучить к чистоплотности, то чем лошадь хуже? Я же говорил, что она превосходно обучена.

— Превосходно обучена? Да это просто какая-то дьявольская кобыла! Знай, Конрад, что мой отец, барон Ярослав — один из самых могущественных вассалов Ламберта, и он хорошо знаком с герцогом Хенриком. Клянусь, они узнают о твоих колдовских выходках! — выкрикнул он и вышел на улицу.

Витольд вновь перекрестился.

— Черт возьми, Витольд, неужели и ты поверил в эту чепуху? Ты сам строишь этот станок. Ты знаешь, что в нем нет никакого колдовства!

— Я делаю то, что мне приказывают.

Он продолжил работу, но было заметно, что бедняга перепугался.

Мы целый месяц сооружали станок, и затем, чтобы заправить его, я попросил принести 1728 катушек ниток, около пятисот метров каждая.

На меня посмотрели с ужасом. Такого количества ниток просто не существовало.

Я сказал, что это очень нужно, иначе я не смогу заправить станок. А еще столько же понадобится на короткие нити.

И девушки достали свои прялки и принялись за работу.

Теперь настала моя очередь прийти в ужас. Прялки были не больше маленького деревянного крестика. Вы натягивали пряжу между крестиком и вашей левой рукой, а затем правой рукой вращали крест. Так получались нитки. Затем вы обматывали вокруг креста полметра ниток, вновь растягивали шерсть и так далее.

Самым трудоемким этапом в производстве материи была отнюдь не работа на ткацком станке. Труднее всего было прясть. Я взялся за этот проект, не узнав вначале все параметры. Такого можно ожидать от новичка, но не от опытного инженера.

Я сказал девушкам убрать свои прялки и начал работать над прядильным колесом.

В течение пяти недель мы пытались запустить колесо, частично из-за того, что вначале мне пришлось изготовить деревянный токарный станок. Также мы потеряли неделю, потому что я не учел, что нужны две веревочные петли от колеса до веретена: одна — чтобы поворачивать катушку, а вторая — чтобы немного быстрее поворачивать веретено.

Наше первое прядильное колесо выглядело очень похожим на то, которое можно видеть в современных музеях, потому что я проектировал на его основе. Недостатков было немало; от них мы пытались избавляться в последующих моделях. Скамья оказалась неудобной, и на ней невозможно было работать в длинном платье. Наши придворные дамы носили либо платья до пола, либо вообще

ничего. Платья длиной до икр носили крестьянки. От педали сводило ногу, и затем выяснилось, что если от большого пальца ноги к рычагу колеса привязать веревку, то работать намного легче.

Очень давно я узнал, что если операторам не нравится ваш проект, то машина не будет работать. Если им было удобно с веревкой на большом пальце — значит, пусть будет так.

Работа сильно облегчалась, если веретено находилось перед оператором на расстоянии вытянутой руки, а не располагалось горизонтально на уровне груди.

Наша третья модель была рассчитана на шесть операторов, которые сидели кружком лицом друг к другу. Работа была скучная, и им хотелось поговорить.

Чтобы управиться со станком, потребовалось шесть прядильщиц. Ламберт решил эту проблему, набрав еще несколько служанок.

Также понадобилось двое мужчин — один держит резец, другой поворачивает рычаг — шесть недель на нашем новом деревянном токарном станке, чтобы сделать достаточно катушек, на которые наматываются нитки.

Впоследствии я узнал, что прядение и ткачество — две из семи стадий в производстве самой грубой дмотканой материи. Для хорошей конкурентоспособной ткани требуется около тридцати стадий.

Чтобы их освоить, нужно время.

— Послушай, пан Конрад, ты же сможешь запустить станок к Пасхе? — поинтересовался граф.

— Ну, по крайней мере прясть и ткать, господин. Не думаю, что у нас достаточно помытой и расчесанной пряжи.

— Здесь я ушел вперед тебя. Я уже отправил послание своим рыцарям, чтобы они прислали мне всю свою шерсть, вымытую и расчесанную. Также они должны прислать мне две трети шерсти с весенней стрижки, а также должна быть удвоена площадь земель под посевы льна.

— Отлично, пан. Но ты же понимаешь, что для льняной ткани нужен немного другой станок. В нем должно быть больше нитей, расположенных плотнее друг к другу, и всего два гребня.

— И что с того? Теперь, после того как ты обучил Витольда, он изготовит больше станков. К следующему году у нас их будет целая дюжина! Ты должен лишь подумать над проблемой мытья и чесания шерсти.

— Мыть довольно просто, но я все же не уверен насчет чесания.

— Ты решишь этот вопрос.

Я так и не понял, выразил ли он этим уверенность в моих возможностях или же отдавал мне приказ. Овечья шерсть намного тоньше человеческих волос, и овцы никогда не причесываются. В результате она невероятно запутывается, и чесание — это и есть процесс распутывания.

— Пан Конрад, пока что ты видел нас как маленькое аграрное сообщество. Ты должен понять, что Окойтц — столица обширной провинции. После Пасхи сюда будут приезжать много гостей, и среди них мой дядя и феодал, герцог Хенрик Бородатый. Нам обязательно нужно произвести хорошее впечатление.

— Да, господин. Ты говоришь, Хенрик твой дядя?

— Вроде того. Его отцом был Болеслав Высокий, а мой дед, Мешко Хромой — брат Болеслава. Оба они получили титул от Владислава Изгнанника.

В западных странах правителям давали номера. Мы, поляки, предпочитаем прозвища. Так звучит более дружески.

— После преждевременной смерти нашего отца Хенрик возвысил моего брата Германа и меня, пока мы не достигли совершеннолетия. Будучи старшим, он получил город Щецин с окрестностями. Я получил дорогу Висла—Одра, и потому мне пришлось построить свой собственный город.

Еще одно различие между Восточной и Западной Европой заключалось в том, что на западе наследование проис-

ходило по праву первородства. Старший сын наследовал все, а прочие оставались ни с чем. Они могли получить хорошую должность в Церкви или в армии, но по сути были простолюдинами.

В Польше принято делить наследство поровну между сыновьями, а дочери получали немалое приданое. Это более справедливая система, но имеет и свои недостатки: страна дробится, а это приводит к значительному ослаблению центральной власти. Столетием раньше Болеслав Криворотый, последний король Польши, разделил страну между своими пятерыми сыновьями, дав старшему лишь номинальную власть. Все это хорошо, если страна не подвергается нападениям.

— Поистине честолюбивый план, господин.

— Верно. Но мы на середине дороги, и Окойтцу придется расти. Теперь, после того как у тебя было время осмотреть город, что ты об этом думаешь, пан Конрад?

Города нужно строить в конце дороги, где выючные мулы обмениваются грузом с лодками, но я предпочел не упоминать этот факт. И четырехметровые деревянные стены — какое же это оборонительное сооружение? Монголы возьмут их за несколько часов. Но пока я не мог ничего сделать в этом отношении, и мне не хотелось раздражать своего феодала.

— Отлично, господин. Жилища бок о бок, с общей стеной, пристроенные к внешней стене, — хороший способ экономить материалы и удерживать тепло. Но меня беспокоит огонь. Пожар в одном из домов может уничтожить весь Окойтц. Я видел места, где каждая вторая перегородка построена из кирпича и служит защитой на случай пожара.

— Вижу, что у тебя нет ни малейшего представления о цене кирпича и цемента.

— Ты прав. Новая мельница должна дать хоть какую-то защиту. Водяной бак у нее будет выше, чем церковь. Я со-

бираюсь сделать пожарный шланг, достаточно длинный, чтобы направить в любую часть Окойтца.

— Вот и займись этим.

Мне ничего не оставалось, как отправиться на замковую площадь, где я увидел странную процессию, проходящую через главные ворота. Пан Стефан гордо ехал впереди, а за ним следовала дюжина крестьян, которые держались за толстые цепи. Между крестьянами, рыча и пытаясь вырваться на свободу, шел большой бурый медведь.

— Это еще что? — спросил я Стефана.

— Собираюсь немного поразвлечься, пан Конрад, — ответил он, спешиваясь. — Мы целый месяц его ловили, а затем весь день заковывали и вытаскивали из ямы. Ну разве он не красавчик?

— Но зачем вам живой медведь?

— Как зачем? Будем его травить! Слушай, пан Конрад, предлагаю честное пари. Ставлю тысячу гривен, что этот медведь убьет шесть собак, прежде чем ему придет конец. А ты сколько поставишь?

У себя за спиной я услышал шепот:

— Это нечестно. Медведь легко задерет дюжину.

Я проигнорировал это замечание.

— Что значит — травить его?

— Разве ты не знаешь, как это делается? Мы привяжем медведя к столбу и выпустим на него собак. Хороший медведь, вроде этого, способен продержаться несколько часов, прежде чем его раздерут на части.

— Это же бессмысленно! — возмутился я. — Это омерзительно, жестоко, гадко!

— Черт побери! Не смотри, если тебе не нравится!

— Но ты не можешь так поступить! Здесь же дети!

— Ну и что? Им уже приходилось видеть, как травят медведя. И в любом случае, с какой стати ты будешь мне указывать, что делать, а чего не делать с моей собственностью?

— Тогда я куплю его у тебя! Сколько стоит медведь? — Я достал из кошелька несколько серебряных монет. — Ста гривен хватит?

Стефан оттолкнул мою руку, и деньги посыпались в снег. Никто из крестьян не осмелился поднять их.

— Он не продается, черт бы тебя побрал! Да и вообще, зачем тебе медведь? Сделаешь из него еще одного заколдованного зверя?

И в самом деле, если не брать во внимание эту чепуху о заколдованных животных, Стефан задал хороший вопрос. Что я мог сделать с медведем? Я не мог держать его у себя — он мог убежать и кого-нибудь убить. Я не мог его отпустить — это разъяренное животное наверняка кого-нибудь убьет.

К этому времени медведя привязали к столбу, и вокруг него собралась большая толпа. Натянув цепи, медведь стоял на задних лапах и отчаянно пытался вырваться.

Я ступил в круг.

— Кровавые развлечения жестоки и омерзительны! — крикнул я и взглянул на священника, надеясь найти у него поддержку, но тот лишь отвернулся. — Если вам наплевать на медведя, пожалейте хотя бы ваших собак!

— А для чего же еще нужны собаки? — насмешливо спросил Стефан. — Пан Конрад, ты так же смешон, как этот медведь!

У крестьян хватило ума молчать и не вмешиваться. Но они не расходились, желая увидеть, чем закончится эта история.

— Можешь смеяться сколько угодно, но я не позволю тебе издеваться над животным!

— Как же ты меня остановишь? — гадко усмехнулся Стефан.

Еще один хороший вопрос. Медведь прикован к столбу, его невозможно освободить, не приблизившись к нему, а медведь был взбешен. Единственное, что я мог сделать для бедного животного, — это позволить ему достойно умереть.

— Вот так! — сказал я, вынул меч и шагнул к медведю.

Стоя на задних лапах, он был выше меня и, наверное, раза в три тяжелее. Медведь попытался достать меня.

Я увернулся и замахнулся на него мечом. Удар пришелся горизонтально, на сантиметр выше цепи.

Голова отлетела в сторону, фонтаном брызнула кровь, и внезапно освободившееся туловище покачнулось, чуть было не рухнув на меня. Я отпрыгнул в сторону, и оно задело мою ногу.

— Хорошо! — закричал я, стараясь не показывать нахлынувшую жалость. — Я хочу, чтобы тушу ободрали, а шкуру выдубили. А мясо пусть приготовят завтра на ужин.

Я повернулся уходить и убирал меч в ножны, и тут Стефан заорал:

— Ты, вонючий ублюдок! Ты, сукин сын! Ты, кровосмесительный...

— Хватит! — рывкнул Ламберт, подбегая к нам. — Вы, кажется, рыцари, а не дворовые шавки, схватившиеся из-за отбросов! Мы поговорим об этом наедине. Пойдемте со мной, оба.

— Да, господин, — сказал я, следуя за ним в замок и стараясь контролировать свои эмоции.

— Это еще не все, Конрад! — выкрикнул Стефан, но я не обернулся.

Что-то тяжелое ударило меня прямо в спину, сбив с ног. Я распластался на грязном снегу. Поднявшись, я увидел, что по ведущей в замок тропинке катится медвежья голова. Меня переполнила ярость.

Как только я повернулся к нему, Стефан ударил меня по лицу, и я чуть было не упал вновь.

Я был слишком зол, чтобы правильно драться, но, кажется, Стефан сам ничего не знал о рукопашной борьбе. Несколько секунд мы ожесточенно колотили друг друга, и я нанес больше ударов, чем получил.

Внезапно нас разделил меч. Это подошел Ламберт.

— Клянусь, если кто-то из вас еще раз ударит, то я ему этим мечом кишки выпущу, — прошипел граф. — Мои верные рыцари дерутся в грязи, на глазах у крестьян! А теперь быстро в замок, и на этот раз оба пойдете впереди меня.

В своих палатах Ламберт приказал нам сесть в противоположных углах комнаты, но сам был настолько разгневан, что не мог усидеть на месте.

— Пся крев! А еще называетесь рыцарями! Люди, которые должны оберегать мир, дерутся, как гнусные попрошайки! Вы оба позорите меня! Вот ты, пан Конрад! Я видел, как ты преднамеренно уничтожил собственность собрата по оружию. Я назначаю тебе штраф в двести гривен, а еще пятьдесят заплатить пану Стефану в качестве возмещения ущерба.

— Хорошо, господин.

— И это все, что ты можешь сказать? Почему же ты так низко поступил?

— Господин, он собирался мучить бедного зверя — приковать к столбу и натравить на него собак.

— Ну и что? Медведи убивают наших людей и скот. Мы имеем право отомстить! Тебе не нравятся наши развлечения? Я знаю, что ты не любишь наши праздники. Отлично! Ты можешь в это время спать, а по ночам нести караул перед каждым из них, начиная с сегодняшнего дня и до самой Пасхи.

Я простонал. До недавнего времени праздники — то один, то другой — здесь устраивались через каждые три дня. Стефан ухмыльнулся.

— Убери со своего лица эту проклятую ухмылку, пан Стефан! — приказал Ламберт. — Твои преступления еще хуже. При самом малейшем поводе ты ударил собрата-рыцаря нечестным оружием — окровавленной медвежьей головой — без должного вызова и в спину! Ты сделал это, когда я приказал тебе немедленно следовать за мной. Другие господа повесили бы тебя за такую выходку, и если бы не твой отец,

я бы так и поступил. Я же буду снисходителен. В качестве штрафа ты получаешь еще три месяца несения ночного караула, с Пасхи до середины лета. А теперь хватит кровопролития. Рыцари одного господина должны быть как братья! Немедленно встаньте и по-братски поцелуйте друг друга, а затем убирайтесь прочь с моих глаз!

— Это еще не все! — пошептал Стефан, когда я поцеловал этого вонючего ублюдка.

Четырнадцатичасовое несение караула в темноте дает достаточно времени для размышлений. Моя инженерная работа серьезно тормозилась из-за отсутствия подходящей системы меры и веса. Вот уж где царила неразбериха. Городские гильдии использовали и пяди, и локти, и аршины — в основном не связанные между собой, если не учитывать, что пинта молока должна была весить один фунт. Никого не волновало, что удельный вес молока мог варьироваться в пределах пяти процентов — более густое молоко легче.

Здесь, в провинции, дела обстояли еще хуже. Кузнец и пекарь все отмеряли на глаз. Шорник резал и подправлял, пока седло не получалось подходящим. Плотник немного измерял — локтями, пядями и шириной пальца, — но он использовал свой локоть.

Здесь даже не было метровой палки.

Конечно, я мог запросто изобрести свою систему веса и длины, и тогда по крайней мере было бы от чего отталкиваться.

Но я мог и потерять многое. Каждый человек и, конечно же, каждый инженер знает сотни чисел. Я знал скорость света, диаметр Земли и расстояние от Земли до Солнца. Знал предел прочности при растяжении для ковкой стали и цемента и много чего другого.

Но все это я знал в величинах метрической системы. Без эталона метра я путался в догадках. А иначе бы я быстро перевел все известные мне данные в какую угодно систему.

Но во всем моем снаряжении не имелось ни одного подходящего измерительного приспособления. У меня не было ничего с точно известным мне весом или длиной.

На рассвете на меня нашло озарение. У меня было мое собственное тело! На вес полагаться нельзя — прибыв сюда, я нарастил мышцы и потерял жир, — но уж рост точно не изменился. Мне лишь нужно измерить его, разделить на девятнадцать, умножить на десять — и получится метр. Тогда куб воды с гранью десять сантиметров будет иметь объем 1 литр и массу 1 килограмм.

Перевести все это в используемую нами двенадцатеричную систему — проще простого.

Смертельно уставший, я разбудил Кристину и заставил ее встать на сундук, чтобы обозначить мой рост на стене кусочком угля.

— Пан Конрад, — сказал вошедший в комнату граф. — Что ты делаешь?

Я пытался объяснить ему про стандартный метр и инженерные постоянные. Некоторые вещи мне пришлось повторить трижды — возможно, потому, что я не спал двадцать четыре часа, а Ламберт только встал и еще не совсем проснулся.

— Значит, измерив себя, ты сможешь узнать даже расстояние от Земли до Луны? Дорогой пан Конрад, Бог наверняка создал Вселенную по своим меркам, но поступать так простому смертному — это невиданное богохульство и неоправданное высокомерие. В любом случае мерой длины здесь является силезский аршин, а не этот чужеземный метр.

— Хорошо, господин.

После вчерашнего инцидента мне совсем не хотелось раздражать Ламберта.

— А какой длины силезский аршин?

— Сейчас покажу.

Взяв у Кристины уголек, граф обозначил его на стене. Аршин равнялся расстоянию от его носа до кончиков пальцев. Фактически это оказался ярд.

— Спасибо, господин, — сказал я, и Ламберт ушел.

И в дальнейшем, чтобы не обидеть графа, я пользовался ярдом, а не метром. Вскоре я узнал соотношение ярда и метра, и этого было достаточно, чтобы сохранить мои данные.

Моим четвертым подвигом являлось конструирование мельницы.

Поймите, у меня не было ни справочников, ни инструментов, ни измерительного оборудования. У меня не было чертежных инструментов, а пергамента чертовски мало. Но от этих последних все равно пользы никакой, потому что здесь никто не умел читать чертежи.

Для небольших вещей, которые я изготавливал до сего времени, можно ограничиваться инструкциями вроде: «Нам нужен кусок дерева такой длины, и в нем нужно проделать дырки, чтобы можно было вставить это и вон то».

Но этот принцип не подходил для строительства мельницы, а нам их нужно было две. Я построил две модели в масштабе один к двенадцати, чтобы люди могли посмотреть и понять, как они функционируют.

В Окойтце не было подходящей реки, на которой возможно соорудить запруду, поэтому оставалась лишь энергия ветра. Но и здесь проблема: ветряная мельница работает лишь тогда, когда дует ветер. Это небольшое затруднение, если нужно молоть муку, потому что достаточно и одного оператора, который может работать, когда того требует ситуация. Но многие другие процессы — обмолот льна и распиловка дерева — как энерго-, так и трудоемки. Если работает целая команда, а ветер прекращается, то двадцать человек остаются без дела, а это бесцельная трата времени. Необходимо промежуточное устройство, не требующее много энергии, а у нас есть вода.

Первая водяная мельница состояла из насоса и нескольких резервуаров. Четыре насоса накачивали воду из нового колодца в резервуар в верхней части мельницы. Нам в лю-

бом случае требовался новый колодец, потому что старый располагался слишком близко к отхожим местам. Верхний резервуар обеспечивал город чистой водой, а также поставлял ее в нижние, рабочие резервуары. Я использовал четыре небольших насоса, потому что не знал, сколько энергии будет производить мельница. Если бы у нас было достаточно вращающих моментов, чтобы приводить в действие два насоса, два остальных можно отсоединить и использовать как запасные. Также, если один насос выходил из строя, его можно было починить, а другие продолжали бы работать.

Это называется «планирование действий при различных вариантах обстановки», или, как метко выражались мои американские друзья, «способ прикрыть задницу».

Между самым нижним и средним резервуарами находилось четыре насоса побольше. Они обеспечивали водной энергией несколько машин в круглом сарае, который располагался вокруг основания мельницы.

В лесопилке, например, было прямое пилящее лезвие, расположенное вертикально между двух веревок. Эти веревки соединялись системой бликов с двумя короткими, широкими бочонками на концах длинных рычагов. Когда бочонок достигал самого верха, он, толкая, открывал дверцу, откуда в него наливалась вода из среднего резервуара. Наполнившись, бочонок опускался, таща пилу и поднимая другой бочонок. Достигнув дна, фиксированный колышек открывал другую дверцу на дне бочонка, и вода выливалась в нижний резервуар. В это время наполнялся второй бочонок, и процесс повторялся в обратном направлении.

Эта «водяная мельница» была немалых размеров. Формой она напоминала усеченный конус диаметром 24 ярда у основания и 12 — на уровне башни. Стены были из вертикальных бревен, обтесанных с обеих сторон. Коническая форма явилась результатом естественного сужения бревен кверху. Я учился.

Основание на целый этаж уходило в землю. Высота мельницы от низа до самой высокой лопасти равнялась высоте девятиэтажного здания.

Ветряная мельница должна быть направлена в сторону ветра, поэтому башенка должна вращаться. Наша вращалась на 96 деревянных подшипниках, каждый величиной с человеческую голову. Один профессор в колледже в свое время демонстрировал нам прибор, выполняющий это автоматически. Вторая ветряная мельница, намного меньшего размера, была построена на задней части большой башни, а ее лопасти располагались под прямым углом к основным лопастям. Действие ее было направлено вниз, чтобы вращать башню, если меньшая мельница не была параллельна ветру. По его утверждению, это был первый в мире прибор, действующий по принципу отрицательной обратной связи.

Я мог бы сконструировать башню так, чтобы она приводилась в движение вручную, но мне хотелось, чтобы по ночам мельница работала самостоятельно.

Одна из вставших передо мной инженерных проблем заключалась в весе резервуаров с водой. Грубые вычисления показали, что рельса из ковкой стали, способная держать средний резервуар, должна весить восемь тонн. Я не был уверен, что на рынке есть такое количество железа, и в любом случае цена была бы просто астрономической.

Мое решение было в точности таким, как у моих современников, строителей готических соборов. В этих соборах есть чисто декоративные внутренние каменные арки. Я говорю «чисто декоративные», потому что у этих соборов деревянные стропильные крыши, которые охраняют здание от дождя и не соприкасаются с арками. То есть вначале строятся внешние стены и деревянная крыша, а эти великолепные арки возводятся позднее, когда строители во время дождя работают в помещении.

Я использовал круговой рабочий сарай в качестве аркбутана, подперев им башню.

Между отметкой высокой воды самого нижнего резервуара и дном среднего было пространство в четыре ярда. Оно находилось на уровне земли, но там темно и сыро, и я не мог придумать для него подходящего назначения. Пол же класть не стал.

В результате, несмотря на мои протесты, нижний резервуар решили использовать в качестве бассейна.

К тому времени, как я сделал модель водяной мельницы, погода изменилась. Зимние холода остались позади, снег растаял, и над землей подули первые теплые ветра.

Все были переполнены чувством замечательного облегчения и радости. Я даже снял рубашку и стоял под теплыми лучами солнца, впитывая витамин Д. И не только я один: внезапно ко мне присоединились обнаженные Кристина и Наталья.

Наступило время весенней пахоты и сева — напряженная пора для людей, которые вставали ни свет ни заря и после пятнадцати-шестнадцати часов изнурительного труда в изнеможении валились спать, чтобы на следующий день все повторилось заново.

Граф столько же времени проводил в наблюдениях за работой, а плотник с кузнецом занимались починкой инструментов. На сев отводилось всего лишь три или четыре недели, и если не завершить его вовремя, следующей зимой мы будем голодать.

Кажется, я был единственным, кто не работал — будучи рыцарем, я имел на это право, — поэтому я бродил по округе, наблюдая и размышляя над тем, какие усовершенствования можно провести. В первую очередь нужен был хороший стальной плуг, но здесь я ничем не мог помочь.

Ламберт владел более чем половиной земель вокруг Окойтца. В действительности у него было в двести раз больше, но основная часть этих угодий находилась в распоряжении

его рыцарей, у которых были подобные усадьбы, но меньших размеров.

Крестьяне должны были работать три дня в неделю на его земле, а в остальное время — на своих участках. Специальные работники — пекари, плотники и т.д. — имели свои особые и часто сложные договоры, но чаще всего платили по 50 процентов налогов, а граф являлся единоличным правителем.

В обмен люди получали нечто вроде полиции и военной защиты, большую часть одежды и установленное количество праздников в году. Помимо святок, было еще 22 праздничных дня. Предполагаю, что четверть всей пищи съедалась крестьянами именно на эти праздники.

Граф также, что очень важно, заботился о больных и нуждающихся. Поскольку Ламберт был человеком умным и порядочным, эта система работала неплохо. При глупом же и жадном правителе жизнь бы здесь превратилась в сущий ад.

ГЛАВА 17

В Окойтце я ничего не мог закончить. Пока шли работы на полях, праздников не было. В этом отношении Церковь и государство отличались практичностью. Что касается наказания, то мне больше не приходилось стоять на часах. Меня заверили, что сразу после Пасхи освободится немало рабочих рук для сооружения мельницы.

Некоторые детали мы не могли изготовить на месте. Я хотел, чтобы главные роторные подшипники состояли из медных или бронзовых колец и свинцовых втулок. Свинец можно выплавить в Окойтце, но тяжелые кольца долго не давали мне покоя, пока граф не упомянул о колокольных мастерах в Цешине, городе его брата, в тридцати милях к югу отсюда.

И вот одним чудесным весенним днем я отправился в Цешин. Мое снаряжение оставалось, по сути, таким же, какое я купил прошлой осенью в Кракове. Только теперь кольчуга была подбита кожей. Меч сидел в новых ножнах, броский медный эфес сменился плетеной гардой из ковкой стали. Щит и копье были прежними. Анна получила новое седло и уздечку. Ей невероятно нравилась наша поездка.

Кристине, которая ехала рядом, поездка нравилась еще больше. А до этого ей в течение трех часов пришлось умолять Ламберта отпустить ее, чтобы «заботиться обо мне». Граф не возражал против ее отъезда, но с неохотой пожертвовал лошадью во время весенней вспашки.

Кристина надела лучшее платье, а сверху большую дорожную накидку. Еще четыре — позаимствованные — лежали в переметных сумках. Это было ее первое путешествие с того времени, как она в возрасте десяти лет переехала с семьей в Окойтц.

Кристина была отличной хозяйкой и управляла практически всей повседневной работой в замке. Но сейчас она пыталась держаться в дамском седле — лично я бы точно не сумел, — изображая возлюбленную рыцаря.

Это выглядело смешно. Ее беда в том, что она видела настоящих «дам» только издали, причем еще девчонкой. Все, что ей было нужно, так это пример для подражания.

Я вез с собой письма графа Ламберта его брату. Он продиктовал их отцу Иоанну, поскольку, несмотря на все свои положительные качества, был неграмотным.

Мне также поручили удостовериться, в порядке ли жена пана Мешко и его земли: дорога в Цешин проходила рядом с его родовым гнездом. До него было шесть часов езды обычным шагом. Кристина ни за что не перенесла бы галопа. У бедной барышни всю ночь сводило ноги.

Я не очень-то жаждал встречи с пани Ричезой, женой пана Мешко. Когда на Рождество, опасаясь гнева жены, тот отказался от любезных предложений девушек графа Ламберта, это дало мне повод считать пана Мешко подкаблучником. И вообще, у меня о ней сложилось впечатление как о женщине грубой и сварливой. Оказалось, что я ошибся. После встречи с пани Ричезой я понял, что пан Мешко отверг других лишь потому, что любил свою жену. Репутация подкаблучника была всего лишь уловкой, чтобы не выставить напоказ свои истинные чувства.

В свои тридцать лет она не отличалась красотой. По меркам тринадцатого века она была высокой и излишне широкой в бедрах. Темные выющиеся волосы до плеч, прямоугольное лицо и удивительно густые брови. У нее были голубые глаза, черты лица ничем особенным не отличались.

Вряд ли мужчина, впервые увидев ее издали, пусть даже в самом цвету, назвал бы такую девушку симпатичной.

Но спустя несколько часов после разговора с ней на меня вдруг снизошло озарение, и я понял, что мне выпала огромная честь находиться в обществе одной из поистине самых прекрасных женщин в мире.

Однако я забегаю вперед.

Замок пана Мешко не был крепостью. Простой, удобный на вид, бревенчатый дом с шестью комнатами. Он стоял в нескольких сотнях ярдов от города в сорок маленьких домиков. То там, то тут виднелись амбары и пристройки, но их возвели для удобства, а не для обороны. Если и были какие заборы или стены, то их соорудили не от врагов, а от зверей.

На первый взгляд место казалось слишком мирным для такого жестокого времени, но затем я заметил, что все крестьяне на полях вооружены: кто копьями, кто топорами, а некоторые мечами вдобавок к многочисленным ножам. Половина женщин носили луки. Вероятно, пан Мешко придерживался своей теории обороны.

Когда мы приблизились к дому, два мальчика, которые работали в огороде, положили мотыги и вышли нам навстречу.

— Добро пожаловать, дорогие гости, — начал старший, на вид лет двенадцати.

Несмотря на тяжелую работу, ребята выглядели опрятно.

— Стась, поди скажи матушке, что к нам приехали. Я позабочусь о лошадях.

— Благодарим за вашу любезность.

Я спешил и помог Кристине выбраться из дамского седла. Бедняжка еле стояла. Я обнял ее за талию, не столько из нежных чувств, сколько по иным причинам.

Мальчик посмотрел на меня.

— Ваша милость, возможно ли то, что я сейчас разговариваю с тем самым героем, паном Конрадом Старгардским?

Я не мог сдержать улыбки.

— Вряд ли я гожусь в герои, но меня действительно зовут Конрад Старгардский. Это моя знакомая, Кристина.

— У нас вы герой, пан Конрад. Райнберг убил отца моего лучшего друга и еще четверых мужчин из деревни. Он угнал половину скота моего отца. А вы тот рыцарь, который его победил.

Не думаю, что мальчонка намеренно проигнорировал Кристину. Просто в его возрасте герои значительно важнее девушек. То ли еще будет.

На крыльцо вышла женщина.

— Поговорим позже. Я должен поздороваться с твоей матерью.

— Добро пожаловать.

Она спокойно, с улыбкой, посмотрела на меня, вытирая руки полотенцем.

— Судя по всему, вы пани Ричеза. Я пан Конрад Старгардский, а это Кристина.

— Рада приветствовать вас, пан Конрад.

Она взяла обе мои руки и пожала их. Я знал, она ждала, что я ее обниму, поэтому я так и сделал. Поймите меня правильно, ни в тот момент, ни впредь я не испытывал к ней никакого плотского влечения. Пани Ричеза просто лучилась доброжелательностью и автоматически стала для меня кем-то вроде любимой тетушки или кузины.

— Очень рада знакомству с вами, Кристина.

Когда она обняла и поцеловала Кристину, я заметил, как моя девушка съежилась. К такому она не привыкла. Пани Ричеза сделала вид, что ничего не заметила, взяла ее за руку и повела в дом. Я пошел следом.

По современным стандартам мебель была примитивной, но очень даже удобной по средневековым меркам. Огромные сундуки вдоль стен служили сиденьями, на каждом лежала удобная подушка, чего не было в Окойтце. Пол был застлан половиком из лоскутов, первый половик, который я

видел в тринадцатом веке. Большинство домов обходились тростником, разбросанным по полу. Но самое главное, все, включая двух маленьких детей, игравших на полу, было невероятно чистым. В доме моей матери не чище, а она пылесосила каждый день.

Одна из дочерей пани Ричезы принесла пиво и хлеб.

— Пиво подойдет? Сегодня слишком теплый день для вина.

— Кружка пива — это то, что нужно, сударыня.

Я выпил пиво. Разумеется, оно было выдохшееся: в тринадцатом веке еще не знали герметичных емкостей. При-
выкаешь и к такому.

Я прекрасно провел вечер. Хорошая еда, приятная обстановка, интересная беседа. Я чувствовал себя как дома.

Все восемь детей — пять мальчиков и три девочки — были в точности такими, какими дети и должны быть, но никогда не бывают: любопытными, невероятно подвижными, однако чистыми и хорошо воспитанными.

Кому было за шесть, умели читать и писать. Пан Мешко собрал библиотеку из двадцати двух рукописных книг, большинство которых он переписал сам. Это была еще одна сторона его личности, которая меня поражала. Он научил грамоте свою жену, а она научила не только своих детей, но и всех детей из деревни.

Когда дети отправились спать, пани Ричеза и я провели пару часов, беседуя о сети школ, которая охватит каждую деревню во владениях Ламберта. У пани Ричезы уже были на примете учителя, я же не мог вообразить себе лучшего способа вложить деньги.

Весь вечер Кристина была необычно скованной и тихой, несмотря на наши попытки вовлечь ее в разговор. Я отнес это на счет переменчивого женского настроения, усугубленного страданиями, каких она натерпелась от дамского седла.

Когда мы легли в постель в комнате для гостей, я сказал Кристине:

— Хозяйка дома поистине чудесная женщина. Если ты станешь похожей на нее, то на всю жизнь осчастливишь своего мужа.

— Ты весь вечер строил ей глазки.

— Строил глазки? Вздор! Я просто был вежлив с необычайно любезной дамой.

— Она даже не настоящая дама.

— Кристина, ты говоришь глупости.

— Она не дама, а пан Мешко не рыцарь. Они оба родом из крестьян. Мешко было двадцать пять лет, когда герцог посвятил его в рыцари на поле брани. До этого он служил писарем.

— Напомни мне завтра отшлепать тебя. Ты говоришь ужасные вещи. Если пану Мешко удалось добиться всего своими собственными усилиями, это даже похвальнее, чем если бы он родился знатным. И пани Ричеза все равно была бы настоящей дамой, независимо от решения герцога!

— Это не одно и то же.

— Нет. Это лучше.

— Но...

— Замолчи и спи.

Ту ночь мы провели, как будто и не были знакомы, и у Кристины до самого утра сводило ноги.

Во второй половине дня мы прибыли в Цешин. Это был маленький приятный городок, если не брать во внимание отсутствие канализационной системы. Здесь жило около четырехсот человек, в представлении Кристины — огромный город. Страж у ворот поприветствовал нас и пропустил в город. Вероятно, рыцарю и его даме незачем было угрожать себя и звонить в колокол. Внешние стены были кирпичные, как и несколько милых круглых часовен, построенных двести лет тому назад.

Замок тоже был кирпичным и в точности таким, какие показывают в кино. Граф Ламберт в этом отношении отошел от стандарта.

Граф Герман уехал в Краков вместе с большинством своих рыцарей, чтобы посетить своего сеньора, Хенрика. Слухи о моих «военных» подвигах достигли Цешина, и придворные дамы оказали мне теплый прием.

С Кристиной они вели себя заметно холоднее. Образ жизни графа Ламберта не находил одобрения среди этих милых дам, и они решили дать понять это Кристине. Разговор выходил какой-то натянутый. Я постоянно пытался подключить Кристину, а они постоянно препятствовали этому.

Ситуация обострилась, когда подали ужин. Меня посадили между двумя далеко не молодыми дамами, но не поставили стул для Кристины.

— Разумеется, вы понимаете, — обратилась ко мне графиня.

— О да. Я понимаю.

Я старался изо всех сил держать себя в руках, но мне действительно все стало понятно.

— Ошибки случаются везде, даже в таком великолепном доме. Паж! Кто-то забыл поставить стул для Кристины. Принеси его и поставь рядом со мной.

— Но ваша светлость...

Паж слышал о том, как я убил двенадцать человек сразу в одной схватке, каждого одним ударом. Разозлившись на кузнеца, я якобы разрубил наковальню пополам. Ему также рассказали приукрашенную версию того, как мы с Ламбертом убивали свиней.

— Еще один стул. Вот сюда.

Я указал на место рядом с собой. Стул появился немедленно, и после некоторых перемещений Кристина села за стол.

Мои действия вызвали больше проблем, чем я мог предположить. В Окойтце принцип «раздели кушанье, раздели

кубок» действовал по праздникам. В замке Цешина, судя по всему, это относилось к любой трапезе. Появление еще одного человека означало, что всем с одной стороны стола пришлось сместиться, и последняя дама оказалась без собеседника напротив.

Ну и ладно. Черт с ними! Если они позволяли себе грубить, то и я тоже. Титулы — это хорошо, но это еще не повод презирать приличную четырнадцатилетнюю девушку, особенно если она моя спутница.

— Пан Конрад, — начала наконец хозяйка, пытаюсь разрядить обстановку, — поведайте нам о ваших приключениях.

— Приключениях? Я с удовольствием расскажу вам о том, над чем работаю в настоящее время.

И я приступил к объяснению всех выгод от разведения породистых животных. Я проговорил без умолку минут десять и как раз растолковывал необходимость считать яйца, когда хозяйка дотронулась до моей руки.

— Весьма познавательно, пан Конрад. Правда ли, что вы победили бандита Райнберга, по кличке Черный Орел?

— Я убил сумасшедшего, если вы это имеете в виду.

— Он действительно был безумным?

— Думаю да. Людей, которые нападают на вооруженных рыцарей на глазах у всех, не назовешь здравомыслящими.

— И вы покончили с ним одним ударом, разрубив голову пополам, хоть он был в шлеме?

— Я торопился. Вижу, вам нравятся жуткие истории. Я расскажу вам, как пан Михаил Малиньский лишился ступни.

И я рассказал, не упустив ни малейшей детали. Им пришлось по душе сцены из кровопролитных схваток, но сцена пережимания артерии была чересчур. Некоторые извинились и вышли из-за стола, прежде чем я закончил.

Хозяйка даже немного позеленела в лице.

— И он умер в постели в замке графа Ламберта?

— Там было легче за ним ухаживать. Кристина и ее подруги великолепные сиделки. Кстати, я вам не рассказывал о наших ткацких станках и прялках? Кристина и еще семь ее подруг могут за один день сделать из шерсти двадцать ярдов сукна.

— Семь подруг. О Боже.

В результате одну из комнат для гостей в Окойтце стали называть «постель, в которой умер крестьянин» со всеми вытекающими из этого глупыми предрассудками. В каком-то смысле это было даже хорошо, потому что никто из знатных гостей не соглашался в ней жить. Следовательно, меня не вытолкнут из замка, что в противном случае рано или поздно произошло.

Несколько позже хозяйка предположила, что Кристине будет гораздо удобнее переночевать в комнате для прислуги. Эта стерва так ничему и не научилась, а у меня закончились методы обучения.

— Это совсем не обязательно, сударыня. Я доставил письма моего сеньора, и великопостный ужин был чудесным. Сожалею, но долг зовет, и нам нужно уезжать.

— Но я надеялась...

— Как я уже сказал, мне очень жаль, но долг есть долг. Мы с Кристиной пошли в конюшню.

— Паж, седлай лошадей и принеси наши вещи. Немедленно.

Паж подал знаки руками, и четыре человека принялись суетиться. Через несколько минут мы уже направлялись к воротам в сопровождении пажа с факелом.

— Но пан Конрад, сейчас так темно, — сказал тот.

— Тогда я позаимствую твой факел.

Я взял факел у него из рук.

— Там бандиты! Это очень опасно.

— Ты прав, парень. Поди скажи им, чтобы были поосторожнее.

Кристина сдерживала свои чувства весь день и вечер. Когда мы выехали за ворота, она разревелась, как школьница, которой ей и следовало быть в ее возрасте. Все, что я мог сделать, — это взять ее за руку и повторять, что все позади.

Я останавливался у нескольких таверн, и, наконец, мне указали приличную корчму «Боевой топор». Комната была большой и чистой, а десять гривен в день за пищу, жилье и уход за лошадьми не казались такой уж большой суммой. Владелец не помнил себя от радости: я забыл поторговаться.

— Ты понимаешь, что я ожидаю наилучшего обслуживания и прекрасного питания. Проследи, чтобы лошади были ухожены и распорядись насчет большого кувшина хорошего вина.

— Да, ваша светлость. Разумеется, ваша светлость.

Позже я узнал, что мы были его единственными постояльцами. В Цешине дела шли плохо, и многие сидели без работы. Тот факт, что в Окойтце люди работали по шестнадцать часов в день, а в Цешине сидели без дела и голодали, оскорблял меня как социалиста. Здесь не хватало организованности.

Как только мы остались наедине в нашей комнате, Кристина бросилась мне на шею и снова заплакала.

— Пан Конрад, я люблю вас!

— Надеюсь, нет, милашка. Я не семейный человек.

— Нет, то есть вы не должны. Я хочу сказать, уехать от всех этих графинь, баронесс и знатных дам из-за меня.

— Подожди-ка. Я уехал не из-за тебя. Я уехал, потому что меня оскорбила их грубость. Кроме того, я не собирался спать ни с одной из тех старых толстых и к тому же замужних женщин. Тем более если рядом есть такая привлекательная девушка, как ты. Выпей вина и успокойся.

Немного позже она сказала:

— Я все равно люблю вас, пан Конрад.

Утром я отправил Кристину за покупками в сопровождении одной из служанок владельца корчмы, чтобы с ней ничего не случилось и чтобы ее не надули. Я заплатил служанке гривну за день, что ее несказанно обрадовало. Я дал Кристине сто гривен и попросил купить подарки для ее семьи и друзей. Кроме этого, свадебный подарок от меня пани Малиньской и что-нибудь плотнику и графу.

— Но что графу Ламберту может понадобиться?

— Краска. Краска для сукна. А если тебе удастся найти еще и хорошего красильщика, граф будет очень доволен.

Я с радостью узнал, что колокольные мастера, для встречи с которыми я и приехал в Цешин, жили как раз напротив корчмы.

Литейной мастерской владели братья Краковские: Томаш, Михаил и Владислав. Дело их отца процветало, пока племянник епископа, германец, не открыл такую же литейную в Кракове. Заказы прекратились, и печи стояли холодными по полгода. Но информация просачивалась медленно. Кое-что я узнал от владельца корчмы. Братья пытались держать марку.

Мы с ними проговорили все утро. Я рассказал о том, что мне требуются огромные втулки. Диаметр внутреннего отверстия должен составлять ярд, диаметр наружного фланца втулки — два ярда. Длина втулок — один ярд. Современные роликовые подшипники составляют десятую часть от этого размера, но я не питал иллюзий по поводу качества, которое могли предложить братья. Когда работаешь с плохим материалом, нужно все делать большое.

Они рассказали мне, как отливали колокола. Они использовали метод потерянного воска. Это не «потерянная» древняя технология, хотя однажды в двадцатом веке я встретил работника музея, который, судя по всему, так и полагал. Его все еще используют, когда необходимо выплавить сложные, единственные в своем роде предметы. Для выплавки колокола братья вначале выкапывали яму. В яме они вруч-

ную вылепляли из глины форму, повторяющую внутреннюю часть колокола. Затем они брали воск и лепили колокол поверх формы, вырезая в воске различные наружные узоры и, поскольку были немного грамотными, надписи. На воск аккуратно наносили глину и оставляли все это сохнуть на неделю. Затем в яме разводили костер, который постепенно увеличивали.

Через пару дней воск расплавлялся, вытекал из специальных отверстий и сгорал. Еще через несколько дней глиняная форма достаточно нагревалась для залива меди. Измерив количество использованного воска, мастера точно знали, сколько нужно заливать. После заливки они размывали глину и несколько месяцев «настраивали» колокол, убирая медь изнутри, чтобы добиться нужного звучания.

— В этом весь фокус, пан Конрад, — объяснил младший из братьев, — форма должна быть такой же горячей, как и медь, иначе она треснет или колокол лопнет.

Два других брата посмотрели на него так, как будто он разглашал секреты гильдии, что, возможно, он и делал.

— Мне знаком этот процесс, — соврал я.

Полдень уже миновал, а они так и не предложили мне обеда. Я подумал над этим — видимо, дело не в Великом посте.

— Это интересно, — сказал я, — но я проголодался. Мне бы хотелось пригласить вас и ваши семьи пообедать. Я остановился в «Боевом топоре». Можете отправить кого-нибудь к владельцу корчмы, чтобы он знал, сколько придет человек? И пусть он даст знать, когда все будет готово.

Они с радостью приняли мое предложение, и скоро мы сидели за обеденным столом, накрытым на четырнадцать человек. Маленьких детей не было: все трое умерли зимой.

Поскольку продолжался Великий пост, пища была без мяса: хлеб и толокно, гороховая каша и маленькая кружка пива. Пиво пили даже дети. Вода была грязной, а молока не будет еще месяц. Мои гости ели много, под пристальным

наблюдением владельца корчмы, который вертелся в конце комнаты и следил, чтобы все шло как надо. Это была его самая большая выручка за последние месяцы.

Эти мастера имели навыки, которые могли быть мне полезны, а я, несомненно, мог быть полезен самим мастерам. Им был нужен социализм, и я собирался его ввести, разумеется, в рамках их общества. Я не сторонник знамен и революционных призывов.

— Прошу прощения, пан рыцарь, — начал старший из братьев, — но не вы ли тот самый пан Конрад Старгардский? Герой, который убил рыцаря Райнберга?

И эти туда же.

— Да.

— Тогда мы обязаны вам. Этот германец убил нашего двоюродного брата Якова, прямо на дороге, когда тот был без оружия и без денег в кармане.

— Мне очень жаль вашего двоюродного брата. Этот германец был сумасшедшим, но теперь он мертв.

— Все равно мы ваши должники.

— Вы ничего мне не должны. Я просто помешал ему отправить меня к вашему двоюродному брату.

Владелец корчмы перебил наш разговор.

— Прошу прощения, пан Конрад, но вы понимаете, что стол на четырнадцать человек стоит больше, чем мы с вами договаривались.

— Разумеется. Внеси разницу в мой счет.

— Да, ваша светлость. Это будет двенадцать гривен.

Разговор за столом прекратился. По гривне за порцию постной еды!

— Послушай, не слишком ли это много? Я не люблю торговаться, но если узнаю, что ты меня обманываешь, то немедленно съеду.

Я произнес все это тихо и спокойно, но без улыбки.

— Да, пан Конрад.

На его лбу вдруг выступил пот. Когда я в итоге расплачивался, то за весь обед отдал четыре гривны.

Позднее тем же днем братья назвали мне цену за втулки. Получилось три тысячи сто гривен за каждую.

— По-моему, чересчур дорого, — засомневался я. — Давайте еще раз пройдемся по вашим расходам, и знайте, я лично проверю все цены у лавочников.

Медь обойдется в восемьсот гривен, каламин и сплав цинка — в триста пятьдесят. Мы остановились, исходя из образцов, которые у них были, на твердой меди, с содержанием цинка около тридцати процентов. Глину они добывали сами, также сами рубили лес по договоренности с владельцем земли. С учетом транспортных расходов эти две составляющие будут стоить сто пятьдесят гривен. Загвоздкой оставался воск, это был редкий товар, как и мед, который продавался с ним вместе. На воск понадобится тысяча сто гривен, почти столько же, сколько и на металл. Оставшиеся пятьсот гривен за их работу и инструменты не казались слишком большой суммой. И все же...

И все же нет причин, по которым нельзя отлить сами формы. Обе втулки могли быть одинаковыми, что упрощало задачу. К тому же мне понадобятся еще и втулки для запланированной «ветряной мельницы», на которой будут молотить зерно.

Более того, я надеялся, что и другие землевладельцы захотят иметь мельницы. Возможно, нам понадобится много втулок. Многие детали, которые я задумывал деревянными, гораздо лучше сделать медными: некоторые шестерни, цилиндры насоса и шкивы. Я хотел несколько медных лоханей для мойки шерсти и детали для молотилки.

— Господа. — Они с удивлением посмотрели на меня из-за выбранного мною слова. — Ваши цены кажутся справедливыми за эти услуги, но так уж получилось, что я знаю более экономичные технологии.

Через два года они снова продавали колокола. Ассортимент состоял из трех стандартных размеров, надписи были одинаковыми, но колокола стоили в два раза дешевле, чем в Кракове.

— Далее, — продолжил я, — очевидно, что вас душит бремя долгов. Также очевидно, что у вас нет денег и что ваши семьи голодают. Я предлагаю вам продать мне ваше предприятие, и я буду платить вам всем приличную зарплату. Я также заплачу за некоторые преобразования. Что скажете?

— Все здорово, но существуют правила гильдии... — начал Том, старший из братьев.

— Что? Я думал, вы единственные мастера по колоколам в Цешине.

— Так и есть.

— Тогда кто глава гильдии?

— Вообще-то я.

— И они члены твоей гильдии?

— А... да.

— Ну и к черту эту вашу гильдию! Вас трое братьев, и я всех нанимаю.

— Мы можем проголосовать по поводу роспуска гильдии? — спросил Владислав, младший из них.

— Но в правилах не сказано...

— К черту правила! Я, пан Конрад Старгардский, властью, данной мне мечом, настоящим объявляю вашу гильдию недействительной. Вопросы?

Томаш посоветовался с братьями.

— Вопросов нет.

— Итак. Я не уверен на счет стоимости здешней собственности, но думаю, ваш дом, печь и земля стоят две тысячи гривен. Согласны?

Два младших брата с довольным видом закивали головами. Старший же сказал:

— У нас также есть определенные права и привилегии на глину и лес, кроме того, две тысячи гривен не полностью покроют наши долги.

— Пусть будет две с половиной, — ответил я, — не хочу, чтобы мои вассалы погрязли в долгах.

— Вассалы? Вы согласны взять с нас клятву?

— Разумеется. Надеюсь, вы тоже согласны. Я возьму клятвы с вас и ваших жен.

— Наших жен?

— Клятвы верности и добросовестной работы. Ваши жены помогают вам, не так ли?

— Да, но...

— Я не трогаю чужих жен. Что скажете по поводу шестисот гривен в год каждому и по двести вашим женам? Когда дети станут достаточно взрослыми, чтобы помогать, мы и это обсудим. По рукам?

Старший осмотрелся.

— Думаю, да.

— Хорошо. Я выплачу вам половину годовой зарплаты авансом, поскольку вам, как мне кажется, нужно кое-что купить. Купите одежду, только не много. Цена на простое сукно скоро упадет.

— Откуда вы знаете?

— Скажем, я чувствую это. Кроме того, коль скоро я хочу, чтобы вы посвятили себя целиком этому делу, когда будут уплачены все налоги, выплачены зарплаты, погашены расходы, куплены материалы и тому подобное, вы сможете разделить между собой одну двенадцатую излишка.

«Прибыль» — не очень подходящее слово для социалиста.

Их безмолвное согласие переросло в восторг.

— Хорошо. Идите и обсудите все с вашими женами. Найдите меня до захода солнца, хочу взять с вас клятвы. Я буду в корчме.

Не успел я выпить и полкружки пива, как все шестеро, улыбаясь, появились на пороге.

— Хозяин. Я хочу, чтобы ты и все твои работники собрались во дворе. Нужно взять несколько клятв!

Вот так была совершена сделка, и я — не могу сказать национализировал, потому что я не государство, — но обобществил предприятие «Медный завод братьев Краковских». При этом я вновь играл, играл роль практичного торговца и тем самым очернял свою чистую душу социалиста. Это нужно было сделать. Человеку приходится делать то, что должно, каким бы противоестественным и болезненным это ни казалось. Разумеется, это маленькое зло по сравнению с большими телами, которые я оставил в заснеженном лесу.

Я купил пиво, попросил точные весы и отмерил деньги. Когда я уезжал из Окойтца, граф Ламберт был сильно занят полевыми работами и не упомянул о деньгах. Поэтому я взял свои двадцать тысяч гривен. Я не волновался: граф отличался честностью. Понимаете, человеку либо доверяешь, либо нет. Глупо полагаться на клятвы и записи, потому что вор обкрадет тебя независимо от того, что написано на бумаге. А честный человек остается честным в любом случае.

Я отмерил три тысячи семьсот гривен золотом — курс серебра к золоту составлял 54 к 1. Деньги я отдал Томашу. Затем отмерил еще четыре тысячи и сказал ему, что медь и каламин должны быть куплены по минимальной цене. Нам был нужен резчик по дереву, и я попросил Томаша подыскать кого-нибудь. Двум другим братьям я поручил принести как можно больше древесины и глины и нажигать древесный уголь.

После небольшого колебания было решено, что владелец корчмы оставит у себя золото до утра, потому что ночью его охранял вооруженный страж.

ГЛАВА 18

Когда Кристина вернулась, праздник уже заканчивался. После целого дня хождения по торговым лавкам в большом городе она пребывала в возбужденном состоянии. За ужином она без умолку болтала о булавах, церквях, лентах, купцах и невиданной стоимости обеда. У меня было хорошее настроение, и я мало говорил. От меня не ускользнула ни одна деталь, но женская болтовня часто создает благоприятный фон для расслабления. Наконец она закончила.

— Великолепно, милашка. Купила что-нибудь для себя?

— Нет. Вы же сказали...

— Вот возьми пятьдесят гривен и потрать их завтра на то, что хочешь ты.

Мое предложение было встречено визгом.

— Что скажешь по поводу красок и красильщика?

— Я смотрела краски, пан Конрад. Но все это так сложно. Фунта одной краски хватает на столько, а унции другой — еще на большее, и...

Фунты? Унции? Я уже забыл перевод в десятичную систему измерений.

— Понятно. А красильщик?

— Я слышала про одного. Его все зовут «ходок», потому что он ходит по ткани, которую красит. Люди сказали, что слышали о нем, но никто его не знает.

— Ну вот тебе и задание на завтра. Возьми с собой служанку. Я хочу, чтобы ты узнала цены на необработанное шерстяное сукно, такое, как ты ткешь сама. Поищи купца, который захочет купить, скажем, тысячу ярдов по цене несколько ниже текущих цен на шерсть с доставкой весной.

Если уж строить из себя торговца, то с выгодой. Рыльце у меня все равно в пушку.

— Я постараюсь, пан Конрад.

— Знаю. Становится поздно. Что скажешь? Еще немного вина и в постель?

Следующие несколько дней были суматошными. Томаш нашел торговца медью, который хотел распродать все свои запасы и перебраться в другое, более прибыльное место. Если мы покупали весь его запас, то могли купить медь за полцены и еще немного каламина, свинца и олова. Я все обдумал и заплатил на 3 250 гривен больше. Затем мы нашли свободного резчика по дереву. Я посмотрел на его работу в нескольких церквах и нанял за пятьсот гривен в год. Ему я сказал, что он теперь модельщик.

Глина и дерево поступали медленно, поэтому я попросил братьев нанять временно двенадцать человек, а лучших четырех оставить на постоянной основе.

Кристина отыскала «ходока», некоего флорентинца, который перебрался на север в поисках удачи и неплохо выучил польский, голодая в Цешине. Он называл себя странствующим красильщиком, но, расспросив его, я понял, что он так и не закончил свое обучение. Кроме того, он учился на сортировщика шерсти, чесальщика и сновальщика. Работал со льном, но предпочитал это не обсуждать.

Он был лет тридцати — этаким вечный неудачник и, возможно, самородок. Я бы затруднился описать мое к нему отношение.

— Отлично, Анжело Мускарини. Хорошо, что ты наконец рассказал мне правду. Поскольку мой сеньор собирается заняться текстильным делом, возможно, ты нам приго-

дишься. Хорошенько подумай, прежде чем критиковать мои ткацкие станки и прялки. Твоя задача — улучшить качество ткани и увеличить ее количество. За это тебя хорошо вознаградят. Если же не будет результатов, мы свезем тебя обратно в дыру в Цешине. Понял?

Красильщик понял.

Я взял с него клятву верности на два года. Платить пообещал сто гривен в год, плюс харчи и кров. В корчме снял для него заднюю комнату за две гривны в день. Я заплатил флорентинцу за три месяца вперед на пиво и тому подобное, чтобы посмотреть, будет ли он бережен с деньгами. Оказалось, Анжело сэкономил значительную часть суммы, потратив немного на одежду. Когда человек долго находится между молотом и наковальней, он закаляется, как сталь.

Помимо того, что мне приходилось инструктировать братьев Краковских об узорах для форм, я еще разъяснял, как работают прялки и токарные станки. Недостаточно просто отлить втулку. Она должна быть абсолютно круглой, а одному такую не отлить.

Резчик по дереву, Ивор Коренков, обучал своих новых работников, и дни шли.

Кристина завязала нужные коммерческие отношения. Она нашла торговца тканями, готового сотрудничать. Уже было оговорено, что тот купит около двух тысяч квадратных ярдов (мера измерения в Цешине) необработанного шерстяного сукна за семь восьмых текущей цены, то есть за двадцать три гривны. Мы заверили соглашение у нотариуса, который снял три копии: по одной каждому из нас и одну себе. Каждый оставил по тысяче гривен в качестве залога, и сделка состоялась.

Я все еще был занят в литейном цехе, а Кристина осталась без дела.

— У меня для тебя еще одно задание, милашка. Возьми Анжело и служанку, как ее там...

— Зельда.

— Значит, Зельду. Вы втроем должны закупить краски, или что там нужно Анжело, на тысячу гривен. Затем ты и Анжело отправитесь обратно в Окойтц.

— Мы вдвоем?

— Я встречу вас в имении пана Мешко. Дальше ты не поедешь. Мы отправим Анжело в Окойтц одного.

— Но зачем, пан Конрад?

— Я не уверен, можно ли ему доверять. Если я нанял вора, то лучше узнать об этом как можно раньше.

— Но зачем вообще ему доверять? Я имею в виду, зачем рисковать тысячами гривен?

— Мне необходимо ему доверять, потому что он знает то, чего не знаю я. Ему ничего не стоит меня кинуть.

— Кинуть...

Таких слов она не понимала.

— Но зачем нам ехать к пану Мешко?

— Я хочу, чтобы ты погостила пару недель у пани Ричезы. Помнишь, я тебе говорил, какая она замечательная женщина? Помнишь, какая она любезная и обаятельная, и как приятно чувствуешь себя в ее обществе? Вот и сравни ее с теми «дамами» из замка Цешина. Подумай, на кого ты хочешь быть похожей, когда вырастешь.

Она немного помолчала и вдруг разрыдалась. Затем обняла меня за шею.

— Все будет хорошо, милая.

Спустя два дня мы отправились в путь. Я был в доспехах и естественно верхом на своей Анне. Кристина ехала в дамском седле. Анжело следовал за нами верхом на муле и вел еще одного, нагруженного корнями, корой, травами и морскими раковинами.

Мы прибыли к полудню. Ричеза была как всегда обаятельна, и даже если ее обидело мое решение уехать через пару часов, она этого не показала. До нее уже дошли слухи о наших приключениях в замке, и она хотела оставить Крис-

тину у себя, прежде чем мне представится возможность закрыть эту тему.

Однако по правилам хорошего тона нельзя уезжать немедленно, и только ближе к вечеру я отправился в Цешин.

— Как думаешь, Анна, успеем дотемна?

Анна кивнула головой. Она всегда кивала или мотала головой в ответ на вопросы, как будто понимала, о чем речь. Эта ее манера многих смущала. Возможно, она просто понимала мои движения, но все равно с ней было приятно поговорить.

— Посмотрим, как быстро ты можешь скакать. Только не загони себя.

Анна поскакала во весь опор и не остановилась даже через час. Я заволновался: хорошая лошадь загонит себя до смерти, если ей приказать. Я натянул поводья.

— Полегче, девочка, не перестарайся.

Она помотала головой и таким же галопом доскакала до Цешина. Я расседлал Анну у городских ворот и осмотрел ее. Она даже не вспотела! Потрясающая лошадь.

Через неделю мне сообщили, что Анжело Мускарини благополучно добрался с грузом до Окойтца. Я успокоился.

В медном литейном цехе оставалось больше дел, чем я думал. Работа в копиях и обжиг глиняных форм на открытом огне были неэффективными и расходовали много топлива. Мы построили одну печь для обжига кирпича и форм. Нужно было построить еще пять.

Требовался огромный токарный станок и подшипники на втулку. Пришлось собрать маленький станок, чтобы потом соорудить большой. Большой токарный станок невозможно прокрутить рукой, поэтому к главной бабке мы прикрепили огромное колесо. В него забирался человек, который приводил в движение колесо вместе с бабкой станка.

Я был доволен собой, но лишь спустя пять недель смог полностью положиться на братьев Краковских и вернуться

в Окойтц. Все это время я скучал по Кристине, хотя и правильно поступил, отправив ее в «завершающую школу» пани Ричезы. Когда привыкаешь к сексу, воздержание становится пыткой. Скоро я обнаружил, что мое право рыцаря спать с молоденькими девушками не имеет силы в черте города. И посетив еще раз замок Цешина, я убедился в том, что здесь мне делать нечего.

Подумайте сами. Я был полностью готов терпеть откровенное невежество. Большинство, с кем я встречался в тринадцатом веке, были очень бедны; люди не имели ни единой возможности совершенствоваться. Но этим барышням из замка было абсолютно нечего делать, вот они и страдали бездельем: нелепые шарады, любовные интрижки и болтовня типа «он сказал, что она сказала, что говорят...». Они просто обожествляли невинность незамужних девушек и ни во что не ставили целомудрие замужних.

В общем, их поведение противоречило моим моральным устоям и не заслуживало внимания.

В городе были проститутки, и я взял одну. Первую половину вечера она выклянчивала у меня больше денег, а вторую половину провела на улице, куда я ее вышвырнул.

Обычно вечерами я много пил. Хозяин корчмы, Тадеуш Врулевский, стал моим постоянным собутыльником. Братя Краковские тоже были неплохими людьми, однако не стоит слишком панибратствовать с подчиненными. Нелегко перейти от роли застольного друга на роль усердного работника, если делать это очень часто. К тому же все три брата были женаты. На что им жаловаться?

— Социализм, Тадеуш! — объяснил я, хлебнув как следует. — Эта страна и эта эпоха в таком ужасном состоянии из-за нехватки социализма!

— Вы абсолютно правы, пан Конрад! А что такое социализм?

— Рад, что ты согласен со мной, дружище Тадеуш. Всю эту ситуацию — и отсутствие работы в Цешине, и ее избы-

ток в Окойтце, и нехватку еды и швей, и высокую смертностью маленьких детей, — все это можно изменить с помощью техники и организованности.

— Звучит великолепно! А что такое швея?

— Все, что нам нужно, — это немного организованности и техники. Остальное у нас есть. У нас есть рабочая сила, у нас есть сырье. Дайте нам лет девять, и мы все наладим и монголов разобьем в придачу. Пусть принесут еще вина.

— Превосходно! А что такое монголы?

— Монголы — это такие маленькие грязные ублюдки, которые хотят напасть с востока и всех убить. Но этот номер у них не выйдет, если мы сплотимся. Вышибем из них дух пушками, возможно, даже медными.

— Эти монголы вроде татар?

— Те же сволочи.

— Я слышал ужасные истории от торговцев с Востока. Говорят, они целые города предают огню и мечу. Не щадят ни мужчин, ни детей, ни животных, насилюют и угоняют в плен женщин.

— Да. Выродки. Но здесь этому не бывать. Мы их остановим. Главное — организованность. Забота о людях. Техника. Социализм.

— Вы все говорите «техника». А что это такое?

— Техника — это то, чем я занимаюсь на заводе через дорогу. Новые токарные станки, новые печи, усовершенствованный процесс производства.

— Ваши люди процветают, пан Конрад. Месяц назад это была горстка голодных мужиков. Теперь же они трудятся от рассвета до заката. Их жены купили свиней, кур, новую одежду. Вы даже наняли дюжину новых работников!

— Видишь? Техника и социализм в действии! Еще вина?

— Эта ваша техника. Ее можно применить везде? Скажем в корчме?

— Вроде того. Техника — это наиболее разумное решение проблем. У тебя хорошая еда и ты варишь неплохое пиво. Все, чего тебе недостает, так это посетителей.

— По крайней мере с последним я согласен.

— Отлично. Мы знаем, зачем нужен завод. Каково же предназначение корчмы?

— Обеспечить едой, питьем и...

— Неверно. Вино можно купить в винной лавке, причем гораздо дешевле. Ты ведь покупаешь его у того же торговца и еще вынужден покрывать накладные расходы. То же самое с едой: на базаре она дешевле.

— Но путешественники...

— В целом, обслуживать путешественников — хороший бизнес, но ты не на главной дороге. Нужно нацеливаться на внутренний рынок. Ты должен работать для людей. В городе около тысячи мужчин зрелого возраста. Возможно, в соседних деревнях еще одна тысяча. Если тебе удастся привлечь хотя бы десятую часть из них в качестве постоянных клиентов, то успех обеспечен. Если горожане будут ходить к тебе регулярно, то и путешественники тоже придут.

— Да, да! Но как этого добиться?

— Дай подумать.

Я не был силен в сфере управления тавернами, но не раз посещал подобные места в Польше и Америке. Некоторые были плохие и пустые, другие — хорошие, но пустые, третьи — переполненные, независимо от того, хорошие они или плохие. Единственным определяющим фактором было то, что люди шли в определенное заведение, потому что там уже сидели посетители. Привлечь первых клиентов — вопрос рекламной кампании, а она невозможна в мире без газет и радио. Важно также предоставить развлечение. Что-нибудь особенное. Я вспомнил два-три места в Массачусетсе.

Изобретатель живет в своем мире. Когда мне в голову приходят идеи, я вижу их как единое целое и лишь потом вычленяю отдельные элементы.

В моем пьяном рассудке родилась мысль.

— Тадеуш, я знаю, что нужно делать. Ты в курсе о моей договоренности с братьями Краковскими. Хочешь войти к нам в долю?

— И заработать тысячи гривен плюс регулярное жалованье? О да, ваша светлость.

— Отлично. Но мне кажется, что твое здание стоит больше, чем их. Скажем, три тысячи.

— Согласен, ваша светлость!

— Хорошо. Тогда я возьму с тебя клятву прямо сейчас.

— Но солнце еще не взошло.

— Верно. Но на небе полная луна, а это больше подходит владельцу корчмы, не так ли?

При полной луне, в присутствии свидетелей — сонной горничной и ночного стража — я взял с Тадеуша и его жены клятву верности. Прихватив еще кувшин вина, мы вернулись за стол. Прежде всего я рассчитался за ужин. Затем я дал Тадеушу три тысячи четыреста гривен.

— Первое правило такое: поскольку я владелец заведения, то буду останавливаться здесь бесплатно. Держи одну комнату специально для меня.

Во-вторых, нужно изменить название корчмы. «Боевой топор» слишком грубо звучит. Люди ходят в подобные заведения, чтобы отдохнуть. Необходимо легкое, занимательное название, к примеру, «Розовый дракон». У меня есть резчик по дереву, он сделает новую вывеску.

В-третьих, эта комната слишком пуста. Людям нравится толкучка. Повесь занавеску посередине комнаты. Еще одну — посередине первой половины и третью так, чтобы была видна только одна восьмая помещения. Будешь их раздвигать только в том случае, если в отгороженной части яблоку негде упасть. Понял?

— Да, ваша светлость.

— Всех твоих работников мы оставим. Никаких увольнений, кроме как за воровство.

— Некоторым работникам мы еще должны за прошлые месяцы.

— При социализме такого не будет. Выплатим все. К завтрашнему дню подсчитай сумму. Ах да. Нам нужна система бухгалтерского учета. Я пришлю кого-нибудь для ведения бухгалтерских книг по корчме и литейному цеху вместе. Ты считаешь, это ни к чему, но я настаиваю. Что еще? Твои цены! О практике торговаться нужно забыть. Мы установим приемлемые цены. Затем мы их вывесим, и они будут одинаковыми для всех без исключения.

— Но если по человеку видно, что он состоятелен...

— Без исключения, никаких накруток и скидок. Теперь развлечение. Я хочу, чтобы начиная с ужина и до закрытия играла музыка. Одного музыканта достаточно. И нанимай их только на одну неделю. Посмотри, что понравится посетителям. Служанки; нам понадобится с полдюжины. Им нужно хорошо платить, чтобы они старались. Скажем, четыре гривны в неделю и еще восемь будем откладывать на их приданое. Возникает проблема с текучестью кадров. Нам нужно, чтобы постоянно работали шесть самых красивых девушек.

— Что! Вы хотите превратить мою корчму в дом терпимости?

— Наоборот. Все они должны быть девственницами и ими же остаться. Проследи за этим сам.

— Жена будет против.

— Тогда пусть она за этим проследит. Частью ее работы будет контроль их поведения. Они должны жить здесь, в одной из задних комнат. Посетители смогут смотреть, но не трогать. Позаботься, чтобы к ним невозможно было зайти.

— Смотреть?

— Да. Еще им понадобится специальный наряд.

Обмакнув палец в вино, я набросал на стареньком деревянном столе, что имел в виду.

— Попросим резчика по дереву и кожевенника сделать туфли на высоком каблуке. Я могу показать кому-нибудь из местных как шить чулки, а потом будем делать их в Окойтце.

— Хотите разодеть девушек в пух и прах?

— Посетителям это понравится. Теперь о рекламе. Похоже, в Цешине меня знают, по крайней мере мое имя. Я был занят на заводе и нечасто общался со здешними людьми. Но через неделю-другую, когда мы все наладим, найми нескольких старух. Пусть они ходят и рассказывают, что пан Конрад Старгардский, который победил Черного Орла, оставил барышень из замка и перебрался в знаменитую корчму, чтобы смотреть на полуголых красавиц. Это сработает.

— Это приведет к моей двери истинных христиан с колыями и факелами!

— Вот и хорошо. Впусти их. Угости пивом. Если они по-настоящему организованы, пусть их лидеры проверят невиновность официанток. Без проблем.

— Но... все это будет стоить немалых денег, ваша светлость.

— Верно. Вот две тысячи гривен, чтобы покрыть расходы. Рассчитывай все точно. Ладно, становится поздно. Спокойной ночи.

Я взял полкувшина вина и пошел в свою комнату. Луна уже садилась. Боже, как поздно.

На следующий день я проспал и позавтракал на кухне, чем было. Голова раскалывалась, и меня терзали мысли типа «что я наделал». Люди мерзли, голодали, вот-вот нападут монголы, а я трачу огромные суммы на открытие ночного клуба в тринадцатом веке. О Боже, как раскалывается голова. Спьяну я думал не головой, а сидалищем и снова влип. Я попытался выйти из корчмы как можно тише, чтобы не встретиться с Тадеушем, но как бы не так.

— Пан Конрад! Наконец-то вы встали. Я уже начал волноваться. Все ваши распоряжения выполнены; уже ишу в

Цешине шесть красавиц! Я поговорил с резчиком по дереву. Он придет завтра. Но, естественно, он хочет обсудить все с вами.

— Ах... да... я поговорю с ним. Надеюсь, ты понимаешь, что по ряду причин будет лучше не упоминать моего имени.

— Но мы должны пустить слух, что вы бываете здесь, ваша светлость.

Тадеушу очень нравилась идея иметь влиятельного покровителя.

— Конечно. Но не говори, что я совладелец. И прикажи свидетелям молчать.

— Как пожелаете, ваша светлость.

— Рекламная кампания развалится, если узнают, что я владелец «Розового дракона».

— Как пожелаете. Я говорил с портнихой. С костюмами проблем не возникнет — будет похоже на непрекращающийся карнавал! — но ей нужна помощь с чулками.

Я мало что сделал в литейном цехе в тот день, и когда вернулся поужинать, корчма была переполнена. Прошел слух, что здесь будут самые красивые девушки города. Около сотни молодых людей пришли посмотреть на происходящее и еще человек тридцать надеялись подыскать себе жен. Я чувствовал себя неловко, а Тадеуш хотел, чтобы я выбрал шесть лучших. Пришлось тянуть время.

— Ты уверен, что они девственницы? Пусть твоя жена проверит.

Я сел за маленький столик, который был зарезервирован специально для меня, поел и выпил кувшин вина. Я хотел, чтобы жена Тадеуша просто спросила девушек, но она решила убедиться воочию. Было отобрано четырнадцать. Сколько постеснялось, я не знаю. От бесплатного жилья и питания мало кто откажется. А от двенадцати гривен в неделю помимо этого и подавно.

— Теперь выберете шестерых, ваша светлость.

Одна была привлекательной, почти как Кристина. Остальные казались гадкими утятами, и мне их было жаль.

— Нет. Пусть посетители выберут одну. Объясни им. Сначала пусть отберут пять лучших, затем из пяти двух и, наконец, одну.

Это было честно и не требовало моего вмешательства.

— Только одну?

— Повторяй то же самое еще пять дней. Помнишь, я говорил о развлечении? Это оно и есть.

В тот вечер Тадеуш заработал четыреста гривен, и с каждым днем народу приходило все больше.

Неделю спустя ко мне за обедом присоединился местный священник, отец Томаш. Я предложил вина, но он отказался и сразу перешел к делу:

— Я обеспокоен твоими поступками и твоей душой, сын мой.

— Но почему, святой отец?

— Вы наняли молодых девушек — добродетельных христианок из хороших семей, — и теперь они полуобнаженные работают в доме терпимости.

— Да нет же, святой отец. Они служанки в приличной корчме, которая и отдаленно не напоминает публичный дом. Они ведут весьма добродетельный образ жизни под угрозой увольнения! Монахини в монастыре и те под меньшим присмотром, чем наши девушки. Если оставить нравственную сторону, а мы с хозяином корчмы оба придерживаемся моральных устоев, то женщины легкого поведения вредят делу. Многие из них ваши прихожанки; вы знаете, о чем я.

— Их грехи известны. Но речь о другом.

— Но почему бы не заняться настоящими злачными местами? Зачем нападать на приличную корчму?

— У злачных мест, как вы их правильно именовали, есть свои гильдии. В конце концов, существует закон и церковь. То, чем занимаетесь вы, нечто иное и должно быть пресечено в корне.

— Святой отец, мы всего лишь подаем пищу и вино. Служанки симпатичные, но такими их создал Господь, и лично мне нравится его творение. Да, мы размещаем на ночь, но не обеспечиваем любовницами.

— Но их наряд развращает посетителей.

— Их привлекательный наряд полностью закрывает грудь и другие интимные места. Любой мужчина, желающий увидеть больше, может просто пойти в общественную баню, отец мой.

— У бань свои гильдии и разрешения. Со временем церковь их закроет. Но вы не ответили на мое обвинение в разврате.

— Святой отец, нет ничего зазорного в том, что мужчины любят женскую красоту. Если это грех, то каждый нормальный мужчина в Польше попадет в ад!

Сходите и проверьте их комнаты. Поговорите с девушками. Убедитесь, что мы чтим нравственность.

— Я твердо намерен это сделать, — заявил он и ушел.

Я как раз заканчивал обед, запивая сыр пивом, когда священник вернулся.

— Пан Конрад, должен признаться, все именно так, как вы описали. Девушки жалуются лишь на ограничения, которые вы ввели.

— Цена нравственности, отец.

Интересно, насколько серьезны могли быть их жалобы.

— Пока вы здесь, я хотел бы поговорить вот о чем. Одна из наших официанток увлеклась местным юношей. Я говорил с ним. У него серьезные намерения, да и сам он хороший человек. Поскольку она работает здесь, было бы справедливо, если мы возьмем на себя свадебные расходы. Не смогли бы вы провести церемонию?

— Конечно, смогу. Почту за честь.

— Великолепно! Полагаю, очень скоро все наши официантки выйдут замуж. Порядочные и красивые девушки

не остаются долго незамужними. Может быть, обсудим стоимость групповых венчаний?

Через час отец Томаш был моим союзником.

Когда тот уходил, я поинтересовался:

— Святой отец, как вы узнали, что я владелец корчмы?

— У церкви повсюду глаза и уши, сын мой.

Был полдень, и работала только одна официантка. Обеспокоенный их жалобами священнику, я отправился в большую комнату, именуемую раньше «апартаментами герцога», хоть герцог в них никогда не останавливался. Вообще-то с тех пор, как цена за нее стала не по карману обычным посетителям, в ней не останавливался никто. Имело смысл отдать ее девушкам.

Я договорился о банных часах для работников корчмы: сразу после полудня. Все оплачивалось за счет заведения, но это было недорого. Мы заставили всех наших людей, в том числе и официанток, мыться ежедневно.

Когда я позвал девушек, все пять вышли скорее голыми, чем одетыми. Они впустили меня, не потрудившись одеться. Вероятно, причиной такого шоу был их статус неприкасаемых, а также недавнее детское открытие того, что мужчины их замечают и любят ими.

Мне это не нравилось. Я не мог поступиться принципами и вообще, порядочный мужчина просто не воспринимает девственницу как обычную женщину. Мне кажется, что половина фригидных дамочек — результат неудачной первой ночи. Чтобы все было как надо, мужчине требуется терпение, нежность и много любви. В двадцатом веке у меня было две девственницы. После меня они стали великолепными любовницами. Я даже гордился своим мастерством.

Но сейчас во мне все кипело. У меня уже три недели не было секса, и только пяти соблазнительных бюстов мне сейчас и не хватало.

— Накиньте на себя что-нибудь! У нас что здесь, бордель? — крикнул я.

Они поспешно схватили полотенца и одеяла.

— Мы только что помылись, — начала одна из них, — нам жарко.

— Не сомневаюсь. Четырнадцать лет: жарче преисподней. Что это вы разжаловались на вашу работу?

— Жалобы, пан Конрад? У нас нет жалоб. Мы хорошо получаем и работа отличная, как праздник, — возразила рыжеволосая.

— Тогда зачем жаловаться священнику?

— Ах, это, — ответила хорошенькая блондинка, опустив полотенце на бедра. — Мы всего лишь выполняли распоряжение пани Врулевской.

— Прикрой грудь. Что именно жена пана Тадеуша попросила вас делать?

— Она сказала, что если мы не будем кроткими, как монахини, церковь закроет корчму, и у нас не будет двенадцати гривен в неделю.

— Она даже пригрозила отправить нас в монастырь, если мы поведем себя неубедительно, — добавила рыжеволосая.

Пани Врулевская просто подслушала наш разговор со священником и решила проблему. Ну что ж, все хорошо, что хорошо кончается.

— Отлично. Но наденьте на себя хоть что-нибудь, черт вас подери!

За полгода большинство официанток подыскали себе хороших мужей. Корчма оплачивала все свадебные расходы, и на следующий день всегда устраивался новый «конкурс». Это случалось по крайней мере раз в месяц, а то и каждую неделю. Для многих из наших клиентов это был единственный случай проголосовать. Лично я не мог постичь нравственности всего этого.

Но зато у меня не было подобных сомнений в ситуации, с которой я столкнулся позже тем вечером. Корчма закрылась на ночь, но я еще не спал, попивая вино и размышляя об очередной машине. Лучшие мысли приходят ко мне толь-

ко за бутылочкой доброго вина. К рассвету я выпил три четверти бутылки, но оставшаяся часть обычно здорово способствует полету творческой мысли.

Моя комната находилась как раз над комнатой Тадеуша. Повара здесь не жили, официантки были четырнадцатилетними девчонками, и в ту ночь в корчме никто не остановился. Когда раздался крик жены Тадеуша, из мужчин здесь были он сам, ночной страж и я.

— Страж! — крикнул Тадеуш.

— Кричи, сколько хочешь. Твой старикан не придет, — ответил злобный голос.

Когда я кинулся к двери и затем побежал вниз по лестнице, раздалось еще крики, обвинения и визг. На мне был вышитый кафтан, который подарил граф Ламберт. В сапогах из тонкой кожи я передвигался тихо. По крайней мере из комнаты Тадеуша доносилось больше шума.

У двери стоял крепкий незнакомец. В руке он держал длинный кинжал, и тут я понял, что забыл меч.

Я не виртуоз боевых искусств, но владею основными приемами самбо. Главное — ударить сильно и быстро. Промедление может стоить тебе жизни.

Головорез замахнулся кинжалом. Я блокировал удар левой рукой и сильно ударил его в пах. Он согнулся от боли, и его голова оказалась возле моего колена.

Я воспользовался этой возможностью: бандит остался со сломанным носом и выбитыми передними зубами. Он грузно рухнул на пол, все еще держа в руке свой кинжал. Я не люблю людей, которые норовят проткнуть мне бок в темном коридоре, поэтому с силой наступил на кисть его руки. С большой силой. Кости хрустнули, их осколки пробили тонкую подошву моего сапога и врезались мне в ступню. По всей ноге пробежала боль.

Я поднял кинжал и заковылял в комнату.

— Какого черта здесь происходит? — воскликнул я.

В комнате кроме Врулевских находились еще два типа, бандитской внешности. Главарь злобно ухмыльнулся и сказал:

— Просто дела гильдии, незнакомец. Уходи и проживешь дольше.

У Тадеуша из носа и рта шла кровь. На его жене платье было разорвано на груди.

— Они из гильдии сводников! — с пренебрежением и страхом в голосе заметил Тадеуш.

— Будь ваши дела законными, вы бы пришли днем. А теперь я говорю вам: убирайтесь отсюда и останетесь в живых.

Главарь подал знак своему подчиненному, и тот пошел на меня с широким ножом. Он замахнулся так же широко, как и его незадачливый друг.

Кинжал — это длинное узкое оружие нападения, способное пронзить кольчугу. Но на этот раз пострадал рукав моего кафтана. Схватив разбойника за левое плечо, я воткнул кинжал прямо ему в живот. Его тело поплыло назад. Теперь кинжал был уже у него в горле. Тонкое лезвие разрезало ему череп и выпустило мозг. Вдруг через его плечо я заметил, как главарь собирается метнуть в меня нож. Головорез все еще был в моих руках, и в его горле торчал кинжал. Я поднял его, как щит. Он оказался гораздо легче, чем я предполагал, или возможно, ярость схватки увеличила мою силу, но как бы то ни было, его голова звонко ударилась о перекладину низкого потолка. Кинжал застрял в дереве, и убитый мною бандит остался висеть, а нож главаря торчал в его спине.

Главарь пошел на меня с кулаками, но его бравада основывалась скорее на страхе, чем на умении драться. Мы оба были безоружны, и я дважды сильно двинул его в живот.

— Пан Конрад! — крикнул Тадеуш.

Бандит сразу будто окаменел. Я же слишком рассвирепел, чтобы остановиться. Схватив его за плечо, я резко ударил краем ладони по обеим ключицам и сломал их.

— Пан Конрад? — переспросил тот. Его руки болтались неестественно низко.

— Да.

Я тяжело дышал.

— Благородный рыцарь, который убил пана Райнберга одним ударом?

— Среди прочих.

Я приходил в себя.

— Я знал его, господин.

— Ты из таких же.

— Мы слышали, что вы связаны с этой корчмой, но гильдия подумала...

— Гильдия подумала неверно.

Шум разбудил девушек, и они толпились у двери, раскрыв от удивления рты. Одна накинула на себя одеяло, другие стояли обнаженными.

— Эти девушки не шлюхи. Мы не имеем никакого отношения к вашей гильдии.

— Да, ваша милость. Определенно так, господин.

— И? — продолжил я.

— Вы пощадите меня, ваша милость? Мне можно идти?

Я немного подумал.

— Да. Живи. Но ты должен возместить ущерб, черт побери.

— Конечно, господин. Мы всегда платим долги.

— Тадеуш, — позвал я. — Сколько они должны за нанесенный материальный и моральный ущерб?

— Не знаю, пан Конрад, — ответил он. — Вы уверены, что правильно поступаете?

— Назови сумму!

— Может быть пятьсот гривен?

— Пусть так, — согласился я. — Послушай, сутенер. С тебя пятьсот гривен. Но все равно посмотри, какой беспорядок ты устроил! А твои головорезы порвали и залили кровью мой лучший кафтан. Убирайся!

— Как прикажете, пан Конрад Старгардский.

Он попытался удалиться с достоинством.

— Вы с ума сошли, пан Конрад? — заговорил Тадеуш. — Теперь они вернутся!

— Сомневаюсь. Такие люди на рожон не полезут.

— Да нет же, полезут! Девчонки! Быстро! Бегите в комнату пана Конрада и принесите его меч и доспехи!

Шесть голых девушек бросились ко мне в комнату. Та, которая была с полотенцем, уронила его в лужу крови под трупом, что все еще болтался на перекладине.

— Где, черт возьми, мое вино! — крикнул я.

Я грузно опустился на стул. Схватка закончилась, и меня начало трясти.

Мне принесли вина, но вскоре шесть симпатичных обнаженных девушек уже снимали с меня одежду и, по настоянию Тадеуша, облачали в доспехи.

— Это глупо. Они не вернутся, — сказал я, но ошибся.

Когда меня полностью одели, мы вышли на улицу и отыскали стража. На голове у него вспухла большая шишка, он был связан, с кляпом во рту и взбешен. Увидев болтающийся труп, он улыбнулся, а когда другой разбойник застонал, принялся его связывать, испытывая при этом несказанное удовольствие.

— Пусть приходят, — самоуверенно заявил он, взяв меч.

— Эй, — воскликнул я, — если уж вы так волнуетесь, может, пошлем за людьми графа?

— Хорошая идея, пан Конрад, — ответил Тадеуш. — Но кто отважится выйти на улицу ночью?

— Дьявол. Я сам это сделаю. И заставьте вы этих девчонок одеться. Ведут себя, будто здесь и впрямь публичный дом!

— И вы оставите нас без защиты? — воскликнула одна из них.

— Черт.

Я сел и сделал большой глоток вина. Оставалось только ждать, пока они все успокоятся и отправятся обратно спать. Все равно моя нога еще болела.

Девушки носили с кухни ножи, что было абсолютной глупостью. Если не знаешь, как пользоваться оружием, лучше вообще его не трогать.

В волнении они позабыли о моих указаниях одеться. Или, возможно, беготня обнаженными, да еще и с ножами, казалась им приключением. Пани Врулевская, которая обычно следила за ними, сидела, как каменная, на кровати.

Она даже не прикрыла синюю от побоев грудь. Ее муж сидел на стуле. Он еще не отошел от испуга, и у него по-прежнему шла носом кровь. Страж ждал повода убить кого-нибудь, девушки придумывали военные пароли, труп еще висел на перекладине, и моя нога болела. Черт, какая суматошная ночь! Говорила мне мама, езжай на море!

В дверь постучали.

В комнате все замерли. Даже воинственно настроенный до этого страж неожиданно вспотел.

— Не волнуйтесь, я открою, — сказал я.

Я заковылял к двери. Еще одна такая драка, и я за себя не ручаюсь. Прежде чем открыть дверь, я на всякий случай обнажил меч.

— А, пан Конрад, я полагаю, — начал хорошо одетый незнакомец. — Мы пришли без оружия и с добрыми намерениями. Нам хотелось бы извиниться за тот нелепый инцидент, который сегодня произошел.

Их было шестеро: двое мужчин и четыре женщины. Они отдали Тадеушу кошелек с пятью сотнями гривен, забрали убитого и раненого и смыли с пола кровь. Ведра с теплой мыльной водой они принесли с собой.

— Разумеется, по правилам боя все это ваше, — продолжил незнакомец и протянул мне вычищенный кинжал, широкий нож и тот нож, который метнул в меня главарь. Все три были в ножнах. Должно быть, ножны главаря он принес

с собой. — При первой же возможности мы компенсируем и другие материальные убытки. Меж тем я желаю вам приятного сна и заверяю в нашей доброжелательности в дальнейшем.

И они ушли.

— Всем спать, — скомандовал я и сделал большой глоток вина.

Неделю спустя посыльный доставил четыре кафтана, все с прекрасной вышивкой, а один — точная копия испорченного в схватке. Он также принес попону из красного бархата для Анны, а мне — накидку такого же цвета. И то, и другое было вышито золотом.

Все это сидело на мне превосходно. Я так и не выяснил, откуда они узнали размеры, но преступный мир меня впредь не беспокоил.

ГЛАВА 19

Для водяных мельниц мне требовалось довольно много медных деталей.

Маленькая вспомогательная ветряная мельница и револьверная головка станка соединялись зубчатой передачей. Поначалу я подумывал о деревянных зубчатых колесах, но червячная передача с медными шестернями — гораздо проще и эффективнее.

Червячная передача — это всего лишь винт с нарезкой, которая точно подходит к зубцам шестерни. Проблема в том, что формы червячного винта и шестерни очень сложные, а это выше наших технических возможностей, как, впрочем, и моей возможности все точно описать.

Я провел вечер в своей комнате, попивая вино и размышляя над проблемой. Пивная внизу была постоянно переполнена. Из-за шума в ней нельзя было сосредоточиться, даже в моей комнате этот шум отвлекал от мыслей. В итоге я нанял музыканта, чтобы тот играл мне легкую музыку.

Утром я попросил Михаила Краковского вылепить из глины червячный винт и шестерню увеличенных размеров. Все было сделано неточно, на глаз. Зубцы получились слишком большие, да и глину лепили на медные сердечники, чтобы обеспечить концентрическую опору. Когда глина засохла, мы начали подгонку. Вначале сцепление было слабым, но, поворачивая червя, можно было вращать шестер-

ню. Мы поставили человека аккуратно крутить винт, чтобы детали притерлись. Через три дня они были гораздо меньшего размера и подходили идеально. Затем мы обожгли их и получили шаблоны для медных изделий.

Червячная передача дала дифференциал количества оборотов ветряной мельницы и вала, соединенного с револьверной головкой, в соотношении 48 к 1. Вал вращал цевочное колесо, которое находилось на штифтах, вбитых в неподвижную опору. В результате на один оборот револьверной головки приходилось 1152 оборота вала ветряной мельницы. По моим подсчетам, этого было достаточно.

Проблемы решались одна за другой. Мы отлили втулки, одну из них с гнездами для лопастей ветряной мельницы. Эти втулки тщательно обрабатывались на большом токарном станке. Собирали и два маленьких станка. Мы были уверены, что через месяц все детали, необходимые для водяной мельницы, будут готовы к отправке в Окойтц.

В один из дней я засобирался обратно в дорогу, но тут мои сборы прервал пронзительный крик из литейного цеха. Я кинулся туда и столкнулся с Владиславом Краковским.

— Мой брат! Мой собственный брат назвал меня ленивым поросенком!

— Я назвал тебя ленивым поросенком, потому что ты и есть ленивый поросенок! — воскликнул Михаил.

Они продолжали кричать.

— Великолепно! Но я замученный ленивый поросенок, да и не подобает мужчине бегать внутри этого колеса.

Они все еще спорили, а я пошел мимо них к станку. На нем работал Том. Внутри колеса суетливо бежала свинья, тщетно пытаясь забраться на вращающуюся стенку. В нос ей было вставлено кольцо, привязанное к деревянной палке таким образом, что если свинья останавливалась, ее тянуло за нос.

Какое-то время я наблюдал за картиной. Было странным использовать силу свиньи, но они сильные животные

и у них есть одно преимущество перед лошадьми — маленькие размеры. Возможно, нам следует использовать силу свиней там, где невозможно использовать силу лошадей?

Полагаю, этому поросенку было нелегко. Но я не могу придумать ничего худшего для животного, чем убить и съесть его, а становиться вегетарианцем, как Адольф Гитлер, я не собираюсь.

Том повернул палку, чтобы свинья смогла остановиться.

— Контроль скорости, — пояснил он, — думаю, нам придется менять три свиньи в час. Но это дешевле людей.

Стало ясно, что мне можно возвращаться в Окойтц.

Я был уже в седле, когда Тадеуш вынес прощальный кубок и кошелек золота.

— Семь тысяч гривен, ваша светлость. Ваш доход с первого месяца работы «Розового дракона».

Я поблагодарил его и отправился в путь. Семь тысяч за один месяц! В два раза больше, чем я потратил! На эти деньги можно запросто содержать литейный цех. У меня не было собственной земли, и лишь этот завод стоял между нами и монголами.

Анна, очевидно, чрезвычайно гордилась своей новой попоной из красного бархата. Она держала голову высоко поднятой и скакала весьма странным аллюром. Что-то вроде прыжков: переднее левое и заднее правое копыта одновременно касались мостовой. Полагаю, впечатляющее зрелище, потому что посмотреть на нас вышло много народу.

Но моей пятой точке было не очень комфортно, поэтому, как только мы выехали за городские ворота, я погнал ее галопом.

Она не сбавила темпа до самого поместья пана Мешко, и снова ни капли пота.

Меня встретила Кристина, и я с трудом узнал ее. Внешне она почти не изменилась, за исключением прически. Было что-то в ее осанке, в том, как она ровно держала спину, как горделиво «плыла», а не ходила вприпрыжку, как неуклю-

жая девчонка-подросток. Но было что-то еще, а что именно, я не мог точно определить. Одним словом, утенок превратился в лебедя.

— Добро пожаловать, пан Конрад. Я скучала.

Она улыбнулась такой же лучезарной улыбкой, что и пани Ричеза. Я был дома.

Мне не хотелось уезжать, но я беспокоился за свои проекты в Окойтце, поэтому утром мы отправились в дорогу. На полпути встретили пана Мешко.

— Пан Мешко! Рад видеть вас снова. Мы только что из вашего поместья, там все в порядке.

— Слава Богу, пан Конрад. Сказать по правде, я всю зиму волновался за Ричезу. Со своей стороны, я отправил Бориса Новацека в Краков с семьюдесятью пятью мулами, полудюжиной погонщиков и огромным количеством бочек с вином.

— Как дела в Окойтце?

— Потрясающе! Благодаря вашим прялкам и ткацкому станку сукна хоть отбавляй, и мельница наполовину построена.

— Наполовину! Я слишком долго пробыл в Цешине.

— Не волнуйтесь, все в порядке. Однако, пан Конрад, вы позабыли представить мне вашу даму.

— Но вы ее знаете. Не могли же вы забыть Кристину.

— Что? Боже, вы правы! Но какая осанка.

— Полностью заслуга вашей жены, пан Мешко. Кристина пробыла у нее месяц, и вот результат. Я как-то не подумал о подарке пани Ричезе, но если вам нужен ткацкий станок, прялки или даже детали для мельницы, только скажите.

— Ловлю вас на слове, потому что вам достался воистину драгоценный камень. Но мне не терпится снова увидеть жену. Всего доброго, пан Конрад, и вам, пани Кристина.

Как только мы попрощались, Кристина взглянула на меня.

— Он назвал меня пани!

— Предпочитаешь быть паном?

— Да нет же! Но я всего лишь крестьянская девушка.

— Ты всегда будешь для меня симпатичной девчушкой,

Кристина.

— Он вел себя, как будто я знатная особа.

— Быть знатной — это вести себя как знатная. Нам еще долго ехать.

— Но я же не из знати, верно?

— Хочешь, чтобы тебя посвятили в рыцари? Не знаю, есть ли вообще подобная церемония для женщин. Но что касается меня, можешь быть кем хочешь.

Мельница не была готова даже наполовину, но под руководством Витольда дела шли неплохо. «Яму» для нижнего резервуара уже выкопали, и стены обложили бревнами. Все согласно плану. Оставалось выплавить втулки на главный вал, но здесь кое-что расходилось с моими расчетами. Я хотел, чтобы кулачок был отдельной деталью. Витольд же вырезал кулачок и вал из одного цельного бревна более двух ярдов в диаметре! Еще раньше, я разрешил увеличить диаметр на ярд, чтобы было место для прикрепления кулачка к валу. Но в цельной конструкции диаметр кулачка был не три, а два метра, по-прежнему оставляя метровый ход ведомому колесу на конце А-рамы.

Это, в свою очередь, позволяло сделать резервуар на полярда выше, что увеличивало его объем на шестьдесят тонн. Револьверную головку также можно было опустить на полярда и сэкономить материалы. Превосходное усовершенствование. Если бы я только мог научить Витольда читать чертежи!

— Отличная работа, Витольд.

— Спасибо, пан Конрад. Мы успели гораздо больше, чем я надеялся. Все благодаря тому, что вы научили Илью делать хорошие топоры. Старые тупились за час, а эти остаются острыми несколько дней!

— Хм. Хорошо. Пусть Илья придет ко мне, когда освободится.

— Я скажу ему, как только он вернется. Его не будет неделю, за припасами поехал.

В большом зале кипела работа. Наталья и незнакомая мне девушка ткали на станке с немыслимой скоростью, а другие шесть «служанок», большинство из них новые, пряли. В углу красовались одиннадцать рулонов ткани, и девушкам, казалось, их занятие нравилось.

В замке жили пять рыцарей, но граф Ламберт со свитой объезжал владения и посещал поместья своих рыцарей. Эта поездка была отчасти светской — посещение вассалов; отчасти экономической — проверка ведения дел; отчасти судебной.

Рыцари и бароны обладали правом низшего суда, то есть могли наложить штраф, приказать высечь или отправить на год принудительных работ. Граф мог отменить их решения. Сам он сохранял за собой право высшего суда, по его приказу вешали. Граф отсутствовал в замке восемь месяцев в году, половину этого времени он тратил на объезд владений.

Пан Стефан все еще обижался на меня. В целом же рыцари хорошо ко мне относились. Правда, они были слишком шумными. Дни проводили в тренировках, вечерами много пили, а по утрам мучались от похмелья.

Иногда я тренировался с ними, но они неохотно соглашались драться на мечах, а копье и щит не были моей сильной стороной.

Вечера походили на те, которые я провел, служа в ВВС. Особенно приятными их делал тот факт, что в ночной дозор

ходил пан Стефан. Мы распевали песни, рассказывали истории и наперебой хвастались друг другу. Но я всегда следил за своими словами, чтобы не нарушить клятву, данную отцу Игнацию, да и разговоры велись в основном об охоте, в которой я мало смыслил. Кроме того, все они слишком много пили. Я тоже люблю выпить, но излишек спиртного мешает занятию любовью. А преимущества секса в том, что после него нет похмелья.

Следуя местному обычаю, рыцари оставили жен дома. Теперь в замке жили двенадцать горничных, шесть из которых были новенькими, потому что Мария и Илона забеременели и их выдали замуж. Так что, выбор у нас был, но Кристина все равно оставалась самой красивой из всех. Рыцари любезничали с ней, но спали с другими девушками. Скоро я начал проводить все ночи с Кристиной, хотя со многими еще не пробовал. Просто не хотелось ранить ее чувства.

Я побывал у Анжело Мускарини, «ходока» из Флоренции.

— Странные вещи у вас здесь происходят, пан Конрад.

— Что так?

— Вы просили не критиковать ваш ткацкий станок и прялки. Станок выглядит необычно, но работает быстрее и лучше любого другого. А прялки просто потрясающие!

— Лучше, чем во Флоренции?

— Во Флоренции нет прялок, как, впрочем, и во Фландрии. Под солнцем нет ничего подобного.

А я думал, что в тринадцатом веке уже были прялки. Ну, что ж.

— Я рад, что ты одобряешь. Но что здесь странного?

— Пан Конрад, здесь все не так! Вы отлично умеете прясть и ткать, но шерсть даже не сортируется! Вы не имеете представления о том, что такое чесать, валять или красить шерсть!

— Мы в этом деле новички. Поговори с Витольдом и Ильей о специальных инструментах, которые тебе понадобятся, и подумай о красильных бочках. Граф желает, чтобы к зиме работала дюжина ткацких станков, а значит, дюжина прялок. Потребуется много всего. Как у тебя дела с красками и другими химикатами?

— Сейчас их хватает, но с дюжиной станков...

— Подсчитай, сколько нужно на год, и мы сделаем заказ Борису Новацеку. Я все еще ему обязан.

Подвал для мельницы глубиной восемь ярдов решили выстлать двумя ярдами опилок. Он будет погребом, общим холодильником. Зимой снег заполнит две трети, в остальной части сделаем полки. По моим грубым подсчетам, снег внутри не растает целый год. Мы сможем хранить овощи и мясо всю осень и зиму.

Внешне ветряная мельница выглядела так же, как и водяная, не было только сарая для колеса. Единственной пристройкой станет амбар для молотилки. Конструкция ветряной мельницы легче, потому что нет необходимости выдерживать массу двух с половиной тонн воды.

Внутри же они значительно отличались друг от друга. Внизу находился огромный камень, который вращался при помощи вала, соединенного с десятиярдовым колесом. Из колеса торчали вертикальные штифты, расположенные четырьмя кругами. На валу выше колеса располагались радиальные штифты, совмещающиеся с первыми. Вал находился в ярде от центра мельницы. Верхние и нижние штифты соединялись цевочной передачей. Вращая цевочную шестерню, мельник мог получить четыре скорости, как вперед, так и назад. Зерно внутрь доставлялось на двенадцати вагонетках.

Один из рыцарей, пан Владимир, обнаружил в себе способности механика. Он заинтересовался этой моделью и

начал помогать мне. Поработав вместе несколько часов, я спросил:

— Что происходит между рыцарями и Кристиной?

— Ничего. Каждый из нас очень вежлив с ней.

— Да, но почему вы с ней не спите? Думаете, только я имею на нее право?

— Дело не в том. Просто... Я не знаю.

— Но она же самая красивая.

— Знаю, но, понимаете, это было бы неправильно. Она не похожа на крестьянскую девушку. Нельзя просто схватить барышню и затащить в постель.

— Я здесь не видел ни одной, которую нужно было бы затаскивать. Тем более вы же знаете, что она не из знатных. Ее отец крестьянин.

— Знаю, знаю. Но прошу вас, давайте оставим этот разговор. Лучше объясните еще раз, зачем ролики должны скользить в сторону.

Спустя неделю моногамных отношений со мной Кристина вроде как закапризничала. Я отнес это на счет переменного женского настроения и решил попробовать с другими девушками.

Кузнец Илья вернулся с пятью мужчинами и четырнадцатью мулами, нагруженными гематитом и красным железняком. Маленький прииск в тридцати милях не обеспечивал достаточным количеством руды. Почти всю зиму Илья готовился делать древесный уголь из веток срубленных нами деревьев. Но я и не подозревал, что он сам переплавлял руду в железо.

Чтобы получить древесный уголь, Илья и его помощники рубили древесину и складывали ее в одну кучу. Весной, как только оттаяла почва, кладку накрыли целым ярдом земли. Оставили лишь маленькое отверстие вверху и еще меньшее внизу. Затем он поджег кладку. Следующие пару дней Илья проделывал отверстия, чтобы проверить процесс го-

рения. Когда вся древесина обгорела, закрыл отверстия, что уменьшило огонь, и отправился за железной рудой.

— Привез сто пар петель, как и обещал, пан Конрад, и вам наверняка понадобится железо для этой штуки.

Он показал на недостроенную мельницу.

— Ты прав, Илья. Потом поговорим о пилах. Я видел топоры, которые ты сделал. Хорошая работа. Так много и всего за пять недель!

— Пять недель? Да я управился за пять дней! Это те же самые топоры, которыми мы пользовались зимой. Я их просто закалил. При этом форма не изменилась. Я снял топоры и положил топоры в горшок с горящим каменным углем. Правда, на третью ночь этот маленький гаденыш, которому я приказал поддерживать огонь, уснул. Наутро горшок был холодным. До сих пор не могу отыскать этого мальчишку; прячется от меня. Но топоры стали достаточно прочными, так что Бог с ним.

— Поздравляю, Илья. Ты изобрел цементирование стали. То, что у тебя получилось, — это сталь снаружи и железо внутри. Для топора неплохо.

— Ух ты. Я так и думал. Пила тоже должна быть стальная?

— Разумеется.

— Тогда найдите мне побольше глиняных горшков. В Окойтце ни одного не осталось. Поварам это не нравится. Графу тоже не понравится, если он почувствует вкус кислой капусты.

— Я знаю, где их взять. В Цешине есть медный завод, где используется много глины. Через пару недель рабочие привезут сюда детали для мельницы. Я бы уже отправил туда человека, но мне нужно разрешение графа, чтобы взять с него клятву. Возможно, ты его знаешь. Это Петр Кульчиньский.

— Знаю ли я его? Это же он погасил огонь! Если найду, ему не поздоровится.

— Ни в коем случае, Илья. Тронешь его, будешь иметь дело со мной. Я же сказал, он мне нужен. Как бы то ни было, он научил тебя делать сталь, так что вы квиты.

— Только ради вас. Весь месяц я буду выплавлять железо, но после этого мне понадобятся горшки.

Илья выплавлял ковкое железо в том же самом кузнечном горне, который он использовал и для других целей. Он накладывал уголь выше сопла мехов. Затем в стороне от мехов он клал руду, а рядом с мехами еще угля, пока горн не заполнялся.

Илья разводил огонь и медленно раздувал меха в течение двух часов, добавляя по мере сгорания очищенную руду и уголь. Затем его помощники начинали сильно раздувать мехи. Через три часа он брал щипцы и вынимал из горна раскаленную зернистую массу. Ее тут же клали на наковальню, и три здоровяка молотили по ней кувалдами. Илья поворачивал массу, чтобы она приняла форму прута.

Затем прут охлаждали и снова клали в огонь. Илья доставал еще кусок расплавленного металла, и процесс повторялся. Два человека продолжали раздувать мехи и подкладывать руду с углем.

Каждый прут четыре раза вынимали, отбивали и снова нагревали. К концу дня шесть человек, работая двенадцать часов, расходовали 40 килограммов руды и 200 килограммов древесного угля, но получали менее 10 килограммов ковкого железа.

— Знаешь, Илья, когда мы построим водяную мельницу, мехи будут раздуваться сами, а падающий молот будет ковать твое железо. Соорудим огромный горн, и ты сможешь один выплавлять в десять раз больше.

— Мехи, которые сами раздуваются? Молот, который сам куёт железо? Скажите еще, что рыбы могут летать!

— Я знаю таких.

— Пан Конрад, если бы вы не были правы насчет стали, я назвал бы вас величайшим лжецом всего христианского мира. Я сделаю то, что вы хотите. Но я поверю в эти мехи и молоты, только когда сам их увижу.

Кристина по-прежнему оставалась неприветливой, поэтому я спросил ее, в чем дело.

— Пан Конрад, я не отталкиваю вас. Просто... ах, вы назвали бы это предрассудками.

— Расскажи, милашка.

— Пани Ричеза мне кое-что объяснила.

— Что же?

— Если считать дни после... ну вы понимаете, и ни с кем не спать с конца первой недели и до середины второй, то не забеременеешь. Я знаю, это глупо, я знаю, это предрассудки, но мне не хочется забеременеть и не хочется выходить замуж за крестьянина. Я не хочу состариться к двадцати годам и умереть в сорок, и...

Она заплакала в моих объятиях навзрыд. Успокоив ее, я сказал:

— Не волнуйся, милашка. Не нужно быть такой, какой ты не хочешь быть. Что касается воздержания в определенные дни, то в моей стране это называют методом календаря. Сам Римский Папа одобрил его.

Она поплакала еще немного. Мне же пришлось составить программу: полмесяца с Кристиной, полмесяца с другими.

К первому мая мы собрали модель ткацкой фабрики. Во дворе не хватало места, поэтому я спроектировал ее трехэтажной, высотой с церковь.

На верхнем этаже, с высокой остроконечной крышей, находились ткацкие станки. Второй этаж занимали прялки и чесальное оборудование. Первый этаж был для мытья и краски, с дополнительным местом под склад. Вдо-

бавок я сконструировал лифт, чтобы поднимать и спускать материалы.

Мне хотелось сделать окна, но стекло стоило ужасно дорого. Даже несколько маленьких окошек обошлись бы дороже, чем все сооружение в целом. Отсутствие стекла и хорошего искусственного освещения было серьезной проблемой. Это уменьшало наши человеко-часы как минимум втрое. Польша расположена в зоне умеренного климата. Летом длина светового дня может достигать восемнадцати часов. Но летом, кроме двух месяцев после сева, большинство людей заняты на полях.

Зимой на полях делать нечего. Световой день часто составлял менее шести часов. Работать можно было либо на улице, либо возле открытого окна. От лампы на животном жире мало пользы, кроме того, жир вонял и дорого стоил: животные в тринадцатом веке были худые. В Цещине килограмм жира стоил в два раза больше килограмма постного мяса.

Полевые работы занимали полгода. Два месяца поздней весной оставались свободными для другой деятельности, но без хорошего источника света четыре зимних месяца практически бесполезны.

Хотя об электричестве не могло идти и речи, керосиновые лампы были вполне реальны. Первые в мире нефтяные скважины пробурил в Польше Игнаций Лукашевич, который построил первый нефтехимический завод и изобрел керосиновую лампу. Но в ближайшие пять лет наша технология не могла достичь такого уровня.

Восковые свечи? Чтобы лишь немного осветить фабрику, понадобится тридцать свечей. По моим подсчетам, потребуется шестьсот ульев, чтобы воска хватило на всю зиму.

Короче говоря, я проектировал фабрику, которая будет работать только два месяца в году.

Когда я объяснил проблему графу, он в свойственной ему манере моментально решил ее. Он просто приказал каждому из своих 140 рыцарей присылать ему одну-две крестьянских девушек на период от Пасхи до Рождества. Им платили сукном, и все были довольны. Но я забегаю вперед.

ГЛАВА 20

Граф Ламберт вернулся утром первого мая. Этот день был очередным праздником. С ним прибыло около тридцати рыцарей и много знати, среди прочих отец пана Стефана. Я посчитал наилучшим оставить Ламберта наедине с его гостями, пока меня не пригласят.

После полудня я смотрел соревнования лучников. Крестьяне стреляли по мишеням, находившимся в пятидесяти ярдах от них, причем делали они это не хуже современных стрелков из лука.

Вдруг возле меня оказался граф Ламберт.

— Ну что, пан Конрад, научите нас правильно стрелять из лука?

— Не я, ваша светлость. Но есть человек, который смог бы.

— Неужели? И кто он?

Я рассказал, как лодочник по имени Тадеуш подстрелил лося.

— Единственной стрелой прямо в голову с двухсот ярдов, да еще и с лодки?

— Совершенно верно, ваша светлость. Я ел с ним оленину.

— Да-а, мне бы пригодился такой лучник тренировать других. Можете пригласить его сюда?

— Я могу написать отцу Игнацию с просьбой рассказать лодочнику о вашем желании. Возможно, он приедет.

— Напишите. Я поставлю на письмо мою печать. Далее. Я поговорил с этим мастером из Флоренции, которого вы мне прислали. Действительно ли он знает свое ремесло?

— Думаю да, ваша светлость. Но все выяснится, когда мы увидим его сукно.

— Хм. Он присягнул вам. Не желаете передать его мне?

— С радостью, ваша светлость. Я нанял его для вас. Но могу ли я просить взамен об одолжении?

— О каком?

— Есть здесь мальчишка, Петр Кульчиньский. Я хочу взять с него клятву верности.

— Разумеется, пан Конрад, если он и его отец не против. Если кто-то не мой вассал, вам не нужно спрашивать разрешения. Но даже и у вассала есть право уйти, конечно, уплатив все долги. Зачем он вам?

— Он смысленный малый, ваша светлость, и очень быстро разобрался в отчетных бумагах. Я хочу, чтобы он следил за моими коммерческими делами в Цешине.

— Корчма «Розовый дракон» относится к этим делам?

— Да, ваша светлость. Вы против?

— Вовсе нет. Просто о ваших приключениях в Цешине ходят удивительные слухи. Вы и правда посадили крестьянскую девушку за главный стол в замке моего брата?

— Да, ваша светлость. Простите, если я оскорбил вас, но...

— Пан Конрад, меня огорчает лишь то, что я не видел выражения лица его жены. — Он засмеялся. — Эта стерва всегда меня ненавидела. Пойдемте. Я хочу представить вас моему сеньору, и расскажите о ваших мельницах и ткацкой фабрике.

Когда мы вернулись в замок, пан Стефан что-то бурно обсуждал с отцом. Я их не слышал, но он дважды показал на меня. Как сказали бы мои американские друзья, вот-вот полезет дерьмо.

Герцог Хенрик Бородатый был, пожалуй, самым удивительным человеком, какого я только встречал. Ему почти

семьдесят. Лицо — сморщенное, как печеное яблоко, но спина по-прежнему прямая и сильная. Густые седые волосы покрывают плечи, а огромная седая борода шире груди и достает до ремня.

Однако внешний вид не столь важен. Его — я не хочу сказать аура, поскольку это слово подразумевает мистику, а герцог был на редкость практичным человеком — чувство силы казалось почти осязаемым, как будто реши он пройти сквозь стену, она извинится и уйдет с дороги.

Его сын, которого впоследствии назовут Хенриком Благочестивым, был еще более неординарным человеком, хоть и в абсолютно ином смысле. Он умел читать и писать и посвящал этим занятиям много времени — редкость среди знати.

Тогда как отец был воплощением политика, сын являлся князем с ног до головы. Казалось, его манеры, взгляд и тон речи олицетворяли долг, справедливость, порядок и самообладание; честь, силу и дисциплину.

Я бы с уверенностью последовал за этим человеком в ад, потому что он вывел бы меня обратно. Я нашел короля Польши и моего тоже.

Хенрик Бородатый взглянул на меня и сказал:

— Так, значит, это вы пан Конрад Великан. Я много о вас слышал.

— Надеюсь, ничего плохого, ваша светлость.

— Всякого. Но все это просто не может быть правдой. Ваш ткацкий станок быстрее, чем у волянян. Они не придумали ничего похожего на ваши прялки. Расскажите мне о мельницах, которые вы строите.

Башня уже стояла, перекрытия в подвале и круглый сарай были готовы. Сейчас работали над револьверной головкой. Я мог бы все объяснить на моделях, но меня забрасывали вопросами. Несмотря на то, что наши гости в основном политики и воины, они неплохо разбирались в техни-

ке, изучая каждую деталь почти так же тщательно, как Витольд.

После мельницы я начал рассказывать о ткацкой фабрике. Они поняли устройство станков и прялок, а когда меня спросили о красильных бочках, я посоветовал обратиться к Анжело. Затем на меня набросились с вопросами о мытье шерсти. В конце концов, всем все стало понятно.

— Зачем двенадцать лоханей? Почему не одна большая?

— Одна большая лохань тогда должна быть медной и стоять на огне. С двенадцатью маленькими лоханями только две из них нужно нагревать. Остальные могут быть деревянными. Кроме того, шерсть нужно не только мыть, но и несколько раз полоскать. Используя только одну лохань, нам пришлось бы три раза менять горячую воду для каждой новой порции шерсти, при этом мы бы впустую выливали много моющего средства.

— Объясните подробнее.

— Мы называем это системой противоположного потока. Шерсть поступает в лохани с севера на юг. Вода переливается из лохани в лохань с юга на север. На входе вода холодная и чистая, а на выходе холодная и грязная. Шерсть подается холодная и грязная, а выходит холодная и чистая.

Было очевидно, что меня не понимают.

— Давайте проследим за процессом. Грязную шерсть кладут в первую лохань, и рабочий мешает ее деревянной палкой. Вода немного теплая и грязная. В ней почти не осталось моющего средства, но основная грязь смывается. Лишняя вода вытекает по этой трубе, а более чистая поступает из второй лохани.

Затем шерсть перекладывают во вторую лохань, а в первую кладут еще. Во второй лохани вода горячее и чище.

Так продолжается до шестой медной лохани. Она стоит на огне. Вода в ней очень горячая. Здесь в воду добавляют моющее средство.

В седьмой лохани начинается полоскание. Вода теплая, а моющее средство, которое выполаскивается из шерсти, поступает в шестую лохань.

Восьмая, девятая и десятая лохани — для дополнительного полоскания. В каждой следующей вода горячее. Одинадцатая лохань — медный котел с кипящей водой.

В двенадцатую налита чистая холодная вода. Здесь шерсть остывает, нагревая при этом воду перед подачей в котел. Рядом находятся решетки для сушки шерсти.

— Надо же, одна и та же вода используется несколько раз. Экономится топливо. Интересно.

Противоположный поток прост, как все гениальное, но изобретен был очень поздно. Впервые его использовали в 1930-х годах, что стало крупнейшим открытием Альберта Эйнштейна в области техники. С тех пор принцип противоположного потока применяют в целом ряде промышленных процессов.

— Пан Конрад, вы постоянно повторяете «моющее средство». Разве вы не используете мыло или золу?

— Мыло — это соединение золы и жира. Шерсть уже жирная. Именно жир мы и пытаемся отмыть. Зола содержит много твердых частиц, и шерсть может стать грязной.

Вначале зола выщелачивается. Мы насыпаем ее в кадку с матерчатым дном и промываем водой. Получается раствор гидроксида натрия — щелок, то есть сильное моющее средство.

— И возле каждой лохани стоит рабочий?

— Не совсем так, ваша светлость. Стоять весь день у котлов с кипятком — адский труд. Каждый рабочий будет от начала до конца промывать определенное количество шерсти.

Этот допрос с пристрастием длился несколько часов, пока герцог Хенрик не предложил выпить пива, и я смог, наконец, промочить горло. Мы расположились в большом зале.

— Пан Конрад, насколько я понял, вы можете намыть больше шерсти, чем спрядь.

— Это так, ваша светлость. Освободится много времени для других дел. Например, для стирки.

— Вы объяснили, что вы делаете, но не объяснили зачем.

— Зачем ткать сукно, ваша светлость? Чтобы людям было что носить!

— Нет. Я имею в виду то, что вы чужой среди нас. Что вам нужно? Может, деньги?

— У меня их более чем достаточно, ваша светлость. Мне столько даже не надо. И я не чужой. Мой акцент кажется вам странным. Я вырос в... другом месте. Но все мои предки были поляками, и я тоже поляк, и это моя страна.

— Мне объяснили, что вы не рассказываете о своем происхождении, и я не стану давить на вас. Но почему вы все это делаете?

— Потому что Польша раздроблена и слаба! Потому что наши люди неграмотны! Они мерзнут и голодают! Они умирают, как снежинки на поверхности воды.

И потому что идут монголы. Они хотят истребить весь наш народ и превратить наши поля в пастбища для своих боевых коней!

— Успокойтесь, пан Конрад. Хорошо, что вы заботитесь о людях. Мельницы, ткацкие станки — все это нужно. Я прослежу, чтобы ими пользовались. Но что касается татар... Чингисхан умер пять лет тому назад. Зачем беспокоиться?

— У него были сыновья, у которых тоже есть сыновья. Они придут.

— Когда?

— Через девять лет. Даже чуть раньше.

— Хм. Вы заранее знаете их планы?

— Они придут, ваша светлость.

— Если вы верите в это, тогда зачем тратите время зря? Почему не создаете оружие?

— Буду, ваша светлость. Но кому воевать? Сейчас сотни крестьян и рабочих трудятся лишь на одного рыцаря. В племенах монголов каждый человек вооружен. Уже в численности у них будет перевес. Мои машины предоставят народу время и оружие для подготовки к войне. Польша уцелеет только при наличии народной армии!

— Вы вооружите холопов? Это же нарушит общественное спокойствие.

— Вы правы, ваша светлость. Но нет ничего стабильнее, чем покойник. Он просто лежит и не шевелится.

— Вы странный человек, пан Конрад Великан.

На этом меня отпустили. Уходя, я понял, что упустил свой шанс. Я настолько увлекся техническими объяснениями, что позабыл о главном.

Не важно, что герцог думал о мельницах и фабрике. Они уже строились, и он вряд ли это остановит.

Что мне на самом деле нужно, так это получить его разрешение на владение землей. Не имея собственной земли, все, что я сделал и сделаю, — коту под хвост.

А я, как сумасшедший, пророчил конец света! Не хватало только прицепить табличку, предвещающую Судный день. Настроение у меня было отвратительное.

Братья Краковские привели вьючный обоз с медными деталями для мельницы. Горожане не уделяли большого внимания большинству сельских праздников. Если была работа, они работали. Втулки получились такими большими, что их везли сразу на двух мулах, как портшезы.

Я отвлек Витольда, Илью и Анжело от игры вроде футбола и познакомил с братьями Краковскими. Мы обсудили, что нам требуется: детали для ветряной мельницы, лохани для мытья и окрашивания, оси и вкладыши для тачек.

К счастью, братья Краковские умели читать мои чертежи, и я вручил им целую стопку.

Витольд долго не мог понять, для чего нужна тачка, но потом согласился сделать дюжину, как только будет построена лесопилка. Они пригодятся при уборке урожая.

Братья согласились слепить глиняные горшки для Ильи, но попросили объяснить им суть процесса цементирования стали. У них уже была глина, каменный уголь и печи. Их очень впечатлили топоры, которые делал Илья, и они захотели сами закалять сталь. Я их благословил.

Краковские умели заливать медь в глиняные формы, и я научил их располагать маленькие формы одну за другой, чтобы сразу отливать много предметов. Они уже торговали большим количеством дверных петель и пряжек для ремней.

Я подозревал Петра Кульчиньского и в присутствии всех взял с него клятву верности. Братья не сразу поняли, что Петр не будет их боссом. Они могут вести свои дела, как считают необходимым, но обязаны информировать его обо всех финансовых операциях, чтобы тот извещал об этом меня.

Было решено, что Петр остановится в моей комнате в «Розовом драконе» и станет также вести бухгалтерские книги корчмы. Я отдал ему письмо к пану Тадеушу, подтверждающее полномочия.

Под конец Томаш Краковский затронул деликатный вопрос. Несмотря на то, что они работали на меня, я уже разрешил им забирать одну двенадцатую от полученной ими выручки. Поэтому он предложил мне купить привезенные детали и все то, что я только что заказал. Цифры будут занесены в книги, и они смогут подсчитать свою долю. Я же получу почти всю затраченную сумму обратно в качестве прибыли за владение имуществом.

Мне пришлось согласиться с тем, что это справедливо, но я подчеркнул, что смогу заплатить только с выручки за владение корчмой. Так мы и решили. Их доля составила 19 500 гривен.

Темнело, и я пригласил всех присутствующих перекусить на кухне. Мы ужинали, когда вошел Ламберт.

— Пан Конрад! Куда ты запропастился? За столом тебе отвели почетное место, и оно пустовало!

— Прости, ваша светлость. Я не знал, что приглашен. Привезли детали для мельницы, и многое нужно было обсудить.

— Никогда в жизни не видел столько меди в одном месте! Ты заплатил за все это?

— Да. Когда я отправлялся в Цешин, ты был занят севом, поэтому я решил взять свои деньги.

— Но ты согласен, что мельницы мои?

— Разумеется, ваша светлость.

— Значит, я тебе должен. Сколько?

— Привезенные детали, плюс детали для ветряной мельницы, лохани для фабрики, краска, мулы и красильщик из Флоренции обошлись в двадцать три тысячи гривен.

— Двадцать три... Поговорим в моих покоях, пан Конрад. Когда мы пришли, он сказал:

— Двадцать три тысячи гривен — большая сумма, пан Конрад.

— Да, ваша светлость.

— Хм. Играть с тобой в шахматы бесполезно. Но я спорю, что твоя водяная мельница не заработает. Принимаешь? Или два раза по столько, или ничего.

— Как пожелаешь, ваша светлость. Но я краду твои деньги. Мельница заработает.

— Посмотрим. А теперь пойдем в зал. Люди ждут встречи с тобой. Хочу заметить, что пан Стефан и его отец, барон Ярослав, весь вечер проклинали тебя, твердили всем и каждому, что ты колдун. Единственное, кем они тебя не называли, так это христианином.

— Пан Стефан? Но почему он не на посту?

— Его заменяет один из рыцарей пана Ярослава, поэтому у пана Стефана есть шанс очернить твое имя. Не люблю,

когда мои вассалы так себя ведут. Знаю, это не твоя вина, разве только будь ты там, они бы тебя так не позорили. Даже не могу представить, что думает герцог.

Когда мы вошли, Ламберт прошептал:

— Главное, держи себя в руках!

После нашего появления разговор неожиданно прекратился. Люди только что пили и обсуждали свои дела. Теперь половина из них пялилась на меня, а другая половина старалась этого не делать.

Держись! — твердил я про себя. *У тебя получится, у тебя получится. Должно получиться, должно получиться...*

С высоко поднятой головой, улыбаясь, я важно шел рядом с Ламбертом, убеждая себя в том, что мне не страшно.

Пан Владимир спас меня. Он пробрался сквозь толпу и спросил:

— Пан Конрад, я что-то слышал о вашей схватке с шестью головорезами из гильдии сутенеров. Говорят, вы многих убили?

— Это ложь, пан Владимир. Их было трое, и убил я только одного.

Рыцарь, которого я не знал, вступил в разговор:

— Вы были абсолютно безоружны?

— В общем, да. Понимаете, у меня не было времени. Друг оказался в беде, и пойдя я за мечом, кто знает, что бы произошло.

— Друг гильдии? Она симпатичная? — съязвил третий рыцарь.

— Не очень. Это он, управляющий «Розовым драконом». Хотя над его женой тоже издевались.

— Но как одному невооруженному мужчине удалось победить троих с ножами? — настойчиво продолжал второй рыцарь.

Собиралась толпа любопытных. За исключением девушек Ламберта, это была мужская компания. Все они являлись профессиональными бойцами, поэтому по их меркам

любой, кто рассказывал о кровопролитии и увечьях, заслуживал внимания. Я побеждал!

— Я дрался с ними по очереди.

— Но победить даже одного и то невероятно.

— Снимите вашу накидку, и я покажу.

Как я уже упоминал, у меня нет черного пояса, но я овладел несколькими простыми приемами в армии. Рыцарь оставил кинжал в ножнах, и мы отработали несколько приемов дзюдо в замедленном действии.

Я не стал повторять схватку в «Розовом драконе». Кто знает, как эти рыцари отреагируют на удар между ног, а я хотел казаться хорошим парнем. В дзюдо, когда вас впервые поднимают вверх, это надолго запоминается и очень впечатляет. Трое или четверо стали в очередь, чтобы сразиться со мной. Другие смотрели и пили. Меня принимали в свою компанию.

— Вот видите, — обратился я к рыцарю в синем одеянии, лежащему у моих ног, — кинь я вас на пол сильнее, на мгновение вы были бы беспомощны. Я смог бы сделать с вами все, что угодно. Например, надавить на грудь ногой.

— Попробуй со мной, — слышался чей-то голос у меня за спиной.

Я обернулся и увидел герцога Хенрика Бородатого.

— Ваша светлость, это... это не совсем уместно, — начал заикаться я.

Боже правый! Он был боссом моего босса и выглядел на семьдесят лет. Необычный партнер для тренировки.

— Попробуй со мной, — повторил он, держа в руке нож.

— Да, ваша светлость.

Медленно, стараясь не причинить ему вреда, я начал проделывать тот же прием, который только что показал.

— Не шевелись! — крикнул он.

Я замер и почувствовал укол в бок. Посмотрев вниз, я заметил кинжал в его левой руке. И откуда он только взялся?

— А теперь что скажешь, пан Конрад?

— Скажу, что, окажись вы в корчме той ночью, я был бы уже покойником, ваша светлость.

Все присутствующие разразились смехом, но это был дружеский смех. Не стыдно, когда тебя побеждает сеньор.

Довольный, герцог убрал ножи — один из них в сапог — и отошел в сторону.

Мне казалось, вечер идет хорошо. Пан Стефан и полдюжины рыцарей держались в стороне. Пан Владимир объяснил, что это вассалы барона. От них поддержки не дождешься! Я избегал контакта с ними.

В тот вечер разговоры велись в основном об охоте, поэтому мне особенно нечего было вставить. Кристина отлично справлялась с ролью хозяйки, а ее грация передавалась другим девушкам, особенно Янине, Наталье, Анастасии и Явальде. С ними тепло обходились, но то и дело бросали косые взгляды.

Позже я оказался рядом с Ламбертом и герцогом.

— Ты высказал интересную мысль, пан Конрад, — начал герцог, — о том, что невооруженный человек может победить вооруженного.

— Ваша светлость, прошу, поймите, я не мастер боя без оружия и даже не ученик. Лично я убежден, что оружие не повредит. Просто воин должен оставаться воином, даже если он голый.

— Интересно. Ты говоришь, что убежден. Разве есть такие, кто придерживается иного мнения?

— Я знал одного, ваша светлость. Он утверждал, что оружие бесполезно по сравнению с разумом и тренировкой. Он был мастером боевых искусств и имел черный пояс.

— Ах да. Мне говорили, что ты много путешествовал.

— Вы правы, ваша светлость. Вероятно, даже больше, чем вы можете себе представить. Но я дал клятву...

— Знаю, мальчик мой, и не стану расспрашивать. Ламберт, откуда, по-твоему, родом пан Конрад?

— Ваша светлость, я не собирался говорить об этом, но раз уж вы спросили, обязан ответить. Я внимательно наблюдал за этим человеком с Рождества, долго размышлял о его происхождении и уверен в правильности моего предположения.

— И каково же оно? — поинтересовался герцог.

— Я думаю, он посланник Святого Иоанна — христианского царя той далекой и прекрасной империи.

Я был просто ошарашен. Возможно, даже раскрыл рот. Святой Иоанн!

— Удивительно, — произнес герцог.

— Подумайте над этим, ваша светлость. Перед вами доблестный рыцарь, который боится вида крови. Виртуоз технического дела, который не знает, как кузнец делает железо. Человек, который одинаково относится к воинам и детям. Откуда еще он мог прийти, как не из самой цивилизованной империи в мире?

— Пан Стефан сказал бы, что он пришел из ада, — заметил герцог.

— Они не в лучших отношениях, ваша светлость. Я уже объяснял...

— Да, ты объяснял. Но зачем Иоанну посылать нам человека?

— Возможно, из-за монголов, — предположил Ламберт. — Говорят, они покорили полмира. Что, если он в опасности, и ему нужна помощь?

— Тогда почему он прислал инженера, а не посла?

— Возможно, пан Конрад и есть посол. Какие бы он ни получил указания, я объяснил вам суть его клятвы.

— Я помню. Ну что, пан Конрад. Становится поздно. Завтра мы едем на охоту. Ты с нами?

— Почту за честь, ваша светлость.

Я не люблю кровавых развлечений, но преимущество охоты в том, что на столе появляется мясо. В любом случае, когда приглашает босс твоего босса, надо соглашаться.

Герцог и Ламберт удалились.

Мы собирались охотиться на дикого кабана и зубра. В Польше тринадцатого века зубры, разумеется, водились. Они сохранились и в современном мире в специальных природных заповедниках.

Я распорядился, чтобы братья Краковские возвращались домой и взяли с собой Петра Кульчиньского.

На рассвете я, в доспехах и с копьем, сидел на лошади в окружении двух дюжин рыцарей. Герцог отправил меня за щитом, поскольку он тоже был необходимой принадлежностью.

Когда мы выехали за ворота, молодой Хенрик отстал от первой колонны и присоединился ко мне.

— Интересный герб, пан Конрад.

— Неужели, ваша светлость?

— Белый орел на красном фоне. Очень похоже на знак отличия польских герцогов.

— Считайте его символом Польши, ваша светлость.

— У орла на голове корона. Вы хотите быть королем?

— Нет, ваша светлость. Я хочу сказать, что Польше нужен король.

— «Еще Польша не погибла», — прочитал он мой девиз. — Вы думаете, что Польша умирает?

— Она состоит из дюжины частей, ваша светлость. Это верный признак.

— Я и мой отец пытаемся объединить эти части.

— Знаю, ваша светлость. Когда вам это удастся, я сменю девиз.

Он засмеялся:

— По рукам, пан Конрад! Через десять лет вам придется его закрасить.

— С радостью, ваша светлость. Но сделайте это за девять лет.

Мы остановились на обед и затем распределились с интервалами в двести ярдов, чтобы прочесать лес и выгнать

зверей к горам. Ламберт находился с правого края, я рядом с ним, а пан Владимир слева. Они специально поставили меня между двумя опытными охотниками, что было честью.

Спустя несколько часов я заметил крупного зубра. Анна тут же пустилась в галоп. Она была натренирована уходить вправо от нападающего рыцаря, чтобы всадник мог легко направить копьё влево, но если колоть копьём вниз, то лучше делать это справа. Я направил Анну влево. Зубр напал на нас, я уже приготовился к удару, как вдруг Анна в последний момент отступила в сторону. Неожиданно для самого себя я сумел сильно ранить зверя в лопатку. Брызнула кровь, но рана оказалась не смертельной.

Зубр получил свое и понесся прочь, отвернув от Ламберта. Анна, разумеется, поскакала за ним.

— Догони его, пан Конрад! — крикнул Ламберт и протрубил в рог.

Мне тоже дали охотничий рог, но я не понимал его сигналов.

Анна скакала быстрее зубра, но он был ниже нас и знал это. Он углубился в заросли и пробирался под низкими ветвями. Мы потеряли его из виду.

Я обнаружил следы вдоль охотничьей тропы и ехал по ним с полчаса. Мы оказались в гористой местности, тропа проходила между двух скал, находящихся в двухстах ярдах друг от друга, и вела в долину. Долина представляла собой квадратный километр ровной поверхности, и на ней не было зубров, ни раненых, ни здоровых. Мы поднялись по пологим склонам лысых гор, но вскоре стало ясно, что я упустил зверя.

Я спешил, сделал большой глоток воды и отдал оставшуюся Анне. Затем сел отдохнуть и тут же провалился на ярд в какую-то яму.

Вообще-то это была не яма, а пещера со склоном вниз в сорок пять градусов. Я скользил на спине в темноту, головой вперед, больно стукнувшись обо что-то плечом. Я вскрик-

нул, перевернулся и проехал на животе, ногами вперед, еще ярдов двадцать, прежде чем упал в воду. Пещера была узкая, всего около ярда шириной, и падай я головой вниз, то закончил бы свой рассказ прямо на этом месте, потому что утонул.

Я смог протиснуться между стен и выбрался наружу вовремя, так как стал ощущать нехватку воздуха. Карабкаться вверх в мокрых доспехах — отвратительное занятие, но я справился. Осмотревшись, я понял, что это не естественная пещера, а заброшенная шахта!

Наконец я выбрался, успокоил лошадь и, изнуренный, рухнул на землю.

Вскоре донесся звук охотничьего рога с той стороны долины. Я встал, взял рог, пристегнутый к седлу Анны, кое-как подал сигнал и осторожно сел, опасаясь провалиться снова.

Подъехал граф Ламберт.

— Пан Конрад, что ты здесь делаешь?

— Пробую себя в подводном плавании, ваша светлость.

— На склоне горы, где воды и вовсе нет? Боже правый, да ты действительно промок. Очередное мистическое изобретение?

— Нет, ваша светлость. Я просто упал в шахту.

— Ах да! Я помню эту шахту. Ее выкопали во времена моего деда. Они добывали уголь и обжигали известняк, чтобы получить строительный материал.

— Угольный пласт закончился?

— Нет, угля там много. Но когда два человека добывают уголь, а еще тридцать вычерпывают воду, большой прибыли ждать не приходится. Шахта полностью заполнена водой.

— Я заметил, ваша светлость.

— Кстати, мы настигли вашего зубра в двух милях к востоку отсюда. Ты поехал по вчерашним следам. Полагаю, ты неважно разбираешься в охоте.

— Так и есть, ваша светлость. Я ни разу не охотился.

— Ты во многом неважно разбираешься. Поскольку мы одни, время это обсудить. Я говорю о Кристине.

— Что-то не так?

— Пойми, подшутить над женой моего брата — это одно, а разрешать крестьянской девушке строить из себя знатную даму — это другое. Не говоря о том, что подобное поведение оскорбляет моих вассалов. Да и мой сеньор в озадаченности! Хенрик спросил меня, почему знатная особа работает как прислуга. Так вот, ты не задумывался о том, что будет с ней дальше? Она согласится стать женой крестьянина?

— Нет, ваша светлость. Она не согласится.

— Ты сам хочешь на ней жениться?

— Нет, ваша светлость.

— Тогда зачем позволил ей подняться так высоко?

— Она хорошая, умная девушка, хотела стать лучше, и я не думал...

— В том-то и дело! Ты не думал! Что самое главное, это передается другим. Три или четыре девушки уже начинают ей подражать. Ты все затеял, пан Конрад. Что теперь собираешься делать?

— Не знаю, ваша светлость.

Разумеется, он был прав. Я попросту подставил бедного ребенка. Я разбираюсь в механике, но я не волшебник, когда дело касается людских проблем. Лучше сменить тему.

— Знаешь, если в этой шахте еще остался уголь, я бы мог построить насосы и выкачивать воду. И снова можно будет обжигать известняк.

— А! Понимаю, куда ты клонишь. Тебе придется уехать из Окойтца, и ты заберешь девушек с собой. Почему бы и нет. Мои люди проработают над вашими проектами еще год или два. В любом случае пора тебе иметь собственную землю. Что, если я отдам тебе эту долину и земли на милую вокруг нее?

— На милую, ваша светлость?

Господь всевышний! Он собирался подарить мне около восемнадцати квадратных километров земли!

— Разумеется, ты прав. Почва здесь каменистая и бедная, тебе понадобится больше. Вершина той горы — граница владений моего брата. Пусть она будет южной границей твоих земель. Расширим их до владений пана Мешко на востоке, а на севере и западе до земель барона Ярослава. Получится около шести миль вокруг. Этого хватит, чтобы неплохо устроиться. В конце концов, можно разводить овец. Теперь, что я хочу взамен. Во-первых, приезжайте в Окойтц каждый месяц на два дня, чтобы следить за ходом работ. И если эта шахта станет действующей, я хочу сто мулов с извостняком в год. Согласен?

— Да, ваша светлость. Вы очень щедры!

— Хорошо, тогда по рукам. Отправляйся завтра и забирай девушек. Теперь давай вернемся к остальным.

— Герцог одобрит твой дар?

— Хороший вопрос. Я не знаю.

На охоте я первый пролил кровь зверя, что, видимо, считалось честью, даже несмотря на то, что добил зубра пан Владимир. Я слышал, что рыцари взяли четырех зубров и шесть кабанов.

В тот вечер на ужин подали тушеную свинину и рагу с мясом зубра.

Из-за первой крови мне отвели почетное место за главным высоким столом между Ламбертом и герцогом. Я был единственным простым рыцарем за этим столом. Все остальные — по меньшей мере бароны. Барон Ярослав сидел по левую руку от герцога.

Высокий стол на треть ярда выше всех остальных складных столов в зале. Соответственно и скамья выше.

Кристина и ее подруги подавали еду. Когда ужин был в самом разгаре, Ламберт объявил, что собирается наделить меня землей, но это обязательно требует согласия герцога. Пока Ламберт говорил, пан Стефан бурно обсуждал что-то

с рыцарями по обе стороны от него. Видимо, он снова нашел себе замену для ночного дежурства. Затем барон Ярослав что-то зашептал герцогу на ухо.

Ламберт назвал предложенные границы лена. Когда он закончил, Стефан так сильно стукнул глиняной пивной кружкой по столу, что та разлетелась вдребезги, облив пивом дюжину рыцарей.

— Ты наделишь этого черного колдуна землей по соседству с нами? Черт бы тебя побрал! — вскрикнул он.

В зале неожиданно воцарилась тишина.

Ламберт обернулся и посмотрел на Стефана ледящим пронизывающим взглядом. Я знал многие грани личности Ламберта, но никогда раньше не считал его хладнокровным убийцей.

— Ты повышаешь голос на сеньора твоего отца? — спросил Ламберт в тишине. В его голосе слышался звон мечей.

— Я... я поступил необдуманно, ваша светлость.

— Именно так.

— Я... приношу извинения, ваша светлость.

Стефан понял, что нажил себе крупные неприятности. Он встал, робко подошел к столу Ламберта, пал на колени и сделал полный славянский поклон, коснувшись лбом пола.

— Я сожалею о сказанном и молю о прощении, ваша светлость.

— Пан Стефан, уже второй раз ты не держишь себя в руках. Это оскорбляет меня. Истинный рыцарь всегда знает свое место и свой долг. Он не позволяет эмоциям вылиться наружу. Тебе нужно остыть. Думаю, немного размышлений на свежем вечернем воздухе пойдут тебе на пользу. Я продляю твое дежурство еще на три месяца, с этого момента и до Михайлова дня. На тебе ночной дозор! Иди и стой на часах.

Пан Стефан скованно поднялся с колен.

— Да, ваша светлость.

Он ушел, не сказав ни слова. В комнате по-прежнему оставалось тихо.

— Итак, — начал через какое-то время герцог, — возвращаясь к вопросу о моем согласии, я должен подумать. Возможно, это опрометчиво, но вы получите мой ответ до утра. А теперь, Ламберт, ты можешь обеспечить музыку?

Крестьяне-музыканты ждали на кухне в полной готовности и, расположившись в зале, начали играть. Музыка мне совсем не помогла — никогда не умел ждать.

Мне были немного слышны нашептывания барона Ярослава герцогу.

— Разрешить дьяволу подняться до нашего уровня... чужаки получают земли наших отцов... хуже, чем решение князя Мазовецкого пригласить Рыцарей Креста.

Я не слышал ответов герцога, однако мой желудок сжался, и я не мог толком есть. Я пил больше, чем следовало, но только пиво, чтобы не опьянеть.

Когда ужин закончился, и слуги складывали столы, герцог повел барона в свои покои.

— По-моему, это плохой признак, — предположил Ламберт. — Возможно, я перестарался с паном Стефаном, но, черт возьми, нужно же поддерживать дисциплину.

— Благодарю за помощь, ваша светлость. Если не получится, придумаем что-нибудь еще.

— Я подумывал просто разрешить тебе разрабатывать шахту на моих собственных землях, так же, как ты строишь мельницы. Мы могли бы заключить неформальное соглашение. Но это походило бы на намеренное игнорирование желаний моего сеньора.

Рыцари, которые в свое время стояли на часах в Окойтце, разучили вальс и польку и теперь демонстрировали их гостям, разумеется, с помощью девушек. Они звали меня присоединиться, но я был слишком пьян. Даже улыбка стоила усилий. Во время перерыва в музыке паж повел меня к герцогу.

Я последовал за ним наверх. Жаль, что «Алка-Зельцер» появится только через семь веков.

Я низко поклонился у входа.

— Садись, мальчик мой. У меня есть несколько вопросов. Во-первых, я хочу узнать больше о твоей отговорке. Кому ты дал клятву и где я могу найти этого человека?

— Его зовут отец Игнаций Серпиньский из францисканского монастыря в Кракове, ваша светлость.

— Я поговорю с этим отцом Игнацием. Второй вопрос: зачем тебе земля? Насколько я осведомлен, ты так же разбираешься в земледелии, как и в охоте.

— Мне нужна земля, чтобы была промышленная база.

— Что?

— Выслушайте меня, ваша светлость. Вы как-то спросили, почему я не делаю оружие. Я собираюсь. Я могу создать доспехи, которые не пробьет ни одна стрела. Я могу выковать такие же хорошие мечи, как и мой. Вы видели, на что он способен?

— Слышал истории. Продолжай.

— Я могу создать оружие, которое грохочет как раскаты грома, поражает как молния и убивает врагов еще за полмили. И я намерен выпускать такое оружие и доспехи тысячами. Сотнями тысяч, если смогу.

— Сто тысяч комплектов оружия и доспехов? Сомневаюсь, наберется ли во всей Польше хотя бы пятьдесят тысяч рыцарей.

— Не рыцарей, ваша светлость, крестьян.

— И на какие деньги, по-вашему, они купят доспехи?

— Видимо, ни на какие, ваша светлость. Их придется обеспечить оружием бесплатно.

— Думаешь, я заплачу за это?

— Разумеется нет, ваша светлость. Мне придется самому это сделать.

— Знаю, ты богат, пан Конрад. Но даже твоего богатства не хватит, чтобы вооружить сотню человек, не говоря о сотнях тысяч.

— Я сказал, что буду делать оружие, а не покупать его. Денег, которые у меня есть, для начала хватит. Потом придется выпускать ходовые товары, чтобы покрыть расходы. Известняк и кирпич, само собой. Возможно, гончарные изделия. Утварь, кувшины, сковороды. Может быть, даже стекло. Здесь я не уверен в специфике, но знаю, это выполнимо.

— Хорошо. Предположим, ты можешь создать такое оружие, и крестьяне будут его носить, но оно ведь останется бесполезным. Толпа крестьян — это всегда толпа крестьян, как бы хорошо вооружены они ни были. Настоящие бойцы порежут их, несмотря на оружие. Поверь мне, я столько раз это видел.

— Разумеется, обучение необходимо. Однако существуют методы, при помощи которых можно за четыре месяца сделать из земледельцев боевой отряд. Я сам через это прошел, ваша светлость.

— Вот как. Но какое отношение все это имеет к моему первоначальному вопросу? Зачем тебе земля?

— Чтобы было, где всем этим заниматься. Города исключаются. Гильдии никогда не позволят мне внедрить новшества.

— Ты неплохо разобрался с гильдиями в Цешине. Одну распустил, а другую заставил заискивать перед тобой.

— Ваша светлость, та история с гильдией сутенеров была всего лишь глупостью с их стороны. Я никогда не хотел иметь с ними ничего общего. Что касается колокольных мастеров, то эти три брата умирали от голода. В Кракове мне бы так не повезло. Здесь я не могу этим заняться. Местные жители преимущественно земледельцы. Мне же нужны постоянные работники.

— Понятно. Можешь идти, пан Конрад.

Немного пошатываясь, я вернулся в зал и осушил еще две кружки пива.

Вскоре я увидел, как Ламберта провожают в покои герцога. Серьезный человек этот герцог.

Праздник заканчивался. Дело шло к полуночи, потому что я видел, как пан Владимир поковылял сменить пана Стефана. Его не было за ужином, и, судя по внешнему виду, он спал в доспехах.

Герцог спустился и взглянул на меня.

— Получим больше, чем потеряем. Я буду присматривать за тобой, мой мальчик, но земля твоя.

Я чуть не потерял сознание.

Наедине и как-то грубо граф объявил пяти девушкам, что они отправятся со мной. Это были те, которые, по его мнению, вели себя не в соответствии со своим социальным положением. Всю ночь Кристина радовалась будущему путешествию. Она не понимала, что ее вышвыривают.

Я не сожалел. Я намеревался поднять миллион смываемых детей «над их статусом», и к черту все правила этого темного времени!

Все же мне было как-то грустно. Я был счастлив в Окойтце, но моя работа здесь закончена. Хорошее должно заканчиваться, да и будущее, возможно, не будет таким уж плохим.

Для иммигранта, который прибыл всего полгода назад без гроша в кармане, я неплохо потрудились. Зарождалась приличная система школьного образования, появлялась текстильная промышленность, и были видны проблески промышленной базы.

Если семена, которые я привез, принесут урожай, то это станет началом сельскохозяйственной революции.

У нас была сталь, довольно эффективный медный завод и до неприличия прибыльная корчма.

А теперь я владел сотней квадратных километров земли, которая однажды станет промышленным центром Польши.

Превосходная перспектива, тем не менее всегда грустно уезжать.

ИНТЕРЛЮДИЯ ТРЕТЬЯ

Том нажал кнопку «стоп».

— На сегодня достаточно. Из-за нас они не начинают, а я не хочу, чтобы задерживали балет.

— Хорошо, — согласился я. — Только сначала скажи мне, что пошло не так.

— Не так с чем?

— С планами Конрада. Он кажется умным, компетентным инженером и пользуется поддержкой властей. У него есть сырье и хорошая рабочая сила. Где он ошибся?

— С чего ты взял, что он ошибся?

— Должен был ошибиться! Он пытался начать промышленную революцию на пятьсот лет раньше, а она, видимо, так и не произошла.

— Вся загвоздка в этом самом слове «видимо». Парень, я показываю тебе эту запись не просто так. Ты же знаешь, по сути, мне уже за восемьсот лет. А возможности наших медиков безграничны. Тебе сейчас девяносто, и я полагаю, ты достаточно взрослый, чтобы быть посвященным в процесс принятия решений в фирме.

Однако решения нельзя принимать, не владея полной информацией. Мы никогда не делаем опрометчивых поступков. Время, как-никак, это то, чем мы торгуем. Пойдем поедим.

— Но...

— Никаких но! Хочешь, чтобы балетная труппа ждала?

По пути в банкетный зал Том положил руку мне на плечо и сказал:

— Мне нравится, что Конрад постоянно твердит о социализме, а сам поступает согласно принципам капитализма девятнадцатого века: покупает предприятия, делает их рентабельными, заново вкладывает деньги...

РЫЦАРЬ В СТИЛЕ
ХАЙ-ТЕК

ОТ АВТОРА

Средние века

Монахи собирались для молитвы восемь раз в день, через примерно одинаковые промежутки времени. Каждый раз они звонили в колокола, и все остальные привыкли использовать те же обозначения часов, даже если поблизости не было монастыря.

Prime. Первый час, рассвет.

Tierce. Третий час, между рассветом и двенадцатью часами. Около девяти часов.

Sext. Шестой час. Полдень.

None. Девятый час. От полудня до заката. Около пятнадцати часов. Существовал когда-то монастырь, в котором послушники в знак строгости своей веры поклялись, что не станут прикасаться к пище, пока не прозвучит четвертый удар колокола. Но так как они сами же и звонили в колокола, а молитвы обычно вызывают жуткий голод, **none** каждый день наступал чуть раньше, чем надо. Горожане, заметив это, посмеялись над монахами и начали называть полдень «none».

Вечерня. Закат.

Повечерие. Середина между закатом и полуночью. Около девяти часов вечера.

Полунощница. Полночь.

Хвалитны. Середина между полночью и рассветом. Около трех часов утра.

Заметьте, что часы не одинаковы по продолжительности и изменяются в соответствии с временами года. В странах, располагающихся, как и Польша, в высоких широтах, это означает, что некоторые часы иногда оказываются длиннее остальных в три раза.

ПРОЛОГ

Он разгрузил темпоральную канистру, мельком глянул на новую подопечную, заменил ее своим (впрочем, уже бывшим) шефом и нажал кнопку. Все надо делать очень быстро. Задерживать канистру в 2548950 году до нашей эры означало выбросить на ветер кучу денег.

Он изучающе посмотрел на нагое замороженное тело. Рост около четырех футов, худощавая... Кожа темно-коричневая, черные волосы в мелкие кудряшки, грудь маленькая, но достаточно высокая и крепкая. Совершенная имитация доисторической женщины двадцати семи лет от роду. Биоскульпторы постарались на славу.

Он отключил стасисное поле.

Глаза медленно открылись. Девушка оторопело уставилась на сталактиты, свисавшие с потолка пещеры. Заметила темнокожего нагого мужчину, склонившегося над ней, осознала собственную наготу и, коротко вскрикнув, закрыла грудь и низ живота руками.

— Да, униформа тут у нас незамысловатая, — усмехнулся он. — Питекантропы, к сожалению, еще не изобрели одежду, так что ничего не поделаешь. Эй! Не смотрите на меня с таким ужасом. Я не собираюсь вас насиловать. Вы так же похожи на воплощение моих подростковых сексуальных фантазий, как я — на балерину.

— Черт возьми! У меня пять докторских дипломов!..

— Уверен, ваша мама гордится своей дочкой. Среди этих ваших дипломов случайно нет чего-нибудь про отыскивание падали или откапывание червей? Все остальные знания здесь бесполезны.

Девушка украдкой окинула взглядом каменные стены пещеры, посмотрела на единственный факел, который освещал помещение.

— Что это за место? Какое время? И кто вы такой?

— Вас что, не проинструктировали? Это антропологическая исследовательская станция номер пятьдесят семь. Время перевалило за два миллиона лет до нашей эры, а я — ваш гостеприимный хозяин, Роберт Макдугал. Я бы снял шляпу, как полагается при знакомстве, но вы видите мои затруднения. Здешнее племя называет меня Гэк, вы можете последовать их примеру. Нет смысла придерживаться формальностей, когда на тебе нету ни нитки... Я буду вашим боссом следующие пятьдесят лет.

— Пятьдесят лет...

— Ага. Потом я отправлюсь домой, пришлют нового парня, и вы станете его боссом еще на пятьдесят лет.

В пещере было холодно и влажно. Она содрогнулась:

— Это какая-то ужасная ошибка!

— Какая может быть ошибка? Вы заменили собой задницу, на которую я до этого работал. На самом деле я ничего не имею против... ничего такого личного, но вы понимаете... после пятидесяти лет общения с единственным индивидуумом, с которым можно поговорить по-человечески, вполне естественно начинаешь ненавидеть его лютой ненавистью. В любом случае компьютер не может ошибаться, вы находитесь здесь, потому что прибыли сюда в назначенное время, в специально скроенном для наших исследований теле.

— Это тело!.. — воскликнула она. — Я привыкла быть красивой!

— Такова цена за будущие великие научные открытия, — отозвался он.

Женщина вся сжалась и начала громко всхлипывать.

— Эй! Вы что, серьезно? Вы на самом деле не вызывались на этот пост добровольно?

— Нет... то есть да. Я не вызывалась. Я была в Польше в двадцатом веке, а потом пришли контролеры... и потом я проснулась здесь! Я из «исторического корпуса». И вообще ничего не смыслю в антропологии.

— Как?! Эти грязные ублюдки...

— Да, — сказала она, благодарная за сочувствие.

— ...послали мне абсолютно нетренированного рекрута! О Боже! Это значит...

Он остановился, нашел на каменном полу осколок кости. Схватил девушку за руку.

— Больно не будет. Вы совершенно ничего не почувствуете.

Он сунул кончик кости под ноготь ее правого указательного пальца, поводит из стороны в сторону, потом повторил операцию с левой рукой, пока девушка смотрела на него, открыв рот.

— Что...

— Оба выключены, слава Богу. Смотрите. У вас есть кое-какое встроенное, причем довольно мощное, оборудование. Правый указательный палец содержит темпоральный меч. С его помощью вы сможете рубить дерево напополам с шести шагов. В левом — огневой стартер. Эти устройства могут спасти вам жизнь, но если не знать, как ими пользоваться, легко покалечить саму себя. Или меня!

— Есть еще что-то?

— Несколько записывающих устройств, передатчики, маяки и тому подобное. Но это все подождет. Надо бы узнать, как вы тут оказались.

Он уселся на корточки перед большим плоским камнем у входа в пещеру. Нажал четыре неприметных пятна на ска-

ле. Прямо в воздухе перед ним появились светящиеся белые буквы.

«Готов».

Мужчина принялся печатать на голом камне так, будто вместо него видел компьютерную клавиатуру.

«Запрос информации, личные списки, исторический корпус, рабочий номер...»

— Эй, какой у тебя номер?

Она ответила, он загрузил данные и начал читать.

— Хм... родилась в Северной Америке, 62218-й до нашей эры... одобрена для деторождения, одиннадцать детей... в сорок четыре года поступила в Музейный университет... с 62219-го до 62192-й до нашей эры... докторская по медицине, славянским языкам, психологии и греческой литературе... принята в Исторический корпус... назначена в Афины времен Перикла, сорок один год на задании. Неудовлетворительно.

Она воскликнула:

— Это несправедливо!

— Несправедливо? А что справедливо? Если вы хотите поговорить о справедливости, обратитесь к одной из женщин племени, ребенка которой сожрал леопард, — фыркнул он. — Ладно, дальше... Возвращена в университет, докторская по древнеегипетским языкам... провалено четыре задания, с девятой по тринадцатую династию... назначена в двадцатый век в Польшу... спровоцировала ситуацию, результатом которой стала несанкционированная переброска местного гражданина в тринадцатый век. Направление на антропологическую станцию в качестве дисциплинарной акции... Ублюдки! Превратить мою станцию в исправительную колонию!

— Но я всего лишь оставила дверь открытой!

— Сейчас мы узнаем, что вы сделали.

Он стер несколько строк и запросил добавочную информацию.

-- О Боже! Вы — это *она*! В школе о вас чего только не рассказывали. Вы самая худшая исследовательница за всю нашу историю! Это вы послали двоюродного брата самого основателя в средневековую Польшу, за десять лет до монгольского нашествия, а парень даже не знал, что путешествия во времени существуют. Беднягу не получалось вернуть обратно, даже след его не удавалось отыскать, пока не началось нашествие. Сам хозяин нашел кузена посреди поля битвы. И им пришлось оставить парня в прошлом на десять лет из-за риска нарушить случайный ход событий. Вы просто магнит для неприятностей, леди!

— Но я всего лишь забыла закрыть дверь!..

— Только попробуйте что-нибудь напортчить здесь, и я скормлю вас леопардам!

Он открыл еще четыре файла и бегло просмотрел их.

— Ну, если вас это утешит... вашего последнего босса наказали за то, что он не проинструктировал вас как положено. Он появится здесь через пятьдесят лет, чтобы заметить меня, и можете делать с ним все, что захотите.

— Думаю, я просто завяжу и отправлюсь обратно в Северную Америку.

— Прекрасно. У вас появится шанс осуществить свое намерение лет так через сто.

— Но...

— Послушайте, леди. Так далеко в прошлом мы получаем канистру лишь раз в пятьдесят лет. Предыдущая как раз отбыла, а следующая увезет меня из этой вшивой вонючей дыры. Так что приободришься, малыш, все будет хорошо. Вы голодны? Пошли, я покажу вам, где тут есть отличное гнилое бревно. С множеством личинок.

ГЛАВА 1

Меня зовут пан Владимир Чарнецкий. Я добрый польский рыцарь, верный сын Святой католической церкви. Родился в 1212 году, стал третьим сыном барона Яна Чарнецкого.

Я пишу эти строки, потому как моя учительница посчитала, что ведение дневника — хороший способ улучшить способность выражать свои мысли. Однако, поразмыслив на досуге, я пришел к выводу, что сказать мне в общем-то нечего. Я получил обыкновенное воспитание. Занимался спортом, преуспевал в играх, но не стал лучшим. Хорошо владею оружием, хотя есть некоторые рыцари, кто вполне в состоянии вышибить меня из седла. В шахматы играю ровно, но без вдохновения.

Кому нужна история такого ординарного рыцаря, как я? Наверное, никому, кроме моей матери, а она уже и так знает ее от начала до конца.

Однако в день своего двадцатилетия я повстречал исключительного благородного мужа, и лучше мне будет рассказать о нем.

Его имя — пан Конрад Старгардский. Вот как мы с ним познакомились. Осенью 1231 года от сеньора моего отца, графа Ламберта, прибыло письмо, согласно которому нам следовало до Пасхи прислать одного рыцаря в его замок на три месяца.

Я очень хотел, чтобы задание выпало именно мне, потому что ходят слухи о том, какое замечательное это место — Окойтц. Прежде всего стол Ламберта зарекомендовал себя как самый лучший в Силезии, а винный погреб — как непревзойденный во всей Польше. К тому же Ламберт понимал свое *droit du seigneur* довольно необычно, я бы сказал, просто замечательно.

Хозяин поместья имеет естественное право первой ночи — то есть проводить ее с деревенскими девушками накануне их замужества. Мой отец — мужчина в расцвете сил, однако под влиянием моей матери давно объявил себя слишком старым для выполнения данной обязанности и передал права сыновьям.

Мы с братьями бросали жребий, и иногда я выигрывал. Ну, конечно, даже самое худшее совокупление можно описать как превосходное, однако мои свидания часто были далеко не такими впечатляющими, какими могли бы стать. Незамужние девушки предположительно все девственницы, но на самом деле это далеко не так, большинство вообще явно беременны.

К тому же они часто оказывались напуганными или на самом деле влюбленными в своих будущих мужей. Данные обстоятельства, само собой, уменьшали их энтузиазм.

О, всегда можно уговорить деревенскую девку встретиться с тобой в укромном уголке в лесу, но это подразумевает соблюдение в определенной степени секретности свиданий, а я всем сердцем ненавижу скрываться.

Мой пан Ламберт решил проблему со всей свойственной ему прямоотой. Он выбирает самых красивых в деревне девушек, как раз когда они цветут пышным цветом, и убеждает их переехать в его замок в качестве «ожидающих панн». При этом он открывает перед ними такие перспективы, что мало кого приходится долго уговаривать. На самом деле девушкам требуется только разрешение прийти. Пан Ламберт отдает в руки «панн» управление домашним хозяйством и

наслаждается их обществом в свободное время, пока не случается ребенок. Затем он подыскивает каждой толкового мужа, обеспечивает достаточное приданое и оплачивает свадебные расходы.

Что важнее всего, Ламберт, с обычной для него широтой натуры, предоставляет посещающим его рыцарям полный доступ к гарему, который часто состоит из полудюжины девиц.

Заведенные Ламбертом порядки — источник зависти всех графов округа — сходят ему с рук, потому что его жена живет с родителями в поместье в Венгрии, или, может, все как раз наоборот — она живет там из-за его привычек. Для меня это не имело ровно никакого значения. Я хотел поехать.

Так как приятная обязанность должна, несомненно, достаться одному из нас, трех братьев, мне предложили бросить жребий. Я отказался, сославшись на то, что три месяца — довольно большой срок, поэтому все надо обсудить тщательно, возможно, в течение нескольких дней. На самом деле причины моего несогласия крылись в следующем: я холостяк, а мои братья уже оба женаты. Я не сомневался, что как только их жены прослышат о намечающемся предприятии (а об этом я позаботился), мне отдадут задание и так, без всякого риска.

Итак, в конце концов мой отец объявил, что именно я отправлюсь в Окойтц. Мать ударилась в слезы, когда я уезжал. Как будто провожала меня на войну, или еще какое-нибудь менее достойное предприятие, где я обязательно сверну себе шею. Отец и братья вели себя вежливо и обходительно, с неясной уверенностью, что я все-таки провел их каким-то образом.

До Окойтца мне предстояло совершить довольно простой однодневный переезд, ставший к тому же после смерти разбойника, пана Райнберга, безопасным. Было Святое воскресенье, день, предназначенный Богом для отдыха, и все же вежливость и благопристойность требовали, чтобы я

ехал в полном вооружении, закованным с головы до ног в железо, верхом на боевом коне — Ведовском Пламени.

Впрочем, мрачность мне не приличествовала, так что я лично позаботился о бурдюке с тремя галлонами вина, болтавшемся у седла. Там же висели сумки, набитые достаточным количеством хлеба с сыром. Как раз заканчивался последний день поста.

Стоял прекрасный весенний денек, и я потихоньку начал напевать старые песенки, прежде немного облегчив ношу Ведовского Пламени — то есть почти опустошив достаточно увесистый бурдюк с вином и заодно уничтожив запасы в седельных сумках.

Кони любят, когда им поют, и вскоре Ведовское Пламя перешел на галоп, наполнив чистой радостью весеннюю прохладу утра. Но, пересекая маленький деревянный мостик, жеребец случайно потерял подкову с правого копыта.

Это была уже серьезная проблема. И потому что сталь очень дорого стоит, и потому что наездник не может избежать несчастного случая, если его конь не подкован. Я не мог пойти в Окойтц пешком, ибо таким образом никак бы не успел к завтрашнему дню. А вообще не явиться туда означало замарать доброе имя отца.

Я обыскал и речку, и мостик, и даже оба берега, но потерянную подкову так и не нашел. В конце концов я вышел на дорогу в полном вооружении, ведя лошадь под уздцы, и отправился искать кузнеца.

Вскоре я обнаружил едва заметную колею на дороге, которая и привела меня к крестьянской хижине. Жена хозяйина дома заверила, что через две мили вверх по дороге находится село, где есть кузнец.

Я прошел все четыре мили в полном вооружении только для того, чтобы узнать, что кузнец уехал навестить свою мать на Пасху. Но неотесанные мужланы из деревни божились, что всего лишь в трех милях от них располагается еще одна деревня, где кузнец обязательно окажется дома,

так как приходится братом местному кузнецу, и они по традиции каждый год по очереди ездят к матери на Пасху и Рождество.

Я прошел все восемь миль, но так и не обнаружил признаков второй деревни. Ведовское Пламя ужасно хромало. Вино практически закончилось. Опускалась ночь. Мне не оставалось ничего иного, кроме как, наподобие героя из детской сказки, растянуться под деревом и спать в доспехах.

Я расседлал Ведовское Пламя, вытер его, как мог, травой и привязал на ночь.

Из дома я прихватил с собой кремень и огниво, и всего лишь после получаса пыхания и проклятий на полянке появился достойный костер. Я собрал запас дров, снял шлем и расстегнул ворот, чтобы не сдавливало горло. Потом сделал несколько глотков вина и задремал.

Где-то в полночь я внезапно проснулся от волчьего воя. За одним волком завыл другой, и они были близко!

Костер превратился в кучку еле тлеющих углей, а Ведовское Пламя нервно ржал. Я пошел к нему, запнувшись в темноте. Моя возня только еще больше напугала коня. Пришлось заговорить с ним, чтобы животное подпустило хозяйина достаточно близко и позволило отвязать себя. Ребячество, конечно, ведь время так дорого, но я не позволю никому застать врасплох моего жеребца, когда он не сможет защищаться.

Я слышал волков, их фыркание, с которым твари набирались смелости и поджидали удобного момента для нападения.

Я пошел обратно к углям костра, нашел свой шлем и меч. Потом бросил все остававшиеся дрова и траву на угли и вознес молчаливую благодарную молитву святому Кшиштофу за то, что он ниспослал мне достаточно времени на подготовку.

Огонь полыхнул и снова осветил поляну, когда я уже закончил застегивать воротник кольчуги и прилаживал шлем на голове. Я прикрылся щитом и обнажил меч, потому что здесь не было места копьё, хотя это оружие я люблю больше всего. Вой волков становился все отчетливее, и им совершенно точно не нравился огонь. Мне представилось, как какой-нибудь непоседливый молодой волк жалуется: «Раньше! Нам следовало напасть раньше!», на самом деле я даже слышал, как одна из бестий взвизгнула, как будто ее укусили!

Ведовское Пламя, верный надежный друг, вступил в круг света, присоединяясь ко мне. Он понимал, что вот-вот начнется серьезная битва, и явно собирался принять в ней участие. Я ухмыльнулся, и в тот же миг на нас напали.

Огромный серый волк вынырнул из темноты и прыгнул, целя мне в горло. Он был тощий, изможденный и голодный, но при этом не уступал мне в росте и весе. Эти кровожадные твари, должно быть, пережидали зиму где-то очень далеко, раз вообще выжили!

Мой меч попал огромному серому дьяволу как раз по черепу, послышался треск костей. Безжизненное тело рухнуло на щит с такой силой, что почти свалило меня с ног, да, впрочем, и свалило бы, если бы второй волк не ударил меня в тот же момент в спину. Коварный удар, однако я был даже благодарен хищнику, потому что, лежа на земле, мне вряд ли удалось бы успешно защищаться.

Волк за спиной попытался впиться мне в шею, но доспехи, которые отец приобрел за немалые деньги, выдержали испытание на прочность. Я махнул мечом назад сильно, как только сумел, и попал твари по спине. Снова послышался хруст ломаемых костей, и еще один волк свалился у моих ног, скуля и твякая.

У меня не оказалось времени оказать волку последнюю милость, потому моему боевому коню приходилось туго в

неравной битве. Три серые тени метались вокруг него с разъявленными пастьми, четвертого он успел схватить зубами и теперь трепал как маленькая собака — крысу. Вот Ведовское Пламя подбросил свою жертву высоко вверх. Волк упал прямо в огонь, раздался пронзительный визг. Зверь потерял всякую охоту нападать и помчался прочь, подвывая на бегу: его шкура ярко пылала.

Я бросился к тварям, которые осаждали коня, и сломал две серые шеи двумя ударами. Третий волк повернулся ко мне, но в тот же миг Ведовское Пламя опустил оба передних копыта на спину хищника, тот упал и больше не двигался.

Внезапно стало очень тихо. Мы убили пять кровожадных зверей, а еще один сбежавший волк наверняка еще сто раз подумает, прежде чем снова напасть на человека!

Ведовское Пламя, похоже, не пострадал, мне тоже удалось избежать ранений. Я дал хорошего пинка каждому из валявшихся на земле мертвых хищников, убеждаясь, что они действительно не собираются оживать. Потом снова улегся спать. Коня привязывать не стал. Он не уйдет далеко от костра — по крайней мере этой ночью!

Да, я не пострадал, но только потому, что был во всеоружии, в доспехах и с верным боевым конем. Понятно, почему крестьяне накрепко запирают двери с наступлением темноты и не решаются выходить наружу до самого рассвета. Даже в дневное время много людей погибает в дремучих лесах. Но что с этим поделаешь?

Я бросил трупы гнить на земле. Волчьи шкуры бесполезны — даже крестьяне могут позволить себе лучший мех. К тому же, возможно, другие волки употребят в пищу своих собратьев, вместо того, чтобы нападать на каких-нибудь несчастливых путников.

На следующий день я нанес *coup de grace* своим запасам вина, хлеба и сыра и обнаружил деревню менее чем в четверти мили вниз по дороге.

Я поймал кузнеца вместе с его семьей по пути в церковь.

— Но, светлейший пан! Сегодня пасхальное утро, самый святой день года!.. Неужели вы думаете, что я буду работать в этот праздничный наивеличайший день?

— Конечно, именно так я и думаю! Я точно знаю, что поклялся предстать перед нашим сеньором, самим графом Ламбертом, именно сегодня в Окойтце. Я не доберусь туда без коня, а мой конь не поедет никуда без подковы. Ты единственный кузнец во всей округе, и именно поэтому тебе придется выполнить свою работу. Накажи своим домочадцам идти в церковь без тебя и проводи меня в кузницу.

— Но пропустить службу на Пасху — это величайший грех!

Я тронул ножны.

— Не такой уж и большой грех по сравнению с самоубийством, которое и есть твоя альтернатива.

Жена озабоченно поцеловала кузнеца и погнала ребятишек перед собой в сторону церкви. Таким образом, она приняла решение за мужа, хотя на самом деле я не собирался причинять ему вреда.

Он начал было звать жену, но я взял его под руку и направил к кузнице.

— Но я в своей лучшей одежде! Мне надо хотя бы переодеться!..

— Очень хорошо. Но сделай это быстро.

Кузнец пошел в дом, я последовал за ним. Внутри оказалось уютно; хижину построили добротнo, как обычно и бывает у крестьян: каменный очаг и настоящий деревянный пол.

Кузнец остановился, обернулся и посмотрел на меня в сомнении, поэтому я вытащил меч из ножен и положил его перед собой, держа руку на эфесе. Он быстро переоделся.

— Но, светлейший пан...

Я поднял меч, держа его острием вниз, начал перекладывать оружие из руки в руку. Он вылетел из дома пулей и нырнул в кузницу. Я последовал за крестьянином.

Только-только разведя огонь в горниле, кузнец сказал:

— Да, я забыл! У меня же больше не осталось железа! Последнее я использовал еще в четверг, а запасы пополняются только завтра.

— Нет железа? Тогда мы что-нибудь придумаем вместе. Гм... петли на этой двери железные. Для начала неплохо.

Я сорвал петли и бросил их кузнецу. Не очень благородно испытывать подобные приемы на достойном сожаления бедняке, но он исчерпал мое терпение.

— Но этого недостаточно, а петли так сложно сделать снова!

Вокруг валялось множество железных инструментов, однако мне не понравилась идея лишить человека средств работы. Я вернулся в его дом.

— Вот то распятие железное.

— Но его освятил священник! Мы не можем...

— Да, думаю, не можем. Эти подсвечники... двух как раз хватит на подкову и гвозди, тогда твои петли останутся нетронутыми.

— Но я сделал их в подарок своей жене!

— Если твоя жена требует никчемные безделушки, когда у тебя не хватает необходимых материалов для работы, то она заслуживает хорошей трепки! Бери и начинай заниматься делом!

Прошло восемь часов, пока он плавил и ковал железо, заполнял формы и остужал готовое изделие, и вот, наконец, мой конь обрел новую подкову. Пока я ждал, вернулась жена кузнеца. Я послал ее в деревню за мясом и вином. Пост закончился, и я ощущал твердую необходимость в большом куске жареной свинины.

В действительности я получил только слабенькое пиво и цыпленка — лучшее, как заявила жена кузнеца, что можно достать в праздничной кутерьме.

В конце концов, когда я оседлал Ведовское Пламя, время уже перевалило за полдень.

Кузнец выбежал следом за мной.

— Но светлейший пан, вы должны мне за работу!

— Последний раз, когда мне подковывали коня, я платил восемь серебряных гривен, именно столько я тебе и дам. Да, вот еще одна гривна за еду, хотя трапеза и не стоила того.

Я вскочил в седло.

— Но только подсвечники стоили вдвое дороже!

— В следующий раз будешь лучше готовиться к появлению заказчиков.

Я выехал из города. На самом деле я отдал ему почти половину всех своих денег. Мой отец совсем не богатый человек.

Пришлось потратить полчаса на то, чтобы вернуться к главной дороге. И хотя потом я скакал настолько быстро, насколько решался подгонять коня, темнота все равно застигла меня за несколько миль до места назначения. Я потерпел поражение.

Ночь выдалась безлунная, и волей-неволей мой боевой конь остановился. Пришлось провести еще одну ночь под деревом.

Прозвучал уже третий удар колокола, когда мы подъехали к Окойтцу. На воротах стоял мой старый друг, мы обнялись и обменялись дружеским поцелуем.

— Пан Владимир! Вы опаздываете!..

— Да, пан Лештко. Ведовское Пламя потерял подкову, а найти кузнеца на Пасху... Но мне все же надо извиниться перед графом Ламбертом. Где он?

— Ваши извинения откладываются. Ламберт отбыл ранним утром на весенний обезд своих владений. Он, возможно, не появится несколько месяцев.

— Черт! Черт, трижды черт побери!

— Да не беспокойтесь так уж сильно. Граф сказал, что если вы придете сегодня, то все нормально, если же нет — нам

придется искать вас в ближайших лесах завтра. Он знает, что ни один из сыновей вашего отца не подведет его.

— Пан Лештко, мы служим лучшему сеньору в христианском мире.

— Согласен. Но пойдемте внутрь. У вас как раз есть время смыть дорожную пыль перед ужином.

Мы вошли во двор, где обнаружилась строящаяся широкая башня.

— А это что еще за штуковина?

— Плод воображения пана Конрада. Говорят, она должна высасывать энергию из ветров и заставлять ее выполнять приказы человека.

— Здесь пахнет колдовством.

— Пан Конрад утверждает, что никакого колдовства в этом нет. Хотя он, вне всякого сомнения, могущественный колдун, воин и к тому же настоящий гигант.

— Пан Конрад, это не тот ли мужчина, который убил разбойника, пана Райнберга?

— Райнберга и всю его банду, причем каждого лишил жизни единственным ударом меча!

— Не может быть! — воскликнул я.

— И все же это правда. Доспехи этих немецких ублюдков хранятся в нашей кладовой, и на них нет ни единой трещины. Пан Конрад бил прямо в глаз и разрубал череп надвое, не повреждая шлема.

— Некоторые назвали бы это везением.

— Только не в этом случае, ведь он убил заодно всех остальных членов шайки. Клянусь вам, пан Конрад привез еще четыре брони, и ни на одной из них не было и пятнышка крови.

— Что он за человек?

— Я еще сам не встречал его, потому как приехал всего на день раньше вас. Говорят, он в Щецине, и вернется через одну-две недели. Мне нужно охранять ворота до шесто-

го колокола, но вы отправляйтесь, пожалуй, в замок. Дамы позаботятся о вашем комфорте.

— А действительно ли, — спросил я, — гостеприимство Ламберта таково, каким его описывают?

— Даже лучше. Дамочек сейчас у него восемь, а нас, рыцарей, всего-навсего пять, так что мы из сил выбиваемся, чтобы удовлетворять всех.

— Бедняги, — ухмыльнулся я. — Ну, полагаю, нам придется хорошенько постараться.

Никто не встретил меня у дверей замка, но изнутри доносился странный шум. Казалось, будто дюжина сумасшедших барабанщиков одновременно колотила в свои инструменты, или будто плотники пытались обучаться музыке. Я пошел на звук и оказался в большой зале, где кипела совершенно непонятная мне деятельность.

Посредине стоял большой стол, за которым сидело полдюжины симпатичных девиц. Перед каждой стояло колесо, крутившееся, казалось, по собственной воле. Еще были большие шары шерсти и сложные сплетения нитей и катушек, вращавшихся с невероятной скоростью.

Не помня себя, я осенил залу священным крестом.

Около одной стены еще две девушки работали на большой деревянной машине невероятной сложности, состоявшей из тысяч нитей, рычагов и других движущихся частей.

Напротив, у другой стены, лежали высоченные стопки готового полотна.

Одна из девчонок подле вращавшегося колеса заметила мое появление, бросила работу и подошла поприветствовать меня.

— Что... что все это значит? — спросил я.

— Ткацкие станки и прялки Ламберта, естественно. Наш хозяин решил, что лучше мы сами будем изготавливать ткань себе на одежду, чем отдавать серебро этим жутким валлонам. Вы, должно быть, пан Владимир. Давайте я провожу вас в вашу комнату.

Когда она вела меня по длинным коридорам, я спросил:

— Эти колеса и все такое прочее... Их, наверное, построил пан Конрад?

— Кто же еще?

— Значит, ты его знаешь?

— Я не совсем знаю его. — Девушка скосила на меня глаза и улыбнулась. — Я имею в виду, что, когда он уехал, я все еще оставалась простой деревенской девушкой. Но насколько я слышала, он великолепен!

— Но ты не видела его?

— О, видела, конечно. Он невероятно высок и просто прекрасен!

— Не понимаю, как мужчина может быть прекрасным...

— Значит, вы еще не видели пана Конрада. А вот и ваша комната.

Она засуетилась, проверила, наполнен ли водой чан и пуст ли горшок. Комната оказалась замечательно чистой, с огромной кроватью, стулом и умывальником.

— Тут очень даже ничего. Ах да, не сможешь мне вылезти из этой брони? Я в первый раз за три дня в состоянии снять ее. Две ночи, проведенные в железе, — это уж слишком.

— Конечно, пан Владимир... О, вам к тому же срочно надо помыться.

— Замечательная идея.

Я сел на стул, а она начала тщательно драить меня мочалкой — очень тщательно.

Вытершись насухо, я сел на кровать и сказал:

— Теперь я немного отдохну. Снимай свое платье и присоединяйся ко мне.

— Я думала, вы уже никогда не попросите.

Гораздо позже я заметил:

— Это было хорошо, девочка. Очень хорошо.

— Спасибо, светлейший пан. Ах. Вот и обеденный колокол. Нам надо одеваться.

— Правильно. — Я накинул рубаху и натянул штаны. — Кстати, как тебя зовут?

— Анастасия.

На обеде я встретил пана Бодана, друга моего отца, а он представил меня пану Фредерику и пану Стефану. Рядом с каждым рыцарем сидело по девушке, поэтому я приказал Анастасии присоединиться ко мне за столом.

— Думаю, я все еще остаюсь здесь за старшего, так что мне и командовать, — сказал пан Бодан. — Пан Владимир, как я заметил, вы опоздали. За это вам полагается наказание: замените охранника на внешних воротах и будете стоять на часах с полуночи до утра.

— Это кажется мне справедливым, светлейший пан. — Я опустошил кружку пива и махнул рукой девушке, чтобы та наполнила ее заново.

— Ну, кому-то надо заниматься этим.

— Я не жалуюсь. Пожалуйста, расскажите мне лучше побольше об этом пане Конраде.

— По-моему, он стал главной темой для разговора в наших краях, — заметил Бодан. — Перво-наперво, он ездит на кобыле.

Я подавил смешок:

— На кобыле?

— На кобыле. Более того, о лошади рассказывают чуть не больше историй, чем о седоке. Она отказывается даваться в руки кузнецу и бежит неподкованная и при всем при том галопирует по скалам, не сбивая копыт. Она не справляет нужду в стойле, но сама открывает запоры и бродит по полям, как отбившаяся от дома собака. Потом возвращается в стойло и сама же ставит на место засовы!

— Непостижимо!

— Она прекрасно обучена драться, и Конрад утверждает, что по крайней мере два его покойника на ее совести. И

при всем при этом кобыла не брезгует надеть хомут и работать с крестьянами. Под ее влиянием лучшие жеребцы Ламберта прошлой зимой тянули бревна под руководством единственной маленькой крестьянской девочки. Простолюдины говорят, мол, лошадь настолько умна, что умеет говорить.

— Что?..

— О, весь разговор сводится к мотанию и киванию головой. Однако ее жесты совпадают с ответами на заданные вопросы. По моему мнению, это всего-навсего ярмарочный трюк.

— А что же сам рыцарь? Каков он? Кто его родители?

— Вот еще одна загадка. Говорят, какой-то священник наложил на него особый обет, и теперь он не может рассказывать о своем происхождении. Некоторые называют его социалистом, хотя никто до конца не понимает смысла слова. Оно может относиться к его стране, его военному рангу или религиозному ордену. По-моему, это все-таки религиозная секта, потому что он необычайно мягок в общении с детьми, крестьянами и другими животными. Единственное, что мы точно знаем о нем: он приехал с востока в компании с купцом, Борисом Новацеком.

— А, я знаю такого.

— Тогда ты должен знать, что Борис вовсе не дурак и не станет лгать, если в этом нет выгоды.

— Истинная правда.

— В общем, Борис утверждает, что встретил этого рыцаря в монастыре в Кракове, где тот занимался написанием книг.

— Рыцарь, который умеет читать и писать? Это недостойно мужчины.

— В нем все говорит о настоящем мужчине, несмотря на то, что он заявляет, будто провел семнадцать лет в обучении в школах.

— Вот дела. А сколько лет этому Конраду?

Между прочим, тушенная говядина была просто великолепно.

— По его собственным словам — тридцать, но он выглядит не старше тебя, а на его теле нет ни единого шрама. Потом еще все эти его вещи. Говорят, у пана Конрада есть палатка, настолько легкая, что ее можно удержать одной рукой: по слухам, она отпугивает назойливых насекомых. У него же — серебряные горшки, тарелки, легче которых только паутина. Нож с дюжиной лезвий, который складывается и становится не больше твоего пальца. Да, у пана Конрада есть еще один инструмент такого же размера, он производит огонь, когда человек касается специального рычага. И еще спальный плащ, закрывающийся сам собой, чтобы внутри не проникал холод. Он дал пану Мешко прибор с иглой, которая всегда показывает на север, для ориентации в темноте. Эта игла горит зеленым пламенем, но никогда не сгорает.

— Мне бы последняя вещица пригодилась вчерашней ночью, — вставил я.

И пиво, на самом деле, здесь было отличное.

Пан Бодан проигнорировал мое замечание.

— Он же подарил Ламберту предмет, который заставляет далекие объекты казаться близкими. Некоторые здешние девушки могут показать тебе невероятно тоненькие иглы, сделанные Конрадом. А что уже говорить о крестьянах! Он им раздал сотни пергаментных пакетиков с семенами, на каждом кулке — надпись и прекрасная картинка. Большинство семян пустило ростки, и теперь в Окойтце появляются чертовски странные растения.

— Этот пан Конрад, должно быть, очень богат.

— Сказочно богат. Он приехал сюда с сундуком, полным золота и серебра. Всего сто двадцать тысяч серебряных гривен!

— Тогда... тогда почему же он остается в таких забытых Богом местах, как Силезия? — удивился я с набитым ртом.

— Кто знает, почему колдун поступает так, а не иначе?

— Ах да, я видел его колеса и прялки. Он — могущественный колдун.

— Однако в тех машинах из большой залы нет и капли колдовства. Я исследовал каждый их дюйм и обнаружил только доски и нити. Они хитрые, конечно, просто дьявольски хитрые. Но при этом остаются всего лишь обыкновенными штукovinaми из дерева и шерсти.

— В самом деле?

Девка наполнила мою кружку заново.

— Потом еще меч Конрада. Это хрупкая вещица со всего лишь одной режущей стороной. И все же граф Ламберт — в присутствии сотни свидетелей — отрубил им с одного раза голову взрослого кабана. А когда Конрада разозлил один кузнец, он разрубил напополам его наковальню!

— Ну, я теперь примерно понимаю, что он должен был чувствовать в тот момент. Но вы до сих пор не рассказали мне о самом человеке.

— Я как раз собирался начать. — Бодан сделал еще глоток пива. — Он громаден, ему даже приходится пригибать голову, чтобы войти в эту дверь. Волосы — темно-русые, и он стрижет их очень коротко, почти по плечи. Усы у пана Конрада имеются, как и положено, но остальную часть лица он тщательно бреет странным ножом, который никогда не затупляется. В основном пан Конрад одевается как и все, но иногда носит тонкую жутко скроенную одежду с множеством пуговиц, застежек и заклепок. С его сапогами тоже не все в порядке, но точного описания я не слышал.

— Пойдите-ка. Вы хотите сказать, что никогда его не видели?

— Что?.. Нет, конечно. Никто из нас, кроме Стефана и девок, не видел его. С нетерпением ждем встречи. Все, что я вам порассказал, — слухи. Кстати, кроме всего прочего, пан Конрад еще и доктор, математик и великий шахматист. Он обыграл графа Ламберта в первых двух дюжинах партий,

и никто не смог повторить его подвиг с того времени. Ну вот. Я договорился до того, что моя еда остыла. Эй, девка! Кинь это обратно в котел и принеси мне что-нибудь погорячее.

— Ну, я знаю этого грязного колдуна очень хорошо, — встрял в разговор пан Стефан. — Слишком хорошо! Я служу здесь с Рождества, практически с ночи до утра, и знаю, чего стоит этот ублюдок.

— С ночи до утра? — переспросил я. — Это очень долго! Разве вы не должны были разделить службу с паном Мешко?

— Пан Мешко заменил Конрада и стал купцом, исполнял приказания графа Ламберта. Потом Конрад околдовал Ламберта обещаниями богатства и славы и посвятил все свои дни строительству колдовских механизмов, которые вы видели в зале и во дворе. Мне приходилось стоять на часах семь ночей в неделю, а ночи сейчас длинные и холодные!

Пан Бодан возразил:

— Я уже, кажется, доказал, что во всех этих устройствах нет магии.

— Нет магии? Вы что, не помните, как на этом самом столе, с которого мы сейчас едим, он пролил человеческую кровь!

— Я была там, — спокойно произнесла Анастасия, — один из мужчин поранился, когда рубил деревья. Ему ногу раздробило. Пану Конраду пришлось отрезать ее и зашить рану, чтобы спасти несчастного.

— А крестьянин умер в течение месяца! Дьявольский ритуал ничем не помог ему! — крикнул Стефан.

— Но пан Конрад пытался...

— Заткнись, девка!

На несколько минут воцарилась тишина, потом Анастасия мягко заметила:

— Я помню пана Конрада на похоронах крестьянского ребенка. Он плакал.

ГЛАВА 2

Две недели пролетели как один день. Погода стояла отличная. Запасы еды и вина казались неистощимыми. Остальные рыцари проявили себя замечательными товарищами. А дамы... ах, дамы... я перебрал их всех, если вы понимаете, о чем я, но в конце концов обнаружил, что лучшей была самая первая. Большинство ночей я проводил с Анастасией. То есть, скорее, большинство вечеров: от обязанностей дозорного меня никто не освобождал.

Часто Анастасия приходила ко мне, когда я стоял на часах, иногда мы болтали, иногда просто держались за руки и смотрели на сверкающие в небе звезды. Она околдовала меня, хотя, конечно, из всего этого ничего не могло получиться. Несмотря на ее абсурдный статус «ожидающей дамы», она оставалась всего лишь крестьянкой, а я — рыцарь, и мои родители очень... традиционны во взглядах.

И все же... все же я старался не думать о своем отъезде из Окойтца.

Приезд пана Конрада я ожидал со смесью радостного нетерпения от предстоявшей встречи с героем и страха от прибытия колдуна. Но когда я, наконец, увидел его и привык к поразительному росту, то счел пана Конрада самым вежливым и приятным рыцарем, которого только можно представить.

Он оказался обладателем прекрасного голоса и знатком тысяч песен; не помню, чтобы пан Конрад хоть раз повторялся, если его специально не просили об этом. Он мог танцевать и читать стихи часами. Дамы настояли на том, чтобы мы выучили его танцы: польку, и мазурку, и вальс. Иногда Конрад нанимал нескольких крестьян-музыкантов, и мы танцевали и веселились всю ночь.

Колдуны из легенд обычно все замкнутые и неразговорчивые. А вот пан Конрад радовался возможности поделиться с кем-то своими знаниями, будь то крестьянин, благородный рыцарь или купец. Меня лично поразили его механические штуки, со временем я начал даже понимать принцип действия некоторых машин и надеялся, что однажды смогу сделать нечто подобное своими руками.

И все же в некотором смысле его можно было назвать странным. Крестьяне перестали устраивать петушинные бои, потому что «Конраду это не нравится». Прошлой зимой, когда пан Стефан притащил медведя для забавы — привязанного к столбу зверя разрывают на части дворовые собаки на потеху рыцарям, — Конрад сумел выкупить животное, убил его одним ударом своего знаменитого меча и приказал выделывать шкуру, а мясо приготовить на ужин. Пан Конрад совершенно не понимает подобных забав. Говорят, когда он убивал зверя, на его благородном лице отражалась глубокая печаль.

И потом еще его отношение к детям. Нормальный мужчина оставляет детей на попечение женщины до тех пор, пока они не становятся достаточно взрослыми, чтобы походить на людей, но Конрад наслаждался общением с мелюзгой и даже предпочитал общество ребенка своим друзьям-рыцарям. Он не жалел времени на объяснения им своих действий и никогда не терял терпения, как в разговорах со взрослыми. Пан Конрад платил священнику, чтобы тот обучал детей буквам, и сам преподавал математику. Более того,

Конрад собственноручно делал игрушки и учил детей новым играм, спортивным и развлекательным.

Конрад владел мечом мастерски и вскоре начал обучать нас своему искусству каждый вечер. Он пренебрегал щитом, доверяя только своему мечу при парировании ударов противника. Впрочем, он ни во что не ставил и кольчуги, не признавал их несомненной пользы! Однако пан Конрад абсолютно не умел обращаться с копьем и выглядел довольно неуклюже с ним на лошади. Стрельба из лука ему тоже не давалась, но все это, казалось, только увеличивало нашу привязанность к нему; радостно осознавать, что ты хоть в чем-то превзошел великого воина!

И последнее — Кристина. Это девка из Окойтца, которая ездила с Конрадом в Цешин. Она, очевидно, безнадежно влюбилась в него, и каким-то образом большая часть его шарма и обаяния передалась ей, но при этом приобрела оттенок женственности. У Кристины обнаружились грация и выдержка настоящей благородной женщины, так что ни один из рыцарей больше не мог обращаться с ней как с обычной крестьянкой, все выказывали уважение, подобающее в общении с дамой высокого ранга.

Вскоре остальные «ожидающие девушки» начали подражать ей, в том числе и моя Анастасия. Мне это показалось довольно милым — на самом деле все, что бы ни делала Анастасия, казалось мне милым! — но остальные рыцари часто реагировали на перемены не совсем адекватно. Переспать с деревенской девкой — одно дело. Иметь связь с благородной женщиной — совсем другое!

Через некоторое время вернулся граф Ламберт и привез с собой почти королевскую компанию: с ним прискакал его сеньор, князь Хенрик Бородатый со своим сыном, молодым княжичем Хенриком, прозванным Набожным. Я не присутствовал при их разговорах, но насколько я знаю, они все время проводили с паном Конрадом.

На следующий день граф Ламберт организовал охоту и пригласил меня присоединиться к ним. Я известен как отличный охотник, возможно, граф Ламберт слышал об этом. Может быть, он не знал, что я стоял на часах с полуночи до утра, но когда сеньор вашего отца приглашает вас поохотиться с его сеньором (!), вы едете без возражений.

Поэтому вместо того, чтобы лечь спать после бессонной ночи, я отправился на охоту. Мы замечательно развлеклись, фортуна не отвернулась от нас тем утром. Так получилось, что пан Конрад пролил первую кровь. Неумелый с копьем, он только испортил все дело, всего лишь ранив зубра в плечо. Потом совершенно потерял след зверя и, в конце концов, заблудился сам. Зверя прикончил я, а граф Ламберт нашел нашего павшего духом Конрада.

Я пропустил пир тем вечером — заснул на кровати, даже не сняв доспехов. Однако в полночь уже стоял на часах, ни на минуту не опоздав.

Буквально через час за мной пришел пан Бодан, который и приказал мне явиться для разговора к князю Хенрику в его собственные комнаты.

Я еще никогда не встречался наедине с особой королевского рода, поэтому, когда стучал в дверь, коленки у меня тряслись от страха.

— Входи, мальчик мой. Присаживайся и выпей со мной чашу вина.

Князь был очень пожилым, почти древним старцем — ему, наверное, исполнилось лет семьдесят. Лицо покрылось морщинами, трещинами и загаром, густые белые волосы ниспадали на широкие плечи, а огромная белая борода свисала до самого тщательно выделанного пояса. Одежда из пурпурного бархата была украшена вышивкой из настоящей золотой нити.

С другой стороны, Хенрик не производил впечатления хилого щеголеватого старикашки. Его манера держаться

выдавала силу характера, руки, несмотря на годы, сохранили крепость, а глаза... глаза видели все на свете!

— Благодарю вас, ваша светлость.

Я поклонился ему по-славянски, опустившись на колени и коснувшись лбом пола.

— Встань, встань, дитя мое! Не стоит придерживаться формальностей, когда мы наедине. Я предлагал тебе сесть.

Я так и сделал, а князь Хенрик наполнил огромную золотую чашу вином из серебряного кувшина. Потом сделал большой глоток и передал чашу мне. Я последовал его примеру, потом поставил опустевший сосуд на стол.

— Прекрасно, ты пьешь так же умело, как и твой отец. Если ты вышел хоть вполовину таким, как он, то я еще дождусь великих дел от тебя, — с этими словами князь снова наполнил чашу.

— Я постараюсь, ваша светлость.

— Конечно, постарайся. Я знаю, как трудно жить, будучи сыном великого отца. Я помню его в битве при Фулнеке. Моравцы превосходили нас вдвое, но пан Ян сумел повести наше войско в атаку и рассечь их порядки надвое. Кажется, что все это происходило только вчера... Он поразил их первого рыцаря копьем, пробил щит, доспехи и грудь. Потом поскакал дальше и несколькими минутами позже сломал свое копье о второго рыцаря, выбив его из седла и оставив погибать под копытами польских лошадей. Потом вытащил меч и начал расчищать дорогу, размахивая клинком во все стороны, а его люди расширяли проход в рядах противника. Твой отец пробился сквозь вражеские порядки и выиграл для всех остальных время, нужное для перестройки рядов, после чего мы обошли моравские полки с флангов и смяли их, как клочок пергамента! И победа стала нашей!

— Я слышал, в той битве отца серьезно ранили...

— Да. Это произошло еще до твоего рождения, не так ли? Я видел, как грязный крестьянин загнал дротик прямо ему в живот. Долгое время я опасался за жизнь пана

Яна, но забота твоей матери и выдержка помогли ему выкарабкаться. Знаешь, я запомнил того крестьянина, и когда он оказался среди захваченных в плен, отпустил всех, кроме него. Повесил негодяя за его мерзостное деяние... Ах, ты настолько похож на своего отца, что мог бы сойти за его близнеца, если бы не возраст. У тебя его сноровка — я, к сожалению, пропустил твой сегодняшний финальный удар, но зато видел тушу убитого зубра. Единственный выпад — прямо в сердце зверю, разъяренному неловким ударом пана Конрада.

— Ваша милость, я слышал, что пан Конрад до этого никогда не участвовал в охоте.

— Да, мне тоже говорили подобное — странно, не правда ли? Рыцарь, которому оказалось под силу сокрушить неуловимого разбойника, пана Райнберга, и одновременно стереть с лица земли всю его шайку, но который при этом никогда не охотился на зверя! Расскажи, что ты думаешь о нем?

— Трудно сказать, ваша милость... Пан Конрад наполовину герой, наполовину ребенок; наполовину ремесленник, наполовину поэт; наполовину колдун, наполовину святой! Все, что я могу сказать, так это что мне он нравится, и я доверяю ему.

— Скажи-ка, если бы ты мог, ты остался бы с ним?

— Ну... да, ваша светлость, если это не повредило бы моему долгу и чести.

— Итак. Ты не был на вечернем пиру... — князь Хенрик поднял руки, когда я начал было оправдываться, — я знаю, что ты поступил правильно. Твой долг заставил тебя пропустить торжество, чтобы достойно выполнить службу. Твой поступок достоин благородного мужа. Но знай, что во время пира граф Ламберт даровал часть своих земель пану Конраду. Последний отбудет в свое новое поместье на рассвете, и я хочу, чтобы ты отправился вместе с ним.

— Но, ваша светлость... Мой долг здесь...

Черт возьми, я не мог сказать ему об Анастасии!

— Пусть тебя это не беспокоит. Я улажу дела с твоим отцом и Ламбертом.

— Но чем я смогу послужить вам?

— Если честно, мой мальчик, я и сам пока не знаю. Мне тоже непонятен пан Конрад. Он может стать и величайшим добром, и величайшим злом для Польши. Я только чувствую, что мне будет лучше, если рядом с ним окажется надежный рыцарь, который и от неприятностей оградит... и передаст мне информацию, какая, по его мнению, представляет интерес.

— Ваше желание — закон для меня, ваша милость. Я буду выполнять свой долг до самой смерти, если понадобится.

— Я уверен в тебе, мальчик мой. Кровь отца течет в твоих жилах. Но запомни, тут у нас был секретный разговор. Никто не должен знать ни слова из него, кроме твоего отца. А теперь отправляйся спать. Завтра тебя ждет поездка.

Итак, мое пребывание в Окойтце внезапно закончилось, и когда в следующий раз я увижу Анастасию, у нее наверняка уже будет муж-крестьянин и куча чумазных детишек, копошащихся в золе у дымящего очага.

Я не пошел сразу в свою опочивальню, а направился в трапезную. Остатки угощения после пира еще не успели убрать. Я нашел почти полный кувшин вина, взял чашу и немного холодного мяса. Ужин в одиночестве как раз соответствовал моему настроению. Разлука всегда приносит печаль.

Когда я добрался до опочивальни, уже прозвучал удар колокола. Я сбросил доспехи прямо на пол, забрался в кровать и обнаружил там Анастасию. Через мгновение мы уже плакали друг у друга в объятиях.

— Пан Владимир, — рыдала она, — я не хочу покидать вас.

Вот и вся секретность нашего разговора с князем Хенриком, подумал я. Девушки всегда все узнают первыми.

— И я не хочу покидать тебя, любовь моя.

— Любовь моя?.. Вы никогда еще так меня не называли...

— Возможно, потому, что до этого момента не осознавал, насколько сильно я люблю тебя.

— О-оооуу! Неужели вы не понимаете, что это только делает мне больнее!.. Ну почему мы должны поступать так, как нам кто-то приказал? Это нечестно! Почему я должна уйти от тебя, как приказывает мне Ламберт? Я не хочу никуда уезжать отсюда и от тебя!

— Минуточку, любовь моя! Это я должен уезжать, а ты — оставаться!

— Да нет же! Ламберт приказал мне ехать вместе с паном Конрадом!

Мой смех, наверное, перебудил половину замка.

— Но я тоже еду с ним!..

Наша радость не знала границ, и той ночью мы не сомкнули глаз.

На рассвете мы с Анастасией уже упаковали вещи и стояли во дворе еще до того, как там появился пан Конрад. Когда же он вышел, то оказалось, что его сопровождает Кристина и еще три девушки вдобавок. Мне показалось, что он выбрал тех девиц, которые обладали достаточно изысканными манерами.

— О, пан Конрад, я вижу, наш великодушный хозяин великолепно снарядил вас в дорогу...

— Действительно. Он сама щедрость. Но почему вы в седле?

— Я надеялся сопровождать вас и помогать охранять ваши несравненные сокровища.

— А сокровищ больше, чем вы думаете, пан Владимир. — Конрад повесил два маленьких, но тяжелых мешочка на лошадь и крепко привязал их к седлу. — Ваше присутствие, безусловно, необходимо, и я надеюсь, что вы станете моим гостем. Кстати, по-моему, не один я

нуждаюсь в вас. — Он подмигнул Анастасии, потому что, конечно, знал о наших с ней отношениях.

Девушки почли своей обязанностью расплакаться при расставании с семьями и родными домами, и Анастасия присоединилась к ним, хотя ее родители умерли уже год назад. Но через час девичьи слезы высохли и сменились веселым ожиданием путешествия.

Наша компания представляла собой пышное зрелище в то утро. Мы с Конрадом в полном вооружении на конях, наши дамы в красивых платьях на отличных верховых лошадях — и еще три добрых мула, нагруженных провизией и одеждой.

Конрад поехал впереди с Кристиной подле него, так что волей-неволей мы с Анастасией и остальными девушками оказались сзади.

После нескольких часов пути я спросил:

— Анастасия, ты не знаешь, куда мы едем?

— Конечно же, в земли пана Конрада.

— Да, но где они находятся?

— Ну, я думаю, в том направлении. — Она ткнула пальцем вперед.

Я нашел такое объяснение не слишком ясным и начал расспрашивать любимую подробнее. И с удивлением выяснил, что она не только не имела ни малейшего понятия о географии, но даже с раннего детства и не была нигде, кроме Окойтца. Ее слепая вера в меня и в пана Конрада умиляла, но мне, например, спокойнее, когда я знаю, куда направляюсь.

Наш путь пролегал через густой лес, и так как опасность быть застигнутыми врасплох там оставалась высокой, я не решался покинуть свое место в арьергарде, пока мы не выехали на открытое пространство.

Я пустил Ведовское Пламя в галоп и оказался во главе нашей небольшой колонны.

— Пан Конрад, мне надо с вами поговорить.

— Ты выбрал подходящий момент для этого. Чем могу помочь?

— Вы знаете, что я не был на пиру и не слышал, как Ламберт даровал вам земли. Куда мы направляемся?

— Очень хороший вопрос. Когда мы выехали, я сам этого не знал. И это беспокоило меня все утро. Понимаете, мне выделили огромную полосу земли в горах к югу отсюда. Там находится старая копь, где добывали уголь, и я надеюсь снова открыть ее. Но там нет ни единого здания, даже лачуги не найдется никакой, и мы навряд ли можем устроить наших девушек посреди леса.

— Ламберт дал вам земли, но не дал крестьян? Вот странно. Может, мой отец сможет одолжить вам пару дюжин людей.

— О, спасибо большое, но я терпеть не могу утруждать человека, которого даже не знаю. В любом случае в Цешине полно рабочих рук. Думаю, наилучшим выходом будет заехать туда и набрать команду рабочих-строителей, прежде чем направляться в Три Стены.

— Три Стены?..

— Мне пришло в голову именно это название, потому что луг, на котором мы будем строить, с трех сторон окружен высокими скалами. Господь Бог возвел три стены за нас. Нам осталось выстроить четвертую.

— Прекрасная мысль. Хотя... при такой скорости мы навряд ли доберемся до Цешина к ночи.

— Верно. Девушки все равно не выдержат в седле так долго. Так что, наверное, мы заедем к пану Мешко и пани Ричезе на ночь. Примерно через час покажется поляна с ручьем. Там мы устроим привал.

Речь пана Конрада всегда изобиловала живыми деталями.

На поляне мы помогли дамам слезть с лошадей, расседлали коней, разгрузили мулов и привязали всех животных, кроме Анны — кобылы Конрада, которая отказалась стоять на месте. Конрад обращался с Анной как ласковый отец с

любимой дочерью, разрешал ей скакать по лесу вокруг поляны. Он дважды обежала поляну и вернулась попить воды и пощипать травки. Я знаю, что на кобылу просто повлияла горячка бега, после которой она никак не могла успокоиться, но меня все равно не покидало ощущение, будто лошадь искала возможную засаду.

Я отогнал наваждение и повернулся к остальным, ожидая увидеть, как дамы готовят обед, но на самом-то деле они едва двигались. Конрад сам занимался заготовкой дров, и через довольно короткий промежуток времени на поляне запылал веселый костерок. Казалось, Конрад наслаждался работой и гордился своим умением рубить деревья: он никому не предложил помочь ему.

И все же вид мужчины, занимающегося женской работой, смутил наших девушек до такой степени, что они, хромая, поспешили перехватить у него инициативу и сами занялись приготовлением обеда. Конрад остался не у дел и прилег на траву рядом со мной.

Некоторое время мы молчали, потом я попросил:

— Поделитесь своими мыслями, друг мой.

— Ну, я думаю об этой угольной шахте. Она заполнена водой, и нам понадобится что-то вроде насоса, чтобы выкачать ее.

— Еще одна из ваших ветряных мельниц?

— Не думаю, что она поможет. Луг окружен достаточно высокими скалами с единственным небольшим проемом между двумя утесами. Там не будет достаточно ветра.

— Место, по-видимому, хорошо защищено.

— Да, в этом его преимущество. Но осушение этой копи может стать серьезной проблемой. Сила ветра в качестве помощника исключается. Там нет реки, значит, энергия воды тоже отпадает. Тягловая сила животных? Местность густо поросла лесом и пройдет слишком много лет, пока мы сможем выращивать достаточно съедобных растений. Ввоз корма для лошадей или быков влетит нам в копеечку. Но, если

у нас появится уголь, я думаю, мне удастся соорудить грубый паровой двигатель. Поршни, цилиндры, паровые котлы с высоким давлением изобретут еще очень не скоро, но, может быть, конденсаторный паровой двигатель...

— Пан Конрад, я опять потерял нить ваших рассуждений. Пожалуйста, объясните, как это возможно выкачать воду с помощью пара.

— Давайте посмотрим... Я уже говорил, что все вещи существуют в трех состояниях — твердом, жидком и газообразном. Если вы достаточно нагреете твердый предмет, он начнет плавиться. Если вы достаточно нагреете жидкость, она начнет кипеть.

— Это естественно.

— Прекрасно. Теперь дальше, вещество в газообразном состоянии обычно гораздо более рассредоточено, чем жидкое. То есть заданное количество материи занимает больше места.

— Поверю вам на слово.

— Вам не надо верить мне на слово. Вы это сами наблюдали. Вы видели, как кипит вода в котле. Посмотрите туда, где девушки готовят обед. Пар выходит из котла и поднимается над ним. Более того, этот пар когда-то был водой, что подтверждается снижением уровня воды в посудине ровно настолько, сколько образуется пара.

— Я сказал, что верю вам! — воскликнул я, вскакивая.

— Ты сказал, что веришь мне на слово! То, что я тебе рассказываю, — это наука, ее не надо принимать на веру! Каждый шаг в рассуждениях нужно проверять прямым наблюдением. Я пытаюсь научить тебя понимать окружающий мир и обращаться с физической вселенной. Я не пытаюсь научить тебя религии! Это не моя задача!

— Извините, пан Конрад. Пожалуйста, продолжайте.

Какой, однако, темперамент! Наверное, он пьет недостаточно вина.

— Нет, это я должен принести свои извинения, пан Владимир, на самом деле в науке есть что-то от религии. Понимаете, Бог создал все живое и неживое, все существующее. Он Сам — великий замысел, главный оформитель, главный инженер. Когда мы изучаем мир вокруг нас, мы изучаем Его работу, Его мысли. Игнорировать это или верить на слово простому смертному — все равно что богохульствовать.

Я улегся обратно на траву.

— Вот это замечательная мысль! Как будто возможно исследовать мышление Господа, наблюдая за его творениями — точно так же, как я изучал ваше мышление, рассматривая ваши прялки и ткацкие станки. Непостижимо!.. Думаю, мне понадобится много времени, чтобы примириться с этим положением.

Несколько минут мы наслаждались тишиной, потом дамы позвали нас обедать. Они все еще с трудом передвигались, на их лицах я не заметил ни единой улыбки.

— Почему носы повесили? — осведомился я.

— Любимый, меня тревожит вовсе не нос, а немного иная часть тела, — ответила Анастасия.

— Ну, веселей! Мы приедем к пану Мешко всего через четыре часа.

— Еще четыре часа!.. — прозвучал общий стон пяти женщин.

— Мне очень жаль, — продолжил я, — но мы ничего не можем поделать. Вся проблема в этих ужасных седлах, которые вы почему-то до сих пор используете. Это самая глупая вещь, которую можно вообразить — после вымени у жеребца. Ездока в седле не держит ничего, кроме благих намерений лошади, а последней я бы не стал доверять ни при каких обстоятельствах. Только посмотрите на это приспособление! Женщина должна соорудить на правом колене петлю, затянутую так, чтобы конечность наверняка онемела, потом просунуть левую ступню в непонятное подобие стремени, а правую — под левое колено, что тоже не при-

бавляет комфорта. По-моему, главное назначение этих пут — позволить женщине ехать верхом в платье и одновременно ломать собственное тело.

— Ну и что же нам тогда делать?

— Не спрашивай, любовь моя. Я здесь только в качестве воина и любовника. За технические приспособления у нас отвечает пан Конрад.

К Конраду повернулось пять пар глаз.

— Так это же очевидно. Наденьте штаны и садитесь на мужское седло.

— Это возмутительно! — высказалась Кристина. — Одна только мысль о том, что даму увидят в мужской одежде...

— Ты сама ответила на свой вопрос, девочка моя. Ключевое слово «увидят». Сшейте что-то внешне похожее на женское платье, но функционирующее как мужские штаны.

— О... я не понимаю.

— Возьми одно из своих платьев, разрежь юбку спереди и сзади снизу вверх, потом между двумя половинками вшей матерью. Если постараться, то сможешь скрыть место шва и спокойно сядешь верхом на лошадь.

Девушки посмотрели друг на друга выжидающе, потом их лица осветили улыбки.

Внезапно Кристина опомнилась:

— А как же его надевать?

— Ну... можно разделить платье на две половинки — верхнюю и нижнюю, юбку и блузку, или можете разрезать платье спереди и застегивать на пуговицы, наподобие моей рубашки.

Улыбки снова расцвели.

— Так мы никогда не доберемся до пана Мешко. Девушки, быстро помойте и упакуйте посуду, пока мы будем седлать лошадей.

Солнце все еще стояло высоко, когда мы прибыли на место. Пана Мешко не оказалось дома, он где-то упражнялся в фехтовании, но пани Ричеза достойно встретила нас.

Ее с легкостью можно назвать самой обходительной и грациозной женщиной во всем христианском мире. Она была неблагородной по происхождению, как и моя Анастасия, и, осматривая ее ухоженный дом, я видел перед собой мое будущее хозяйство. Но пан Мешко тоже крестьянин от рождения, его посвятили в рыцари на поле боя за доблесть. У него не было героя-отца и двадцати поколений знати за спиной.

Пан Конрад завел разговор с пани Ричезой.

— Да, пан Конрад, Греч прибыла без приключений, девушка просто чудо! Эта ваша новая математика действительно замечательная вещь. Я не сомневаюсь, что к Рождеству у нас появится дюжина новых учительниц.

— А что со школами?

— Все в порядке. В восьми деревнях уже достаточно школ, и, думаю, к зиме проблема будет не в них, а в нехватке образованных преподавателей.

— Дюжина за первый год — это даже больше, чем я надеялся. Учебники?

— Мы уже приступили к делу и приобрели первые экземпляры в Цешине. Но, судя по тому, как все продвигается, четыре дюжины ко времени нам не собрать.

— Неприятно. Были какие-нибудь вести от отца Игнация?

— Еще нет. Но у нас возникли проблемы с поиском купца, который бы направлялся в Краков.

— Так. Если не будет никаких вестей еще несколько недель, попытайтесь найти профессионального писца в Цешине.

— Но их услуги очень дороги, пан Конрад. Мы и так выбиваемся из бюджета.

— Ну, превышение бюджета не так страшно, как провал всего проекта. Нам нужны книги.

— Извините, пан Конрад, — встрял я, — о чем идет речь?

— Пани Ричеза и я организуем систему школ. Следующей зимой у нас будут работать около дюжины школ с Рождества до весеннего посева.

— Школы?.. Учить чему? Кого? Зачем?..

— Да, школы! Чтение, письмо и арифметика — для начинающих. Для людей Ламберта. А преподают добрые девушки пани Ричезы.

— Крестьянам? С какими-то крестьянскими девушками в качестве учителей?

— Пан Владимир, можно вам напомнить, что вы проявляете все признаки влюбленности по отношению к недостойной крестьянке? Что вы находитесь под крышей дома человека, который родился среди этих несчастных, обделенных судьбой людей? И, если уж на то пошло, самое важное дело в жизни женщин — это рождать и растить детей, что, кстати, включает и их образование, а мы, мужчины, можем только помогать им в этом по мере своих сил. А теперь сейчас же извинитесь перед пани Ричезой.

Черт, черт, черт! Но я поклялся защищать этого человека. О том, чтобы завязать с ним драку, не могло быть и речи. Мне оставалось только извиниться.

Я только начал это делать, когда вошел пан Мешко, и Конрад поспешил поприветствовать его.

— Пан Мешко! Поздоровайтесь со своим новым соседом!

— Что?.. Пан Конрад! О чем это вы?

— Граф Ламберт даровал мне земли, примыкающие к вашим.

— Поздравляю! Но... это может быть только гористая местность. Там нет пригодной для пашни земли.

— Ваша правда. Но я планирую делать из угля и известняка известковый раствор, потом заготовлю немного леса и, возможно, выращу пару овец.

— Ну, это может сработать. Но как вы собираетесь кормить своих людей?

— Очевидно, мне придется закупать продукты, и это одна из причин, почему я хотел поговорить с вами. Надеюсь стать вашим лучшим клиентом.

— Да, я лучше буду иметь дело с вами, пан Конрад, чем с каким-нибудь венгерским купцом, но нам следует все обговорить. У меня тут появилась новая бочка пива, которую надо бы оприходовать. Пойдем в мою комнату.

Пани Ричеза завязала оживленный разговор с Кристиной, остальные девушки окружили их. Вскоре все дамы переместились на кухню. Я думал, меня совсем бросили, но нет. У меня оставалась моя Анастасия.

ГЛАВА 3

На следующий день, по дороге в Цешин, я сказал:

— Пан Конрад, вы говорили о паровых машинах...

— О конденсаторных паровых двигателях. Да?

— Расскажите мне, как они действуют? Вы когда-то видели подобные устройства?

— Ну... я видел похожий двигатель в музее, но это не то, что нам нужно. Понимаешь, там есть ствол шахты, который наклонен под углом сорок пять градусов, — заметив выражение моего лица, он нарисовал в воздухе угол так, чтобы я понял, — и я не знаю, насколько велика должна быть труба в длину, но думается, мне удастся собрать более простой механизм, который тоже будет работать.

— Вы правы, я видел бревно на шагающем ходу, и мне оно не показалось простой штукой.

— Неужели? Где?

— В соляных копиях, в Кракове.

— Пан Владимир, мы обязательно посетим это место. Но вернемся к моему двигателю. Представь себе брус с двумя отверстиями снизу и одним — сверху. Одно из нижних отверстий снабжено клапаном, который позволяет воде проникать внутрь, но не дает ей вытекать наружу. От него же отходит длинная труба, конец которой находится в воде. Второе нижнее отверстие тоже имеет трубу — скажем, длиной ярдов в восемь, — ведущую к другому брусу с другим

клапаном снизу, который впускает и не выпускает воду. Эти клапаны можно сделать из простых кусочков кожи, свободно прикрывающих отверстие.

— Я примерно представляю, о чем вы.

— Прекрасно. К верхнему отверстию каждого бруса мы подводим трубу от котла — то есть большого котелка с хорошей крышкой. Между котлом и каждым брусом у нас есть клапан, закрывающийся и открывающийся только с нашей помощью. Все еще поспеваешь за мной?

— Да.

— Замечательно. Теперь мы открываем паровой клапан, и нижняя труба наполняется паром. Воздух в трубе вытесняется в верхнюю трубу.

— А... ну да. Под котлом горит огонь.

— Конечно. Теперь закрываем паровой клапан. Пар в нижней трубе охлаждается и превращается обратно в воду, которая занимает гораздо меньше места, чем пар. Клапан в верхней трубе не даст воздуху поступить обратно, поэтому в нижнюю трубу всасывается вода, занимая освобожденное место.

— О...

— Ты когда-нибудь пил через соломинку?

— Соломинку?.. Нет, но однажды, когда я болел, мать заставила меня пить горячее пиво через перо цапли.

— Это одно и то же. Пока наполняется нижняя труба, мы освобождаем верхнюю от воздуха тем же способом, как и нижнюю. Когда нижняя труба наполнилась, открываем нижний паровой клапан и закрываем верхний. Я, кстати, сейчас подумал, что обоими паровыми клапанами можно управлять с помощью одной ручки. Вода переливается из нижней трубы в верхнюю и поднимается на шестнадцать ярдов. Закрытие паровых клапанов повторяет процесс. Вообще-то я не знаю, насколько глубока та шахта, но наверняка больше шестнадцати ярдов. Почему бы нам не надевать много труб, каждая из которых будет снабжать водой

трубу над собой? Нам понадобятся только две паровые линии, одну для четных и одну — для нечетных труб.

— Вот здорово, пан Конрад!..

Некоторое время мы ехали молча, пока я переваривал информацию. Потом я сказал:

— А зачем нам надо много труб? Почему бы не сделать просто одну длинную?

— Есть предел всасывающей способности. Я сказал «всасывается», потому что это легче себе представить. В действительности воду втянуть невозможно. Жидкости не имеют прочности при растяжении. На самом деле мы просто понижаем давление в трубах и позволяем атмосферному давлению вытолкнуть воду на поверхность.

— Атмосферное давление?..

— Да, представь себе, что мы живем на дне океана из воздуха...

— На дне океана!..

Да, иногда Конрад заходит слишком далеко.

— Из воздуха. Ну же, Владимир. Неужели ты будешь сомневаться, что тебя окружает воздух? А что же тогда такое ветер, как не движение воздуха? Что же ты тогда вдыхаешь?

— Ну... да. Но я никогда не размышлял об этом в таком смысле.

— Ладно. Далее, воздух имеет определенный вес и...

— Эй! Вы опять за свое! Если бы воздух что-то весил, разве не упал бы он вниз?

— А?.. — переспросил Конрад.

— Он же в воздухе, не так ли? Или, наверное, лучше сказать просто «вверху», понимаете. Если он что-то весит, ему следует упасть!

— Но... он действительно упал. Он же на Земле, правда? Он же не улетел на Луну?

— Откуда мне знать, черт возьми?

— Ну, не улетел он. Если ты отправишься на Луну, тебе придется взять с собой воздух.

— Если я отправлюсь на эту чертову Луну!.. Черт возьми, пан Конрад, я пытаюсь вести с вами нормальную беседу. Мы разговариваем о возможных способах выкачать воду из затопленной шахты. Я, наверное, и не так образован, как вы, но я все же не идиот и не ребенок, чтобы меня кормили сказками про драконов и про путешествия на Луну.

Девушки остались далеко позади, спор заставил нас прищипорить коней. Некоторое время мы ехали в тишине, пытаясь успокоиться. Потом пан Конрад сказал:

— Ладно, извините, пан Владимир. Я не собирался оскорблять вас. Мы обсуждали атмосферное давление. Давайте представим, что вы идете по дну озера... нет! Беру свои слова обратно. Представим, что черепаха ползет по дну озера.

— Так лучше, — заметил я.

— Итак, черепаха не может поднять голову и увидеть воду над собой, да? Но мы-то знаем, что вода имеет вес, всегда течет сверху вниз и скапливается в самой нижней точке. Правильно?

— Понимаю. Получается, что если бы я стоял на верху мира, как ангел, то увидел бы вас, едущего по дну океана из воздуха.

— Прекрасно сказано, пан Владимир. Дальше. Воздух очень мало весит, но глубина его достигает нескольких миль. Так что вес его на один квадратный метр составляет около десяти тонн. Эй, не взрывайтесь снова!..

Я ответил с некоторой покорностью:

— Моя спина — это примерно половина квадратного метра. Объясните же мне, почему я с легкостью ношу на спине пять тонн воздуха, когда всего лишь одна тонна камня размажет меня в лепешку?

Пан Конрад поскреб подбородок, скривился при виде появившейся под ногтями грязи и пробормотал:

— Две недели без ванны.

Потом сказал громче:

— Воздух давит одинаково со всех сторон. В то время как он давит на тебя сверху, он точно так же давит и снизу. Таким образом, две силы уравнивают друг друга. Давление сверху равно давлению снизу, поэтому ты ничего не чувствуешь.

— На меня навалилось несколько тонн сверху и столько же снизу, да плюс несколько тонн со всех сторон?! Если бы это была правда, я давно превратился бы в мокрое пятно.

— Без атмосферного давления вы точно умрете. Можете думать, что вас уже размазало, что вы, пан Владимир, привыкли к своему размазанному состоянию.

— Моей матери не понравилось бы такое предположение. Вот в таком стиле мы и проговорили все утро.

Беседа с паном Конрадом может отключить разум не хуже венгерского вина! Единственной моей победой было следующее: Конрад подумал, будто шагающее бревно — это брус, который передвигается сам по себе, в то время как в действительности человек передвигается по брусу. Маленькая победа, но она не позволила моей гордости рассыпаться в прах.

В полдень мы прибыли в Цешин. Я было направился к замку, как всегда привык поступать, но пан Конрад повернул к корчме «Розовый дракон».

— Нас-то с вами, пан Владимир, в замке примут с распростертыми объятиями, — шепнул он мне, — но не де-вушек.

По-настоящему мудрое решение.

Я слышал, что пан Конрад владеет «Розовым драконом», и ожидал, что корчма окажется загроможденной разными техническими приспособлениями. Меня ожидал сюрприз. На здании висела огромная деревянная вывеска, выкрашенная так же ярко, как статуи в церквях. На ней был изображен толстый розовый дракон с наполненным пивом кувшином в лапе, зверь пристально смотрел на маленького розо-

вого же зайчика явно женского пола. Грызун странных пропорций улыбался дракону.

У дверей нас встретил Тадеуш, хозяин корчмы — огромный мужчина, круглый, как шарик, с длинной бородой и в чистом белом фартуке. Несмотря на его вес, двигался он с завидной скоростью.

— Пан Конрад!.. Добро пожаловать, ваша светлость! Какое счастье увидеть вас снова!

— Я тоже рад тебя видеть, Тадеуш.

— Этот благородный юноша и прекрасные пани — ваши гости, милостивый пан?

— О да. Они будут жить здесь за счет корчмы.

Мне эта фраза принесла большое облегчение. Понимаете, мой отец почти что бедняк, его расходы в последние годы превысили допустимые пределы. Он не только снабдил троих сыновей лошадьми и доспехами, но и собрал деньги на семь огромных приданых, чтобы выдать замуж шесть моих сестер. (Так получилось, что один из перспективных кузенов имел наглость уронить часть его приданого в реку Одру, когда плыл на лодке. Он попытался выловить мешок, но, к несчастью, в тот момент был в полном вооружении. Или к счастью, потому что если бы он не утонул, ему пришлось бы принять менее достойную смерть от руки моего отца. Наверное, у каждой семьи есть парочка скелетов в шкафу.)

Как бы то ни было, мой отец не видел возможности снабжать деньгами сына, который остался в холостяках. Мои услуги пану Ламберту считались выполнением долга по отношению к феодалу и, соответственно, не оплачивались. Князь тоже не предложил мне денег, а я не мог поднять столь деликатный вопрос в разговоре с высокопоставленной персоной.

В результате в моем распоряжении оставалось только девять гривен, которых было бы достаточно для оплаты ужина и комнаты на одну ночь. А потом... ну, наверное, меня

приняли бы в замке Цешина — жена графа Германа приходится троюродной сестрой моей матери. К тому же, поскольку мой отец — один из одиннадцати выживших детей его родителей, а мать — одна из семнадцати, поблизости всегда находится родственник, радующийся любой компании. Я однажды вычислил, что смогу четыре с половиной года провести, разъезжая по гостям, не тратя при этом ни гривны, не посещая ни одного из родственников дважды и не оставаясь в замке свыше соответствующего приличиям срока. Моя семья, возможно, и не самая богатая и высокородная, зато мы очень плодovиты.

Князь, однако, приказал мне оставаться с паном Конрадом, а это оказалось бы затруднительным, не оплати Конрад мои расходы.

Пан Конрад и я слезли с коней и помогли девушкам спуститься на землю. Полдюжины мальчишек-конюхов сразу же увели животных в стойла.

— Вычистите их и хорошенько накормите! — закричал им вслед Тадеуш. — Слышите, хорошенько!

Конрад остановил мальчишку, уводившего его лошадь, снял с седла маленькие тяжелые мешочки и повесил их на плечи корчмаря, который заметно осел под их тяжестью.

— Проследи, чтобы их поместили в надежное место, Тадеуш, и сделай что-нибудь с нашим багажом.

Конрад представил свою компанию, но корчмарь становился все более раздражительным.

— Но вы не предупредили меня, что приедете, ваша милость.

— Естественно, я не мог позвонить тебе заранее.

Корчмарь запнулся и проглотил странное выражение, наверное, он больше привык к манере разговаривать своего хозяина.

— Ваши дела процветают, мой господин. Корчма полна народа.

— Это хорошо!

— Что ж тут хорошего, когда я не могу предоставить моему господину и его гостям по отдельной комнате?

— Хорошо, что наша корчма процветает...

В то время меня шокировало то, с какой легкостью Конрад использовал множественное число, как если бы был королем, но потом, хорошенько узнав его, понял, в чем дело. Он на самом деле полагал, будто корчма принадлежала одновременно и ему, и корчмарю. Конрад считался владельцем корчмы, а корчмарь управлял ею. Таким образом, она принадлежала «им». Он действительно думал так.

— Нам не всем нужны отдельные комнаты, — тем временем говорил Конрад, почесывая грязную шею. — Как насчет комнат, которые ты должен был держать специально для меня?

— Так ведь ими пользуется ваш счетовод Петр, мой господин. А! Знаю! Эти купцы из Праги! Я их выставлю вон. Мне в любом случае никогда не нравились чехи!

— Эй, не вздумай этого делать! Если мы сдали им комнаты, значит, они принадлежат им. Давай так, на сегодняшний вечер поместим Петра с конюхами, найди вторую кровать и поставь ее в комнату для пана Владимира и Анастасии. Три девушки могут переночевать со служанками.

— О, мой господин! Некоторые из этих девушек желают работать служанками в корчме?

— Боюсь, они не совсем подходят для этого. А теперь мне нужна большая чаша с пивом и теплая ванна перед ужином.

Позже я узнал, что для того, чтобы стать служанкой в корчме «Розовый дракон», девушке необходимо сохранить нетронутой свою девственность. Моя же Анастасия потеряла ее много месяцев назад.

Несмотря на то, что солнце еще стояло высоко, в общем зале корчмы народу набилось битком. После тихого слова в сторону группы молодых людей со стороны корчмаря первые быстро заулыбались, поклонились и освободили нам

стол. Кажется, они работали в литейной, которая также принадлежала Конраду.

Две шустрые служанки быстро вымыли стол и принесли нам кувшины холодного пива из кладовых. Девушки были невероятно красивы и совсем уж неприлично одеты.

Если начинать снизу, я бы сразу заметил, что они носили туфли на очень высоком каблуке — в два или даже три моих пальца. Платьями девушки пренебрегли, а вместо них надели прилегающие к телу тряпочки, которые еле прикрывали их грудь и другие сокровенные места тела. Сзади абсурдного предмета одежды находился нелепый комок перьев, что-то вроде заячьего хвоста. Ноги их прикрывали очень узкие штаны из тончайшего материала, которым впору ловить мелкую рыбу. На шее и запястьях красовались полоски ткани — похожие на оковы и ошейники, а на голове — странная шляпа, напоминающая заячьи уши. Вот и весь наряд.

Я уставился на эти прекрасные видения и смотрел бы, не отрываясь, довольно долго, если бы Анастасия не пнула меня в голень, причем весьма ощутимо.

Конрад не потрудился сесть, когда нам принесли пиво. Он всего-навсего опустошил свой кувшин одним махом и скомандовал:

— Под душ, — и с этим пошагал к задней двери корчмы.

— Он может вызвать ливень? — спросила одна из наших девушек, Наталья, между большими глотками пива.

— Нет, — ответила Кристина, — он всего лишь приглашал нас в баню.

— О, замечательно! Мне так не доставало старой доброй бани!

В замке графа Ламберта была сауна, которую использовали зимой, а летом все довольствовались ближайшей речкой с заводью для купания. Однако бани там отродясь не водилось. Девушки уже достаточно наслушались рассказов Кристины о том, как здорово отмокать в чане с горячей водой, поэтому с готовностью поспешили за Конрадом.

Я оказался позади всех, но проявил достойное восхищения благоразумие и прихватил с собой кувшины с пивом, оставшиеся на столе.

Баня представляла собой отдельное от корчмы строение, примыкавшее к черному ходу. Конраду она не принадлежала, однако он заключил специальное соглашение с владельцем, которое предусматривало особые привилегии для слуг и гостей корчмы. Мы заплатили за посещение бани чисто символическую сумму в медных деньгах.

В бане придерживались традиционных взглядов — мужчины и женщины мылись вместе. В некоторых больших городах существует увлечение разделением полов в парной. Дурацкое нововведение, оно только портит картину. К тому же — как вы прикажете мужчине мыть собственную спину?

Когда я зашел в предбанник, пан Конрад уже выходил оттуда, оставив свою одежду и доспехи валяться по полу.

— Прекрасная мысль, — заметил он, увидев мои кувшины. — Эй, парень, сбегай принеси нам еще парочку кувшинов! И кружки!

Он исчез в темноте парилки.

Девушки, увидев, как Конрад разбросал свою одежду и доспехи по полу, естественно, пришли к выводу, что именно так все и ведут себя в бане. Кожу и железо погребли под собой чулки и вышивные нижние юбки.

Мое оружие и доспехи стоили в три раза больше суммы, звеневшей в моем кошельке. Обращаться с ними таким неподобающим образом показалось мне святотатством, но я все равно последовал примеру остальных — чтобы не выделяться.

Когда я уже закончил раздеваться, в предбанник вошла старая служанка, покачала седой головой при виде беспорядка и принялась складывать вещи. Я хотел было приказывать ей обращаться с моим снаряжением как можно аккуратнее, но не стал этого делать, побоявшись, что она потребует вознаграждения за услугу.

В самой бане окон не оказалось: помещение освещали две масляные лампы, к которым надо еще привыкнуть, пока начнешь хоть что-то различать в их свете.

— Так-так, — произнес голос, который я почти узнал, — они, кажется, стали впускать сюда кого попало.

— Можно подумать, здесь публичный дом, — согласился второй смутно знакомый голос.

— С другой стороны, он действительно публичный, с разной публикой вроде нас, и это, несомненно, дом.

— Точно, — подтвердил третий голос, — и я бы сказал, не самый плохой.

— В самом деле, здесь есть пять предметов действительно лучших в своем роде.

— Неодетым девушкам следует дать право посещения любого дома, — вставил первый. — Лично я за то, чтобы издали подобный указ.

— Предложение выдвинуто, подтверждено и поддержано большинством голосов.

Было все еще слишком темно, чтобы разглядеть, кто же говорит. Напрягая зрение и пытаясь увидеть говоривших, я ударился голенью о край одного из громадных чанов, наполовину утопленных в полу.

— Да, такой неуклюжий парень. А его мать так гордится им. Двадцать лет тщательного воспитания полетели к черту.

— Все матери одинаковы. У них это врожденное. Но замечь, он оказался достаточно предусмотрительным, чтобы принести с собой пиво. Если его мудрость соседствует со щедростью, думаю, мы сможем признать его достойным членом нашей компании.

Девушки обменялись смешками, но мне показалось, что вести себя задиристо в голом виде немного неуместно. Будь я во всеоружии, мой ответ на насмешки мог оказаться болезненным, а так я попытался отшутиться:

— Я принес кувшин со стола, иначе он почувствовал бы себя брошенным. Этой самой ночью мусульманские дети

лягут в постель, умирая от жажды, поэтому грех быть расточительным.

— Знаете, — в первый раз подал голос Конрад, — моя мама использовала тот же аргумент, когда пыталась заставить меня есть овощи.

— Моя тоже, хотя о пиве она никогда так не говорила, — поделился второй. — Я все время просил ее отослать пищу несчастным детям, но она пропускала мои просьбы мимо ушей.

— Я делал то же самое, — откликнулся Конрад. — А что, все матери читают одни и те же книги?

— Моя мать вообще не умеет читать. Все же это замечательно, что Владимир принес пиво. Оно ведь могло попасть в руки какого-нибудь неводержанного алкоголика и, таким образом, послужило бы причиной свершения еще одного греха.

— Плюс парочки плотских грехов.

— Да кто же вы такие? — не выдержал я.

— Он нас не узнает! Я в отчаянии. Должно быть, все дело в куриной слепоте.

— Несомненно, вызванной постоянным любованием этими прекрасными девушками.

— Черт возьми!.. — высказался я.

— Мы из Гильдии Великих Пьющих Воинов Силезии!

— ...Убийцы драконов, искатели сокровищ, спасатели впавших в отчаяние девиц!

— Все услуги предоставляются настоящими опоясанными рыцарями.

— Никогда не слышал о такой гильдии, — признался я.

— Неудивительно. Мы основали ее только сегодня вечером. В любом случае, если даже простолюдины могут основывать гильдии с разнообразными специальными привилегиями для членов, почему нам нельзя?

— Правильно. Мы, например, объявляем монополию нашей гильдии на спасение прекрасных девушек от отчая-

ния. Итак, вы, прекрасная пани, кажется, нуждаетесь в спасении?

— Но я не в отчаянии, — возразила Наталья.

— Легко поправимо. Гжегож может все устроить.

— Гжегож! — воскликнул я. — Ты мой двоюродный брат Гжегож!..

— Парень слегка тормозит, но в конце концов приходит к истине.

— А это — второй кузен. Нам есть чем гордиться, не так ли? — сказал его брат Виктор.

— Мы все-таки одна семья, Владимир, — добавил мой кузен Войцех, — так что залазь в чан, делись пивом и представь нас своим очаровательным подругам.

Я залез. Теперь мои глаза уже достаточно привыкли к освещению, и я видел очень хорошо.

— Угощайтесь пивом, если оно нужно вам до такой степени, что вы опускаетесь до попрошайничества. К сожалению, я не могу представить вас троих своим друзьям. Понимаете, им надо поддерживать свои стандарты, которые не позволят им общаться с менее счастливыми представителями моей семьи...

— Ну, прекратите, пан Владимир. Они хорошо подшутили над вами. Не надо их за это наказывать. Панове, я — пан Конрад Старгардский.

— А я — рыцарь Гжегож Банки. Это мои братья рыцарь Виктор и рыцарь Войцех.

— *Рыцарь* Войцех? Какой дурак посвятил тебя в рыцари? — спросил я, но меня дружно проигнорировали.

— Вы тот самый пан Конрад Старгардский? Мне следовало догадаться по вашему росту, — сказал Виктор.

— Вы тот воин, который одним ударом уничтожил шайку пана Райнберга? Колдун, который творит все те странные штуки в Окойтце?

— Панове, если хотите оставаться моими друзьями, прошу вас забыть слово «колдун». Я построил текстильную

фабрику в Окойтце и соорудил пару ветряных мельниц. Что касается остального, мне просто повезло, — просветил нас Конрад.

Служанка из корчмы принесла поднос с кувшинами пива и кружками. Несмотря на то что в чанах вместе с нами присутствовали пять прекрасных нагих дам, взгляды мужчин приклеились к служанке.

Когда она ушла, Виктор спросил:

— Пан Конрад, каким образом вы научили их так ходить? Я имею в виду ее... Э... двигаться?

— Дело не в обучении. Это туфли. Чтобы ходить на высоких каблуках, приходится больше двигать бедрами.

— Надо будет раздобыть такие же, — прошептала Явальда.

Конрад засмеялся:

— Панове, позвольте мне закончить со знакомством. Это пани Кристина, пани Анастасия, пани Наталья, пани Явальда и пани Янина.

— Мы счастливы познакомиться с вами, дамы, — сказал Гжегож. — Извините меня. Я предполагал, что раз пан Конрад только что из Окойтца, то вы — одни из знаменитых ламбертских «ожидающих дам».

— В общем-то это они и есть, — заметил Конрад. — Или были. Потому что, на правах их опекуна, я только что сделал их благородными.

— Вы можете это сделать? — удивился Виктор.

— Вы хотите сказать, что не могу? — грозно спросил Конрад.

— Пан Конрад, учитывая все эти истории о вашем знаменитом мече, я бы сказал, что вы можете делать все, что вам угодно, — засмеялся Гжегож.

— Тогда решено, — объявил Конрад. — Думаю, я достаточно времени провел в чане, и вся грязь уже отстала. Кристина, если бы ты была так любезна и потерла щеткой с мылом мою спину, я вскоре ответил бы тебе тем же.

Как только Кристина принялась за работу, Анастасия завладела моей собственной спиной. Через несколько минут, после неуверенных улыбок, которыми обменивались остальные девушки и мои кузены, в бане надолго воцарилось молчание. Когда служанка вернулась, чтобы заново наполнить наши кружки, ее едва заметили.

Настроение компании становилось все веселее и беззаботнее. Судя по всему, дело должно было закончиться или сексом, или игрой, но я вовсе не хотел, чтобы мои тетушки прослышали о моем участии в публичной оргии!

Вскоре Наталья плеснула в Гжегожа водой, тот достойно ответил, и помещение наполнилось мыльной водой, когда остальные присоединились к забаве.

Когда все успокоились, Конрад перелез из одного чана в другой — с чистой горячей водой. Старая служанка, закончив с нашей одеждой, вошла, покачала устало седой головой и взяла в руки тряпку. Она вытерла пол, бормоча что-то себе под нос. Молодая служанка вернулась с новыми кружками пива, потому что прежние наполовину наполнились мыльной водой.

Остальные последовали примеру пана Конрада и полезли в чаны с чистой водой, но Анастасия намеренно приотстала от них вместе со мной.

— То, что пан Конрад сказал... — прошептала она. — Ну, о том, что мы теперь как бы все благородные дамы. Это взаправду? Я имею в виду, твои родители...

Я покачал головой.

— Это означает, что с тобой будут вежливо обращаться в корчме и вообще на землях пана Конрада. Но мои родители, особенно мама, будут смотреть с презрением на всякого, чей прадедуська был простолюдином...

После бани мои кузены приняли приглашение пана Конрада на ужин. Мы вернулись в корчму и обнаружили уже приготовленные для нас столы, которые буквально ло-

мились от еды и питья. Мы отдали должное копченой рыбе, запеченной телячьей ноге и цельному гусю. Галлоны вина и литры пива смыли в желудки огромное количество хлеба и сыра. Наверное, только у моего дяди Феликса стол лучше, чем в корчме пана Конрада.

К тому же нам не пришлось идти на рынок и самим покупать продукты, из которых приготовили бы блюда в корчме, как это обычно бывает. Здесь все делали сами слуги, причем не только для нас, но и для всех остальных посетителей. Корчмарь рассказал мне, что именно это нововведение пана Конрада и повлияло — по крайней мере наполовину — на их процветание. Покупая большое количество продуктов, он мог приобрести самое лучшее по самой низкой цене.

— Более того, — продолжал Тадеуш, — мне нужно приготовить для гостей только полдюжины блюд, чтобы удовлетворить запросы гостей, а это освобождает поваров от излишних усилий.

— Но откуда вы знаете, сколько готовить? — поинтересовалась Кристина.

— Пани, мы примерно знаем, сколько может съесть каждый гость. Вообще-то наши свиньи иногда получают лучшую пищу, чем заслуживают, но не так часто. К тому же служанки стали мастерицами по части уговаривания посетителей приобрести то, чего у нас в избытке.

Я засмеялся.

— Думаю, эти девушки легко смогут подать человеку собачью кость, а тот и не заметит, что ест!

— Гм... интересная идея, но боюсь, пан Конрад ее не одобрит.

— Нет, пан Конрад не одобрит, — подтвердил пан Конрад. — Значит, вы скармливаете оставшуюся еду свиньям? Так не пойдет. Завтра поговори с отцом Томашем и выясни, можно ли устроить так, чтобы остатки пищи попадали к нуждающимся беднякам. Не давай им ничего, что ты бы не стал есть сам... но все-таки здесь много голодных людей.

Я отвлекся на приватную беседу с Анастасией и потому вскоре потерял нить разговора. Когда я вернулся, пан Конрад зачитывал с листа:

— ...две дюжины плотнических молотков, две дюжины молотков для каменщиков, три дюжины деревянных долот, дюжина тачек, две дюжины...

— Пан Конрад, — прервал его я, — о чем это вы говорите? И что такое тачка?

— Тачка — это такая тележка с единственным колесом.

— Одно колесо?.. Почему же она не падает?

— Упала бы, если бы ее не удерживал человек.

— Бессмыслица какая.

— Когда увидишь тачку, поймешь, что я имел в виду. Ну-ка, посмотри на этот список инструментов, которые мне надо приобрести. И скажи, если я что-нибудь забыл.

— Инструменты? Зачем вам покупать инструменты? — удивился я. — Если вы наймете рабочих, они принесут свои собственные.

— Правда? Я не знал об этом.

— Тогда, наверное, вы еще кое-чего не знаете, пан Конрад, — встрял мой кузен Гжегож, — а именно то, что рабочий со своими инструментами стоит вдвое дороже, чем его коллега без оных. Если вы планируете какое-то строительство...

— Нам нужно возвести город, со стеной и шахтой, которую надо возвратить к жизни, и...

— Тогда вам лучше самому предоставить инструменты. К тому же свое собственное оборудование вы явно улучшите с помощью вашего знаменитого укрепляющего процесса, о котором мы все столько слышали.

— Конечно.

— Значит, инструменты будут гораздо лучше, чем любые из арсенала рабочих. В Цешине настали не самые лучшие времена. В прошлом году мастера не потратили ни гривны на что-либо, кроме еды, да и стол их не ломился от яств.

— Тяжко, да?

— Печально видеть оборванных, голодных мужчин и несчастных женщин.

— А дети? — спросил Конрад.

— Дети? Их немного осталось. Большинство умирает в младенчестве. Но что мы можем поделать? Мои собственные крестьяне хорошо накормлены, мы поддерживаем своих бедняков, но это все. У меня не так много денег, чтобы накормить каждого бродягу в городе.

— Но ведь что-то наверняка можно сделать!

— Если вас это беспокоит, пан Конрад, наймите больше людей, чем вам нужно. Они навряд ли обойдутся вам дорого. И стройтесь себе, не скупясь.

— Хорошая мысль, пан Гжегож. Последую вашему совету.

ГЛАВА 4

Из дневника Конрада Шварца

Вскоре стало очевидно, что у меня не получится просто нанять бригаду рабочих и уехать в Три Стены. Мне пришлось нанимать их поодиночке и самому формировать группу.

Более того, у большинства мастеров не имелось собственных инструментов. Они продали их, чтобы прокормить свои семьи. То немногое, что осталось у людей на руках, пребывало в отвратительном состоянии, не говоря уже о том, что их конструкция совсем меня не устраивала.

К тому же я не мог пойти в магазин и купить все необходимое в нужных количествах. Приходилось заключать договоры, чтобы все делали на заказ, и если я хотел, чтобы инструменты оказались хорошего качества, надо было следить за процессом их изготовления. Я достал чертежные приспособления и принялся за работу.

Я начал рисовать клещи и с огромным удивлением обнаружил, что знаю более девяноста их видов. На чертежи ушло около двух дней, прежде чем я осознал, что в строительстве нам клещи не понадобятся.

Пришлось остановиться и серьезно подумать над тем, что нам точно нужно, потому что если позже выяснится, что чего-то не хватает, достать это в срок будет крайне сложно.

Мне предстояло всего-то построить пару зданий за четырнадцать миль отсюда, а чувствовал я себя, как исследователь из девятнадцатого века, отправляющийся в непроходимые джунгли.

Полезность некоторых инструментов напрямую зависит от их применения. На первый взгляд большого различия между продольной и поперечной пилой нет, но разница в их использовании огромна. Одна лучше режет ствол дерева поперек, другая — вдоль. Все дело в разном угле зубцов, но понять эту разницу можно только на практике.

Когда я наконец определил количество и дизайн требуемых инструментов, осталось только прибить лист с предложением о работе на дверь церкви. Знаю, это звучит как святотатство, но именно так здесь «опубликовывают» объявления.

Наймы на конкурсной основе не так уж часты в этих местах, и многие плотники отказались участвовать в конкурсе. Это противоречило заведенным обычаям. Они, видите ли, рабочие, а не купцы.

Я выслушал их возражения и заявил, что если они хотят работать на меня, им придется соревноваться друг с другом. В конце концов, все вышло по-моему, но сколько было потрачено усилий! Печально, что добрый социалист вынужден заниматься такими вещами.

Все это заняло много времени. Прошло целых три месяца, прежде чем я смог отправиться в Три Стены.

Однажды утром я обедал с братьями Банки и в разговоре упомянул, что на пути в Высокие Татры встретил немецкого рыцаря, который нанес мне удар по голове. А через месяц после этого во владениях пана Ламберта меня атаковал еще один немец. А еще через день на меня напала целая банда немцев!

— Такое чувство, что здесь настоящее нашествие этих чертовых немцев! — пожаловался я.

— Выбирай выражения, — предупредил пан Гжегож. — Ты разве не знаешь, что бабушка по отцовской линии князя Хенрика была немецкой принцессой? Что и его мать — немецкая принцесса? Что и жена его — немецкая принцесса? И что жена молодого Генриха — тоже немецкая принцесса?

— Нет, не знал. А что это они все как один на немках женятся?

— Не могу сказать точно, конечно, но думаю все дело в том, что немецкие принцессы приносят приданое в десять раз большее, чем могут дать своим дочерям поляки. Множество их молодых людей уходит странствовать и находит свою смерть, так что молодых девушек остается в излишке. К тому же в Германии только старший сын наследует земли и титул отца. Младшие сыновья, оставшись с неутешительными перспективами на будущую жизнь, в последнюю очередь думают о поиске жены на свою голову.

— Более того, есть еще умелые немецкие мастера, — прибавил Виктор, — они знают множество вещей, которые нам в новинку. Большая часть из них перебирается в Польшу, чтобы улучшить свое материальное положение, а князь всячески привлекает их.

— Мирное или не очень, но все равно это нашествие, — упрямылся я.

Ответил мне пан Войцех:

— О, если только ко мне придут сто блестящих мастеровых и прекрасная немецкая принцесса с полным золотом мешком! Завоюйте меня! Пожалуйста, завоюйте!..

Я хлебнул пива из нового кувшина, но оно показалось испорченным. Я подозревал Тадеуша.

— Попробуй это и скажи, испортилось ли пиво, или виновато только мое плохое настроение.

Он выполнил просьбу и побелел лицом.

— Простите меня, пан Конрад. Это, должно быть, из новой бочки... Должно быть, вся бочка испортилась... Мы не можем подавать это гостям. Вот жалость, придется опус-

тошить бочку, обжечь ее изнутри, потом наполнить горячей водой и прокипятить, прежде чем снова использовать для хранения пива.

— Итак, иными словами, тебе попались плохие дрожжи. О каком количестве пива идет речь?

— Это была большая бочка, ваша светлость. Более шести тысяч галлонов...

— Ого! Как много пива. Слушай, не опустошай бочку, мы еще сможем кое-что сделать с пивом. У него отвратительный вкус, но алкоголь в нем все же присутствует. Есть такой процесс, называемый дистилляцией, который поможет нам высвободить алкоголь.

— А этот алкоголь, ваша светлость... Для чего он?

— В основном для питья, но есть и другое применение. Им хорошо обрабатывать раны и порезы, чтобы защитить их от нагноения. Из него можно делать духи и лекарства. Он не дает продуктам гнить и, следовательно, используется для их сохранения. Но в основном его пьют.

— Звучит здорово, ваша светлость. И мы можем провести эту самую дистилляцию прямо в корчме?

— Можно здесь, а можно в литейной. Пойду туда и посмотрю, что нам больше подойдет для выполнения задачи.

Мы сделали два больших бронзовых котла, которые предназначались для отмачивания дерева на текстильной фабрике Ламберта, но не успели доставить их по назначению. У каждого имелась плотно пригнанная крышка.

Для дистилляции нужен контейнер, чтобы кипятить смесь, или в нашем случае — пиво. Вы собираете в емкости пар и охлаждаете его настолько, чтобы он смог превратиться обратно в жидкость. Обычно это проделывают с помощью медного чана с кольцами, которого у нас не было. Но на самом деле важно только обеспечить достаточное пространство для охлаждения пара.

Я взял один из котлов и поставил его на огонь во дворе корчмы. Потом нашел здоровенный кусок медной трубы,

предназначенной для промывки, длиной с мой рост. На том самом расстоянии установил второй котел в чане. Потом привел кузнеца с литейной, чтобы тот приварил трубу к обоим котлам ближе к верху.

Это подразумевало проделывание дыр в новеньких котлах моего хозяина, но он, наверное, ничего и не заметит. А если и заметит, я смогу убедительно доказать, что сделал их специально. Инженеры все с годами набивают руку в такого рода занятиях.

Я попросил кузнеца сделать отверстия в крышках, чтобы мы могли проверять уровень жидкости в котлах с помощью палки. Толстый кусок кожи служил надежной прокладкой. Мешки с песком хорошо прижимали крышки, а деревянные пробки не давали пару выходить через отверстия по бокам.

К полудню мы построили такой аппарат, которому поза завидовал бы любой самогонщик.

С помощью одного из поваров я перелил сорок галлонов испорченного пива в один из котлов и зажег под ним огонь. Чан, в котором стоял котел-конденсатор, мы наполнили холодной водой, а потом отошли в сторонку и стали смотреть, как работает механизм.

К вечеру уровень жидкости в кипящем котле снизился на десять процентов, и я пришел к выводу, что это все, что мы смогли выжать.

Представьте себе, на дне конденсатора оказалось четыре галлона вполне чистой жидкости. Я наполнил ею кувшин и отнес в корчму, а остальное приказал повару перелить в какую-нибудь бочку и поставить в кладовую. Жидкость в кипятильнике годилась разве что свиньям в корм.

Тадеуш с нетерпением ждал результатов наших усилий. Мысль о новом напитке взволновала его до предела.

Понимаете, во времена средневековья мало что можно было пить. Вино приходилось импортировать из других стран. Пиво варили слабенькое, потому что не изобрели еще

емкости, которая бы создавала высокое давление. Воду пить оказывалось не всегда безопасно. А молоко появлялось только летом и весной. Вот и все. Больше не было ничего, чем бы человек мог утолить жажду.

Тадеуш смотрел, не отрываясь, на кувшин в моих руках, потом принес два своих лучших (и единственных) стеклянных стакана. Стекло считалось редким и потому сказочно дорогим. Это была единственная стеклянная посуда в корчме, хранившаяся для невесты и жениха на свадебные пиры. Остальные гости довольствовались серебром.

Я налил два пальца в каждый стакан, и мы выпили.

Жидкость оказалась крепкой и невкусной. Жалкое пойло. Я однажды пробовал самогон, так вот мое произведение не сильно отличалось от него. В общем, получилось не так плохо, как могло бы.

У Тадеуша в прямом смысле слова глаза собрались в кучку. Я много раз слышал, как люди рассказывали о такой реакции, но сам никогда не видел. На лбу его выступил обильный пот, а дыхание остановилось. Мне пришлось хлопнуть Тадеуша по спине, чтобы вернуть его к жизни.

Когда корчмарь пришел в себя, он слабо прохрипел:

— Пан Конрад, неужели ваш народ на самом деле пьет *это*?

— Ну, по крайней мере что-то подобное. Думаю, напиток надо настояться.

— Господи, Боже! Ваши люди действительно крепкие.

— Да нет вообще-то, — возразил я.

Поднес край стакана к лампе на столе. Капли жидкости ярко загорелись, это означало, что в них содержалось около пятидесяти процентов алкоголя.

Тадеуш ошеломленно уставился на горящий напиток, потом покачал головой и ушел.

Перегонка всех шести тысяч галлонов плохого пива заняла у повара больше месяца. Но в результате мы получили шестисот галлонов гремучей смеси (ее при всем желании

нельзя назвать водкой), которую перелили в дубовые бочки и поместили в кладовую корчмы. Очень редко какой-нибудь охочий до приключений парень просил подать ему кружку с этим напитком, но не думаю, что кто-нибудь заказывал его дважды. Я хранил бутылку для использования в качестве антисептика при медицинских операциях.

Частью соглашения с сеньором, графом Ламбертом, было мое ежемесячное возвращение в Окойтц — для наблюдения за стройкой, которую мы там затеяли. Первый месяц подходил к концу, так что мне приходилось уезжать.

Проблема состояла в том, что девушки тоже хотели ехать, чтобы навестить своих родителей и друзей. Граф отдал мне их — а может, и земли тоже, — потому что девчонки начали имитировать манеры благородных дам, позабыв о своей роли безответных крестьянок. Он чувствовал в этом мое влияние. Впрочем, наверное, так на самом деле и было.

В любом случае Ламберт хотел, чтобы девушки держались подальше от Окойтца, пока все в его владениях не начали вести себя как высокородные. Привезти девиц обратно не казалось мне разумным решением. Но девушки не знали, что их вышвырнули из дома, а мне не хватало мужества им об этом рассказать.

Еще больше осложняло положение настойчивое желание пана Владимира сопровождать меня. Я не имел права приказывать ему остаться, а оскорблять его мне вовсе не хотелось. Мне он нравился: кроме того, в будущем молодой рыцарь мог во многом оказаться полезным.

В конце концов, на помощь мне пришел пан Гжегож, который предложил взять девушек на охоту в моих новых землях, пока я не «испортил» их. Девушек пришлось уговаривать всего-навсего час-другой. Я имею в виду, что хоть я и являюсь их защитником, однако в компаньонки меня никто не записывал. Они знали, чего хотели. Все-таки уже не девственницы.

Из автобиографии пана Владимира Чарнецкого

Пан Конрад и я приехали в Окойтц и сразу увидели Витольда, плотника графа Ламберта, который устанавливал крылья на ветряной мельнице, строившейся во дворе.

Эта ветряная мельница оказалась просто огромной, верхушка ее башенки возвышалась даже над церковью, а крылья уходили вверх и того дальше. Самое верхнее, двенадцатое, крыло было таким длинным, что если поставить десять крестьянских хижин одну на другую, они все равно не достигнут его оконечности.

Мельницу окружал круглый рабочий барак, на крыше которого и работал плотник. Граф Ламберт и десять его рыцарей тоже стояли на крыше, наблюдая за его усилиями. Волей-неволей нам пришлось залезть туда же, чтобы присоединиться к компании.

— Здравствуй, пан Конрад, — сказал граф Ламберт. — Вижу, ты привез с собой нашего славного пана Владимира. Смотри! Она почти готова.

— Вы справились быстрее, чем я предполагал, ваша светлость, — ответил Конрад.

— Люди начали работать дольше, когда закончили посевающую. Бьюсь об заклад, что теперь ты пересмотришь свое мнение о них, которое высказывал на рождественской вечеринке.

— Никакого заклада, мой господин. Во всяком случае, не по этому поводу.

— Да, наш спор о том, будет ли эта мельница работать, еще в силе? Двадцать три тысячи гривен, не так ли? Кажется, расплачиваться придется мне.

— Увидим, ваша светлость. По-моему, мельница уже почти готова, — заметил Конрад.

— Только снаружи, мой господин, — откликнулся Витольд, — я еще не установил все насосы и валы внутри, она немного несбалансированна.

Последние крылья оказались на месте, и колесо начало медленно поворачиваться, увлекаемое легким ветерком.

— Вы не смазали крылья льняным маслом, как надо бы, — сказал пан Конрад. — Крылья двигаются гораздо лучше, когда не цепляются друг за друга.

— Мы заказали льняное масло во Вроцлаве, пан Конрад, но оно еще не прибыло. Я только хотел увидеть, как будет поворачиваться колесо, прежде чем начинать работать над насосами.

— Тогда, думаю, ты уже увидел, что хотел. Кажется, оно двигается достаточно легко. Как ты и сказал, баланса не хватает, но над этим ты сможешь поработать, только когда установишь насосы. К тому же хотелось бы улучшить расположение крыльев, но не думаю, что это так уж срочно. Теперь можешь остановить его.

— А вот об этом я и хотел поговорить с вами, пан Конрад. Я понимаю, как его заставить двигаться, но вы никогда не говорили, как его останавливать.

— Что? Остановить его? — встрял граф Ламберт. — Плевое дело! Смотри!

Боюсь, граф Ламберт имел не вполне точное представление о мощности колеса. Он положил руку на ближайшее проплывавшее мимо крыло и попытался затормозить его движение. Колесо как ни в чем не бывало продолжало крутиться.

Граф, не привыкший к неповиновению, вцепился в крыло, и его тут же подняло вверх с крыши.

Все еще держась за крыло мельницы, которое продолжало подниматься, он закричал:

— Эй, люди! Помогите мне! Снимите меня отсюда!..

Пан Бодан тотчас крикнул:

— Да, мой господин!.. — и ухватился за следующее крыло, проплывавшее мимо него.

Пан Стефан завладел следующим крылом, и что мне оставалось? Сеньор моего отца приказал мне помочь ему в

опасной ситуации. А ситуация действительно была опасной, так как граф Ламберт теперь уже находился на полпути к верхушке, поравнялся с крышей церкви и между ним и землей оставался только воздух. Разве мог я подвести его в столь трудный час?

Борясь за честь своей семьи, я схватил следующее крыло.

С силой, сравнимой только с усилиями десяти быков, огромное крыло подняло меня с крыши. Вскоре я обнаружил, что могу стоять на веревках, которые поддерживали лопасти снизу, так что некоторое время меня не слишком удручало мое неудобное положение.

Остальные четыре рыцаря последовали примеру товарищей, уже болтавшихся на колесе. На крыше остались только пан Конрад и Витольд. К тому времени я преодолел большую часть пути вверх, поэтому мои ноги теперь располагались выше головы. Граф Ламберт висел наверху, вниз головой, сохраняя свою жизнь, только цепляясь за крыло руками и ногами. Я решил поступить так же.

Наверное, благодаря суммарному весу рыцарей на одной стороне колеса, последнее начало потихоньку замедлять свой ход. Мне, как всегда, повезло, как утопленнику: крылья мельницы остановились как раз тогда, когда я застрял на самом верху.

Мне это совсем не понравилось.

Я мог слышать и видеть все с той кристальной четкостью, которая обычно приходит во время смертельной опасности. Далеко внизу разговаривали Витольд и пан Конрад.

— Крылья полагалось удерживать скользящими узлами, такими же, как на ваших башмаках, — объяснял пан Конрад, — тогда вы могли бы остановить мельницу, потянув за канаты проходящих мимо крыльев.

— Должно быть, я пропустил эту часть инструкций. Мы не делали никаких скользящих узлов, — ответил Витольд. — О, я знаю! Мы можем обрезать канаты!

— Для этого уже немного поздновато. Нам придется спустить вниз людей. Наверное, лучше толкнуть колесо, чтобы оно завершило свой круг. Тогда граф Ламберт спустится на землю первым. Пусть эти люди поднимутся на крышу.

Все население Окойтца собралось посмотреть на эту потеху, и я слышал, как люди снизу что-то кричали. Некоторые молились за наше спасение Господу Богу, другие наперебой советовали, как нам следует себя вести. Немало народа бились об заклад на то, кто первый упадет. На то, что я выживу, ставили всего несколько человек.

Но все они стояли на земле, и им требовалось время, чтобы попасть на крышу.

А вот как раз времени я терять и не мог, потому что мне приходилось гораздо хуже, чем остальным рыцарям. Я не только висел вверх ногами, но и, в отличие от других одетых в обыкновенную одежду рыцарей, все еще пребывал в броне, не успев переодеться с дороги.

Мой шлем соскользнул с головы и падал ужасно долго, прежде чем грохнулся на крышу, едва не задев пана Конрада. Я чуть не убил человека, которого поклялся охранять.

Хуже того, крыло, за которое я цеплялся, сделали из хорошо обструганной свежей сосны. Я начал соскальзывать вниз... головой прямо вниз. Граф Ламберт заметил мое печальное положение и крикнул, чтобы я держался крепче. Но я и так держался изо всех сил и не мог увеличить силу захвата по его приказу. Я продолжил сползать.

Вначале это меня напугало, но потом я пришел к выводу, что именно в том направлении я на самом деле и хочу продвигаться, если только удастся сделать это достаточно медленно.

В конце концов я достиг сердцевины колеса, потом со значительными усилиями покинул крыло и стал на оси.

Я все еще находился высоко в воздухе, но по крайней мере в вертикальном положении вверх головой и с опорой под ногами. Я остановился перевести дыхание.

Но тут пан Конрад вместе с пятьюдесятью крестьянами смог повернуть остановившееся колесо. Первый толчок застал меня врасплох, и я стал падать.

Я спас свою жизнь, ухватившись за другое крыло: на этот раз мне попало то, за которое держался пан Лештко. Он был крайним в ряду, так что я волей-неволей снова начал подниматься вверх, но теперь хотя бы ногами к центру колеса.

Люди внизу повернули колесо и благополучно спустили на землю графа Ламберта, но как только одним человеком стало меньше, ветер и наш малый вес способствовали самостоятельному движению колеса. Остальные рыцари сумели сами прыгнуть с мельницы, когда каждый из них оказался в нижней точке вращения колеса, но я застрял на полпути от середины к ободу и таким образом продолжал вращаться.

Пан Конрад понял мое затруднение.

— Ты должен скользить к ободу! — закричал он. — Если я сейчас обрежу веревки, колесо остановится в каком угодно положении. Ты вполне можешь снова оказаться на самом верху. Скользи, когда ты будешь ехать вниз, и держись покрепче наверху!

Предложение показалось мне разумным, однако выполнить его было не так легко. Короче, я проехал девять кругов, прежде чем пан Конрад и граф Ламберт смогли снять мое несчастное тело с колеса и вернуть его в подобающее рыцарю положение.

— Пан Конрад, — сказал пан Стефан, — ваш сеньор приказал вам прийти к нему на помощь, а вы не подчинились! Я объявляю вас трусом!

Пан Конрад и пан Стефан никогда не ладили друг с другом. Пан Конрад уставился на него, а потом покачал головой.

— Мой сеньор попросил меня о помощи, и я дал ему помощь! Я освободил его и вас, идиотов, из переделки, в кото-

рую вы сами и угодили. Первое правило безопасности — никогда не трогай работающий механизм!

— Довольно, господа, — сказал граф Ламберт. — Пан Конрад, мы благодарны вам за вашу своевременную помощь.

— Ладно. У меня лично разыгрался аппетит. Может, займемся обедом?..

Из дневника Конрада Шварца

По возвращении в Цешин я продолжил работу над подготовкой к своей экспедиции.

Мне понадобился выдержанный пекан для ручек инструментов, но его достать не удалось. Выдержанной древесины не существовало, а мысль использовать старое дерево показалась плотникам абсурдной. Когда им нужна была древесина, они шли в лес и срубали дерево. Так они поступали всегда, и, если я хотел сделать все по-другому, то мог подождать лет пять, пока срубленное мной дерево постареет.

Вы не смогли бы просто купить тачку. Никто и не слышал о такой штуке. Вам пришлось бы нарисовать тачку, а также все ее металлические части. Потом следовало договориться с кузнецом, проверить то, что он, в конце концов, изготовит, и по обычаю отвергнуть половину изделий, потому что кузнец просто проигнорирует большую часть ваших рисунков и инструкций. Потом вам придется отнести детали на литейную, где их подвергнут тепловой обработке, а потом к плотникам, которые уже забыли, чего вы от них хотели.

Когда же все будет готово, они станут кружком около тачки и спросят, для чего мне понадобилась такая глупая штукавина.

Впрочем, если бы рабочие не нуждались в работе так сильно из-за голодных времен, мне вообще не удалось бы их заставить что-либо сделать. Однако комбинация денег и голода — мощный аргумент.

Короче, все закончилось тем, что я потратил четверть своего состояния на несколько тонн инструментов.

Потом встала проблема найма людей, которые бы смогли использовать мои инструменты для строительства в Трех Стенах.

Один из плотников, Яша, умел читать, писать и выполнять полученные им инструкции. Более того, он оказался единственным, кто мог разобрать технические чертежи без значительных затруднений. Я сделал этого Яшу прорабом и с его помощью набрал будущую команду плотников.

Многие из свеженабранных рабочих приходились ему друзьями или родственниками, и, наверное, это походило на nepoтизм, но в маленьком средневековом городке все занятые в определенной отрасли знали друг друга, и многие делали свое занятие семейным бизнесом. Если бы я стал бороться с кумовством, то не думаю, что мне удалось бы набрать достаточное количество плотников для выполнения всех задуманных работ.

Потом еще предстояло нанять каменщиков и рудокопов. Последних в действительности оказалось очень мало, и я нанял всех. Всех пятерых.

Еще нам нужен был кузнец для починки инструментов, и пивовар, и пекарь, и кожевенник, и вообще весь набор профессионалов.

Насчет платы я не торговался. Предложил каждому человеку гривну в день плюс кормежку: или принимаешь это, или не получаешь работу. Все приняли мои условия.

После долгих приготовлений дела начали потихоньку продвигаться, но тут подошло время моей ежемесячной поездки в Окойтц.

Я спрашивал графа Ламберта насчет девушек. Он разрешил им приехать в гости, но только если каждую будет сопровождать рыцарь. Таким образом, девицы вроде бы как возвысятся над обычными крестьянами, и их благородное

поведение не будет так бросаться в глаза. Братья Банки с удовольствием восприняли предложение посетить Окойтц, несмотря на то, что сразу после этого им предстояло ехать в свои имения: летнее время отдыха подходило к концу.

Так что мы вдесятером отправились в двухдневную поездку в Окойтц, с остановкой у пана Мешко. Конечно, время потеряли, но когда молодые девушки отдают тебе самое лучшее, что у них есть, и притом каждую ночь, отказаться невозможно.

Когда мы добрались до места, оказалось, что мельница работала просто прекрасно. Остальное оборудование еще не запустили, но некоторые рабочие уже пилили древесину на лесопилке, а другие молотили лен при помощи падающего молота. Я оставил меч с одним из рабочих, залез на башенку мельницы и прошел к небольшой турбине позади.

Впрочем, она была маленькой только по сравнению с тридцатиметровым главным колесом. На самом деле она составляла четыре ярда в окружности и устанавливалась под прямым углом к большой турбине, будучи подсоединена к замедляющему механизму и к башенке таким образом, что, если большое колесо не находилось прямо на пути ветра, маленькое колесо начинало крутиться и поворачивало башенку в нужную сторону. Все, казалось, работало отлично.

Я пошел в башенку и обнаружил, что все насосы уже действуют. Там находилось два ряда приборов. Одни набирали воду из колодца в емкость на верхушке башни. Сейчас ее предполагалось использовать только на случай пожара: шланг крепился к основанию мельницы. Однако со временем я надеялся построить трубы для провода воды через весь комплекс.

Второй ряд насосов набирал воду из чана, находившегося под землей, и переправлял ее в емкость, крепившуюся на полпути к вершине башни. Вода, бежавшая из среднего чана,

давала энергию для работы лесопилки. Это приспособление позволяло не прекращать работу даже при безветренной погоде.

На улице дул слабый бриз, но все насосы действовали в полную силу. Я серьезно недооценил вращательную силу, которую может развить ветряная мельница подобного размера. Хотя это лучше, чем переоценка ее возможностей. Следующую модель, если таковая появится, мы оснастим более мощными насосами.

Когда я выходил из башенки, сверху донесся радостный визг. Я поднял голову и увидел пана Виктора, висящего вверх ногами на конце самого высокого вращавшегося крыла. Очевидно, он слышал рассказы о приключении пана Владимира на мельнице и решил испытать все на себе.

Со временем для каждого нового парня, посетившего Окойтц в первый раз, стало традицией проделывать то же самое: своеобразный ритуал посвящения. Я изобрел чертовое колесо.

Витольд был занят на строительстве текстильной фабрики, что меня удивило. Я-то ожидал, что он будет работать над второй мельницей — той, которая предназначалась для обмолота зерна.

— Это граф Ламберт приказал мне прежде всего заняться постройкой фабрики, — прояснил ситуацию Витольд. — Вам придется поговорить с ним, если вы хотите что-то изменить.

Я нашел графа Ламберта в поле.

— Пан Конрад, вам действительно следует научиться докладывать о своем приезде хозяину замка сразу же после прибытия. Этого требует этикет, а вы, насколько я видел, прискакали много часов назад.

— Да, мой господин. — У Ламберта бывает разное настроение, а в том, в котором он пребывал сейчас, с ним лучше не спорить.

— Вот некоторые из тех странных растений, которые ты мне дал. Как это называется?

— Кукуруза, мой господин. Я предлагал вам несколько сортов, так что не знаю наверняка, который это.

— Растение выросло мне по грудь! Что из него делают?

— Оно вырастет еще больше, мой господин. На нем появляются своеобразные колосья — такие, как вот этот: там есть семена. Некоторые сорта пригодны в корм свиньям, другие пойдут для нашего потребления. Есть еще сорт кукурузы, который лопается, из него получается хорошая закуска. Она замечательно идет под пиво.

— Лопается? Что ты имеешь в виду?

— Это трудновато объяснить, мой господин. Вам придется подождать до осени, а там я все вам покажу.

— А здесь что такое?..

Короче, я провел весь день за чтением лекций по сельскому хозяйству, о котором не так уж много и знаю.

Перед ужином Ламберт повел свою компанию — рыцарей и двенадцать «ожидающих девушек» — купаться в его новом бассейне, то есть нижнем чане только что законченной мельницы.

Купальники выдумали какие-то больные на голову люди из викторианской эпохи, поэтому здесь, естественно, их еще не знали. Все прекрасно обходились и без них, потому что табу на наготу еще не вступило в свои права.

Некоторые из дам Ламберта были удивительно привлекательны и к тому же умели веселиться. Я отлично порезвился с двумя из них той ночью: Кристина на время осталась не у дел.

И все же меня разозлило такое использование чана. Он примыкал к новому колодцу, куда должны поступать остатки воды. Мы еще не использовали колодец для питья, но я подумывал об этом.

Все что я получил в ответ на свое возмущение от Ламберта: «Пан Конрад, вы слишком серьезно все воспринимаете!»

Граф Ламберт ни разу не упоминал о деньгах, которые он мне проиграл в споре по поводу мельницы, а настроение у него преобладало такое, что я предпочел не поднимать вопрос оплаты.

Возвращение в Цешин стало облегчением.

ГЛАВА 5

— Кристина, сходи обратно в корчму и прикажи Тадеушу послать нам завтрак на шестьсот человек. Скажи, я знаю, что это невозможно, но попроси его постараться. С толпой придется разбираться не один час.

Занимался рассвет, и я почти впал в отчаяние, озирая сцену за северными воротами Цешина. Три дюжины вьючных мулов, которых я купил недавно, стояли там, Краковски нагрузил их тоннами свежеделанных инструментов и другим приобретенным мной оборудованием. Пан Владимир восседал на коне в полном вооружении, девушки приготовились к отъезду.

Еще там же стояли сто сорок с небольшим нанятых мной людей — грязных, одетых в обноски, исхудавших. С ними были их жены и дети, такие же грязные, оборванные и худые. Я не собирался брать на себя ответственность за такую массу людей.

— Черт возьми, Яша, — сказал я прорабу. — Разве я говорил, что они могут привести с собой семьи?

— А что же нам с ними делать?

— Откуда мне знать? Неужели ты не понимаешь, что мы отправляемся в лесную глушь, где нет ни единого дома на мили вокруг?

— Сейчас только началось лето, пан Конрад, этим людям приходится тяжелее, чем можно сказать по их виду.

Но у нас есть защита в виде вас, двух рыцарей. Все образуется.

— Да неужели?! А чем же ты прикажешь их кормить? Еловыми шишками? Только это и можно найти в моей долине!

— Приедут купцы. Они всегда приезжают.

— И думаю, ты ожидаешь, что я буду платить им.

— Ну, мой господин, вы все-таки согласились кормить нас, пока мы работаем на вас.

— Вас — да. Но не лишних четырехста пятьдесят ртов!.. Нет, это просто невозможно. Им придется остаться здесь, со своими родными.

— Мой господин, посмотри на нас. Неужели мы выглядим, как люди, у которых есть достаточно богатые родственники, чтобы прокормить наши семьи? Если мы оставим их здесь, они умрут...

Спор продолжался несколько часов, свои реплики вставляли пан Владимир и второй прораб. Меня надули, и я хорошо осознавал это. В конце концов я сдался, прекрасно понимая, что мне придется оплачивать счета за пропитание всех шестисот человек на протяжении всего лета.

Иначе мне предстояло поедать свой завтрак на глазах у изголодавшихся детей.

Это мне не нравилось.

К тому времени начали прибывать запасы Тадеуша, и мы принялись за еду. Казалось, он обчистил полностью все корчмы и пекарни города, но низкое качество пищи компенсировалось ее количеством. На самом деле немного даже осталось — после того, как несчастные бедняги подходили за второй и третьей порцией.

— Это все, что я смог сделать, пан Конрад, — сказал Тадеуш. — У меня получилось, но теперь я не знаю, как это оплачивать.

— Просто спиши все на мой счет. А остатки отдай беднякам.

— Это, наверное, самый легкий выход. — Корчмарь оглядел толпу. — Действительно, достойное дело. Я имею в виду благотворительность. Масса несчастных бедняков...

Был уже почти полдень, когда мы двинулись в путь.

Передвигались очень медленно. Некоторые из людей страдали от болезней, многие просто не привыкли к путешествиям. Другие пребывали в полусонном состоянии после того, как первый раз за долгое время по-настоящему поели.

Девушки вскоре уступили своих лошадей некоторым тяжелобольным и теперь шли рядом. Я бы последовал их примеру, но пан Владимир категорически запретил мне делать это.

Оказалось, что мы несли охрану, и слезть с коня означало потерпеть поражение в выполнении долга. Мне пришлось согласиться с ним, но я чувствовал себя неудобно в седле, когда рядом со мной хромала какая-нибудь несчастная женщина.

В конце концов я посадил перед собой на круп Анны двух ребятишек, предупредив, что им придется спрыгивать на землю, если что-то случится.

К Трем Стенам мы подъехали уже в сумерках. Все настолько устали, что просто попадали там, где стояли, прямо на траву. Мне удалось поставить свою небольшую палатку: я в первый раз использовал ее с прошлой осени.

Пока несколько мужчин занимались разгрузкой мулов и лошадей, пан Владимир подошел ко мне с мешком муки на плече.

— Прекрасная штука, этот шатер. Может пойти дождь, а некоторые из наших продуктов не переносят влаги...

Мне снова пришлось согласиться, и через пару минут моя палатка оказалась забитой зерном, мукой и мясом до самого верха. Ничего не поделаешь, придется спать на свежем воздухе.

Я достал спальный мешок, развернул его, стянул с себя броню и лежал под звездами рядом с Кристиной, когда появился Владимир.

— Ну что там еще?..

— Я хотел узнать, не сможете ли вы развести нам костер. Эта ваша «зажигалка» сработает гораздо быстрее нашего кремня.

— Да, хорошо...

Справившись с делами, я вернулся и обнаружил Кристину уже спящей. Меня это обстоятельство нимало не расстроило. День выдался долгий.

Ночь тоже была долгой. Шел дождь.

Мы провели всю ночь в полудреме, в спальнике, с холодной водой, просочившейся под него. Вы только проваливаетесь в сон, как внезапно осознаете, что некая часть вашей анатомии, остававшаяся до сих пор сухой, оказалась в воде. Причем холодной.

Невеселое начало.

Я проснулся серым утром и обнаружил бодрствующего пана Владимира, который до сих пор не снял доспехи. Он сидел у еле тлевшего костра со спящей Анастасией под боком.

— Ты что, не спал всю ночь? — спросил я.

— Кому-то пришлось бы этим заниматься. Здесь, на холмах, водятся дикие волки и медведи. Или еще что похуже. Я подумал, что вам предстоит тяжелый день... объяснять всем крестьянам их обязанности... Я ничем не смог бы вам помочь.

— О, спасибо, — смутился я. Я даже не подумал о безопасности.

Леса Польши двадцатого века — в основном приветливые местечки, а сама природа рассматривается как дар Божий. Большинство людей только по телевизору видят лес вместе с прелестными животными, занимающимися своими прелестными делами, пока диктор пытается зас-

тавить их выглядеть как можно более антропоморфными. Мы сидим в домах, оснащенных кондиционерами, рядом с которыми на несколько миль вокруг не сыщешь ни одного волка, медведя или ядовитой змеи. Мы гуляем по тщательно культивируемым садам и восхищаемся природой! Или выходим на улицу и проводим время на «дикой природе», ставим палатки в прекрасно подготовленных для этого местах, где есть специальные лесничие, следящие, чтобы не случилось беды.

О, все говорят о своей любви к природе, но наверняка запели бы по-другому, если бы голодные волки начали осаждать ворота их домов!

В тринадцатом же веке природа была врагом.

Природа — это волки, дикие кабаны и медведи, которые моментально убьют вас, если вы дадите им такой шанс. Природа — это холодный ветер, который превратит вас в ледышку зимой; ослепляющий зной, иссушающий вас летом; ядовитые растения и змеи, которые положат конец вашей жизни, если вы допустите неосторожность. Природа — это голод и жажда, с которыми можно бороться только непрекращающимися совместными усилиями человечества. Это просто царство дьявола.

— Ваша благодарность принята. Прикажите кому-нибудь разбудить меня, когда приготовят еду...

С этими словами пан Владимир растянулся прямо на земле и через минуту мирно захрапел, так и не сняв доспехов.

Криком я поднял всех и заставил работать, поручив Янине и Наталье выдавать инструменты.

— Это мои инструменты, — кричал я, — и они останутся моими! Однако я собираюсь раздать их некоторым из вас, и вы будете нести ответственность за них. Если потеряете, их стоимость вычтут из вашей зарплаты. Все понятно?

Судя по виду людей, они воспринимали мои слова всерьез.

Потом я начал определять задания. Одних мастеров послал за водой из старой шахты. Других — за дровами, и еще четырех человек отправил копать отхожие места. Кристину сделал ответственной за кухню, а Яшу — за строительство временных жилищ, предупредив, что если у нас не будет достаточно хижин к ночи, плотникам придется опять спать на улице.

Каменщики занялись сооружением печи для изготовления хлеба, и я сообщил, что если она не будет достаточно большой, то они не получают еды. Вскоре все бежали и выглядели очень занятыми.

Я нашел удобное местечко и уселся. Каждые десять секунд кто-нибудь подбегал с вопросом, который он, по идее, должен сам решать, но думаю, это и составляет издержки должности управляющего.

Я иногда выбирал «методом тыка» один из альтернативных вариантов. Дело в том, что когда подчиненный подходит к тебе за решением, он уже обдумал все «за» и «против» своего вопроса и пришел к выводу, что они примерно одинаковы. Если бы один или другой путь оказался очевидно лучшим, он бы почувствовал обязанность самому принять решение. А так как один вариант имеет примерно столько же шансов оказаться верным, сколько и второй, то метод тыка подходит не хуже любого другого. По крайней мере работа не останавливается. И в конечном счете тебя называют мудрецом.

Помня о переменчивом настроении графа Ламберта, я не рискнул посылать ему большие котлы, которые испортил, вырабатывая спирт. Я увез их с собой, а для ткацкой фабрики заказал новые.

Кристина приспособила их для кухни. К десяти завтрак был готов. Он состоял только из одной каши — переваренной размазни, однако питательной и утоляющей голод. А для питья имелась вода. Я подумал, что надо купить не-

сколько молочных коров и приказать плотникам после постройки хижин сразу заняться сооружением пивоварни.

Последнее прошло без возражений.

Я забыл послать Владимиру еды, но Анастасия, конечно, об этом помнила. Юноша приподнялся, поел и захрапел снова. Приземленный парень, но честный и полезный — в определенных рамках.

Следующий прием пищи пришелся на шесть часов. Опять каша с грибами и дикими овощами. Никто не жаловался на плохую еду, что меня устраивало полностью. Несмотря на мое значительное богатство, я сомневался в своей способности прокормить шестьсот человек. Если мне придется придерживаться стандартов Ламберта, то точно ничего не получится.

Только через несколько недель я обнаружил, что люди находят питание замечательным! В первый раз в жизни у них было достаточно еды!

Запомнить имена такого количества людей не представлялось возможным, поэтому после ужина я подозвал к себе Наталью. У нее замечательный почерк, и к тому же эта девушка — одна из тех по природе аккуратных людей, из которых получают прекрасные клерки и секретари.

— Наталья, у меня есть специальная работа для тебя. Мне нужны сведения обо всех моих людях. Заведи отдельный лист на каждого мужчину, запиши его имя, имена его родителей, бабушек и дедушек и так далее, сколько он вспомнит. Потом рядом поставь имя его жены, имена ее предков и имена их детей. Я хочу знать возраст каждого, где и когда они родились и женились, время, когда мы наняли их. И пиши помельче, мы будем добавлять информацию по ходу дела.

— Зачем вам нужно записывать все эти вещи? Если вы не знаете, почему бы просто не спросить их?

— Потому что у меня нет времени, и я все равно не запомню большую часть сведений.

— Да зачем же вообще запоминать все?

— Во-первых, для выдачи платы за работу. Откуда я буду знать, сколько должен каждому из них?

— Платите им каждый вечер, или каждую неделю, и не надо будет насиловать свою память.

— Это будет занимать слишком много времени. Им придется стоять в очереди несколько часов в день. Кроме того, я говорю о постоянных записях. Очень важно знать все о своих людях.

— Мы не можем знать все. Только Бог в небесах знает все.

Я попытался уговаривать ее и так и эдак и постоянно сталкивался с той же несокрушимой логикой. Но добиться своего можно не только с помощью логики.

— Наталья, пожалуйста, сделай это для меня.

— О, конечно, пан Конрад! Вы же знаете, для вас я сделаю все, что угодно.

Итак, Наталья стала нашим хранителем информационной базы и со временем моим личным секретарем, но она не поколебалась в своем убеждении, что ее занятие — всего лишь пустая трата пергамента. Но у нас появились записи, постоянные записи — очень важная вещь. Не так ли?

К ночи лагерь приобрел видимость упорядоченного поселения. У меня образовалась собственная палатка, сделанная из согнутых сосновых лап. Была еще одна для Владимира, и третья — для оставшихся в одиночестве дам. Я приказал сделать два отхожих места, и они предположили, что одно предназначалось для благородных, а второе — для крестьян, а не для мужчин и женщин. Но об этом спорить не приходилось.

Все остальные получили хотя бы место под крышей. Вне всякого сомнения, меня удовлетворяли наши успехи, особенно если принять во внимание, что начинали мы с кучкой оборванных и грязных людей, не спавших много ночей.

Утром я отправился с Явальдой и одним из крестьян к пану Мешко покупать продукты. Приобрел яйца, зерно, овощи и обговорил, что мои люди будут приходить три раза в неделю за провиантом. Я также стал обладателем молочной коровы, единственной выставленной на продажу, что оказалось ошибкой.

Темнота опустилась прежде, чем мы сумели загнать это глупое животное в лагерь. Более того, пришлось остановиться и выдоить молоко на землю, потому что у нас не оказалось подходящего ведра, а использовать мой шлем я не позволил. Нам еще повезло, что Явальда знала, как доить корову, потому что мы, мужчины, понятия об этом не имели. Я даже не представлял, почему животное мычало и отказывалось двигаться с места.

Прелести сельской жизни.

К концу следующего дня была построена настоящая, хоть и немного неопрятная, деревня. Кузнец вполне обустроился и уже делал обода для бочек в пивоварне, а каменщики обтесывали огромные жернова, которые будут таскать два мула. Плотники занимались строительством ульев. Появилось по хижине для каждой семьи, и все необходимые подсобные помещения для хранения продуктов, приготовления пищи и ее приема. У нас в трапезной даже стояли столы и скамьи, сделанные из распиленных бревен, и достаточно новых плошек, ложек и мисок. Удивительно, сколько могут успеть сделать шесть сотен человек, если их правильно организовать.

Повсюду, конечно, оставались щепки и стружка — в количестве, достаточном для того, чтобы выложить дорожки: впрочем, именно для этого мы их и приспособили.

На следующий день — то есть в воскресенье — появился деревенский священник от пана Мешко и отслужил мессу под сводами трапезной.

Анна внимательно слушала мессу, потом подошла поближе. Каждый раз она проявляла все больше и больше

интереса к службе и через несколько недель уже лежала, сидела или стояла на коленях рядом с верующими.

Священника это явно смущало, но он не знал, как под-
нять вопрос о лошади, посещающей церковь.

Это меня вполне устраивало, потому как я и сам не знал, что ему ответить.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Я нажал на «стоп».

— Том, эта лошадь — одно из твоих изобретений?

— Она — разумное создание, произведенное средствами биоинженерии в моих лабораториях, если ты это имел в виду.

— Тогда с какой стати такой закоренелый атеист, как ты, создает набожное животное?

— Во-первых, Анна не есть животное в том смысле, в каком ты используешь это слово. Она разумна. Во-вторых, не я ее создавал. Такое дело требует большой команды специалистов и очень много времени. И в-третьих, для меня это такой же большой сюрприз, как и для тебя.

— Да неужели?

— Лошади вообще очень прямолинейны. Они воспринимают любое высказывание авторитетного лица, как абсолютную правду. Никто и не предполагал, что им будут намеренно лгать.

— Том, ты старый язычник!

— Я еще к тому же твой начальник и отец. Так что заткнись.

Он нажал на «старт».

ГЛАВА 6

Из дневника Конрада Шварца

Я не подумал о том, чтобы заплатить кому-либо, поэтому ни у кого не оказалось денег. Чаша для пожертвований вернулась обратно пустая. Чтобы как-то скрыть всеобщее смущение, я дал священнику денег. Возник прецедент: Конрад платит священнику.

Теперь мы могли вернуться к настоящей работе, то есть к постройке постоянных домов и разработке долины. Я поручил каменщикам и рудокопам заняться расширением старой шахты. Средневековые рудокопы делали стволы шахт такими узкими, что в них едва можно было пролезть ползком. Мне понадобилась довольно большая нора — чтобы в ней смогли работать люди и поместились насосы.

Прежде я позволял плотникам строить все, что им заблагорассудится, так как жилища задумывались как временные. Но по поводу постоянных домов у меня имелись определенные идеи.

Долина представляла собой ровную площадку диаметром в километр, окруженную пологими склонами, которые сверху становились крутыми. Единственный выход находился между двумя утесами, расстояние между которыми составляло около двухсот ярдов. Очевидным решением было построить замок в середине долины и оборонительную сте-

ну между скалами, высотой примерно в шесть этажей. Все это придется делать из дерева, что могло защитить от диких зверей и воров, но не от монголов. Однако утесы возвышались более чем на двести метров, а уровень грунта значительно опускался вниз там, где они расходились. Мы могли бы начать строиться сейчас в самой низине, а затем возвести стену, или несколько стен, более высоких и из камня.

Я знал, что у нас есть уголь и известняк, что означало следующее: мы можем создать известковый раствор даже при существующих технологиях. Более того, я не сомневался, что нам удастся при помощи глины и песка при очень высоких температурах изготовить цемент — а значит, и бетон!

Достаточное количество бетона остановит кого угодно.

Долина заросла огромными деревьями. О, ничего подобного вы не найдете на западном побережье Америки: каждое второе из них имело более двух ярдов в обхвате. По понятным причинам, в то время в Польше росло великое множество таких деревьев.

Свалить такого монстра только с помощью топоров очень трудно. К тому же когда дерево окажется на земле, его сложно будет передвинуть с места на место без помощи машин. Типичной для того времени маленькой группе лесорубов такая задача не под силу.

И потом, что прикажете с ним делать? Средневековые поляки делали доски, распиливая брёвна и идеально подгоняя друг к другу получившиеся куски дерева. Такие шутки не пройдут с бревном, которое обгоняет по размеру ваш рост.

Многие века они срубали маленькие деревца, а гигантов оставляли в покое.

Я приказал изготовить дюжину стальных продольных и поперечных пил: некоторые из них должны были иметь по четыре ярда в ширину. Дровесины у нас оказалось много, но вот скреплять ее оказалось нечем. Гвозди стоили абсурд-

но дорого. Однако чем больше части, тем меньше потребуется гвоздей. По моим планам, полы, двери и ставни предстояло сделать из цельных кусков дерева в ярд шириной, а внешние стены — шириной в ярд и толщиной в пол-ярда, не считая оставленной на бревнах коры. Хорошая теплоизоляция и защита от всего, кроме огня.

Постепенно я начинал жалеть, что настоял на таком плане. Не имея никакого опыта строительства, я и не представлял, насколько может сжаться большой кусок зеленого дерева. Каждую зиму стены приходилось конопатить, и не думаю, чтобы хоть одна дверь оставалась в правильном положении. Дело могло спасти то, если бы я хоть положил внешние бревна горизонтально, по подобию обычной избы. Но нет же, мне взбрело в голову поставить их вертикально, потому что так они лучше смотрелись.

Более того, не важно, насколько хорошо изолированы ваши стены, если приходится открывать окна. Зимой, без искусственного света и оконного стекла, вы либо замерзаете, либо живете в потемках. Я начал понимать, почему архитекторы такой консервативный народ.

Впрочем, я забегаю вперед.

Плотников возмутили мои идеи, и они были решительно против. Но ни один из них не упомянул о проблеме усыхания древесины, и я отнес их жалобы на счет застарелого консерватизма. Потом оплатил счета, и все сделали по-моему. Как говорится в старой капиталистической поговорке: «Кто платит, тот и заказывает музыку».

На какие только вещи не приходится идти, чтобы построить социализм!

Люди еще больше возражали против шипов для лазания по деревьям. Это приспособления, которые привязываются к ногам и ступням крепкими кожаными ремнями и позволяют быстро залезть на дерево, чтобы срубить его верхушку. С большим деревом всегда так поступают, иначе оно треснет при падении.

Но мои люди оказались лесорубами, никогда не терявшими землю под ногами. Они думали, что стоять в пятидесяти ярдах над землей — это страшно.

Конечно, они были правы. Висеть на уровне пятнадцатого этажа, пытаясь смотреть вниз с дерева, на котором болтаешься, действительно страшновато. Но я не собирался позволять им думать подобным образом. В противном случае мы никогда ничего не построили бы.

Когда первая группа наотрез отказалась лезть дальше пятнадцати ярдов вверх, я спустил их обратно.

— Спускайтесь вниз, трусы! — закричал я, отдавая свой меч рядом стоявшему мужчине. — Яша, давай покажем этим мальчишкам, как делать их работу!

Прораб подошел ко мне и прошептал:

— Мой господин, я никогда... я имею в виду... я не могу! Я никогда ничем подобным не занимался!

— Скажу тебе по секрету, — прошептал я в ответ, — я тоже.

— Тогда как...

— Если эти люди не могут выполнять свою работу, мне придется отослать большую часть из вас обратно в Цешин и найти других рабочих. Но если это сделаю я и сделаешь ты, то они последуют нашему примеру. Теперь, что ты скажешь насчет того, чтобы вместе залезть наверх и притвориться, что смелости у нас больше, чем мозгов?

Он подумал пару секунд.

— Если я умру, вы позаботитесь о моей жене?..

Судя по устройству приспособления, которое мы использовали, если один из нас падал, то другой тотчас следовал за ним. Но Яшу интересовала уверенность, а не логика.

— Слово чести.

— Тогда пошли.

Это было огромное дерево, и даже на высоте пятьдесят ярдов двоим мужчинам пришлось бы работать пилой, чтобы срубить верхушку. С шипами, привязанными к ногам и ступ-

ням. С прочным поясом вокруг талии, и длинным, толстым ремнем через спину каждого, вокруг обоих мужчин и дерева. Длинный ремень дважды привязан к персональному ремню каждого надежными креплениями. На самом деле это два коротких пояса, скрепленных друг с другом, с узлом у наших правых рук. Длинный ремень приходится укорачивать периодически, по мере продвижения вверх по дереву...

Технология — это не что-то единичное. Это множество маленьких деталей, дополняющих друг друга. Детали такие же простые, как новый способ лазания по деревьям, что мы привыкли делать с самого рождения человечества.

Я как-то раз видел, как люди забирались на верхушки во время праздника лесорубов, и подметил, как это делается. Люди должны работать сообща, делая шаги в унисон и привязывая длинный ремень вместе.

Хуже того, лесорубам необходимо находиться по разные стороны дерева, где они не могут видеть друг друга. Если один начинает двигаться, когда другой остановился, оба падают. Может, и не на землю, так как вы все-таки укорачиваете ремень по мере продвижения вверх. Если ремень слишком короток, чтобы дать вам пролететь все расстояние до земли, у вас есть шанс выжить.

Самое меньшее, что вам придется испытать, — исцарапанное корой лицо и полный живот заноз.

Видеть что-то, размышлять над этим и на самом деле проделывать подобное — две разные вещи. А необходимость совершить рискованное действие первый раз в жизни на глазах у толпы смелости не прибавляет.

Пока мы закрепляли свое оборудование с новеньким скрипящим кожаным ремнем, болтавшимся над нами, то успели прорепетировать необходимые действия и обсудили каждый шаг. Руки у Яши тряслись, но я надеялся, что он успокоится, оказавшись на дереве.

— Я боюсь, пан Конрад, — признался он в отчаянии, когда мы обвязывали дерево ремнем.

— Конечно, боишься. Только дурак тут не испугается. Но человек все равно должен делать свою работу.

Я сделал первые несколько шагов вверх. Получилось неплохо. Как будто взбираешься по лестнице.

Яша истово перекрестился, что испортило все впечатление, которое я пытался произвести. Он начал подниматься, но потом остановился.

— Ну же, Яша! Это как танец! Втыкай свои шипы в дерево. Левой ногой, правой, подтяни ремень! Левой, правой, подтяни ремень!

— Но я и танцевать не умею, мой господин!

— Почему это «и»? Ты уже поднимаешься! И держу пари, Кристина сможет научить тебя танцевать, — мы поднялись ярдов на десять, — я попрошу ее. Что ты думаешь о танцах вечером в воскресенье? У нас есть музыканты?

— Пожалуйста, не говорите о танцах! Я однажды упал на балу. — Он говорил как трус, но все равно продолжал взбираться вверх наравне со мной.

— Прекрати это! Мы почти на месте.

Пила была привязана к моему поясу веревкой. Когда она начала подниматься, мы были уже высоко. Я повернулся, так чтобы видеть своего партнера. Он оказался блее мела.

— Яша, я думаю, ветер все еще слишком сильный, чтобы вынимать клинья. Начнем пилить на уровне моего левого кулака.

Яша не ответил, но я мог слышать, как он молится. Он взял второй конец пилы и начал помогать мне. Мы работали молча, принаравливаясь к ритму друг друга. Как только полотно пилы начало гнуться, мы перешли на другой край.

Когда мы почти закончили, дерево сломалось с оглушительным треском. Вначале оно согнулось, пока верхушка летела мимо нас, а потом вернулось в прежнее положение, как распрямившийся лук.

Ощущения были как у человека, сидящего на хлысте размером с футбольное поле, который болтается туда-сюда на высоте в пятнадцать этажей. Ствол теперь заканчивался у наших поясов, и я мог видеть, как Яша вцепился побелевшими пальцами в кору. Я тоже порядком побледнел.

Мама говорила, что мне давно полагалось сломать себе шею.

— Ну, Яша, что ты об этом думаешь? Спустимся вниз или подождем, пока остальные спилят дерево, и съедем, как по горке?

Он уставился на меня, не говоря ни слова.

Когда мы спустились, он спросил:

— Мне придется делать это снова?

— Не сегодня. Будешь руководить процессом. Мне надо посмотреть, как там справляются каменщики.

Я отбежал подальше ото всех, и меня стошнило.

Со временем у нас появилось четыре хороших верхолаза. Они считали себя в некотором роде элитой, разгуливали с важным видом и постоянно носили шипы, даже в церкви.

ГЛАВА 7

Через несколько дней я составил для себя специальный график, которого стремился придерживаться с тех пор постоянно. По утрам играл роль управляющего и был доступен всякому, у кого возникала какая-нибудь проблема. По вечерам же я превращался в конструктора, и прежде чем побеспокоить пана, рабочие старались убедиться, что неприятности действительно того стоят. Наталья замечательно охраняла мое спокойствие.

Я поставил в своей хижине доску и положил пачку пергаментных листов, на которых чертил общий вид зданий плюс все мелкие их детали отдельно. Работу облегчало использование стандартных моделей. То есть многие части домов были идентичными, и я использовал один и тот же дизайн снова и снова.

Мне вырезали несколько дюжин одинаковых палок, длинных, как двор Ламберта (каким я его запомнил). Они стали нашими стандартами измерения. У немалого количества людей обнаружились проблемы с понятием «стандарт». Они-то привыкли срубить каждое дерево уже по ходу строительства так, чтобы оно подходило по размерам, и все мои измерения и планы считали пустой потерей времени.

Проходили недели, и росла стопка готовых деталей, которая, в отличие от строящихся домов, глаз вовсе не радовала.

Я откладывал сборку жилищ по определенной причине. Если дерево поставить прямо на землю, оно будет гнить, поэтому мне хотелось, чтобы наши дома стояли на каменной основе. Последнее мы устроить не могли без известнякового раствора, а его, в свою очередь, никак не изготовишь без угля.

Каменный уголь имелся в шахте, но она все еще затоплена водой. Детали паровых насосов поступали регулярно и прекрасно функционировали после некоторой доработки, но все это требовало времени.

О, мы, конечно, могли использовать древесный уголь, но его производство займет слишком много трудодней, а каменный уголь — вот он, осталось только чуть-чуть подождать.

Мне редко удавалось с легкостью устраивать все по-моему. Приходилось уговаривать, убеждать и улещать. Я кричал и визжал, притворялся, что мечу во гнев молнии. Но больше всего помогала следующая тактика: я доставал свою библию и читал им описание строительства Башни Соломона. Это привлекало на мою сторону Бога, что обычно бесприкрыто.

Петр Кульчинский, мой счетовод, регулярно поддерживал связь между Тремя Стенами и Цешином, вел записи наших операций и здесь, и в «Розовом драконе», и в «Литейной братьев Краковских». Он — очень способный молодой человек, исключая те моменты, когда мечтательно смотрит на Кристину, чем, кажется, и занимается большую часть времени.

Бедный мальчик явно потерял голову, и точно так же явно, что девушка не желала иметь с ним ничего общего. Но это не мое дело. Мне просто не нравится видеть, как кто-то страдает. Им обоим лет по пятнадцать, а это обычно довольно трудный возраст для человека.

Я предвидел, что определенного сопротивления моим планам со стороны рабочих не избежать, но никогда не

ожидал, чтобы Владимир и Петр выступили против моих задумок.

Перед нами лежали мои чертежи.

— Говорю вам, отхожее место в помещении — плохая идея, — покачал головой Владимир. — Я видел несколько в больших каменных замках. Они оправдывают свое существование, только если вы готовитесь к осаде. И их используют только тогда, когда просто больше ничего другого не остается. В остальное время в тех замках пользовались нужниками на улице, как и всегда.

— Испражнения воняют, и вам не захочется иметь их под боком! Кроме того, деревянное сооружение не может выдержать осаду, его слишком легко спалить. Так что не остается никаких причин помещать нужник в доме.

— Я согласен со всем сказанным, но вы никогда не видели сантехнику. Совершенная чистота и санитария. Никакого запаха. К тому же это будет нечто большее, чем просто нужник. Кроме смывного механизма, мы установим ванну и душ. Мы сможем мыться и стирать одежду даже зимой. У нас появится горячая вода. Вот большой кипятильник над кухонным очагом. Говорю вам, горячий душ холодным зимним утром — это блаженство.

— А что происходит с дерьмом?

— Испражнения смываются по медным трубам и выводятся из здания. Потом поступают в септический чан по глиняным трубам и в итоге — вот сюда, на поле.

— Я поверю в это, только когда увижу все собственными глазами, — упрямылся Владимир.

— Пан Конрад, меня больше беспокоит стоимость проекта, — высказался Петр. — Я подсчитал, что на те деньги, которые вам придется потратить на медные трубы и сами нужники, ванны и тому подобное, вы могли бы нанять двадцать служанок на пятьдесят лет вперед!

— Грязная работенка, не так ли? Выносить чьи-то ночные горшки?

— Есть много людей, которые с радостью взяли бы за нее и благодарили бы вас за милость, мой господин.

— Я допускаю, что это будет очень впечатляюще, если все-таки заработает, — добавил Владимир. — Но если вам так необходима подобная роскошь, зачем разделять ее с крестьянами? Соорудите небольшой теплый нужник для себя и своих высокородных гостей.

— Однажды у всех появится сантехника в доме. Мы можем начать прямо сейчас. Я не собираюсь лишать моих людей элементарных вещей!

— Ваши люди больше обрадуются, если вы разделите деньги, которые собираетесь так неразумно потратить, между ними.

— Возможно. Но я все равно собираюсь осуществить свой план.

— Замок — ваш, — вздохнул Владимир. — Огнеупорные стены потребуют огромного количества камня и известкового раствора. Если бы вы использовали весь этот материал на внешнюю стену, она получилась бы полностью из камня и послужила бы вам хорошей защитой.

— Меня сейчас больше беспокоит огонь, чем война, — по крайней мере на следующие несколько лет. У нас здесь более шестисот человек, а ближайшее поселение находится в восьми милях от замка. Если дом полностью сгорит следующей зимой, мы не выживем. С огнеупорными стенами, где бы они ни были, мы потеряем не больше одной пятой нашего имущества и сумеем выкарабкаться.

— Вы здесь хозяин, — повторил Владимир. — Еще одна проблема с вашими чертежами — ворота. Они слишком большие. Шесть рыцарей могут проехать через них, выстроившись в шеренгу. Уменьшите ворота хотя бы в половину, и нам будет легче защищаться.

— В настоящее время меня не волнует защита от кого-нибудь, кроме воров и диких животных. Как вы заметили,

деревянное здание не выдержит осады в любом случае. В дальнейшем мы построим другие стены, дальше от первой, из кирпичей и камня. Но даже им понадобятся большие ворота. Напомните мне рассказать вам о железных дорогах.

— Что это еще за железные дороги?..

Дни катились своим чередом. Мы организовали лесопильную яму, над которой распиливали большие бревна. Один человек стоял внизу, а другой на бревне, каждый двигал пилой со своей стороны. Работа неприятная: один из пильщиков глотал стружку внизу, а второй чуть ли не ломал себе спину наверху. Они довольно часто менялись местами, но так и не решили, где работать хуже.

И это занимало очень много времени. Я набросал кое-какие расчеты и выяснил, что даже если все наши продольные пилы будут работать без остановки, мы и наполовину не справимся с поставленными задачами до первого снега.

Кое-что, сказанное однажды Владимиром, навело меня на мысль, и мы построили лесопилку на шагающем ходу. Сделали громадную качалку из половины бревна, которое в длину достигало пятидесяти ярдов. На обоих его концах крепились веревки и канаты, привязывавшие конструкцию к длинной продольной пиле, которую мы получили, сварив вместе два самых больших инструмента. Деревянные желоба, тянувшиеся вдоль холма, удерживали бревно под пилами.

По краям качалки стояли перила, и шестьдесят человек ходили взад-вперед, чтобы заставить устройство работать. Вы идете вверх по холму, пока высокий конец не опускался вниз, потом направляетесь вниз по холму, пока высокий конец не опускался вниз, потом...

Не слишком стимулирует развитие интеллекта, но и не сказал бы, что многие из моих людей обладали выдающимся умом. Они пилили дерево.

Более того, странное, достойное Руби Голдберга* чудовище заработало с первого раза. И оно отличалось производительностью. Единственная проблема — шестьдесят мужчин: это половина всей рабочей силы.

Но почему пилкой леса обязательно должны заниматься мужчины? Мужские руки сильнее женских, но наша машина приводилась в движение ногами. Женские ноги так же сильны, как и мужские. Почему бы и нет?

Я высказал свою идею женщинам однажды вечером во время ужина и получил в ответ много холодных взглядов. В конце концов пришлось спросить, в чем дело. Одна из женщин встала, завела нудную речь о своих ежедневных заботах и бубнила до тех пор, пока до меня не дошло: они предполагали, что платы за дополнительную работу не получают.

Тогда я перебил ее и объяснил, что собираюсь заплатить за услуги. Ораторша тут же преобразилась и с таким энтузиазмом поддержала меня, что пришлось снова ее прервать.

Однако против моего плана выступили мужчины. Они голодали, когда я нанимал их, а теперь не хотели, чтобы их жены приносили в дом деньги! Нелепо! Наконец, я собрал всех десятников, и мы устроили совет.

Женщины будут работать полдня: одни до полудня, другие — после (полдня в это время года составляло почти восемь часов). Они получают половину платы, а их деньги выплатят мужьям. Глупо, но именно этого они и хотели. И некоторые из взрослых детей тоже по желанию могли помогать матерям, получая за услуги ту же сумму.

Загрузка бревен в лесопилку требовала общих усилий всех наших людей и лошадей, несмотря на использование канатов и веревок, ускорявших процесс. Однако данную часть работы легко можно проделать за несколько минут, на

* Руби Голдберг (1883—1970) — карикатурист, скульптор. Широко известен своими карикатурами, в которых выдуманное им сложное оборудование выполняет никому не нужные и очень примитивные операции. — *Примеч. ред.*

рассвете и еще раз после обеда. Потом женщины могли работать без мужской помощи полдня.

День выдался напряженный, и я надеялся, что кого бы ни нашел в своей палатке, она не ожидает слишком многого. За исключением Анастасии, которая считалась собственностью Владимира (или наоборот), «ожидające девушки» явно решили делить меня между собой поровну, при условии, что Кристина, в некотором смысле, равнее всех остальных. Я никогда не вмешивался в их дела и соответственно никогда не знал, с кем буду спать следующей ночью. Но и никогда не задавал вопросов, потому что в поросычьем раю никому не захочется нагонять волну в грязной луже.

Несколькими днями позже у дороги поднялся большой шум, я решил сходить и посмотреть, в чем дело.

Пан Владимир ехал на коне и вел рядом еще двух лошадей, в которых я узнал собственных животных. Последние были нагружены стальными инструментами и двумя мертвыми телами — моих бывших рабочих.

Я подбежал к нему.

— Владимир! Что случилось?!

— Они украли ваших коней и вашу собственность. Я погнался за ними, — ответил он спокойно, хотя и несколько напряженно.

Я внезапно взорвался.

— Дьявол! Ты, чертов убийца! Ты убил двух людей из-за никчемной парочки инструментов?!

Он уставился на меня, лицо его было белое и напряженное.

— Нет, я убил их за то, что они всадили топор мне в бок. Теперь помогите мне спуститься.

Пан Владимир наклонился в мою сторону, и я поймал его за талию. Мои руки тотчас окрасились кровью: кровь текла по правой ноге, заполняя сапог.

Я положил его на землю и начал раздавать людям приказы.

— Вы! Бегом за моими лекарствами. Кто-нибудь из дам покажет, где они находятся!

— Ты!.. Мне нужна кадка чистой воды!

— Ты!.. Приведи Кристину. Скажи, чтобы взяла с собой чистых салфеток.

— Глупость с моей стороны, — проговорил Владимир. — Я не догадался, что их двое. Пока держал одного на острие меча, второй напал на меня, не дав опомниться. Он ударил сзади, ублюдок, но, думаю, нельзя ожидать честных поступков от воров...

— Нам придется снять с вас доспехи. Мы их разрежем...

— Разрежем мои доспехи?! Да ни за что! Они стоят целое состояние! Моему отцу пришлось очень долго копить деньги, чтобы купить их. Ну-ка, крестьяне! Посадите меня...

Нам пришлось стягивать кольчугу через голову пана Владимира, и он, должно быть, испытывал невыносимую боль, когда задевали его правую раненую руку. Я видел, как вылезли из орбит его глаза и напряглись челюсти, но он ни разу не крикнул.

Кожаная рубаша застегивалась спереди, поэтому снимать ее оказалось легче. Под ней обнаружилась вышитая женской рукой сорочка.

— Работа Анастасии. Милая вещица. Боюсь, я испортил ее, — объяснил пан Владимир, имея в виду кровь.

Принесли мои медикаменты, и я занялся делом, обмывая рану и заодно свои руки. У меня оставалась только одна бутылка самогона, единственного в этих краях антисептика.

— Будет немного больно, Влад. Может, хочешь сделать пару глотков, прежде чем я вылью жидкость на рану? Это приглушит боль.

— Делайте, что необходимо, пан Конрад. А что касается вашего дьявольского варева, то я однажды попробовал его и предпочту боль в ране боли в желудке.

Толпа росла и напирала на нас.

— Яша, убери людей отсюда. И сделай что-нибудь с ними, — приказал я, указывая на коней, инструменты и трупы.

К тому времени, как прибыла Кристина, я уже обработал рану. Девушку сопровождала Анастасия, еле сдерживавшая истерику.

— Кристина, ты больше подходишь на роль портнихи, чем я. Почему бы тебе не зашить его? Два ребра сломаны и рана достаточно глубокая, но зато ни одна артерия не задета, и не думаю, что повреждена полость желудка... Анастасия, придержи-ка его голову, по-моему, ему не слишком удобно.

Итак, наши прекрасные дамы принялись за дело, а я отошел в сторону.

Зашив рану, Кристина положила сверху пухлую прокладку из сушеного мха с торфяных болот. Девушки поклялись, что растение обладает антисептическим действием. Я уже давно истощил все запасы своей аптечки, так что нам больше ничего не оставалось, как положиться на народную медицину. Думаю, в их верованиях была крупица истины, потому что у нас редко потом случались проблемы с инфекциями.

Крестьяне применяли не тот коричневый мох, который продают в современных аптеках, но само зеленое растение, срезанное и засушенное. Мох — хороший абсорбент, лучше бумажного полотенца, и он впитывает запахи, так же как и жидкость. Кроме лечения ран, дамы использовали его в качестве прокладок.

Если задуматься, мох не гниет. Вот почему мы взяли именно его. Новые поколения вырастают на старых. Может, убийство чужеродных организмов от природы антисептическими листьями позволяет получить питательные вещества для молодых клеток? В любом случае это сработало.

Подошел Яша.

— О лошадях позаботились, инструменты на складе, а собственность пана Владимира в его хижине, кроме доспехов, которые отдали кузнецу на починку. Но что делать с трупами?..

— Похоронить, я полагаю. Наверное, надо привести священника.

— Для пары воров, которые пытались убить доброго пана Владимира? Да вы что, никакой священник не позволит похоронить их на освященной земле, даже если бы мы и отыскиали его.

— А что насчет их семей?

— Эти двое — холостяки. Никогда не слышал, чтобы они упоминали о родственниках.

— Тогда возьми двенадцать человек, отнесите трупы подалее в лес и заройте там. И лучше сделайте это сейчас.

— Да, мой господин. Мы не будем помечать могилы.

Вечером я все еще чувствовал себя виноватым за то, что накричал на раненого Владимира. Когда я заглянул в его хижину, девушки обхаживали его с такой заботой, какой позавидовал бы и граф Ламберт.

— Пан Конрад, вы поставили охрану на ночь?

— Да, всю ночь на часах будут стоять двое крестьян с топорами. Пан Владимир, давеча я вот вам сказал...

— Забудьте об этом, пан Конрад. У вас было полное право разозлиться.

— Правда?

— Конечно. Я не только убил двоих из ваших людей без разрешения, но еще и таким образом поставил под сомнение ваше высшее право суда над своими крестьянами. В действительности я только защищался, но вы в то время еще ничего не знали.

— Ну, спасибо за то, что прощаешь меня.

— Я сказал — нет проблем. Но если вы хотите сделать что-нибудь для меня в ответ, то у меня есть просьба.

— Говорите, пан Конрад.

— Послушайте моего совета. Я раньше помалкивал, потому что здесь ваши земли, вы — хозяин. У вас странные методы управления помещьем, но это не мое дело. Однако то, что вы тут творите со своими крестьянами, до такой степени глупо, что я не могу больше молчать.

— Но... что же я такого сделал?

— Ничего! В этом вся загвоздка. Одно дело нанять людей для работы в городе или на землях другого господина. Это обычно и понятно. Но вы взяли в свою вотчину целые семьи и дали им работу, а взамен предложили всего лишь деньги! Вы понимаете, почему эти двое утром не чувствовали себя чем-то обязанными вам? Вы не дали им места здесь! Вы используете их как лакеев, которых нанимают, а потом выбрасывают на улицу. Вот к примеру, дома, которые вы строите. Кто будет в них жить?

— Ну, я думал, найму...

— Наймете. А чем плохи те люди, которые уже вам принадлежат?

— Да ничем. И что мне делать?

— Делать? Ну, конечно же, привести их к присяге!

— Присягнуть мне? Думаете, они согласятся? — Я заволиновался.

— Только полный идиот откажется. Другие ваши крестьяне, в корчме и на литейной, все богатеют, и народ знает об этом. К тому же они выяснили, что вы — мягкий человек. Вы не выпороли ни одного человека, с тех пор как мы прибыли сюда.

— И вы думаете, мне стоит всех привести к присяге?

— Ну, я-то вам присягнуть не могу. Я уже присягнул отцу. Но остальных стоит.

— Прекрасно, пан Владимир. Я соберу людей завтра за обедом.

— Ваш план удастся, только если вы возьмете с наших дам клятву молчать. Иначе с первыми лучами солнца все жители долины будут толпиться вокруг вас.

Так все и случилось. На рассвете Яша пришел ко мне и спросил, не может ли он присягнуть мне и стать моим человеком. Томаш, десятник каменщиков, наступал ему на пятки с той же просьбой. Через несколько минут сбежалось уже все население. Меня такое проявление преданности действительно тронуло, даже едва удалось сдержать слезы.

Люди по одному поднимали руки к солнцу, то же самое делал и я рядом. Они клялись служить мне верой и правдой до конца жизни, а я клялся защищать их до самой смерти.

Когда все мужчины присягнули мне, я удивил собравшихся, спросив, не хотят ли женщины последовать примеру мужей.

Все захотели. Получалось, что я беру на себя ответственность за них даже в случае смерти их супругов.

Кристина серьезно смотрела на меня.

— Пан Конрад, как вы думаете... то есть не могли бы мы...

— Вы, девушки, тоже желаете присягнуть?

— О да! — прозвучало пять голосов одновременно.

— Тогда мы сделаем это.

Ни у кого глаза не остались сухими.

Обед припоздал на два часа, но каким-то образом они сумели переделать гораздо больше дел в этот день, чем в предыдущий. Теперь крестьяне работали на своей земле, строили свои собственные дома, что было видно и по тому, как они работали, и даже по тому, как ходили по долине.

ГЛАВА 8

Свою ежемесячную поездку в Окойтц я предпринял в одиночку. Анна летела как ветер, и все путешествие заняло у меня меньше часа, тогда как с девушками и их медленными степенными лошадками понадобился бы целый день.

Граф все еще оставался крайне неразговорчив и не желал упоминать о нашем пари. Один из рыцарей рассказал мне, что, по его догадкам, у графа возникли некоторые финансовые трудности из-за венгерской жены. Я решил, что данное обстоятельство объясняет и необычную для Ламберта скупость и его грубое поведение. Но поделать я ничего не мог, оставалось только смириться.

Витольд, плотник, и Анжело, красильщик, прекрасно справлялись со своими обязанностями. Фабрику почти закончили, появилось свыше сотни новых тачек, что весьма ускорило работу.

Честно говоря, я практически все два дня провел в беседах с фермерами о новых растениях, которыми их снабдил.

Почти все злаки прекрасно взошли, но вот когда собирать урожай? Сможет ли этот сорт пережить зиму? Как тот овощ готовить? Чаще же всего задавали такой вопрос — а какую именно часть того или иного растения едят?

Цветы распускались потрясающие, всех поразили размеры и количество соцветий. Самыми популярными стали

подсолнухи, которые вымахали в три ярда высотой. Их цветы поворачивались к солнцу в течение дня.

В первый день праздновали свадьбу, и невеста с гордостью держала в руках единственный подсолнух в качестве свадебного букета. Я уже приготовился возражать против установления подобной традиции, потому что в букете содержалась одна двенадцатая всех известных миру семян подсолнуха. Но церемонию прерывать не годилось, и мне пришлось ждать ее окончания.

Когда пришло время кидать букет подружкам невесты, последняя, хорошенько размахнувшись, послала цветок в толпу. Подсолнух весом в три фунта попал в лицо одной из девушек, свалил беднягу на землю и в кровь разбил губу.

Я покинул свадьбу. Теперь никто не станет выбрасывать подсолнух. По крайней мере не таким образом.

Я отправился обратно в сумерках на второй день, и мы мчались домой ночью. Клянусь, Анна прекрасно видит в темноте.

Владимир поправился за неделю: таким вот крепким здоровьем одарил его Бог. А еще через неделю он повадился каждое утро проводить на охоте вместе с Анастасией. Девушка, как оказалось, умела отлично стрелять: не так, конечно, чтобы в сноровке хоть немного приблизиться к моему старому другу, лодочнику Тадеушу, но все же она каждый раз возвращалась домой с добычей.

Я был очень доволен, так как стараниями Анастасии на нашем столе стало появляться мясо, что внесло определенное разнообразие в достаточно скудный рацион.

Однажды утром эти юные охотники вернулись, гоня перед собой какого-то удрученного донельзя индивидуума.

— Что у нас тут, пан Владимир?

— Скваттер на ваших землях, пан Конрад. Убивать его сразу же мне показалось неправильным, поэтому я привел его сюда.

— Рад, что вы сохранили ему жизнь. А что вы понимаете под «скваттером»?

— У этого человека есть хижина, которую он построил на вашей собственной земле. Кроме того, он охотился в ваших лесах.

— Не вижу ничего такого, что могло бы меня расстроить, — заявил я. — Ну, приятель, что ты предпочитаешь: спокойно уйти из этих земель или присягнуть мне и остаться?

— Мне можно остаться?..

— Естественно. Тебе, конечно, придется отдавать мне часть твоей продукции. Скажем, одну четвертую каждого урожая и половину дичи, которую ты добудешь в моих лесах.

— Мне даже можно охотиться?! О, конечно, мой господин!..

Итак, этот «скваттер» присягнул мне, а Наталья завела на него персональную страничку. После того как крестьянин, кланяясь чуть не до земли, удалился восвояси, Владимир насупился. Он был явно оскорблен до глубины души. Я решил узнать причину этого.

— Во-первых, этот человек, вполне возможно, вне закона...

— Ну, я не могу осуждать кого-либо, основываясь только на предположениях. В любом случае он, наверное, готов к воссоединению с обществом.

Владимир хмыкнул.

— Кроме того, надо было забрать половину его урожая и не позволить охотиться, как это обычно делается.

— Знаю, но я не хотел обходиться с ним чересчур жестко. Что касается охоты... в лесу полно живности, так почему же она должна пропадать зря? Половина чего-то — больше, чем вообще ничего. Подумайте, ведь он нам ничего не будет стоить. Да и вообще, ртов, которые надо кормить, у нас предостаточно.

— Вам решать, пан Конрад, но остальные паны не одобряют ваше желание брать меньше, чем они.

Скваттер пришел двумя днями позже с шестью оленями, диким медведем и зубром. С ним появились его жена, трое детей и восемь друзей, тоже скваттеров, желавших присягнуть мне.

Все они были мрачными крепкими мужиками. Каждый вдобавок к поясному ножу носил топор. Топор — это вообще универсальный инструмент славянского крестьянина. Им он строит свой дом, обезглавливает свинью и защищает родину. Длина топора как раз подходила для работы, а ручку тщательно обрабатывали, чтобы удобно было держать. Их таскали повсюду, даже на светские мероприятия. Крестьяне танцевали с ними — по крайней мере некоторые чисто мужские танцы. Топор — страшное оружие.

Однажды в музее я видел старинный египетский топор практически такой же формы. Его делали для какого-то принца, а потому покрыли золотом, но основная идея совпадала. Некоторые вещи довольно сложно усовершенствовать.

К концу месяца целых двадцать шесть скваттеров превратились в йоменов.

Естественно, мои отношения с разными йоменами складывались неодинаково. Я регулярно приглашал их в Три Стены на праздники и всякие прочие мероприятия. Первое время проблем не возникало, но если бы они появились, мне бы пришлось как-то выкручиваться. Единственное, что отбирало много времени, — ежегодный объезд моих йоменов. Дорога занимала целую неделю.

Владимир сказал, что мне нужен управляющий. Подумав над его словами, я согласился, потом связался с одним из йоменов и приказал ему собраться с остальными и выбрать себе лидера. Йомены обрадовались такому доверию до одури. Владимир же возмутился до глубины души.

К тому времени рудокопы и каменщики, расширявшие старую шахту, добрались до воды. Насосы работали как часы, но скала оказалась слишком пористой и насквозь пропиталась влагой. Нам приходилось осушать не только шахту, но и всю гору. Мы взялись и за это, но рудокопы не поспевали за развитием города.

Я поставил шестерых каменщиков вырубать точильный камень из располагавшейся рядом обнажившейся породы. Мулы, которые доставляли продукцию, раньше отправлялись в путь порожняком, так что транспортировка ничего нам не стоила. За точильный камень много денег не получишь, но все же лучше, чем ничего.

Остальные каменщики занялись добычей известняка для фундаментов домов и огнеупорных стен нашего основного строения.

Известняк не лучший материал для огнеупорных стен. Пламя со временем разрушает его. Но защиту на несколько часов он все-таки дает, а это все, что мне нужно. В любом случае известняка у нас имелось предостаточно, чего не скажешь о песчанике, который необходим для строительства доменных печей.

Дела потихоньку шли, и жить становилось лучше. Даже с пивоварней все обстояло прекрасно. Из-за нехватки пригодной для питья жидкости люди в средние века выпивали устрашающее количество пива. В Трех Стенах мы потребляли более галлона в день на человека, и это считая женщин и маленьких детей! За неделю исчезало около трех огромных бочек в тысячу галлонов. О, пиво было слабым, но его невиданное количество пугало.

Однако я ничего не мог поделать. Люди не стали бы возражать против порки, а свободный доступ к их дочерям вообще считался делом само собой разумеющимся. Но если бы я уменьшил запасы пива, тут же получил бы готовую революцию. Хватит уже того, что мне не приходилось платить налог на алкоголь, который мы производили.

Однажды вечером в воскресенье я объявил, что на следующей неделе устраиваются танцы. Мы приглашаем йоменов, и всякий, кто умеет играть на инструментах, может получить свободный час каждый вечер для репетиций.

Последнее предложение мне вскоре пришлось отменить. Более половины людей умели играть на инструментах. После долгих споров мы, наконец, выбрали руководителя ансамбля. Ему предстояло подобрать двенадцать человек, которые и получают свободный час: я не мог позволить половине нашей рабочей силы уходить каждый вечер на репетиции.

В основном они сами изготовили свои инструменты, и как я заметил, некоторые из моих старых чертежей превратились в части барабанов. Вначале группа слишком налегала на перкуссию и имитацию завываний ветра, но со временем из них получилась довольно хорошая команда.

Я провел свой первый официальный суд перед танцами, так как там присутствовали йомены: и потом, Владимир уже некоторое время донимал меня по поводу отсутствия церемоний. Ему не нравилось мое обычное неформальное ведение дел. Наверное, есть что-то в разумном животном, что требует формализма, потому мы так часто и ведем себя официально.

Мы сдвинули несколько столов в трапезной и поставили наверх стул. Мой трон.

Я облачился в самые лучшие свои одежды и попросил Наталью вести записи для памяти, а пана Владимира — руководить представлением, поскольку он знал ритуал.

Он появился в полном вооружении с копьем наперевес, как королевский стражник. Потом закричал несколько театрально:

— Слушайте! Слушайте! Ваш господин, пан Конрад Старгардский, хозяин Трех Стен, начинает вершить свой правый суд. Пусть всякий, кому нужен совет или помощь, выйдет вперед.

Двое шляхтичей затеяли спор о свинье, которую они привели с собой как вещественное доказательство. У обоих сбежало по свинье в один и тот же день, однако поймали только одно животное, которое каждый объявлял своим. Я позволил им немного поспорить, так как одно из назначений суда — предоставление места, где снимается социальное напряжение.

Пока они ругались, я заметил, что Наталья сидит за столом ниже меня: это давало мне приятную возможность обозревать вырез ее платья. Не знаю, почему подобное зрелище так заинтересовало меня, я ведь тысячу раз видел ее обнаженной, но что было, то было.

Вскоре всем, и мне в том числе, стало понятно, что оба спорщика считали себя правыми, а одна свинья слишком похожа на любую другую.

Я сказал, что теперь мне все стало ясно и что я принял решение. Объявил первому, что свинья принадлежит ему, и он может забирать ее домой. Потом обратился ко второму и заявил, что свинья принадлежит ему, и он тоже может забирать ее домой. Потом назначил им плату за суд — с каждого по половине свиньи и приказал разрубить животное за пределами лагеря. Таким образом, каждый получал по половине свиньи.

Один из спорщиков поинтересовался, как я получу свою плату. Я сказал, что обе мои половинки бегают где-то в лесу, и если он увидит их, то пусть обязательно принесет мне. Я думал, что удачно пошутил.

Он серьезно кивнул и ответил:

— Конечно, мой господин.

Через две недели йомены появились снова, каждый тащил по половине свиньи, которые они нашли в лесу, все еще соединенные вместе.

Мне возвратили мою собственность, и оба признали мое решение отличным.

Всякое бывает. Отец рассказывал мне подобные истории.

На повестке дня оставался только формальный запрос двух моих подданных, собиравшихся пожениться.

Как сеньор, я имел право провести ночь с невестой, до того как она перейдет к жениху, или же принять от будущего мужа откуп и не трогать девушку. Мне традиция не нравилась. Или невеста влюблена в жениха и тогда не захочет меня, или же она беременна, тогда уже я буду опасаться повредить ребенку, или все сразу.

Я всегда уступал невесте право решать. Черт, я достаточно уставал, удовлетворяя желающих.

Естественно, я всегда давал разрешение на женитьбу, но им нравилось устраивать полноценную церемонию. Я спросил у отца девушки, благословил ли он данный брак. Да. Благословил ли его отец жениха? Да. Знает ли кто-либо из присутствующих причину, по которой брак не может совершиться? Никто не знает. Я кивнул пану Владимиру.

— Знайте все, что брак между Марией Складовской, дочерью Томаша Складовского, и Михаилом Коперником, сыном...

Я чуть не упал со стула. Мария Складовская — девичье имя женщины-ученого, прославившейся как Мария Кюри, после того, как она вышла замуж за француза. А Михаил Коперник произвел революцию во всей современной науке.

И они заключали брак?

Через мгновение верх взяло чувство истории. Коперник родился в пятнадцатом веке, Кюри — в девятнадцатом, а я застрял в тринадцатом. Имена просто совпали.

Очевидно.

Но я попросил Наталью сделать пометку в записях, чтобы меня извещали обо всех детях, которых они нарожают. Возможно, у нас намечался гений.

Танцы прошли прекрасно. Мы с Кристиной показали всем польку и мазурку, которые со временем стали очень

популярными. Наверное, все дело в том, что ты можешь держать в объятиях женщину, не являющуюся твоей женой, на публике, не вызывая нареканий в свою сторону.

Йомены показали мужской танец, который подразумевал внушительные прыжки и лязганье сталкивающихся топоров. Выходило что-то среднее между танцем, сражением и воинскими экзерсисами. Йомены смутно напоминали группу каратистов, отрабатывающих ката — без изящной отточенности движений артистов Национального балета, но с огромной экспрессией.

В перерыве между танцами я вытащил сделанную собственными руками деревянную рамку. Она состояла из двух маленьких прямых палок в два ярда длиной, которые крепились так, чтобы их можно было передвигать, подгоняя расстояние между ними до нужного размера.

Я объявил конкурс.

— Дарю шесть серебряных гривен тому, кто пролезет через самое узкое отверстие!

Необычное состязание, но шесть гривен — почти недельная зарплата. Соревнование вызвало оживление. Маленький Петр Кульчиньский выиграл, но Кристину этим не впечатлил.

— Прекрасно, — заявил я. — Меня беспокоили воры, могущие пробраться в наш новый дом. Теперь я знаю, какой ширины делать окна.

Вообще же мероприятие имело огромный успех, и мы договорились в дальнейшем устраивать танцы каждые две недели. Со временем появился даже деревянный танцпол.

Я уже готовился к очередной поездке в Окойтц, когда как-то раз на дороге появился гонец.

Монах Роман Маковский приехал на муле, с рясой, поднятой буквально до пояса. Когда он спустился на землю, я заметил, что внутренняя поверхность бедер бедняги стерта в кровь. В чрезвычайном возбуждении, хромя, он бросился к нам с паном Владимиром.

- Пан Конрад! Слава Богу, я нашел вас!..
- Успокойся дитя мое, в чем дело?
- Тадеуш, лодочник! Его собираются убить!
- Тебе лучше начать сначала.
- Помните лодочника, с которым мы ехали в Краков?

Этой весной вы написали ему письмо с печатью графа Ламберта и послали через мой монастырь. Так как я знал нужного человека, то и доставил письмо сам. Он собирался в тот день отправиться в Сац, но сказал, что ответит, как только вернется в Краков. Вы помните оленя, которого Тадеуш застрелил прошлой осенью у Дунайца? В общем, две недели назад он убил еще одного на том же самом месте. Только вот этот оказался не настоящим оленем, а приманкой. Когда Тадеуш вылез из лодки, чтобы забрать тушу, люди барона арестовали его за браконьерство. Они бы его сразу же повесили, только вот с ним оказалось письмо от графа Ламберта, а барону очень не хотелось оскорблять такого важного господина, как ваш сеньор. Он кинул Тадеуша в темницу и написал Ламберту, что если тот не заплатит выкуп, Тадеуша повесят через шесть недель! Опять же письмо прошло через мой монастырь, и я получил разрешение доставить его лично. Пан Ламберт сказал, что это не его дело, и вы можете поступать так, как посчитаете нужным. Поэтому я приехал сюда и еле нашел вас...

— Тогда у нас есть еще месяц, прежде чем его повесят. Не надо поддаваться панике, — рассудил я. — Письмо барона с тобой?

Парень передал его мне, и я начал читать. Средневековые письма просто складывали и скрепляли печатью, если оно содержало личные сведения. На этом письме печать болталась на ленте. Они не используют конверты, но пергамент выбирают очень плотный.

— Барон Пшемысл требует четыре тысячи гривен? За одного паршивого оленя? — задохнулся я от возмущения.

— К тому же за ненастоящего оленя, — добавил пан Владимир. — Я слышал об этом Тадеуше, его браконьерские замашки многим поперек горла стоят. Но кузен Пшемисл пожадничал даже больше обычного.

— Ты ему родственник? — удивился я.

— Он мне троюродный брат. Не ест ничего, кроме свежеубитых зверей.

— Надеюсь, заработает подагру.

— Он ею уже страдает... А откуда вы знаете?

— Такое бывает от питания одним мясом и салом. Думаю, мне придется поехать в Сац сразу после Окойтца.

— Нет, пан Конрад, — вмешался монах, — граф Ламберт сказал, что освобождает вас от долга на этот раз, если вы желаете спасти Тадеуша.

— Пан Конрад! Вы что, и вправду собираетесь выплатить баснословную сумму, чтобы спасти жизнь преступнику? — возмутился Владимир. — Да такие деньги в качестве приданого соблазняли многих рыцарей на женитьбу!

— Думаю, мне придется это сделать. То есть я знаю этого человека, однажды я был голоден и он убил оленя, которого мы съели вместе. Браконьерство — вовсе не смертельный грех.

— В нашем случае как раз смертельный. Но если вы собрались ехать, давайте устроим увеселительную прогулку. Возьмем Анастасию и, может, Кристину, и совместим приятное с полезным. Сейчас самое приятное для путешествий время года, а я смогу вам показать местные достопримечательности. Я знаю множество важных людей в этой части Польши, нам везде будут рады. Да, наверное, вся поездка обойдется нам меньше, чем в гривну. Вы еще сможете купить соль в шахтах, там она очень дешева. А я получу шанс показать Анастасию родителям.

Как только Кристина прознает о предложении, у меня не останется ни одной спокойной минутки, пока я не соглашусь с планом. Лучше склониться перед неизбежным

сразу. В любом случае в моем городе дела шли неплохо, и я и так уже собирался устроить себе отпуск. Все-таки почти год работал без роздыха!

— Ладно, уговорил. Мы выезжаем утром. Роман, не хочешь присоединиться?

— С вашего позволения, я немного повредил ноги...

— И тебе лучше натереть их гусиным жиром или чем-нибудь подобным. Отдохни здесь пару дней. Ехать на лохматом муле без седла в одной рясе — не самое мудрое решение.

— Да, мой господин. Я не стану возвращаться в Краков какое-то время. Мой аббат попросил меня заехать в Окойтц и посмотреть ваши ткацкие станки. Он хочет заполучить такие же для монастыря.

ГЛАВА 9

Мы выехали очень рано, солнце все еще пряталось за горами, когда мы ступили за порог. Девушки восседали на своих кобылках, каждая вела по паре самых выносливых мулов. У нас было не так уж много багажа, но мне хотелось привести домой около тонны соли на зиму из шахты у Кракова. Засол оказался единственным способом сохранить мясо, а я задумал большую охоту в недалеком будущем. А вели вьючных животных именно девушки, потому что на том настоял Владимир: у рыцаря должны оставаться свободными руки на случай опасности. И он, и я выехали на боевых конях в полном вооружении. Анне, кажется, больше понравилось путешествовать, чем таскать бревна.

Кристина заставила меня надеть кричащий красно-золотой бархат, который я заполучил после столкновения с сутенерами в Цешине. Анну облачили в те же цвета. Я удивился, увидев Кристину в платье, подходящем под мой собственный наряд. Более того, Владимир и Анастасия оделись одинаково, только уже в фамильные цвета Владимира: серебряный и голубой. У нас даже имелись флажки для копий, что означало необходимость брать с собой копье, несмотря на то, что я почти не умел с ним обращаться.

Должно быть, девушки спланировали все это несколько недель назад, то есть купили материал в Цешине. И к тому же они получили массу удовольствия, делая приготовления

втайне, чтобы я ничего не заметил. Наверняка я каким-то образом оплатил покупки. Но теперь я в отпуске и не собираюсь беспокоиться о мелочах.

Короче, мы устроили из своего выезда из Трех Стен настоящее шоу, и, несмотря на ранний час, полдеревни собралось поглазеть на нас.

Последние несколько месяцев я сам ходил непонятно в чем и потому не замечал, какие лохмотья носили мои люди. Теперь же разница в одежде настолько бросалась в глаза, что меня начала мучить совесть. Я дал себе твердое обещание купить пару дюжин больших рулонов ткани, когда приеду в Окойтц в следующий раз.

До пана Мешко мы добрались как раз к обеду, а уже в полдень снова оказались на дороге под чистым голубым небом. Через несколько часов въехали во владения пана Ламберта, направились на восток, надеясь прибыть к дому Владимира до наступления ночи.

Всю дорогу мы смеялись и пели, вели себя буквально как кучка перепивших пьянчуг, хотя никто из нас не выпил больше пары кружек пива за последний месяц.

Нам повстречался караван, направлявшийся на запад: дюжина нагруженных мулов и несколько охранников в строгих одеждах немецких тевтонских рыцарей. Они вели себя довольно дружелюбно и отсалютовали нам, когда мы сходили с дороги, чтобы пропустить их.

За мулами тянулась длинная вереница пленников, и кое-что поразило меня: нечто ужасное, кошмарное, несправедливое. Мимо меня шло около шести дюжин мальчишек, прикованных шея к шее. Все нагие, или почти нагие. Ноги их кровоточили, на спинах виднелись следы порки.

За ними — девочки в том же кошмарном состоянии. Ни у кого из детей еще не выросло волос на теле — настолько они были малы.

— Что... что это все значит? — спросил я рыцаря, одетого в черно-белое.

— Как что? Стадо рабов, каждый — язычник. Мой орден сохраняет жизнь лучшим в деревне. Мы продаем их купцам в Константинополе, чаще всего евреям, а они продают рабов мусульманам далеко на юге. Знаю, пленники выглядят не очень хорошо, но стоит их отмыть и подлечить несколько дней, и сарацинские торговцы с руками их оторвут. Девчонок всех заберут в гаремы, а половину мальчишек кастрируют, так уж у них принято.

— Но ни один из этих ребятишек не дорос до того, чтобы стать преступником! — ошарашенно произнес я.

— А кто говорил о преступниках? На преступниках денег не заработаешь! Кто захочет их покупать? Здесь просто рабы, которых мы ведем в Константинополь.

— Вы не можете так поступить!

— Да? Кто это сказал?

— Я! Дети не заслуживают такого обращения.

— И как же ты собираешься нам помешать?

— Я покажу вам!..

С этими словами я вытащил меч.

Из автобиографии пана Владимира Чарнецкого

Мы пребывали в отличном настроении — моя любимая, друзья и я, — когда продвигались к владениям отца. Пан Конрад знает тысячи песен и историй, да я и сам припомнил парочку. А вместе с шутками и песнями время пролетало действительно весело.

Мы остановились, чтобы пропустить караван с товарами и рабами. Я шутил с нашими дамами, в то время как пан Конрад болтал с одним из тевтонских рыцарей ордена госпитальеров святой Марии из Иерусалима, которых называют крестоносцами, или Рыцарями Креста — из-за больших

черных крестов на их белых плащах. Они охраняли караван и являлись владельцами рабов.

Крестоносцы представляют самую могучую силу в Польше, с такими лучше не связываться.

Внезапно, к всеобщему удивлению, пан Конрад вытащил меч и поехал вдоль линии рабов, разрубая по пути их цепи. Его тонкое оружие обладало такой поразительной силой, что цепи, разрываясь, почти не дергали за шеи пленников. Все застыли в изумлении, уставившись на пана Конрада.

Потом один из рыцарей вышел из оцепенения, издал боевой клич и ринулся в бой с высоко поднятым мечом. Пан Конрад настолько увлекся своим делом, что даже, по моему, не заметил противника.

Его лошадь, замечательное существо, увидела приближающегося крестоносца и, наверное, из страха, что, подпрыгнув, заставит дрогнуть руку пана Конрада и повредит рабам, она ударила ногой вбок и сломала нападавшему бедро. Я знаю, что мои слова кажутся бредом, ведь лошадь не может лягаться подобным манером, но я видел это собственными глазами.

Пан Конрад повернулся, как будто в первый раз в жизни увидев противника. Меч крестоносца все еще оставался высоко поднятым, и пан Конрад рассек его руку пополам между локтем и запястьем. Меч тевтонца улетел вместе с кистью, все еще цеплявшейся за него. На руке также осталась кольчуга, потому что лезвию клинка пана Конрада безразлично, что рубить — сталь, кожу или кость.

Остальные шестеро крестоносцев атаковали пана Конрада, а передо мной встала задача, на решение которой совершенно не было времени!

Видите ли, я являюсь вассалом моего отца, вассала графа Ламберта, а последний, в свою очередь, подчиняется князю Хенрику Бородатому. Граф Ламберт заставил всех своих вассалов поклясться охранять дорогу, чтобы та стала

безопасной для торговцев. Таким образом, моим долгом по отношению к отцу было помочь крестоносцам в бою против Конрада. Но князь взял с меня клятву защищать пана Конрада, и в соответствии с этим мне следовало прийти к нему на помощь и атаковать крестоносцев.

Итак, что же мне нарушать — клятву, данную князю, который в общем-то не мой и даже не моего отца сеньор, или слово моего отца? Или же тот факт, что князь является сеньором графа Ламберта, означал, что клятва, принесенная ему, важнее клятвы его вассалу? В то время я не мог решить эту проблему.

Вообще-то я до сих пор не решил ее.

Единственное, что мне пришло в голову: если не останется свидетелей, никто и не узнает о чудачествах пана Конрада. Дело никогда не попадет на рассмотрение вышеперечисленных сеньоров, и дилемму не понадобится разрешать.

Я опустил копьё и ринулся на крестоносца.

— За Бога и Польшу! — закричал я по привычке.

Частично боевой клич призван предупреждать противника о вашем появлении: так, чтобы вы случайно не атаковали врага с тыла, обесчестив самого себя. Но сейчас традиции честного боя блекли перед необходимостью убить всех крестоносцев. Уничтожение проводников и других крестьян займет не больше минуты.

Они не увидели, как я приближаюсь — возможно, из-за своих шлемов. Слишком много рыцарей пытались достать пана Конрада, так что они никак не могли уместиться вокруг него разом.

Один крестоносец держался позади остальных, наблюдая за битвой, а я как раз проезжал мимо него. Я пронзил его горло копьем, ударив сбоку. Тотчас полилась кровь, и тевтонец начал оседать. Затем я занялся основной толпой: острием копья достал одного в затылок, там, где заканчивался шлем. Он упал под копыта Ведовского Пламени.

В следующую секунду крестоносцы уже повернулись ко мне. В последний момент я изменил направление движения своего копья и попал одному рыцарю прямо в глазную щель шлема. Трудный удар, но у меня получилось!

Во всех историях только и слышно о сверкающих мечах, о звенящих мечах, да вообще о мечах в целом, но говорю вам, именно хорошее владение копьем приносит рыцарю победу в битве.

Я чувствовал себя непобедимым героем, когда снова повернулся, чтобы увидеть капли крови на мече пана Конрада и сидящего в седле крестоносца без головы.

Оставшиеся два крестоносца, увидев смерть пятерых товарищей, не сумевших причинить ни малейшего вреда нам с паном Конрадом, быстро повернулись и кинулись наутек. Я бросился следом. Мы проскакали около мили; Ведовское Пламя наслаждался бегом так же, как я раньше — битвой. Потом крестоносцы обернулись и поняли, что за ними двоими гнался всего один рыцарь. Гордость взяла верх над страхом смерти.

Они повернули коней и напали на меня.

Одновременно, с обеих сторон. Мне удалось отбить их копья одним лишь щитом — нелегкая задача! Попробуйте повторить такое в следующем своем сражении! Однако мое собственное копье только скользнуло по шлему рыцаря слева от меня.

Мы втроем снова развернулись и приготовились к атаке. Мне пришло в голову кое-что, сказанное однажды паном Конрадом: когда ты сталкиваешься с проблемой, то реагируешь на нее привычными действиями, не высказывая особой смекалки.

Рыцари всегда проезжают с правой стороны, потому что в левой руке несут щиты, а в правой — копья. Таким образом, они привыкают атаковать противника слева, как я и поступил в последней стычке.

На этот же раз я начал как обычно, но в последний момент переменял цель и ударил рыцаря справа прямо в брюхо, распоров ему все кишки! Он и не подумал закрывать живот с моей стороны. Более того, моя замечательная тактика так ошеломила обоих противников, что они совершенно не задели меня.

Я развернулся и увидел, как последний крестоносец скрывается за горизонтом. Смерть шести товарищей переполнила чашу его смелости. Я погнался следом, но без особого результата. Через две мили он все еще едва виднелся впереди.

Оглядываясь назад, думаю, что в неудаче следует винить попону Ведовского Пламени. День выдался жарким, и бедняга перегрелся на солнце.

Я вернулся с достойным зависти боевым рекордом, однако чувствовал себя абсолютным неудачником. Убежавший крестоносец явно не собирался останавливаться по эту сторону реки, а когда он переправится на другой берег, все силы ада вырвутся на волю.

Но все мы под Богом ходим. Человек может только делать то, что считает правильным, а потом надеяться на лучшее.

Что касается меня... ну, за один вечер я убил целых четырех рыцарей. Крестоносцы, не принадлежащие к знати, вышивают на плащах букву «Т», а не крест, но никто из моих жертв не носил такого знака.

Бог мой! Это означало, что я стал обладателем четырех полных наборов оружия и доспехов! И четырех боевых коней к тому же! В первый раз в жизни я сделался богатым. Я мог теперь тратить деньги... а интересно, не согласится ли пан Конрад продать мне частичку своей земли, на которой можно построить дом для моей Анастасии, даже если отец не одобрит нашего брака... но нет. Она заслуживает настоящего мужа и честной свадьбы.

Потом еще оставшийся караван. Мулы и их поклажа. Имею ли я право на долю? Товары принесли бы столько денег, что окупили бы расходы на доставку их в Константинополь. И рабы. Сколько стоит раб? Впрочем, в любом случае такое их количество принесет немалую сумму.

Итак, мои мысли просветлели, пока я подъезжал к рыцарю, которого поразил в живот. Бедняга все еще дышал, но с его раной никто долго не проживет. Впрочем, я ничего не имел против него лично, даже после того, как он напал на меня вдвоем со своим напарником.

— Ну, господин мой, вы наверняка знаете, что все равно что мертвы с такой раной, а нагноение живота — не самая лучшая смерть. Не желаете ли, чтобы я оказал вам последнюю милость?

Я вытащил кинжал, обычное орудие для такого рода дел.

Он ответил мне на немецком — языке, которого я не знаю. Я показал ему руками, что ожидает его с подобной раной, он кивал головой — понял. Я жестом показал, как перерезаю ему горло. Но он покачал головой и несколько раз сотворил крестное знамение.

Он хотел, чтобы его исповедовали. Я кивнул, соглашаясь, и взгромоздил рыцаря на коня, привязав его к седлу. Конрад настаивает на использовании глупых низких седел, однако у высоких, до пояса, есть свои преимущества. Они могут удерживать человека на месте, даже если он без сознания.

Оружие крестоносца покоилось на моем седле, мы медленно начали продвигаться обратно, к остальным. Четыре победы и ни пятнышка на моих новых доспехах!..

Из дневника Конрада Шварца

Оглядываясь назад, я бы сказал, что все сделал неправильно, но при этом не представляю, как мог поступить иначе. Я никогда не бросил бы несчастных детей в беде. Как и всякий честный человек на моем месте. На самом

деле я тогда решил, что, если мне удастся освободить от цепи достаточное количество детей, охранники скорее погонятся за ними, чем нападут на меня. Когда бы ребята бросились врассыпную, поймать их стало бы очень сложно, а тех нескольких, которые все же попались бы, мы могли освободить позже. Я ни на минуту не сомневался, что не имею ни малейшего шанса против семерых рыцарей, даже приняв помощь пана Владимира. А он совершенно непредсказуем в таких вещах.

На самом деле мальчишки слишком удивились, чтобы бежать! Рыцари надели на меня, прежде чем я освободил трех рабов, а дети продолжали стоять столбами. Если бы не вмешался пан Владимир, меня точно убили бы. Но он беспощадно смял трех крестоносцев и еще двоих обратил в бегство. Я ранил одного и из необходимости убил второго. Но мы остались в живых, как и сто сорок два ребенка, а именно этого я и добивался.

И все же, как только битва закончилась, Владимир покакал вперед по дороге как сумасшедший! Клянусь, мне никогда не понять мотивов его действий!

После схватки я обдумал все, что мы натворили. Четыре человека мертвы, но рыцарь, которого я лишил руки, оставался в живых. Именно с ним я разговаривал до боя. Я наложил жгут на его руку выше локтя и отправился за аптечкой.

К таким ранам я уже успел привыкнуть, поэтому крепко пережал артерии и зашил большую часть обрубка, оставив его достаточно открытым, чтобы рана подсыхала. К тому времени, как я закончил, рыцарь очнулся. Кроме жажды он испытывал сильнейшее удивление оттого, что еще жив, а я лечу его руку.

— Это тебе не поможет, слышишь! После того, что ты натворил, орден сотрет тебя с лица земли, даже если ты поставишь меня на ноги!..

— Я делаю это не для того, чтобы добиться чьего-то расположения. Мне не нужно расположение вам подобных. Вы обращаете в рабство детей! Вы издеваетесь над ними. Вы продаете их в рабство и обрекаете на жалкое существование. Зачем мне ваша дружба?

Я закончил бинтовать его руку.

— Тогда зачем ты это делаешь?

— Сам не знаю. Может, просто не вижу причин вам умирать прямо сейчас. Я вам не судья. Может, все дело в христианском милосердии.

— Ты странный человек.

— Мне говорили об этом. Давайте-ка оттащим вас в тень...

Он вскрикнул, когда я попытался поднять его. Вскоре я обнаружил, что у крестоносца сломана нога.

— Как, черт возьми, вам удалось сотворить с собой такое? Придется снять с вас штаны и наложить шину...

Через час после битвы наша группа приобрела слегка упорядоченный вид. Анна взяла на себя труд собрать всех отбившихся от каравана лошадей, мулов и бывших рабов, плюс еще дюжину прибившихся исхудавших мулов.

Я приказал людям разобраться с беспорядком, уложить трупы на коней и бережно обращаться с выжившим крестоносцем.

Прусские дети говорили на языке, понять который не представлялось возможным. Что-то похожее на кашубский, на котором разговаривает небольшая группа поляков в современном мире. Но не совсем.

Я посмотрел на дорогу. К нам приближались два рыцаря.

— Пан Владимир!.. — закричал я. — Добро пожаловать обратно. Где вы были?

— Пытался поймать двух беглецов, но догнал только одного, и ему нужен священник. Вы готовы?.. По-моему, нам следует вернуться к пану Мешко.

Крестоносец рядом с Владимиром держался в седле, но пребывал в бессознательном состоянии. Его живот был вспорот, и по ноге стекало содержимое кишечника, смешанное с кровью. Я ничего не мог сделать для несчастного. Даже компетентный доктор в современной клинике посчитал бы случай очень тяжелым.

— Да, лучше нам к пану Мешко. По коням! Мы отправляемся на запад! — крикнул я.

Мы оставили раненого рыцаря в седле: снимать его не имело смысла. Ему нужна скорость, комфорта все равно не добиться. Девушки испуганно молчали с самого начала сражения. Когда мы двинулись медленно вперед, они поехали с обеих сторон от крестоносца, удерживая его в вертикальном положении и пачкая свои наряды кровью.

Я подъехал к Владимиру.

— Вы спасли мне жизнь, пан Владимир. Я благодарен вам за это.

— Ерунда. Лучше скажите... все эти кольчуги, оружие и товары... Они принадлежат нам?

— Не знаю. Возможно. Мы спросим пана Мешко. Он когда-то был регистратором и немного знает закон. Пожалуйста, только не подумайте, будто я критикую, но зачем вы погнались за двумя последними стражниками? Они убегали и не собирались причинять нам вреда.

— Зачем? Конечно, чтобы убить их! Если бы я не упустил последнего, никто, может, и не узнал о случившемся. Мы могли бы избавиться от крестьян и переправить караван в Константинополь сами. А теперь, если нас и не повесит граф Ламберт, то крестоносцы уж точно сделают это за него. Кстати, почему вы мне не помогли в погоне за теми двумя рыцарями? Ваша лошадь может обогнать ветер. Мы бы поймали оставшегося крестоносца и не были бы сейчас вне закона. Но, может, нам удастся быстро продать товары и сбежать во Францию. Я слышал о ней много интересного.

И еще. Что, черт возьми, заставило вас напасть на караван? Неужели вы уже недостаточно богаты?

Меня подобная цепочка рассуждений повергла в совершенное недоумение.

— Минуточку! Я не вне закона. Я не сделал ничего плохого!

— Вы не сделали ничего плохого? Нападение на караван на земле вашего сеньора — хорошо? Убийство полудюжины мирных стражников-крестоносцев — это хорошо? Впутывание меня в эту абсурдную ситуацию — тоже хорошо?

— Извините, что впутал вас, я бы давно уже валялся мертвым без вашей помощи, но дело в том, что я вовсе не просил мне помогать. Вы, пан Владимир, ввязались в схватку по собственной воле. Я рад, что вы так поступили, но ответственности за чужие действия не несу. Что до каравана и охранников... Эти крестоносцы обижали невинных детей, которых мы и спасли. Мне не стыдно за себя.

— Дети? Вы имеете в виду рабов?

— Бывших рабов, — уточнил я. — И я не собираюсь убегать во Францию и куда бы то ни было.

— Вы собираетесь остаться? После того, как нарушили клятву, данную графу Ламберту?..

— Я не нарушал никаких клятв! Я клялся защищать людей на землях пана Ламберта. Дети — тоже люди. Они находятся на земле Ламберта и явно нуждались в защите. Я поступил правильно.

Он опустил глаза и покачал головой.

— О Боже. Котенок запутался в клубке ниток...

Тем же вечером за ужином мы рассказали пану Мешко и его жене о своих приключениях.

Когда повествование было закончено, у пани Ричезы стояли слезы в глазах.

— Пан Конрад, мы были так близко! Через несколько лет школы процветали бы...

Она поднялась и выбежала из комнаты.

Пан Мешко покачал головой.

— Пан Конрад, бывает, что человек падает в отхожее место. Так вы только что совершили подобный подвиг. Вы оскорбили своего сеньора. Напали на торговцев и объявили войну самой мощной военной организации на тысячу миль вокруг. Раз уж вам захотелось совершить самоубийство таким оригинальным способом, почему бы еще не помочиться на Папу Римского? Тогда бы за вашей шкурой охотились все, кому не лень.

— Нет, думаю, мы все же хорошо поработали, — съязвил Владимир. — В конце концов, крестоносцы — религиозный орден, они находятся под защитой Папы.

Я проигнорировал его слова.

— Я все еще настаиваю на том, что мы с Владимиром не сделали ничего плохого.

— Что касается пана Владимира, то, наверное, вы правы. Он еще может выкарабкаться из этой истории, если только крестоносцы не загорятся жадой мести, а с ними такое всегда может случиться. Существует понятие вынужденного вассалитета. Вот смотрите. Никто из здесь присутствующих не является сеньором по отношению к другим. Но вы едите за моим столом и под моей крышей. Если бы в этот самый момент на меня напали, вам пришлось бы прийти мне на помощь, как будто вы мои вассалы. Более того, как мои вассалы, вы не будете отвечать за мои действия... Итак, насколько я понимаю, пан Владимир путешествовал с вами уже несколько месяцев за ваш счет, так что вынужденный вассалитет может иметь место.

— Это что-то новое для меня. Подумать только — вынужденный вассалитет, — хмыкнул пан Владимир. — Но вы сняли груз с моих плеч. Скажите мне, имеет ли право вынужденный вассал на долю добычи?

— Да, — ответил Мешко, — имеет. Но в нашем случае добычи может и не оказаться. Пан Конрад утверждает, что

крестоносцы действовали, как преступники, причиняя телесные повреждения детям. Тогда вещи преступников принадлежат ему, а его сеньор вправе потребовать свою долю. Но крестоносцы, без сомнения, назовут пана Конрада преступником, бандитом с большой дороги, нападающим на караваны, а вор не имеет права на имущество, которое присвоил незаконно... Пока вы умывались, я осмотрел товары, которые вез караван, поскольку животных поместили в моем стойле. Мулы принадлежат крестьянам и не попадают в ваше распоряжение, но поклажей владели крестоносцы, а она ценна. Там четырнадцать тюков великолепных северных мехов и три — янтаря. Рабы стоят по шестьсот гривен каждый, а оружие, кольчуги и боевые кони — все в отличном состоянии. Все говорит о том, что данная добыча принесет гораздо больше денег, чем все, выигранное в бою паном Конрадом прошлой осенью.

— Пусть так, — согласился я. — Но я это сделал не из-за денег. Я пытался спасти детей и не знаю, что теперь с ними станет. Их можно отослать домой?

— Невозможно. У них нет больше дома и семьи. Когда крестоносцы нападают на языческую деревню, они убивают всех мужчин, и женщин, и детей — кроме тех, за которых смогут выручить хорошую цену.

— Ублюдки! Они напоминают мне еще об одной кучке немцев. Если мы не можем отослать детей домой, думаю, мне просто придется самому позаботиться о них. Пан Мешко, вы можете устроить так, чтобы их отправили в Три Стены?

— С радостью. Мне не улыбается кормить их. Вы, конечно, понимаете, что они не покинут ваших земель, пока дело не уладится. Вам лучше написать письмо с разъяснениями своему управляющему.

— Да, — задумался я. — Мне надо будет написать еще и Ламберту.

— Что? Вы не поедете к нему сами?

— Если я поступлю настолько опрометчиво, он, пожалуй, бросит меня в тюрьму. Тогда кто вытащит из темницы Тадеуша?

— Пожалуйста, поймите, что Ламберт и мой сеньор тоже. Я не могу отпустить вас без всяких гарантий.

— У Ламберта уже есть гарантии. Большинство моих денег — в его кладовых.

— Гм, правда. Тогда езжайте и возвращайтесь поскорее.

— Мы поедем утром. И последнее. Не можете порекомендовать хорошего адвоката?

— Адвоката? Вам не понадобятся адвокаты. Ваше дело не будет рассматриваться в суде. Во всяком случае, в гражданском суде.

— Что?.. Тогда о чем ты говорил всего минуту назад?

— Да это просто старые привычки дают о себе знать. Послушайте, если бы мы с вами поспорили, то мы бы изложили свои точки зрения перед графом Ламбертом, а он уже мог вынести решение. Точно так же спор между Ламбертом и его братом можно вынести на суд князя. Но князь Хенрик никому не приходится вассалом, и крестоносцы ему не вассалы. Поэтому надо все решить перед Богом.

— Вы имеете в виду церковный суд?

— Конечно, нет! Я имею в виду бой на ристалище. Крестоносцы выставят своего лучшего бойца, и боюсь, у вас нет ни малейшего шанса победить.

Замечательно.

Потом я сидел один возле чадившей масляной лампы с отточенным гусиным пером вместо ручки, чернилами в роге барана и пачкой пергаментных листов.

Дорогой Яша.

Это письмо тебе доставят вместе с детьми, которых мы спасли сегодня с паном Владимиром.

Злополучные жертвы несчастного случая попали в жуткую беду. Их дома сожгли, их семьи стерли с лица земли, их самих обратила в рабов

кучка чужаков, называющих себя крестоносцами. Их пороли и заставляли проходить сотни миль со стертыми ногами и окровавленными спинами. Их собирались продать в далекие страны — для удовлетворения богопротивных желаний мусульман, таких же язычников, которые сейчас удерживают святые земли, принадлежащие истинным христианам.

Наш христианский долг требует, чтобы мы позаботились о несчастных. Это будет нелегко. Они не говорят на польском и никогда не слышали о благословенном учении Христа. Мы должны приютить их, привести в свой дом, показать преимущества нашей веры, подарить любовь.

Я прошу каждую семью принять хотя бы одного ребенка и обращаться с ним, как с собственной плотью и кровью.

Они должны получать пищу, как и все остальные, за мой счет.

Им необходима одежда. Я пишу своему сеньору, графу Ламберту, письмо с просьбой предоставить мне достаточно полотна не только для этих детей, но и для всех обитателей Трех Стен. Это также оплачу я. Ткани должно хватить для двух полных комплектов одежды — из льняного полотна и из шерсти на зиму — каждому крестьянину. Когда полотно прибывает, проследить, чтобы его бесплатно распределили между женщинами, а остаток положили в кладовую.

Читай это письмо людям каждый вечер перед ужином в течение трех дней. Я знаю, что могу рассчитывать на добрых христиан из Трех Стен, они исполнят свой долг.

С искренней любовью,

Конрад.

P. S. С крестоносцами мы до конца еще не разобрались. Они, возможно, попытаются повернуть пару трюков, но не беспокойся. Мы не можем проиграть, потому что Бог на нашей стороне.

Я перечитал письмо. Оно взывало к долгу, материнским чувствам, жалости, и в такой же степени к религиозности и жадности. Если моя затея провалится, обязательно потре-

бую назад свои деньги у учредителей курсов по вербальному убеждению, которые я однажды посещал.

Моему сеньору, графу Ламберту, господину Окойтца, от второго дня августа, 1232 года.

Мой господин, знайте, что в этот день я обнаружил сто сорок два юных существа, которых оскорбляли на ваших землях.

Их приковали цепями шея к шее, поролои и заставляли идти босиком, нагим, несколько сотен миль. Из христианского милосердия и в соответствии с моей клятвой, данной вам, согласно которой я обязался защищать людей на ваших землях, я спас этих несчастных с немалой помощью пана Владимира.

Польское оружие с победой вышло из испытания, Бог был на нашей стороне. Мы, два ваших вассала, лишили жизни четверых иноземных рыцарей, двух ранили, возможно, смертельно, и обратили седьмого рыцаря в бегство.

Нам досталась обильная добыча, которая, по оценке пана Мешко, превосходит ту, что я принес прошлой осенью, когда с Божьей помощью освободил ваши земли от грабителя, пана Райнберга. Все сейчас находится в кладовых пана Мешко, ожидает предстоящего раздела, по которому вы законно получите свою долю.

Спасенные дети отправятся в мои земли, где о них позаботятся за мой счет. Когда же они излечатся от ран, то смогут работать наравне со всеми, если пожелают.

Они все очень молоды, большая часть девушек еще не вступила в пору расцвета, но их тщательно отбирали для улады заморских сладкоежцев, так что все они довольно привлекательны. Думаю, через пару лет вы обнаружите в Трех Стенах роскошный розовый сад. Может быть, некоторые из детей захотят работать на ткацкой фабрике, которую я вам построил.

Несчастные были нагим, когда мы их спасли, и, таким образом, им понадобится полотно, как, впрочем, и моим людям. Не могли бы вы сделать мне одолжение и прислать шерсти для восьмисот человек и такое же количество льняного полотна? В качестве платы возьми-

те столько, сколько сочтете справедливым из моего сундука, хранящегося в вашей кладовой.

Мне бы очень хотелось посетить вас, но мой друг попал в беду в Саце и погибнет, если я не приду к нему на помощь.

Пан Мешко говорит, что результатом моих действий могут стать некоторые проблемы с законом, но я по-прежнему считаю, что рабство противно Богу, и сегодня я не совершил ничего плохого. Я вернусь к вам через несколько недель, а залогом возвращения пусть станет все мое богатство.

Остаюсь вашим преданным вассалом,

Конрад.

P. S. К этому времени улья, принцип постройки которых я показал вашему плотнику, уже наверняка привлекли пчел. Вам, возможно, захочется приказать пчеловоду осмотреть и посчитать заселенные улья, чтобы убедиться в полезности моих услуг. Передайте, пожалуйста, мой самый горячий привет всем девушкам с фабрики.

Перечитав письмо, я решил, что слегка переборщил со словесными ловушками, но в конце концов Ламберт не так уж образован, чтобы что-то заметить. Я выставил себя в самом лучшем свете, не солгав при этом ни разу. Напомнил ему о своих прошлых заслугах и воззвал к его гордости воина (значительной), жадности (определенной), сластолюбию (огромному).

Просяба установить самому цену на полотно казалась чистой лезть, однако только так можно заставить Ламберта продать что-то за относительно небольшие деньги.

Если красивые речи и могут вытащить меня из неприятной ситуации, то это письмо свое дело сделает. Может, мне удастся даже избежать гипотетического поединка.

И все же я не беспокоился по-настоящему, хотя и не понимал почему. Наверное, потому что все казалось таким нереальным. В двадцатом веке, если бы я спас сто сорок два ребенка, меня назвали бы героем! Я попал бы в газеты и на

телевидение, президент нацепил бы мне на грудь медаль. Здесь же меня собирались убить. Я просто не мог воспринимать угрозу всерьез.

Однако я с ног валился от усталости, когда, наконец, добрался о кровати.

ГЛАВА 10

Рано утром следующего дня я прочитал написанные мною послания всей компании, включая семью пана Мешко: наши версии происшествия должны совпадать.

Владимиру показалось, что мне следует добавить несколько строк о его подвигах, и я приписал пару абзацев на полях, где восхвалял до небес его искусство владения копьем. Пусть забирает себе хоть всю славу. Он заслужил, мне же это ничего не стоило. Меня заботило только благополучие детей.

Ламберт не умел читать, но пан Мешко пообещал прочитать мое письмо ему до того, как изложит другую сторону истории.

— Я раздумывал над создавшимся положением и теперь по-другому смотрю на этих детей, — признался пан Мешко. — Если бы кто-то так обращался с моим ребенком, им бы пришлось сначала убить меня... Хотя их отцы на самом деле мертвы, не так ли? Конрад, знай, что я поддерживаю тебя в каше, которую ты заварил.

Он повернулся к своей лошади, но потом снова быстро посмотрел на нас.

— Но не ожидай слишком многого! Мне еще и о своей семье подумать надо!

Итак, пан Мешко отбыл в Окойтц, детей отослали с доверенным человеком в Три Стены, а моя прежняя компания продолжила путь в Сац.

В полдень мы подъехали к границе владений родителей Владимира.

— Я знаю, что пригласил всех вас в имение моего отца, но не думаю, что теперь мудро нам появляться в замке, — сказал Владимир. — Через час мы приедем в Освенцим, а если не остановимся до заката — доберемся до монастыря в Тынеце. Думаю, монастырь подойдет больше.

— Почему монастырь? — удивился я. — Они уложат нас спать отдельно с остальными мужчинами, а девушки останутся одни.

— Правда. Но монастырь даст нам защиту от Церкви, в чем мы, возможно, нуждаемся. Мы до сих пор не знаем, как воспримет ситуацию граф Ламберт, или какотреагируют крестоносцы. В Тынеце мы будем вне досягаемости Ламберта, а крестоносцы никогда не станут нападать на собственность Церкви.

— Никогда?

— Конечно, никогда. Они все-таки религиозный орден.

— Религиозный орден?.. Ты называешь кучку убийц, которые сжигают деревни, отдают в рабство детей и торгуют с мусульманами, религиозным орденом?

— Звучит странно, правда? Но им покровительствует Папа, они придерживаются правил Ордена святого Бенедикта, исключая битвы и торговлю, естественно.

— Если волка обрядить в овечью шкуру, овцой он все равно не станет. Они — проклятые убийцы, несмотря на то, что носят кресты на плащах. Я все еще не понимаю, почему ты не хочешь заехать к родителям. Мы все ожидали этого с нетерпением, особенно Анастасия. Там мы точно будем в безопасности, я уверен.

— В безопасности, да, но время неподходящее. Могу я говорить откровенно? Вы знаете, что я хотел убедить родителей благословить мой брак с Анастасией. Пусть лучше они будут в хорошем настроении, когда я подниму вопрос. А сейчас, боюсь, надо мной нависла туча.

— Не понимаю.

— Ну, знаете, мой отец тоже мой сеньор. Он поклялся охранять дорогу, чтобы сделать ее безопасной для купцов. Помогая вам вчера, я нарушил его клятву. Обесчестил отца. Он вполне вправе повесить меня! То есть мать, конечно, никогда не позволит ему такое сотворить, но он наверняка будет не в том настроении, чтобы раздавать подарки. На самом деле, думаю, лучше мне избегать его, пока все не утрясется, и нас либо оправдают, либо убьют.

— Если ты не хочешь к родственникам, ладно, но о монастыре не может быть и речи.

— Только не о таком чистом.

Я уже много месяцев жил без блох. Полагаю, монастырь станет интересным опытом для девушек.

Когда мы въезжали в Краков следующим утром, стражники у ворот подтянулись и отсалютовали нам. В последний раз, когда я здесь был, они торговались со мной и вытрясли немалую сумму за право войти в город. Очевидно, богатство и титул имеют свои преимущества.

Девушки трепетали от восторга. Наконец-то большой город! Какие яркие впечатления! Громадные соборы, массивные каменные замки на Вавельском холме, больше магазинов и лавочек, чем можно себе представить!

А я видел примерно следующее: пара дюжин интересных с исторической точки зрения зданий, расположенных на холме с прекрасным видом, несколько сотен вычурно одетых шляхтичей — вот и все, что могло привлечь здесь внимание.

Представьте себе такое великолепие, а потом окружите все убогими домишками, населенными десятью тысячами необразованных, голодающих людей, и покройте получившееся слоем дерьма в пол-ярда, тогда получится реальная картинка. Если добавить водопровод, канализацию и дворни-

ков на улицах, появится шанс превратить город в приманку для туристов.

Но я предпочитал леса.

Однако девушки заслуживали передышку — особенно после всего, что им пришлось пережить за время путешествия. Они проделали много работы в Трех Стенах, они видели первый в жизни бой, который потряс их гораздо больше, чем они решались признать. И еще Кристина с Анастасией в отличие от меня очень беспокоились из-за предстоящего суда, так что мне оставалось всеми силами пытаться их развеселить.

Девушки намеревались пойти за покупками и осмотреть город, а Владимир считал необходимым доложить о нашем приезде в Вавельский замок, и как можно быстрее. Я хотел увидеться с отцом Игнацием из францисканского монастыря. Он — мой единственный друг в этом веке, который знает, что я из будущего. Он был моим исповедником, и сейчас я нуждался в его услугах. К тому же шло церковное расследование, долженствующее установить, чьим орудием я являюсь — Бога или Дьявола.

Мы пришли к компромиссу. Я дал каждой из девушек по горсти серебра (их зарплату, на самом деле, но они не восприняли деньги в таком свете. Они умирали от радости). Потом я попросил Владимира сводить их за покупками и договорился встретиться с ними у монастыря в полдень, чтобы потом отправиться в замок.

Монах, который считал меня голодранцем, когда я работал здесь, рассыпался в приветствиях, как будто увидел знатного господина и давно потерянного друга одновременно. Опять все дело во внешнем виде. Отец Игнаций принял меня в своей келье.

По крайней мере, хоть он не изменился.

— Добро пожаловать, Конрад.

— Спасибо, святой отец. Вы говорили, что составите отчет обо мне. Как продвигается дело?

— Прекрасно, сын мой. Я написал свой отчет еще в прошлом декабре и отправил моему аббату. Он почти не задержал рукопись, но в течение месяца предоставил ее краковскому епископу. Его преосвященство действовал с удивительной скоростью и тактом и через два месяца отослал письмо обратно к моему аббату, предположив, что лучше пусть оно будет выставлено на духовный суд, а не на светский. То есть он решил, что дело не в его компетенции, и лучше отослать рукопись во францисканский монастырь в Италии. Мы нашли купца, который следовал в Италию, за гораздо меньшее время, чем ты наверняка подумал, и к июню письмо уже направлялось по назначению.

Итак, прошло девять месяцев, а отчет так и не был доставлен. А я-то думал, в средневековой Польше нет бюрократии.

— Спасибо, святой отец. Со мной много всего произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Ты желаешь исповедоваться? Сколько времени прошло с твоей последней исповеди?

— Всего неделя, отец. Но... думаю, я не прав, говоря так. Все мои исповеди, случившиеся после нашей последней встречи, были какие-то ненастоящие. Как будто я и не исповедовался вовсе.

— Это произошло, должно быть, из-за обета молчания, который я на тебя наложил. Ты не мог сказать всей правды.

— Наверное, так, святой отец.

— Ну, основания для обета все еще существуют, поэтому придется тебе с ним смириться. А теперь исповедуйся за все время с нашей последней встречи.

Так я и сделал. Я рассказал обо всем, что построил, обо всех женщинах, которых познал, о мужчинах, которых убил. Исповедь отцу Игнацию никогда не превращается в рутинное дело, как это бывает с некоторыми священниками. Он докапывается до причин событий часами, если надо, но всегда получает правильное представление о ситуации.

Когда мы закончили, отец Игнаций опустил глаза и покачал головой.

Поругав меня за Кристину и других «ожидающих девушек», он вымолвил:

— Все эти сражения!.. Надеюсь, ты понимаешь, я никогда не думал, что ты попадешь в такую передрыгу, когда нашел тебе место у этого купца, у Новацека.

— Я никогда не сомневался в вас, святой отец.

— Ты великодушен, сын мой. Ты добился богатства, получил земли, власть в таких количествах, о которых простой человек может только мечтать, и, кажется, два дня назад бросил все псу под хвост. Что у тебя за вечные проблемы с крестоносцами? В первый же день пребывания в нашем веке ты оскорбил одного рыцаря, и тебе проломили голову. Теперь ты напал на их караван и способствовал смерти пяти или шести рыцарей ордена. Ты должен знать, что совершенно неисправимо падших людей очень мало, а уж целый орден из них существовать просто не может. Крестоносцы несут службу в нашей стране, охраняют мазовецкие границы от вторжения.

— Они это делают, убивая целые деревни!

— Но мы оба знаем, что их, возможно, провоцируют злоба и жестокость язычников.

— Отец, я ничего такого не знаю.

— Ты думаешь, что северные варвары — невинные мирные обитатели леса? Они — язычники и молятся жестоким богам.

— Должны существовать другие пути обратить их в нашу веру.

— Многие думают так. Сколько миссионеров пытались счастья, но ни один не преуспел. Большинство погибло, став мучениками. Дело не в простом изменении икон в их церквях. Язычники практикуют человеческие жертвоприношения! «Невинные дети», которых ты «спас», все без исключения пробовали человеческую плоть!

— Вот так новость, отец! Но я все равно сделаю из них христиан. И не важно, что там творят язычники, это совершенно не извиняет крестоносцев. Вы не знаете всей истории.

— Может, ты мне расскажешь?

— Как вы, наверное, слышали, их орден появился сорок лет назад в Иерусалиме, став как бы немецким вариантом организации рыцарей Храма. Однако рыцари Тевтонского ордена вскоре потеряли интерес к священным землям — очевидно, потому, что не получали из них никакой прибыли. Они попытались закрепиться в Венгрии, но король Анджей вовремя понял, кто это такие, и вышвырнул негодяев из своей страны. Князь Конрад Мазовецкий не был настолько умен. Он пригласил их — когда это было?.. семь лет назад?.. — охранять его северные границы. Они свой долг выполняли следующим образом — убивали каждого нехристианина в пределах досягаемости и захватывали столько же польских земель, сколько и прусских. В будущем орден будет только расти, и множество самых кровавых битв средневековья...

— Чего?

— О, извините, святой отец. Но именно так позднее назовут ваш период истории. Средний между древним миром римлян и Ренессансом, временем расцвета, после которого мир приобрел современный вид.

— Вот так так!.. Я-то всегда думал, что живу именно в современном мире!

— Гм. Опять же я не знаю, как назовут мою цивилизацию будущие поколения. Возможно, тоже не слишком вежливо.

— Когда-нибудь расскажи мне побольше о вашей истории. Но сейчас давай вернемся к крестоносцам.

— Да, святой отец. Со временем их поведение стало настолько вызывающим, что Папа подверг их критике. Рыцарей данное обстоятельство нисколько не взволновало,

они просто перестроились и стали называться светским орденом, продолжая убивать. Во множестве долгих войн и кровопролитных битв против них дрались польские рыцари...

— Значит, в Польше снова появится король?

— Конечно, отец. Мы всего в столетии от времени правления короля Казимира Великого!

— Слава Господу! Но продолжай свою историю.

— В конце концов крестоносцы потерпели поражение в Грюнвальдской битве, или сражении при Танненберге, как ее иногда называют. Это было — точнее, будет — самое кровавое сражение в христианском мире в средние века. Выжившие крестоносцы стали вассалами польской короны — в качестве прусского герцогства. К тому времени они совершенно истребили славянские племена Пруссии, а название этой земли присвоили себе точно так же, как варвар присваивает кожу побежденного. Но, несмотря на их вассалитет, они никогда так и не стали поляками. Через шестьсот лет от сего дня крестоносцы превратились в инструмент объединения и подавления всех германских государств. Они похожи по духу на другую немецкую организацию, так называемых нацистов, которые завоевали Польшу, как, впрочем, и большую часть Европы. Их преступления ужасны. Недалеко от места, где мы сейчас находимся, нацисты построили лагерь смерти, Аушвиц, где простились с жизнью четыре с половиной миллиона человек. Это половина всего населения Польши сегодня. Не то чтобы они в горячке стерли с лица земли один город, нет. Каждый день в течение четырех лет немцы шли сюда, как на работу, и убивали мужчин, женщин и детей. И польский лагерь — не единственный: более того, людей истребляли не только в лагерях. В конце концов, около пятидесяти миллионов людей погибло за шесть лет. Вдвое больше, чем все население Римской империи в период ее расцвета.

Отец Игнаций какое-то время сидел молча.

— Я не могу понять, как можно убить столько людей, но ты никогда не лгал мне. Значит, получается, крестоносцы — великое зло, и с ним надо бороться!

— Да, думаю так, отец.

— Я полагаю, ты не собираешься бежать, как поступил бы любой на твоём месте.

— Не вижу смысла. Если я убегу, они, возможно, заберут детей обратно и продадут мусульманам. Я не могу взять такой грех на душу.

— Я тоже так думаю. Но ты — один, а их тысячи.

— Я знаю, что не смогу победить их один, — ответил я: глаза мои жгли злые слезы. — Но я собираюсь сделать все, что в моих силах. Умру так умру. Святой отец, вы однажды сказали, что я могу быть орудием Бога, а я не поверил. Так вот, сейчас я знаю, что Господь на моей стороне!

Кажется, я даже заплакал.

— Очень хорошо, сын мой. Как бы там ни вышло, знай, что я тоже на твоей стороне. Да пребудет с тобой Господь. Я не накладываю на тебя епитимьи за грехи, потому что вскоре ты будешь наказан, даже более, чем того заслуживаешь, и больше, чем сможешь вынести.

Мне пришлось немного задержаться, чтобы хоть как-то успокоиться, прежде чем присоединиться к остальным. Не дело появляться с залитым слезами лицом перед друзьями, которые за тебя беспокоятся.

Однако я нашел свою компанию в благодушном настроении: девушки болтали о чудесах, поразивших их в городе. Я сел в седло и впитал в себя их радость. Я действительно нуждался в этом.

Владимир поведал нам, что обед в Вавельском замке, должно быть, уже закончился, а мы не ели с самого утра. Я предложил отправиться в корчму, где останавливался прошлой осенью.

Дородная, пышущая здоровьем молодая женщина приняла наш заказ, потом присмотрелась ко мне повнимательнее.

— О Боже! Вы — пан Конрад!..

— Угадала. Тогда ты, наверное, Маленка.

— О Господи! Жигмунт, Жигмунт! Быстрее! Ты только посмотри, кто к нам приехал!..

Она выбежала из комнаты с твердым намерением привести мужа.

— В чем, собственно, дело? — спросила Анастасия.

— О, однажды мне довелось побыть сводником, — ответил я.

Корчмарь вернулся вместе с женой, вытирая руки о передник и улыбаясь. Когда мы покончили с процедурой знакомства, он объявил, что этот обед мы получим за счет заведения, так же как и пять следующих, если вернемся на следующий день.

Вскоре обязанности заставили хозяев покинуть нас, и мы смогли спокойно заняться угощением.

— Они явно наслаждались твоим обществом, — заметила Кристина. — Как случилось так, что ты свел их?

— Ну, я нанял ее.

— Нанял ее?

— Нанял ее.

— Ты чего-то не договариваешь.

— Твоя правда. Но больше вы ничего от меня не услышите. У каждого есть свои секреты.

Они начали ныть, чтобы я не терзал их любопытство, но я не собирался продолжать рассказ. В действительности Маленка была проституткой, а я нанял ее, чтобы она не досталась моему юному другу: ему бы не пошли на пользу подобные забавы в то время.

Она была молоденькой и голодной на вид, а у меня не оказалось времени на возню с ней. Поэтому я сказал девушке, что все три дня, на которые я ее нанял, она будет честно

трудиться в корчме. История закончилась тем, что бывшая проститутка вышла замуж за корчмаря, мой друг стал монахом, и все трое зажили счастливо. Три удачных судьбы всего за три серебряных гривны.

Но моя исповедь только бы вогнала в краску Маленку, поэтому я хранил молчание.

— Им, наверное, приходится содержать кучу рыцарей для охраны стены, — предположила Анастасия, когда мы вновь ехали через весь город.

— На самом деле не так уж много, любимая, — ответил Владимир. — В самом городе рыцарей вообще нет. Замок и Вавельский холм охраняет шляхта, но внешние стены, ворота и башни в случае нападения защищают простолудины.

— Что?..

Крестину новость повергла в шок.

— Да, именно так. Вон ту башню будет защищать гильдия галантерейщиков, а ворота, через которые мы только что проехали, попадают под ответственность гильдии мясников.

— Ты хочешь сказать, что стражник, отсалютовавший нам на въезде, — мясник? — удивилась Анастасия.

— Да нет же. Я сказал «в случае нападения». Этого парня нанял городской магистрат для охраны ворот. Он и дюжина ему подобных зарабатывают этим на жизнь. Но он и рыцарем тоже не является. Во всяком случае, я так думаю. Просто человек с оружием.

— Мне казалось, что только рыцари имеют право носить оружие и кольчугу, — вставила Кристина.

— Вовсе нет, — возразил Владимир. — Всякий, кто может себе это позволить, вправе купить оружие, по крайней мере в Польше. Я слышал, в Германии и Франции дела обстоят по-другому, но у нас разные традиции. То, что охрану должна нести только знать, — всего лишь одно из правил графа Ламберта, и оно применяется только в Окойтце. Он

утверждает, что это не дает его рыцарям разлениться, и поддерживает их право на все особые привилегии.

— Какие особые привилегии? — поинтересовалась Кристина.

— Например, не заниматься черной работой, — поспешно сказал я.

Нет смысла рассказывать Кристине, что она и является, собственно, особой привилегией.

— А что насчет вот той башни? — спросила Анастасия.

— Прерогатива гильдии пивоваров, думаю. Каждой гильдии принадлежит по башне или части стены, исключая лекарей и оружейников. У них и так будет по горло работы, если на город нападут, — объяснил Владимир.

— Но кому придет в голову напасть на такой огромный город? — поразилась Кристина.

— Ну, целыми столетиями никто на это не отваживался. Но только потому, что горожане готовы к войне, — ответил пан Владимир.

— Не так уж и готовы, — заметил я. — Через восемь с половиной лет придут монголы и сожгут город дотла...

Они все пораженно уставились на меня.

— Пан Конрад! Как вы можете такое говорить! — воскликнула Кристина.

— Да, пан Конрад. О таких вещах не шутят! — поддержал ее Владимир.

— Хотел бы я, чтобы это оказалось просто шуткой... Но мы ничего не можем сейчас сделать. Я уверен, пан Владимир знает сказку, но слышали ли вы панны историю о короле Краке, убившем дракона и основавшем город?

— Я слышал, это было чудовище, но не обязательно дракон, — заметил Владимир.

— Тогда расскажи по-своему.

— Хорошо.

Он начал длинный, запутанный рассказ, который почти довел нас до ворот замка.

— И все это правда? — не поверила Кристина. — Действительно жил такой король — Крак?

— Я могу показать тебе его могилу. Город называли в его честь. Какие еще доказательства нужны? — сказал пан Владимир, хитро блестя глазами.

Потом подмигнул мне.

Действительно, существуют три огромных доисторических кургана в данной местности, но под ними так и не нашли никаких захоронений. По мнению историков, они использовались как защитные сооружения. На территории Польши и остальной части Северной Европы люди проживали около ста восьмидесяти тысяч лет. За столько времени много чего могло произойти.

— А принцесса Ванда действительно утопилась в реке, вместо того, чтобы выйти замуж за немецкого принца? — спросила Анастасия.

— Я могу показать тебе и ее могилу.

— А пещера чудовища до сих пор находится под Вавельским холмом? — не унималась Кристина.

— Да. Но вход в нее завалило сотни лет назад, и никто точно не помнит, где он.

— А вы верите в это предание, пан Конрад? — спросила Анастасия.

— Насколько я слышал, Ванда отвергла предложение принца Рютигера. Он сошел с ума и напал на ее страну. Ее армия победила в войне, и в качестве благодарности, она принесла себя в жертву богам. Но у меня нет никакого желания противоречить пану Владимиру.

— Никакой бог не захочет такой жертвы! — возмутилась Анастасия.

— Это случилось сотни лет назад. Мы тогда были язычниками, а языческие боги требуют многого.

— Слава Господи, мы — христиане, — вздохнула с облегчением Кристина.

В последний раз, когда я приезжал в Краков, меня и не подумали пускать на Вавельский холм. На этот раз стражи отсалютовали нам на входе. Внешность постоянно обманывает людей.

Как только мы слезли с лошадей, ко мне подбежал мальчишка.

— Пан Конрад? Князь ожидает вас. Пожалуйста, пойдете со мной.

Меня его слова поразили, но я последовал за проводником.

Замок мало чем напоминал то строение, которое я помнил с двадцатого века. Многое исчезнет отсюда за следующие семь сотен лет и столько же появится нового. Однако время от времени у меня все же появлялось чувство дежавю: я просто смотрел на знакомые помещения под другим углом.

Палаты князя Хенрика как будто вышли прямо из исторического фильма, а его борода и манера держаться не терпели никаких изменений. Я низко поклонился.

— О, встань, мальчик мой. Я слишком стар, чтобы тратить время на подобные глупости. Во всяком случае, не на публике. Они все еще заставляют меня придерживаться церемоний на людях. Однако лучше присаживайся. Итак, что там за новости с караваном крестоносцев?

— Они издевались более чем над сотней детей, ваша светлость!

— Они перевозили партию прусских рабов в Грецию, чтобы греки потом продали их маврам. Продолжай.

Я постарался не вспотеть.

— Да, ваша милость... Я попытался освободить детей, и крестоносцы напали на меня. Пан Владимир пришел ко мне на помощь, и мы победили.

— Вы вдвоем вышибли дух из семерых. Мне это нравится! Как справился пан Владимир?

— Он убил троих и смертельно ранил еще одного, ваша светлость.

— Ха! Я знал, что в жилах парнишки течет кровь отца! Четыре человека в честной битве!

— Более чем честной, ваша светлость. Под конец его атаковали разом два рыцаря, а он сумел убить одного из них.

— Что? Двое на одного?.. Этот негодяй, крестоносец, ни словом не обмолвился об этом! Да, я говорил с ним. Он добрался до меня вчера, все еще напуганный до смерти. Ха! Он даже штаны намочил от ужаса! Сказал, что вы убили всех шестерых его товарищей. Что случилось с последним?

— Потерял правую руку, ваша светлость, но думаю, я подоспел к нему вовремя. Он скорее всего выживет. Сейчас я оставил раненого у пана Мешко.

— А, Мешко... Он служил у меня регистратором, пока я не посвятил его в рыцари. Ну, чертовски славное сражение, мальчик мой. Но оно все равно доведет тебя до смерти. Если бы пруссаки жили на моих границах, я бы быстро сделал из них своих крестьян, но этот тупица, Конрад Мазовецкий, не может управиться с ними, и поэтому проклятый идиот пригласил крестоносцев. Поставил волков охранять овец! Мне они не нравятся, но я не настолько силен, чтобы драться с орденом. А именно это мне пришлось бы сделать, чтобы вытащить тебя из передраги. Война. Я не могу себе ее позволить, как не могу и победить в ней. Так что мне придется отойти в тень и позволить им убить тебя. Слышишь, парень? Ты не получишь реальной помощи от меня! Самое лучшее, на что я способен, — отложить суд на несколько месяцев.

— Я ценю вашу помощь. Может, лошадь запоем...

— Что?

— Одна из басен Эзопа, ваша милость. Человек, приговоренный к смертной казни, попросил короля не убивать его, потому что он — единственный в мире человек, кто может научить лошадь петь. Король ему не поверил, но дал

лошадь и год на учебу. Друзья осужденного спрашивали, почему он сболтнул такую глупость. Никто не научит лошадь петь при всем желании! А человек ответил: «Вы правы. Но за год может многое случиться. Король может умереть. Я могу умереть. И может, лошадь запоем».

— Хотелось бы мне быть образованным. Черт. К нам приходит человек из будущего, а мы собираемся убить его.

Я потерял дар речи от шока. Предполагалась, что никто об этом и не подозревает!

— Вы знаете, ваша светлость?

— Да. Я вытянул правду из твоего священника. Только не злись на него. Я умею быть *очень* убедительным.

— Охотно верю, ваша милость...

— Но все равно он потратил много времени, заверяя меня, что говорит правду... Меня окончательно убедили листы, которые ты дал ему, я понял, насколько богат твой народ.

— Листы, ваша светлость?.. Вы имеете в виду бумажные деньги, которые я подарил ему в качестве сувенира?

— Нет, не миниатюрные картины, хотя и они произвели немалое впечатление. Любой народ, использующий в качестве денег произведения искусства вместо серебра, действительно обладает высокой культурой. Но нет, я имею в виду листы для задницы, которые ты дал ему.

Однажды, когда мы шли на север от Закопане, отец Игнаций дал понять, что удаляется в кусты, явно чтобы облегчиться. Я дал ему пару клочков туалетной бумаги, и он принял их без комментариев. Оказалось, что вместо того, чтобы использовать их по назначению, он сохранил бумагу как сокровище из будущего.

— Туалетная бумага?..

— Именно так он ее и называл. Люди, что могут себе позволить вытирать задницу бумагой, — богаче, чем кто-либо в этом веке! Твой священник сказал, почему он наложил на тебя обет молчания, и мне пришлось согласиться с

большинством его аргументов. Можешь рассчитывать на меня, я болтать не стану. Послушай, парень, тебе не так уж долго осталось жить, так что можешь развлекаться и наслаждаться последними деньками. Скажи страже, чтобы прислали каштеляна. Я прикажу ему поселить тебя со всей компанией в лучших комнатах.

Я поклонился, и князь жестом позволил мне уйти.

Фу!.. Вначале я решил, князь собственноручно собирается меня прикончить!

А туалетная бумага, оказывается, самое большое достижение современной цивилизации?..

ГЛАВА 11

Я вернулся во двор и обнаружил, что у пана Владимира возникли проблемы с дворцовыми слугами. Последние не представляли, как с нами обращаться.

— Расслабьтесь, ребята, — сказал я. — Князь предоставляет нам прием на красном ковре.

— Да? Вы имеете в виду, на красном от крови?

— Нет. Я имею в виду, что он приказал дать нам лучшие комнаты во дворце, и думаю, заодно велел обеспечить должный уход за нашими верховыми животными. Панны, пан Владимир, пойдемте осмотрим дворец.

Пан Владимир сиял от счастья, когда узнал, как князь прокомментировал его доблесть на поле боя. Мне пришлось пересказать его речь слово в слово. Потом Владимир заставил меня сделать это еще раз перед дюжиной свидетелей.

Я подыграл ему. Для такого человека, как Владимир, явное одобрение важнее всего на свете — это то же самое, что для Новацека деньги, а для отца Игнация — церковь. Владимир спас мне жизнь, и короткая хвалебная речь — самое малое, что я мог для него сделать в благодарность.

С нами обращались гораздо лучше, чем с кем бы то ни было во дворце. Даже люди, превосходившие нас по положению, с должным почтением толпились вокруг. Бароны и графы, казалось, только и мечтали завязать с нами знаком-

ство. Одобрение князя вскоре стало известно всему двору, а истории обо мне и так уже давно передавались из уст в уста. Но, думаю, больше всего на отношение к нам повлиял патологический интерес людей к осужденному на верную смерть. В конце концов один рыцарь просто принес мне свои искренние соболезнования и признался, что если мне что-то понадобится до последнего часа, или даже после, он с радостью выполнит мою просьбу.

— Спасибо, благородный рыцарь, — ответил я, — но почему все так уверены, что я обязательно умру? Речь идет о ристалище, а вовсе не о казни! Это будет честное сражение на глазах у тысяч свидетелей. Я участвовал в трех битвах за последний год — в четырех, если считать ту дурацкую историю с гильдией сутенеров в Цешине. В большинстве случаев неприятель превосходил нас числом, и все же меня даже ни разу не ранили. Я собираюсь победить на ристалище, говорю вам совершенно серьезно.

Рыцарь смутился, но Владимир ответил за него:

— Пан Конрад, боюсь, вы не совсем понимаете, на что идете. Вам предстоит драться с профессиональным поединщиком! С человеком, который только и делает, что учится сражаться. У крестоносцев их всего двое, и каждый убил более тридцати противников на Божьих судах или в обычных поединках. Я мог сказать, что у вас есть шанс, если бы бой проходил только на мечах. Но по правилам каждый из вас вооружается, как хочет, поэтому он нападет на вас с копьем. Меч против копья! Да у вас не будет ни единого шанса даже против неумелого бойца. Копье против копья, пан Конрад! Я видел, как вы управляетесь с этим оружием: даже крестьянин превзойдет вас здесь. Боюсь, у вас нет никакой надежды.

— Так вот все плохо?

— Хуже, но у меня не хватит умения выразить это в словах.



В Вавельском замке все приемы пищи превращали в официальную церемонию. Каждый рыцарь сидел рядом со своей дамой в строгом порядке по возрастанию чинов. Так что мы расположились довольно далеко от главы стола, хотя все же и не в самом конце.

Стол был отлично сервирован, блюда подавали с должным умением, но пища пришлась мне не по вкусу: пережаренная, пересоленная и изобилующая специями. Напоминает еду, приготовленную студентами, изучающими домашнее хозяйство, которые перестарались себе на беду.

Но пан Владимир и девочки были счастливы.

За ужином князь стал перед всеми превозносить боевое искусство пана Владимира и настоял на подробном отчете о каждом ударе от героя дня. Пан Владимир выполнил просьбу с большой выразительностью, размахивая руками и издавая боевые кличи: в общем-то он просто напропалую хвастался, что в двадцатом веке сочли бы дурным тоном.

Наверное, здесь такой рассказ считался обычным делом.

В любом случае имя пана Владимира прогремело на весь замок, и Анастасия купалась в лучах его славы.

После ужина начались танцы, и я обнаружил, что па, которые я показывал людям в Окойтце прошлой зимой, добрались до Кракова раньше меня. Только здесь эти танцы назывались «полька Конрада», «мазурка Конрада» и «вальс Конрада».

Мой слегка неприличный «заячий» клуб образца тринадцатого века, купленный и переделанный за одну ночь, когда я напился до полусмерти, стал называться «Корчмой Конрада», и шесть человек независимо друг от друга спросили, не собираюсь ли я устроить что-то подобное в Кракове.

У девушек появились верховые костюмы — длинные юбки с вшитой посередине полосой материи; они претво-

рили в жизнь мою идею о том, как женщина может ездить в мужском седле, не теряя при этом достоинства. На следующий же день, когда дворцовые дамы заприметили нововведение, чуть ли не дюжина женщин заказали себе такие же юбки. Боюсь даже представить, сколько портних не сомкнуло глаз в ту ночь. Костюмы в новом стиле получили мое имя.

Но что же с действительно серьезными моими достижениями, которыми можно по праву гордиться? Мельница, построенная по моим чертежам, ткацкие станки, созданные под моим руководством, фабрика, появившаяся благодаря мне? Оказалось, что это мельница Ламберта, станки Ламберта и фабрика Ламберта.

Нет в мире справедливости.

Комнаты, доставшиеся нам, по средневековым стандартам считались сказочными, в какие не стыдно поселить королевскую семью. То есть они чуть не дотягивали до уровня второсортного отеля, где мебель все же поудобнее.

К каждому из нас также приставили по слуге, что меня несколько смутило. У меня никогда раньше не было личной прислуги, да я ее и недолюбливал. Кристина пришла в вос-торг, так что пришлось смириться, пока не настало время ложиться спать.

Тогда я обнаружил, что слуги собираются спать в одной комнате с нами. Наверное, одной из функций балдахина над кроватью является предоставление хозяевам должного, по мнению средневековых поляков, уединения, при спящих на соседних грубых лежанках слугах. А вдруг нам понадобится что-то посреди ночи?

Так вот, я провел предыдущую ночь в одиночестве в монастыре и не собирался продлевать свое воздержание. Однако и любовью заниматься со своей девушкой при незнакомых людях, лежащих в яре от нас, не получалось. Я попытался отослать их, но они не захотели уходить. Сказа-

ли, что если вернуться в комнату для прислуги, все подумают, будто они не справились с работой.

В конце концов мы нашли компромисс: слуги будут спать в комнате пана Владимира и Анастасии, за стенкой, но при этом с нас взяли твердое обещание стучать, если нам что-то понадобится ночью.

Идиотизм.

При Владимире, игравшем роль героя, и человеческом обращении с девушками (Кристина столкнулась с невозможным снобизмом прошлой весной в Цешине), можно было даже и не думать об отъезде следующим утром, намеченном по плану. Пришлось остаться еще на три дня, и все, кроме меня, наслаждались подобным времяпрепровождением, которое составляли танцы, игры и охота, от которой я сумел отвертеться, попросив другого рыцаря сопровождать Кристину.

Когда остальные охотились, я сидел один в своей комнате и чувствовал себя на седьмом небе. В первый раз после прошлой зимы, когда мне довелось стоять на часах, никого нет рядом! Одиночество дало мне время на раздумья, на приведение в порядок всех мыслей, что роились в моей несчастной голове.

Когда я говорю «социализм», то имею в виду политическую систему, при которой социальные права ценятся выше, скажем, прав собственности или прав наследования. Я имею в виду систему, где каждый человек рождается со стандартным набором основных прав.

Первое — это право на жизнь: оно включает право на достаточное количество пищи, одежды и на крышу над головой, без чего жизнь невозможна. Я не говорю о роскоши; нам необходим определенный набор вещей, чтобы сводить концы с концами.

Второе — право на образование, которое оплачивает общество, исходя из способностей каждого отдельного индивида.

Далее — право на старт с равными возможностями. Мне кажется, что идея наследования богатства плохо воздействует и на отдельных людей, и на общество в целом.

Я верю, что демократия — единственно возможная политическая система для страны с образованным, думающим и сознательным населением.

Не то чтобы народ должен быть исключительно мудр. Он вовсе не такой. И чем большее количество человек принимает решение, тем больше шансов, что результат окажется плачевным. Чтобы вычислить IQ группы, возьмите средний IQ всех входящих в ее состав людей и разделите на их количество. Любой, кто управлял войсками, подтвердит вам, что суммарный интеллект сотни человек равен сообразительности многоножки. И даже хуже. Многоножка не наступает на собственные ноги.

Нет. Демократия — хорошая система, потому что несет в себе стабильность.

Во многих странах Южной Америки и Африки недовольный режимом индивид собирает шестьсот друзей, триста ружей и около сотни патронов и устраивает очередную революцию. Такая практика разрушительна для общества, она приводит к потере рабочего времени, убийству людей и уничтожению собственности.

В Америке такой индивид не уходит с ружьем в горы. Он становится политиком. Конечно, он понимает, что для того, чтобы добиться успеха, надо начать с самых низов — например, с инспекции канализации.

Итак, он борется за это место с шестью другими социальными неудачниками.

Если он проигрывает, то по крайней мере чувствует, что сделал все, чтобы улучшить положение, а если люди не оценили его, то они и не заслуживают его внимания. В любом случае выборы настолько выматывают физически и морально, вытягивают такую кучу денег, что первоначальный накал страстей явственно спадает.

Если он выиграет, то много вреда причинить не сможет. Существуют инженеры, которые следят за правильностью устройства канализационных труб. И — кто знает? Может, он действительно окажется прекрасным инспектором канализационных систем.

И в том, и в другом случае общество остается в выигрыше. Шесть потенциальных магнитов для неприятностей обезврежено, и только седьмому надо платить, однако от него можно еще получить в ответ выгоду в виде полезной работы.

Восточный блок наций лишил себя социальных преимуществ. Единственная политическая партия одобряет всех кандидатов на пост, убедившись в их лояльности, но при этом покрывая явные умственные недостатки — по крайней мере на низших уровнях. Таким образом, они только увеличивают социальное напряжение, которое создает условия для нестабильности, легко устраняющейся введением свободных выборов. И все же это лучше, чем распри между сыновьями короля, пытающимися решить, кто из них сядет на отцовский трон.

Демократия не работает до тех пор, пока не будет достигнут нужный уровень образования и не появятся соответствующие институты власти. Ни то, ни другое не грозит Польше тринадцатого века — по крайней мере еще два-три поколения, — как бы я ни старался.

Капитализм, существующий в двадцатом веке, имеет свои явные преимущества. Во-первых, компаниям позволено разоряться, то есть уходить в небытие. Орудия труда распределяются по другим областям, рабочие находят новые места, а беднягу менеджера, который в большинстве случаев и виноват в крахе, выгоняют взащей.

При экономике с централизованным управлением довольно неудобно, или даже невозможно, по политическим причинам, избавляться от не справляющихся с работой менеджеров.

В больших организациях индивида трудно заметить в толпе ему подобных, поэтому почти нереально выделиться каким-то хорошим делом. Таким образом, самым важным для карьеры становится задача не выделиться глупыми действиями. Дураков не увольняют, но и продвигают их тоже не часто. Понижая подчиненного, менеджеру приходится первым делом заявить, что тот, кто его возвел на данную ступень, не знал, что творит. Ему проще оставить дурака в покое и надеяться, что его никто не заметит. Нужно, чтобы случилось что-то очень значительное, например, взрыв атомной станции, дабы начались изменения. Но в большинстве случаев все идет по накатанной колее.

В результате те же самые дураки вечно допускают одинаковые ошибки. Люди деморализуются — особенно лучшие, инициативные работники. Полезная работа замедляется или вообще перестает выполняться. Я не говорю, что люди прекращают трудиться. Они все проявляют яростную активность, выглядят до крайности занятыми. Весь день изнуряют себя работой и приходят домой уставшими. Но их труд не приносит никаких результатов.

Однако эта проблема не ограничивается экономикой с централизованным управлением в Восточной Европе. В большинстве американских корпораций плохие менеджеры иногда получают «горизонтальное повышение» — пусть даже и в «ископаемые компании», — но их редко увольняют.

Другое преимущество капитализма: маленькие компании могут делать поразительные вещи, не вовлекаясь одновременно в политику. Я имею в виду и поразительно полезные вещи, и поразительно глупые. Если достаточное количество людей изобретает достаточное количество новинок и если существует механизм, сокращающий поток тупых идей, производство будет развиваться, а общество — получать пользу.

Люди качают головами и смеются над кем-то, кто пытается на свои деньги сотворить глупость, но они не собираются голосовать за низложение своего конгрессмена из-за

чудаковатого изобретателя. Однако в том случае, если тратятся государственные деньги, народ обоснованно полагает, что впустую пропадают национальные капиталы, и дело приобретает политический оттенок. Вспомните, как одна прорвавшаяся прокладка заморозила всю космическую программу Америки на годы.

Прогресс невозможен без изобретений. А последние довольно часто не работают. Так как крупные организации не имеют права на ошибку, естественно, весь прогресс исходит из деятельности маленьких частных компаний.

И все же с капитализмом связан ряд серьезных проблем, присущих только ему. Частные компании по большей части создают творческие люди, часто инженеры. Но когда основатель уходит на пенсию, каким-то образом его место занимают бухгалтер, а они редко оказываются способны принимать хорошие решения. Или же компания попадает в руки вдовы основателя, или его зятя, что еще хуже.

Такая глупость невозможна в Восточной Европе. Там менеджеры почти всегда являются профессиональными инженерами. Не все блестящие мастера, но большинство достаточно компетентны в своем деле.

Ах да, тягчайшие ошибки, которые волновали Маркса... они заштопаны правительственными указами и законами — по крайней мере в Америке. Монополии запрещены или находятся под присмотром. Лишним рабочим не позволяют умирать от голода. Огромные прибыли по большей части уходят на уплату налогов, хотя все равно существует немалое количество людей, которые вроде бы ничем полезным не занимаются, но живут в богатстве.

Однако эта самая штопка имеет собственные проблемы. В Польше, если у вас заболели зубы, вы идете к стоматологу, и он вас лечит. Не важно, кто вы, даже если вы не полноправный гражданин, а просто человек, вы имеете право на здоровые зубы. Бумажной волокиты минимум.

В Америке некоторые люди имеют данное право, а некоторые нет. Большинство не имеют, поэтому огромное число офисных работников заполняют несметное количество форм в попытке доказать, что только обладающие специальными правами получают особые привилегии.

Я убежден, что возможно создать политико-экономическую систему с преимуществами капитализма и социализма, но без недостатков обоих режимов. Если мне удастся такую систему придумать, в Польше тринадцатого века станет очень неплохо жить.

К тому времени как Кристина вместе с остальными вернулась с охоты, я чувствовал себя гораздо лучше, обдумав множество сторон моего государственного устройства.

Мы переоделись для еще одного скучного ужина.

У меня просто мало что общего со знатью, обитающей на Вавельском холме. Я не знал, о чем с ними говорить, да и вообще хотел как можно скорее справиться с делами и вернуться в Три Стены.

В конце концов, раз за разом рисуя печальную картину заключения Тадеуша, который не знает, откуда ждать помощи, и, возможно, склоняется к самоубийству, я добился согласия своей компании на отъезд.

ГЛАВА 12

Следующим утром мы в роскошных одеяниях двинулись к границе Кракова. В тринадцатом веке одежда соответствовала положению на социальной лестнице, а положение обеспечивало соответствующее обращение. Если вы хотите встретить хорошее к себе отношение, вам необходимо прилично одеться.

У реки мы наняли паром, чтобы перебраться на северный берег Вислы. Этот паром — больше похожий на плот — сделали из дюжины громадных колод, которые распилили, выжгли в середине отверстие, потом выстругали изнутри и придали форму снаружи. Получившиеся полукруглые выдолбленные каноэ сложили вместе, в ширину, чтобы вода легко проходила между ними. Грубые брусья удерживали колоды в нужном положении.

Для того чтобы заставить плот двигаться через реку, требовалось около дюжины мужчин с веслами и шестами. На другой стороне клиентов не предвиделось, поэтому хозяин плота присел передохнуть.

— Знаете, — сказал я ему, — я никак не могу избавиться от мысли, что вы понапрасну расходуете усилия своих людей.

— Как это, милостивый пан?

— Видите во-он то огромное дерево на южном берегу вверх по течению?

— Да.

— Если вы привяжете один конец длинной веревки к дереву, а другой — к левому борту вашей лодки, ближе к носу, сила воды будет толкать вас обратно на другой берег. А когда окажетесь там, перевяжите веревку к правому борту, и река доставит вас сюда.

Он немного подумал.

— И это действительно работает?

— Проверьте сами. Найдите маленькую лодку и короткую веревку и посмотрите, что получится.

— Гм. Да, я мог бы так поступить, мой господин. Именно так.

Пан Владимир и девочки собирались гнать по возможности со скоростью ветра, сгорая от желания вернуться в Вавель, поскольку я обещал заглянуть туда во второй раз на обратном пути. Владимир планировал провести нас коротким путем, который пролегал через горы Высокие Бескиды, являвшиеся частью Карпат. Так мы могли добраться до Саца всего за два дня.

Мы ехали через заливные луга в бассейне Вислы. Кристина и Анастасия, ни на минуту не умолкая, болтали о чудесах, увиденных в Кракове. Когда мы начали взбираться на холмы ближе к вечеру, прекрасная до этого момента погода стала портиться. Через пару часов наши великолепные одежды забрызгал дождик.

— Я полагал, что сегодня мы сможем добраться до владений моего дяди Феликса, — сказал пан Владимир. — Но мы шли не так быстро, как мне бы хотелось, а я совершенно не расположен испортить под ливнем новые костюмы, сшитые нашими прекрасными дамами. В этих горах есть пещеры. Я играл там, когда был маленьким. Что вы скажете насчет ночлега в одной из них?

— Я — за, — объявил я. — У нас с собой мой старый рюкзак. Я могу угостить вас замороженным тушеным мясом.

Пан Владимир быстро нашел пещеру. Около входа лежал слой помета летучих мышей. Эти маленькие зверьки часто встречаются в Карпатах. Они — безобидные насекомоядные животные, и их так много, что вы можете путешествовать неделями, не прихлопнув ни одного жука.

Нам пришлось преодолеть около четырех ярдов вверх по скале, чтобы добраться до пещеры, но лезть оказалось легко, почти как по лестнице. Лошадей внутрь мы взять не могли, но летний ливень вряд ли повредит им. Я поставил палатку и занес внутрь наш багаж, пока Владимир разгружал и привязывал коней. Анна не собиралась терпеть неволю, но она показала себя дисциплинированным животным, и нечего было опасаться, что моя лошадка отобьется от лагерь.

Анастасия и Кристина собрали хворост для костра, и вскоре мы уже сидели полукругом у огня, лицом к выходу, и ждали, пока начнет кипеть мясо в моем алюминиевом походном котелке. Кристина расположилась слева от меня, а Владимир с Анастасией — справа.

Мы устроились как раз вовремя, потому что вскоре началась гроза, засверкали молнии, дождь полил как из ведра. Мне всегда нравились бури, когда я не попадал в них сам, а вид из нашей пещеры открывался потрясающий. Но вскоре представление окончилось, и ливень почти прекратился.

Мы начали рассказывать истории. Это искусство представляло огромную ценность в средние века, но в современном мире практически утратило значение.

Кристина поведала уморительную историю о том, как ее дядя отправился покупать свинью и вернулся домой с коровой. Я около часа повествовал о девятипалом Фродо. Может, современный человек и не владеет искусством выдумывания сказок, зато он прекрасно знает кучу сюжетных линий.

С наступлением темноты к нам прилетели, пища и хлопая крыльями, летучие мыши. Девушки, не привыкшие к этим безобидным созданиям, принялись визжать.

Пан Владимир воспринял это как предисловие к истории про вампира. Сюжет ее — живой мертвец, ненавидящий свет солнца и святую воду, пьет человеческую кровь и превращает свои жертвы в подобных ему чудовищ, — походил на пересказ содержания фильмов ужасов двадцатого века.

Манера рассказа Владимира, с активной жестикуляцией и живой мимикой, добавила истории правдоподобия — тем более что пресловутый граф Дракула жил тут же, в Карпатах, только дальше на юг от нас.

Более того, пан Владимир безапелляционно заявил, что говорит чистую правду, и в его глазах не виднелось веселого блеска, с которым он обычно выдавал сказки. Он действительно верил в то, что говорил, и девушек заставил поверить. Даже я, будучи человеком, далеким от таких вещей, признаюсь, несколько перепугался.

Приближаясь к кульминации рассказа, Владимир вдруг умолк и устался на что-то позади меня. Лицо его выражало полнейший ужас: помню, я еще подумал, что в Голливуде двадцатого века он имел бы успех.

Послышался легкий шорох, и я удивился, как Владимиру удалось создать звуковой эффект. Потом заметил, что девушки тоже остолбенели от ужаса, а актрисами они никогда не были.

Я оглянулся через правое плечо и сделал, наверное, самую большую ошибку в своей жизни.

Ко мне приближался человек, совсем голый, с кожей белой, как фарфор. Изо рта текла слюна вперемешку с пеной, горло дергалось в конвульсиях, а грудь содрогалась.

Он шел ко мне!..

Меня охватила паника. Без единой мысли в голове я выхватил меч и одним ударом расплосовал его.

Я разрубил человека почти надвое в районе талии. Две половины упали на пол под неестественным углом, горло булькнуло еще пару раз, и все затихло.

В тот же момент новый ужас захватил меня. Я только что убил человека — возможно, сумасшедшего отшельника, но ведь не вампира какого-то — без всякой причины, только потому, что испугался. В этом варварском веке я стал таким жестоким, что убийство превратилось во что-то само собой разумеющееся.

Пан Владимир первым вышел из ступора. Он схватил сук, быстро заточил его поясным ножом и начал забивать его в грудь трупа камнем.

Такое обращение с покойным вернуло меня к жизни.

— Во имя Господа Бога, пан Владимир, прекратите сейчас же!..

— Это необходимо сделать, пан Конрад! Оно все еще живое! Оно все еще может убить нас! — В его голосе сквозила паника.

Не было никакой возможности остановить его, не прибегая к насилию. Пан Владимир колотил камнем по колу что было силы, но забить деревянную палку в человеческие ребра — в особенности если тело перерублено посередине — нелегкая задача. Внутренности разбросало по полу пещеры, все мы стояли, забрызганные кровью.

Я уставился на человека, погибшего от моей руки. Медленно до меня начало доходить.

Пена у рта. Белая кожа. Конвульсии.

— Бешенство, — закричал я. — **БЕШЕНСТВО!** Пан Владимир, убирайтесь от тела! Оно заражено! Оно заразно! Мы все можем закончить, как этот несчастный!..

— Уже нет, пан Конрад. Я убил его. — Он оторвался от своего омерзительного занятия: кол торчал из-под левого соска трупа.

— Поверьте мне! Если вы собирались хоть что-то из моих слов взять на веру, сейчас как раз время! Это вирус, болезнь, как и чума. Мы должны смыть с себя кровь и грязь!

— Так что надо делать?..

— Мы все сейчас выходим отсюда! Нам нужно вымыться! — Я начал выталкивать их из пещеры.

— Пан Конрад, — закричала Кристина. — Там льет как из ведра! Наша одежда!..

— Пошла она к черту, ваша одежда! Этот дождь — божественный дар. Пошли вон отсюда, или я собственноручно выкину вас! Вы, двое!.. Анастасия! Шевелитесь!..

Девушки поспешили наружу, но Владимир стоял столбом и смотрел на меня.

— Пан Владимир, пожалуйста!

Он поколебался мгновение, потом согласился:

— Ладно.

Я взял наши пожитки за краешек и выкинул на улицу. Снаружи опять начался ливень, сверкали молнии. И то, и другое приветствовалось — по крайней мере мной. В полнейшей темноте и без воды моя задача стала бы невыполнимой.

Анна услышала шум и прибежала к нам.

— Назад, девочка! Бешенство!..

Она кивнула и отошла назад.

— Остальные — раздевайтесь! — Я старался перекрыть шум бури. — Повесьте одежду на ветки кустов, где их промочит дождь. Вымойтесь сами! Кристина, доставай мое мыло!

Я безжалостно заставил их дважды намылиться под ледяным ливнем. В конце концов мы предоставили девушкам палатку, а Владимир и я устроились удобно, как могли, под деревом.

— Пан Конрад, это было действительно необходимо?

— Да.

— Это что-то вроде суеверия вашего народа?

— Не суеверие. Я уже говорил тебе раньше, что большинство болезней вызывают микробы, маленькие животные, такие крошечные, что их нельзя увидеть глазом. Они поразили того несчастного из пещеры.

— Пан Конрад, вы ведь обучали меня научному методу и говорили верить только тому, что доступно моим чувствам. Собственными глазами я видел вампира. Я прикасался к нему. Я чувствовал его. Как я могу сомневаться, что это правда?

— Ты действительно что-то видел, но это что-то было жертвой заболевания.

— Что касается микробов... ну, если подойти к ним с научной точки зрения, я никогда не видел ни одного. Если вы когда-нибудь постройте микроскоп, о котором говорили, возможно, мне удастся посмотреть на них. На данный момент я знаю, что видел и что делал. А что до этого полуночного холодного купания всей компанией... скажем так, вы нездешний, и я всего лишь старался проявить вежливость и уважение к вашим традициям, как вы часто делали по отношению к нашим обычаям.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Твоя научная дедукция удовлетворилась забиванием кола в сердце вампира, а мои суеверия требовали, чтобы мы в ритуальном порядке смыли дьявольские микробы.

— Меня беспокоит вовсе не это. Что меня действительно беспокоит, так это то, что я сижу сейчас голый, мокрый, в мужской компании, когда всего несколько минут назад уютно устроился рядом с любимой девушкой.

— Ну, я, знаешь ли, в том же положении.

— Тем хуже.

Некоторое время мы молчали. Потом я сказал:

— Думаю, мы оба правы насчет того человека из пещеры. Большинство легенд имеет под собой реальные основания. Симптомы бешенства во многом напоминают ваше описание вампира. Боязнь воды и света. Белая кожа. И если тебя укусит больной, ты обязательно станешь таким же, как и он. Я полагаю, что твой вампир — это моя жертва бешенства. Два названия для одного и того же явления.

— Как скажете. Сколько должен длиться ваш ритуал, прежде чем мы снова сможем зайти в пещеру?

— Это не ритуал и мы не собираемся возвращаться в пещеру.

— Прекрасно. Это не суеверие. Просто пещера навеки проклята нечистым.

Ночь была долгой, и я провел ее в душевных поисках. Думаю, я оказал услугу тому парню, одарив его скорой смертью. Бешенство не лучший путь на тот свет. Возможно, он укусил бы кого-нибудь из нас, и я спас своих друзей от ужасной судьбы. Я никак не мог вылечить заболевание.

Но все это только лишь размахивание кулаками после драки.

На самом-то деле я убил человека, потому что тот напугал меня.

Земли, через которые мы проезжали на следующий день, резко контрастировали с нашим подавленным настроением. За полями хорошо ухаживали, и вскоре предстояло собирать богатый урожай. Крестьяне выстроили себе большие добротные дома, у большинства стены были выкрашены в яркие краски. Люди попадались упитанные, некоторые даже толстые, все носили приличную одежду. И все суеились так, будто, что бы они ни делали в данный момент, это и являлось самым важным смыслом их жизни.

Такое настроение заразительно, так что мы немного повеселели, пока ехали в своих лучших одеждах к жилищу дяди Феликса. Мне пришлось называть его так, даже несмотря на то, что он был дядей Владимира, а вовсе не моим.

Пан Феликс оказался одним из тех мужчин, которые всем приходится дядей. Большой, холеный, прямодушный, грубоватый, он распространял вокруг себя хорошее настроение и добрые пожелания.

— Это ты, Влад, мальчик мой? Ты уже достаточно взрослый для общения с девушками? Да еще с такими прекрас-

ными? А что это за гигант? Вы, должно быть, пан Конрад Старгардский! Добро пожаловать! Мама!.. Пойди заруби жирного теленка на ужин! У нас гости! Иво! Иво, ты, ленивый крестьянин! Иди, позаботься о конях! Ну что, народ? Слезайте с лошадей!..

Немного настораживающее начало, но позже дядя Феликс не мог не понравиться. Вскоре вокруг уже бегало с дюжину человек, наших коней разгрузили и увели в стойла, багаж разобрали. Некоторые женщины поцокали при виде мокрой одежды и унесли ее, в то время как мы вчетвером угощались обедом, которого хватило бы для десятирех.

Дядя Феликс уже поел, однако, присоединившись к нам за столом, он покушал за шестерых просто из любезности и желания составить нам компанию.

— Итак, мальчики, вы путешествуете в поисках приключений? Убили хоть одного дракона?

— Никаких драконов, дядя Феликс, — ответил Владимир. — Но мы прикончили пятерых крестоносцев в честном бою и отправили на тот свет одного вампира прошлой ночью.

— Еще один вампир на моих землях, да? Это уже второй за год. Надо предупредить крестьян. Расскажите мне про крестоносцев.

Пан Владимир пустился в повествование, которое становилось с каждым разом все красочнее. Он ни разу прямо не солгал, вы понимаете, но описание деталей получалось более впечатляющим.

— Ого! Князю это могло и понравиться, но он не ваш сеньор. — Феликс помахал толстым пальцем перед носом пана Владимира. — Ты знаешь, твой отец явно не обрадуется новости.

— Да, знаю... Я в некотором роде надеялся, что ты за меня заступишься.

— Возможно. Но сейчас слишком близко до сбора урожая, чтобы мне уезжать. Думаю, божий суд на ристалище

расставит все по своим местам. Но, если он все еще будет злиться на тебя после Рождества, я приеду и поговорю с ним. Теперь вы, большой друг! Я слышал о вас столько историй, что даже и не знаю, в какие из них верить, а в какие нет. Расскажите мне о себе.

— Да я вполне обычный человек, дядя Феликс. О, извините, я имел в виду — *пан Феликс*.

— «Дядя Феликс» тоже сойдет. Все меня так называют. Никогда не понимал почему... Я слышал, что когда вы приехали сюда, то путешествовали по лесам без ничего, только с тем, что могли утащить на собственном горбу, то есть без оружия и доспехов, и останавливались на ночлег там, где вас заставляла темнота. К тому же делали это из интереса. Это правда?

— Ну, да.

— Тогда вы либо очень храбрый человек, либо полный идиот.

— Наверное, ни тот ни другой. Это обычное развлечение в тех местах, откуда я прибыл. Мы в основном селимся в городах, поэтому всякому хоть раз в год хочется вернуться к природе. Снаряжение мы используем очень легкое, и все оно помещается на спине путешественника.

— Но только не оружие?

— А... оружие не в почете. Да оно и не так уж и необходимо. Большинство животных не тронут вас, если их не напугать.

— Животные-то, может, и не тронут. А что насчет людей?

— А что насчет них? Я не собирался нарываться на неприятности.

— Неприятности сами вас найдут в лесу. А как же воры?

— Их не так уж и много. Послушайте, я вообще-то не должен об этом распространяться. На меня наложили обет.

— Как хотите, пан Конрад. Как насчет всех сражений, в которых вы участвовали?

— Ну, четыре раза меня атаковали сумасшедшие на дороге. Я защищался. Что тут еще сказать?..

О том, чтобы продолжить путь следующим утром, не могло быть и речи. Дядя Феликс такого не потерпел бы. Опять же лил дождь, а до Саца еще целый день пути. Лучше выехать завтра.

В тот вечер я практически ни на минуту не вылезал из-за стола. Когда закончился обед, принесли пиво с закусками: сосиски, сыр, хлеб, холодные пироги, вяленое мясо, копченая рыба, пудинги, маринованная рыба, маринованная капуста, маринованные овощи и множество тому подобного.

Шел вторник, но был, так сказать, объявлен праздник. Возможно, виной всему дождь, а может, наш приезд. Или, скорее, дядя Феликс просто привык к такому житью.

Начались игры в шахматы и шашки и еще в дюжину настольных игр, о которых я слыхом не слыхивал. Например, «девять человек Морриса» — нечто вроде китайских шашек. «Лиса и гуси» — подобие догонялок, «Коровы и леопард» — более сложный вариант предыдущей забавы. И наконец, «Гусь» — догонялки откровенные.

Более того, казалось, что у каждой игры был один вариант для искусных игроков и один — для дилетантов. Дядя Феликс вовлек меня в соревнование по византийским шахматам, где мы пользовались нормальными фигурами, но круглой доской. Затем он настоял, чтобы мы играли с помощью костей. Чтобы переместить пешку, надо выкинуть хотя бы одно очко, два — для коня и так далее.

Если ни одно из движений, равных вашим очкам, не оказывалось возможным по шахматным правилам, вы теряете ход. Если вам объявляют шах, вам приходится кидать кости, чтобы избежать его, или вы теряете ход. Потом вашему противнику также приходится кидать кости, чтобы взять вашего короля и выиграть. Получались довольно странные комбинации, и я рад, что не играл с дя-

дей Феликсом на деньги. В любом случае, по-моему, его кости были со свинцом.

Спокойное проведение времени соответствовало моему настроению, но Владимир чувствовал в себе гораздо больше энергии. Он вместе с Кристиной, Анастасией и полудюжиной панн дяди Феликса играл в игру под названием «Последняя парочка в аду». Я так и не понял, существовали ли там какие-то правила, но беготня и визги точно присутствовали.

Люди приходили и уходили, приносили блюда, съедали их и убрали посуду. В одно и то же время шло как минимум три разговора, шум никогда не утихал. Забредали дети и собаки, их гладили, шлепали или игнорировали — в зависимости от ситуации. Дядя Феликс почти никогда не использовал имена. Он только показывал на кого-нибудь пальцем, орал, и его пожелание тотчас исполнялось.

Я никак не мог понять, кто принадлежал к его семье, а кто к прислуге. Может, они и сами это не совсем осознавали. Когда дядя Феликс орал, люди вскакивали, но совсем не обязательно те же, что и в прошлый раз. Девушка, принесящая нам дымящееся блюдо с тушеным мясом, быстренько уселась за стол и вместе с нами принялась за еду. Позднее дядя Феликс ушипнул ее за мягкое место: до этого я был уверен, что он гладил по голове своих дочерей и щипал служанок.

Попытайтесь представить себе дружелюбный, без малейших признаков дисциплины сумасшедший дом с надлежащими звуковыми эффектами. Слегка пугающе, но со временем начинает нравиться.

После шести часов непрерывных еды и питья дядя Феликс поднялся, поправил пояс и объявил, что наступило время для хорошего ужина.

Они действительно закололи жирного теленка, и двое мужчин втащили его на большом блюде. Целый день воздавая должное огромному количеству разнообразных изысков

кулинарии, я теперь только и мог, что вяло ковырять вилок в своей тарелке. Дядя Феликс посмотрел на меня с неподдельной обидой.

— Что-то не так с едой?..

Следующим утром мы снова облачились в лучшие наряды, только слегка попорченные. Небо было серым, а мы все слишком отяжелели от немалых возлияний вчерашнего вечера, чтобы разговаривать по пути в Сац.

Земля и климат в Саце несколько не отличались от владений дяди Феликса, но жили здесь гораздо хуже. Лидер задает тон организации дел, а в Саце этот тон оказался плохим. Половина полей не распахана, и не то чтобы их не засадили — леса наступали на пахотную землю. На использовавшихся полях росли редкие хилые колоски.

Домики походили на хижины, а люди попадались замученные, безразличные до состояния полной апатии. Создавалось впечатление, что они думали, будто ничто не сможет помочь им исправить положение: ничто для них не имело значения. Большинство выглядело явно голодными.

В Польше любой человек, даже принявший присягу крестьянин, имеет право на уход со своей земли. Если дела идут плохо, он может распродать или бросить имущество и убраться, куда глаза глядят. Это походило на закон о банкротстве в современном мире. Так вот, Сац уже покинули все, кто имел хоть капельку надежды на лучшее.

Я решил, что охота представляла немалую важность для барона Пшемысла, потому что он так плохо управлял своими землями, что люди не могли обеспечить его едой. Единственное, чем они могли питаться, — это дикими животными, поэтому барон так жестко обращался с браконьерами.

Барон Пшемысл оказался мрачным, неразговорчивым подагриком. Он продемонстрировал Тадеуша гораздо более тощим и бледным, чем я его помнил. Тадеуш мучался немотой, пока барон публично тщательно пересчитывал деньги.

Лодочник качал головой, шурился на солнце и почесывал шрамы, оставшиеся после кандалов. Прожив почти месяц в собственных испражнениях, он издавал кошмарную вонь. И это при том, что я стоял против ветра. Барон же, кажется, вовсе не замечал запаха.

Закончив долгий медленный пересчет, барон просто повернулся и захромал прочь: ни тебе спасибо, ни приглашения на ужин, а время было позднее.

Я решил не говорить ему, как лечится подагра.

— Вы приехали! Слава Богу, вы приехали!.. — внезапно заорал Тадеуш.

— Да, я приехал. Теперь залазь-ка на мула и давай убираться из этого свинарника.

Но как только мы сели верхом, он снова подал голос:

— Мой лук, пан Конрад! Как вы думаете, я смогу забрать свой лук?

У Тадеуша имелся длинный английский лук довольно оригинальной работы. Стрелял он фантастически, и я не мог точно сказать, кто здесь виноват: оружие или человек. У ворот стоял седобородый мужчина в нечищенных доспехах. После недолгих препирательств, ругани и угрозы применить насилие, он отдал нам лук и колчан со стрелами за восемь гривен. Обыкновенная сделка, если не считать того, что все это принадлежало Тадеушу с самого начала.

— А моя лодка... Пан Конрад, как вы думаете, есть хоть один шанс вернуть лодку?

По этому пункту страж оказался непреклонен. Нет. Лодку конфисковали вместе с грузом и продали.

— Тогда я лодочник без лодки. Что теперь со мной будет?

— Могу рассказать, — ответил я. — Ты поедешь со мной. Я не возьму с тебя ни копейки за расходы на дорогу, и ты не несешь никакой ответственности за все, что случится в пути. Но я только что потратил на тебя четыре тысячи гривен и намерен вернуть их обратно. Ты однажды нанял меня за

три гривны в день плюс еда. Именно столько я и буду тебе платить, пока ты не отработаешь свой долг.

— Вы жестокий человек, пан Конрад.

— Гм. Мне такое в первый раз говорят. Ну, поехали, ребята. Нам предстоит еще одна стоянка, прежде чем мы доберемся до дома.

Я переместился в тринадцатый век, пока спал в подвале корчмы «Красные ворота». Не знаю, как все получилось, но ответ, возможно, находился в самой корчме.

В любом случае я собирался навестить это место.

ГЛАВА 13

Нам посчастливилось найти достаточно приличную корчму этим вечером. Тадеуша туда не пускали, пока он не принял ванну, что я посчитал прекрасной рекомендацией постоялому двору.

Корчмарь поставил деревянный чан посреди двора, послужил палец и убедился, что Тадеуш стоит не по ветру к трапезной. Чан наполнили горячей водой, а Тадеушу кинули кусок простого мыла, стараясь не подходить к нему на расстояние прыжка блохи.

Ему приказали раздеться и залезть в чан. Слуга подцепил старую одежду длинной палкой и унес на костер, идя строго по ветру. Воду меняли три раза, прежде чем бедный Тадеуш прошел проверку на чистоту и получил право вновь считаться человеком. И все равно, как мне показалось, ему начали оказывать помощь только потому, что на улице стемнело.

Я также получил счет за чистку мула, на котором ехал Тадеуш.

Ему вполне подошел один из моих костюмов, после того как мы подвернули рукава, однако я не разрешил ему их обрезать насовсем. Только не мою расшитую рубашку!

— Хорошо, что кузен Пшемысл не пригласил нас на ужин, — заметил Владимир. — У него паршивый стол.

Я расспросил корчмаря о «Красных воротах» и получил предостережение туда не ходить. В дом ударила молния, и теперь место населено демонами.

Чувство соперничества — это, конечно, нормально, но до определенных пределов. Когда я продолжил гнуть свое, он поведал, что добраться до «Красных ворот» можно по той же дороге, по какой мы сюда приехали. Пропустить корчму никак не удастся, если ты настолько глуп, что вообще отправился туда.

Я не мог рассказать своим друзьям, почему поездка так необходима, а пана Владимира вовсе не радовало то, что путешествие затягивается. Он хотел поскорее вернуться и еще немного побыть в роли героя в Вавеле. Кристина и Анастасия прочно стояли на его стороне. Мне предстояло нелегкое сражение — трое против одного.

— Хорошо. Тогда вы не поедете в «Красные ворота». Я и так не уверен, что мне нужна ваша компания. Пан Владимир, оставайся здесь вместе с девушками. Я возьму Анну и завтра утром отправлюсь в корчму. Моя лошадка достаточно быстро бежит, чтобы успеть за день туда и обратно, а все вместе мы будем разъезжать не меньше двух дней. В любом случае, по-моему, Анне нужна хорошая пробежка, а с вами ребята, ей не разогнаться.

Пан Владимир и девочки, поворчав, согласились, и мы отправились ко сну.

На следующее утро я седлал Анну, когда подошел пан Владимир.

— Пан Конрад, вчера вечером я наговорил сгоряча глупостей, позвольте мне сопровождать вас.

— Спасибо. Извинения принимаются. Но если ты поедешь, девочки настоят на том, чтобы их взяли с собой, а с их глупыми кобылками мы будем тащиться с черепашьей скоростью. И оставлять их здесь без защиты тоже не годится. Со мной и Анной ничего не случится, не переживай.

— И все же мне будет спокойнее, если я поеду с вами. И давайте захватим девушек. Нет причин для спешки.

— Возможно, мне надо немного побыть наедине с самим собой. Я хочу поехать один. И не надо меня преследовать, ты все равно не угонишься за нами, знаешь ведь.

Я оставил попону и шикарные одежды в корчме. Мне предстояло добыть информацию, и чем меньше внимания я привлеку, тем лучше.

Анна летела как ветер. Она может нести на себе здорового мужчину в доспехах с той же невероятной стремительностью, что и беговая лошадь — маленького жокея. И к тому же не сбавляет скорость целый день, а не только одну милю.

Такое удовольствие — мчаться на ней по плоским равнинам и холмистым дорогам! Ощущения, как при езде на мотоцикле, американских горках и полете на аэроплане в одно и то же время. И даже более того, потому что аэроплан не может лететь так близко к земле долгое время, и мотоцикл не проедет с подобной скоростью по извилистым дорогам. А на горках вы в глубине души сознаете, что находитесь в безопасности. Здесь же все по-настоящему!

Прошло около получаса, а мы так никого и не встретили. Потом натолкнулись на полянку приятного вида с прелестным маленьким пастбищем и остановились там ненадолго. Повар из корчмы снабдил меня едой. В средние века было принято вставать на рассвете, однако завтрак подавался примерно в десять утра. На рассвете я еще мог подняться, потому что без электрического света не мог долго бодрствовать вечером. Но я всегда съедал обильный завтрак, и год пребывания в этом варварском времени не изменил моих привычек.

Мы поели. Анна пощипывала травку и бдительно следила за окрестностями.

— Анна, не могла бы ты подойти ко мне?

Она простукала копытами в моем направлении.

Когда-то жил один знаменитый немецкий конь по имени Умный Ганс, который всех, не исключая своего хозяина, убедил, что владеет простой арифметикой. Только через несколько лет ученые доказали, что Ганс понимал язык телодвижений человека, задававшего ему вопрос. Конь принимался топтать копытом, и, когда начинал подбираться к верному ответу, человек слегка напрягался, сам того не замечая. Когда подопечный добирался до правильного числа, тренер расслаблялся и Ганс прекращал бить копытом.

Мне хотелось узнать, мотает ли Анна головой в ответ на вопросы по технологии Умного Ганса, или же она действительно разумное существо в шкуре лошади.

— Хорошо. Скажи, пожалуйста, сколько будет три минус один?

Она два раза ударила копытом.

— Так. Квадратный корень из девяти.

Она посмотрела на меня вопросительно, потом махнула головой из стороны в сторону, как собака.

— Ты знаешь, что такое квадратный корень?

Она покачала головой, нет.

Это все решало. Я-то знал, что такое квадратный корень, и если бы передо мной был второй Умный Ганс, она бы стукнула три раза. Анна — выдающееся существо. Она физически, умственно и морально превосходила всех лошадей вместе взятых.

— Анна, ты действительно лошадь?

Она секунду смотрела на меня, потом покачала головой: нет.

— Ты человек?

Она опять покачала головой.

— Что-то вроде машины?

Нет.

— Пришелец? С другой планеты?

Нет и еще раз нет.

— Ты родилась обычным путем? Какая-то мутация?

Да и нет.

— Ты родилась естественным образом и не мутант...

Да.

— Анна, я прибыл в эту страну на машине времени. По крайней мере через странный подвал в старой корчме, похожий на нее. Ты знаешь о машинах времени?

Да и нет.

— Давай попробуем снова. Ты каким-либо образом связана с человеком или группой людей, которые имеют отношение к машине времени?

Да.

— Ты знаешь, как работает это приспособление?

Нет.

— Ну, по крайней мере я теперь знаю, что ты связана с высокой технологией. Может, ты есть результат высокой технологии? Биотехнология?

Да и да.

— Но ты родилась естественным путем... о, ну конечно. Твоих предков создали искусственно.

Да.

— Тогда ты из будущего?

Нет.

— Из прошлого?

Да.

— В далеком прошлом существовала затерянная цивилизация?

Да и нет.

Тут Анна меня немного запутала. Как она могла быть там и не там одновременно? Раз есть технология, есть и цивилизация, не так ли?

— Ты продукт цивилизации?

Да.

— Твоя цивилизация находится в далеком прошлом?

Да.

— Тогда почему... ага, она там, но не потеряна?

Да.

— Теперь понимаю. Если у тебя есть машина времени, ты никак не сможешь затеряться. Вернемся к тебе. Ты — разумное творение биоинженерии.

Да и нет.

— Опять ты за свое. Тебя — или, по крайней мере, твоих родственников — создали искусственно?

Да.

— И ты разумна.

Да и нет.

— Ага. Ты разумна, но не так умна, как я?

Да.

— Если это правда, то я не далеко от тебя ушел. Я до сих пор не видел, чтобы ты хоть раз поступила необдуманно. Зато сам бог знает сколько натворил глупостей. Анна, ты явно понимаешь по-польски. Ты можешь читать?

Да.

— А писать?

Нет.

— Анна, если я сделаю большой плакат с буквами и цифрами, ты сможешь указывать мне на них и составлять слова?

Да и нет.

— Ты можешь попробовать, но твое правописание составляет желать лучшего?

Да.

— Прекрасно. Мы сделаем плакат, как только вернемся в Три Стены. Анна, ты слишком разумна, чтобы с тобой обращаться как с животным. По мне — ты практически человек. Я не владею тобой, но хочу оставаться твоим другом. Хорошо?

Да.

— Ты согласна работать на меня, делая то же, что делала до сих пор?

Да.

— Большинству работников в Трех Стенах я плачу по гривне в день, тебе подойдет такая плата?

Да.

— Замечательно. Мы подсчитаем все, что я должен тебе с того момента, когда встретил тебя в Кракове. Получится около трех сотен гривен. Если хочешь, я подержу твои деньги у себя, а когда тебе что-то понадобится, ты просто дашь мне знать, ладно?

Да.

— Хочешь ли ты присягнуть мне, как и остальные мои люди?

Энергичное «да».

— Так и поступим. Но для того чтобы все было по правилам, нужны свидетели, поэтому, думаю, мы потерпим до возвращения в Три Стены, да?

Да.

Такого большого прорыва у меня давно не случалось.

Готовясь к продолжению пути, я сказал:

— Анна, нам нужно больше слов, чем просто «да» или «нет». Как насчет того, чтобы покачивание хвостом означало — тебе все равно, а это твое «да-нет» — я задал неправильный вопрос?

Да-нет.

— Думаю, я это заслужил. Те два вышеописанных знака приемлемы для тебя?

Да.

Она обладала таким же строго логическим умом, как компьютер.

— Со временем мы сможем вести длинные беседы, но пока что есть ли что-нибудь, что тебе не нравится и что в моих силах исправить?

Да.

После новой серии вопросов я узнал, что это. Анне нравилась еда и не утомляла работа. Люди достаточно хорошо с

ней обращались, она любила путешествовать. Анне не мешало седло, но уздечка доводила до сердечного приступа. Не мог бы я снять проклятую штуковину?

— Счастлив услужить, дружище. Ты в любом случае никогда не обращала на нее внимания.

Мы продолжили путешествие на юг, в Высокие Татры. Некоторые дотошные ученые заявляют, что Татры — часть Высоких Бескид, а Бескиды — часть Карпат, но, как их ни назови, они все равно будут вполнину больше любой горы в Новой Англии. По мне, так это самые красивые горы в мире, и я влюбился в них с того самого момента, когда отец впервые взял меня сюда маленьким мальчиком.

Прекрасный день, чистое горное небо и свежий горный воздух... Анна набрала приличную скорость, а многие славянские песни написаны специально для наездников, чтобы их можно было напевать под стук копыт. Я был в отличном настроении и пел «Польский патруль», когда приблизился к самому удрученному человеку, какого только видел в жизни. Человек сидел прямо на дороге, уронив голову на руки и поставив локти на колени.

Я остановил Анну. На самом деле я только подумал о том, чтобы остановиться, а Анна поняла мое желание по мельчайшим изменениям положения моего тела на ее спине.

— Я знаю тебя, ведь так? — спросил я.

Человек поднял голову и посмотрел на меня, но в его глазах не появилось проблеска узнавания.

— Конечно, я знаю тебя, — продолжал я. — Ты — Иван Тарг. Ты пустил меня в свой дом прошлой зимой, когда я пропадал на морозе.

— Да, теперь я припоминаю. Ты — тот гигант со священником...

Голова Тарга снова упала на руки.

Я слез с лошади и сел рядом с ним.

— Расскажи мне, друг, почему ты так опечален? Что такого страшного случилось?

— Вот. — Он показал на поле.

Только через несколько секунд до меня дошло, *что именно* с ним не так. Обычно на одном поле сажают два вида растений одновременно, в нашем случае рис и пшеницу. Если погодные условия не подойдут для пшеницы, вызреет рис, и наоборот. Большинство польских хлебцев делают из смеси зерен, так что после сбора урожая не надо разбирать колосья. Но на этом поле каждый колос лежал, прибитый к земле.

— Дождь? — спросил я.

— Град. Прошлой ночью у нас бушевала буря.

— Жалко. Тебе это вылетит в копеечку.

— Мне это будет стоить жизни. Мне и моей семье.

— Но ведь есть и другие поля...

— Здесь мое единственное поле. За два года тяжелой работы нам удалось расчистить только совсем маленький участок. Эти колосья — единственное, что у меня оставалось. Если бы они вызрели, я смог бы прокормить семью целую зиму, а остаток продать купцам. Теперь у меня нет ничего, у моей семьи ничего нет...

— Согласен, произошла катастрофа, но это не будет стоить тебе жизни. Наверняка твой господин поможет вам пережить зиму.

— У меня нет господина!.. Неужели вы не видите! Я приехал в горы, чтобы покончить с господами! Я устал отдавать половину того, что выращиваю, в роскошный замок на стол жирному борову, который не хочет работать! Я приехал сюда, чтобы стать свободным, и теперь умру из-за своего упрямства...

Он не шутил. Его слова не походили на нытье бизнесмена, у которого снизились доходы. Передо мной сидел человек, смотревший в лицо смерти.

— Однажды ты не позволил мне замерзнуть на улице и дал мне место у семейного очага. Без тебя я наверняка умер бы на холоде...

Я достал кошелек и высыпал в руку около пятисот гривен. Для меня — небольшая сумма, но он сможет прокормить семью до весны.

— Ты не знал тогда, что кинул семена в благодатную почву.

Иван посмотрел на деньги, потом поднял глаза на меня. Бедняга явно лишился дара речи. В одно утро он вышел из дома, ожидая увидеть, как зреет его урожай, как приносят плоды его усилия, а вместо этого нашел абсолютный крах всего. А потом, когда он уже примирился с неотвратимой гибелью, пришел человек, которого он едва знает, и спасает положение. Его мозг не мог переварить все разом, и у меня создалось впечатление, что крестьянин не встанет со своего камня еще несколько часов.

— Мне не в тягость помочь тебе, — сказал я. — Везло в последний год. Если когда-нибудь захочешь отдать долг, знай, что я — пан Конрад Старгардский, и живу в Трех Стенах около Цешина. И если когда-нибудь ты решишь снова найти себе господина, можешь поговорить со мной, и мы что-нибудь устроим.

Он машинально кивнул. Я взобрался на лошадь и поехал дальше, вполне довольный собой. Богатство хорошо тем, что время от времени позволяет творить добрые дела.

Меньше чем через час мы с Анной приблизились к корчме, то есть к тому месту, где, как я помнил, корчма располагалась. Мы нашли только дыру в земле.

Да, это была воронка от взрыва, двести ярдов в диаметре. Я все не мог поверить своим глазам, пока мы взбирались на край ямы и заглядывали внутрь. Анна беспокойно ерзала.

В воздухе стоял явный запах молний, хотя и светило солнце. Не такой уж неприятный запах столкновения электрических зарядов.

Озон.

— Озон! Радиация!.. Анна, выноси нас отсюда! Здесь взорвалась атомная бомба!..

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Я ударил по кнопке «стоп». На экране все застыло.

— О господи боже! Том! Ты сбросил атомную бомбу на корчму? — поразился я. — Да с чего вдруг, скажи на милость?!

— Успокойся, сынок. Я не бомбардировал то место, как и никто другой. Произошел несчастный случай.

— Случайный атомный взрыв в тринадцатом веке?!

— Ну, не совсем атомный. Более половины энергии взрыва — кинетического происхождения, а остальная часть — химического.

— Даже так...

— Ты знаешь, как работают наши темпоральные транспортеры. Канистра, прибывающая из одного времени в другое, обязана оказаться в точно определенном объеме чистого вакуума. Если в данное пространство попадает хоть что-нибудь, мы получаем два атома, существующих одновременно в одном и том же месте. Небольшой процент ядер приблизится слишком близко к взрывоопасному состоянию, в результате чего образуются чертовски странные изотопы. Некоторые из последних радиоактивны, они испускают ионизированное излучение, издающее запах озона, который и почувствовал мой кузен. Я сам как-то полу-

чил значительную дозу радиации в начале наших исследований путешествий во времени. Многие электроны взаимодействуют с электронами других атомов, вырабатывая странные химические вещества. Некоторые из этих веществ взрывоопасны, некоторые — ядовиты. Все атомы отторгают друг друга слишком энергично, что является причиной взрыва — во всяком случае, на шестьдесят девять процентов. Темпоральная канистра, прибывшая в корчму спустя три месяца после первого визита Конрада, явно врезалась в твердую скалу, более чем в восьмидесяти футах от назначенного места.

— Ого. Какие-то ошибки в наведении?

— Хотелось бы, чтобы все оказалось так просто. Мы знали, что произошло, и сканирование местности показало типичный взрыв, вызванный повторным появлением. Ты знаешь, что мы используем эффект повторного появления в контролируемых условиях для выработки энергии и большей части основных материалов. Мы полностью понимаем суть процесса, так что никаких сомнений относительно происшедшего возникнуть не могло. Единственная проблема — ни одна канистра не числилась в пропавших. Начали происходить странные вещи. Исследовательская группа, посланная в Венгрию, вернулась обратно дважды. С промежутком в несколько дней возвратились две одинаковые команды. И люди из каждой группы утверждали, что двойники из второй — их отражения. Еще один факт по теме: я только что вернулся из 1241 года, где встречался с Конрадом в битве у Хмельника, которую в противоречии с писаной историей выиграли поляки.

— Но такого не может быть! Время — это единый линейный континуум. Наши люди перемещались во времени тысячи раз, и мы знаем, что история развивается только по одной линии. Без ответвлений. Одну и ту же битву нельзя одновременно проиграть и выиграть!

— Рад, что ты так уверенно говоришь. Потому что ты не прав. Вернее сказать «все ЗНАЛИ, что ответвление невозможно». Теперь не знают. Кузен Конрад, черт его подери, сделал невозможное и выбил землю из-под наших ног как раз тогда, когда я собирался уходить на пенсию.

— Но как?..

— Как — я не знаю. Теоретики бьются над проблемой уже многие месяцы. И никто не возьмется сказать, когда они найдут решение. Может, никогда. Но зато у нас есть отправной пункт. Раздвоение началось не во время попадания Конрада в средние века. Все произошло только через месяц, когда Конраду пришлось принять трудное решение. По веским причинам его наниматель приказал ему бросить ребенка во время метели. Конрад одновременно и оставил, и спас ребенка! В нашей временной линии он подчинился приказу. По прибытии в Окойтц, однако, дамы Ламберта уже не почитали его героем. По их мнению, любой, кто оказался способен бросить ребенка на верную смерть на морозе, — законченный негодяй, не заслуживающий их внимания. Я разделяю их чувства. Они оказали влияние на Ламберта, и тот также не пришел в восторг от действий Конрада. Кузен покинул Окойтц со своим нанимателем, но вскоре они поссорились. Их пути разошлись, и Конрад продолжил путь на запад во Вроцлав в одиночестве. В городе его тотчас ограбили, и на несколько лет для брата настали плохие времена. В конце концов он занялся разработкой медных рудников, но и там не особенно преуспел. Когда мы отыскали Конрада, он руками и ногами ухватился за шанс вернуться в двадцатый век.

Я все еще пытался переварить заявление о раздвоении линии времени.

— Все продублировалось?.. Откуда что взялось? А как же насчет сохранения массы и энергии?

— Это предельно просто! Ничто не противоречит обыкновенным законам физики. Когда Конрад отверг нашу помощь, он не потерпел неудачу!

Я был настолько ошеломлен, что не заметил нагую девицу, сообщившую, что настало время ленча. Том взял меня под руку и вывел из комнаты.

Через час мы вернулись к документам.

ГЛАВА 14

Не останавливаясь, мы мчались к корчме, которую оставили утром. Хозяин двора подарил мне натянутую улыбку.

— Вы нашли «Красные ворота», пан Конрад?

— Ты знаешь, что я нашел. Дыру в земле.

— Даже так?.. Купцы, принесшие мне новости, не слишком распространялись. Там есть дьяволы?

— Самые худшие, каких ты только можешь себе представить. А ты, сукин сын, не удержал меня от поездки! Но продолжай предупреждать путников. Человек может умереть, просто заглянув внутрь.

Моя компания сторала от желания вернуться в Краков, но день еще не закончился, и Владимир отговорил всех уезжать, не дожидаясь утра. Оказалось, что в шести часах пути отсюда не было ни одного постоянного двора. Если мы продолжим путешествие сейчас, то придется ночевать на открытом воздухе, а при воспоминании о последнем нашем ночном приключении всех проридрала дрожь. Выехав же утром, мы с легкостью могли добраться до владений дяди Феликса до наступления вечера.

У дяди Феликса не получилось заколоть еще одного жирного теленка, и ему пришлось обходиться куском говядины, тремя гусями, молочным поросенком и целым ягненком, плюс обычное количество разнообразных мелочей.

Он яростно сопротивлялся нашему скорому отъезду, но я хотел попасть в соляные копи в Величке как можно быстрее. Там мы оказались вечером того же дня, Тадеуш всю дорогу жаловался на неудобства езды без седла.

В двадцатом веке эти соляные копи привлекают кучу туристов: пятьдесят поколений рабочих проделали девятьсот миль тоннелей, галерей и комнат. А что делает добытчик соли? Разумеется, добывает соль. Только теперь он это делает ради искусства. Там внизу рабочие вырубили две церкви и «часовню» размером с собор. Все украсили статуями и резьбой в разных стилях — от романтизма до модерна. Ежегодный бал дается на танцполе, вмещающем тысячи человек. Соревнования по теннису проводятся в помещении, находящемся на глубине сорока этажей под землей.

Кроме того, в копиях есть и естественные чудеса. Подземные озера, «наросты» в кристалльных гротах — природные феномены, аналога которым не найти в наземном мире.

Там даже можно найти некоторые виды растений и животных, адаптировавшихся к условиям подземелья. В пещерах существуют музеи, где вам все дадут подробно рассмотреть.

В тринадцатом веке копиям было еще далеко до современных, но разработки велись здесь по крайней мере триста лет, и пещеры приобрели потрясающий вид.

Хотя Кристину и Анастасию он не потряс. Они хотели поскорее в Краков, а Владимир раньше бывал в копиях. Но это был мой отпуск, и счета оплачивал тоже я.

Мы осматривали насос на шагающем ходу — приспособление, похожее на то, что мы построили в Трех Стенах для пилки деревьев. Однако для выкачивания воды из тоннелей гораздо лучше подходил мой паровой механизм.

Я подозревал начальника и начал ему объяснять принцип работы моего насоса. Он оборвал меня на полуслове.

— Вы рудокоп?

— Нет, не совсем, но...

— А я — да. И мой отец был рудокопом, так же, как и отец моего отца. Мы занимаемся добычей соли уже четверста лет.

— Все это замечательно, но мой насос...

— Я знаю все, что достойно внимания, о соляных копях. И мне не нужны ваши глупые советы.

— Но я не просто теорию вам излагаю. В Трех Стенах работает такой насос!

— В Трех Стенах?.. Я ни разу не слышал о соляных копях под названием «Три Стены».

Он отвернулся от меня и пошел по своим делам.

Надменный сукин сын.

Цена на соль примерно равна затратам на ее вырубку и доставку на поверхность, то есть чрезвычайно невысока. После того как мы нагрузили всех мулов, ссадив Тадеуша на землю, и перекинули тяжелые мешки через спины четырех коней, в нашем распоряжении оказалось примерно полторы тонны соли — около двух килограммов на душу, что, возможно, позволит продержаться до весны. Здешний народ потреблял слишком много соли — наверное, из-за того количества пива, которое выпивал.

Мы отсутствовали в Кракове не более двух дней, однако на берегу Вислы нас поджидали большие перемены. Хозяин парома прислушался к моему предложению использовать энергию воды для передвижения своего транспорта. Он протянул длинную прочную веревку от парома к намеченному мной дереву и даже усовершенствовал модель, соорудив хитрое устройство, которое помогало передвигать веревку от одного края парома к другому.

Паромщик позволил нам прокатиться задаром, в благодарность за мое предложение, однако с других продолжал брать прежнюю плату. Дело процветало, как никогда: люди приходили к нему просто для того, чтобы испытать новое средство передвижения.

Паромщику больше не приходилось делить барыш с дюжиной помощников. Со временем кто-то поймет, какие прибыли он получает, составит конкуренцию и способствует снижению цен. Но в тот момент он все еще наслаждался своим счастьем.

Я тоже был очень доволен. Только подумайте: благодаря моей идее и несколькими минутам, потраченным на объяснение, двенадцать мужчин избавились от необходимости каждый день толкать плот взад-вперед по реке. Двенадцати мужчинам дали шанс посвятить свою жизнь более полезному и интересному занятию.

На самом деле их окажется со временем больше, чем двенадцать, потому что на Висле паромов ходит много. Слух об усовершенствовании быстро распространится по округе. В Польше рек хватает. Я освободил не только дюжину конкретных мужчин, но и их сыновей и внуков.

Пока мы подъезжали к городским воротам, я расхваливал себя за отлично выполненную работу. Потом в мой шлем врезался камень размером с кулак. Я поразился до глубины души, попытался удержаться в седле, затем упал на землю.

Я не потерял сознания и мог слышать крики вокруг. Кристина и Анастасия приподняли мне голову, зрение начало возвращаться. Тадеуш воспользовался своим луком и прострелил руки двум мужчинам, пришпилив их к дереву. Пан Владимир и Анна сгоняли в кучу остальных нападавших. К тому времени, как я принял вертикальное положение, все уже закончилось.

— Пан Владимир, что случилось?..

— Это люди, когда-то работавшие на пароме. Они говорят, что не сделали вам ничего плохого, а вы лишили их средств к существованию, и теперь они вынуждены голодать вместе со своими семьями. Думаю, правда на их стороне, хотя я бы на их месте обратил свой гнев на хозяина парома, так как вы только говорили о том, как можно причи-

нить им ущерб, а хозяин парома воплотил ваши слова в жизнь.

— Я никому не причинял вреда. Я только... черт! Приведите их ко мне.

Пан Владимир подогнал толпу побитых людей. Большинство было покрыто кровью.

— Вы немного перестарались, как мне кажется, — заметил я.

— Я никого не убил, и считаю свое поведение снисходительным, — ответил пан Владимир.

— Догадываюсь. Эй, вы! Почему вы напали на нас?

Один из крестьян вышел вперед.

— Вы сказали хозяину парома построить ту штуковину! Теперь никто не станет нанимать гребцов! Никогда больше!

— Этого и следовало ожидать, — объяснил я. — Технология часто вызывает небольшие сдвиги в социальной и экономической сферах общества. Но от нее страна и ваш город только выиграют.

— Что бы вы ни говорили, в моем доме хлеба теперь не появится! Пока вы не открыли свой рот, дела шли отлично и у меня, и у моих друзей!

Последовали кивки и ропот согласия.

— Тогда найдите себе другую работу. В Кракове всем найдется что делать.

— Найдется, если у тебя есть дядька — мастер гильдии! Но на реке нет никаких гильдий, и никто не даст нам работу в Кракове.

— Вы хотите сказать, что все пытались найти честную работу в городе и всем отказали?

— Не все. Некоторые достаточно хорошо соображают, чтобы догадаться, что получится. Но многие пробовали, без всякого толку.

— Ладно. В Трех Стенах на всех хватит работы. Это место находится в двух днях пути к западу отсюда. Пойдете по дороге на землях графа Ламберта к владениям пана Мешко.

Он покажет вам дальнейшее направление. Скажите Яше, что гребцов следует нанимать по обычной ставке.

Они все еще выглядели недовольными, но толпа рассосалась. Я закончил тем, что нанял двадцать шесть гребцов — или людей, которые утверждали свою принадлежность к гребцам. Проверить я, конечно, ничего не мог, записей никто не вел. Еще несколько голодных ртов.

Пан Владимир хотел направиться прямо в Вавельский замок, и я попросил его захватить с собой наших панночек. Я подъеду позже. Мне надо увидеться с отцом Игнацием из францисканского монастыря. По поводу исповеди о том несчастном, которого я зарубил в горной пещере.

Прошло четыре дня, прежде чем я сумел уговорить своих компаньонов отправиться в путь. На этот раз понадобился прямой приказ графа Ламберта, чтобы сдвинуть их с места. Думаю, я мог бы убеждать их с большей серьезностью, но мне совершенно не хотелось видеть своего сеньора.

Пан Владимир настоял на выборе альтернативной дороги, немного более длинной, чем та, которая привела нас в Краков. Ее преимущество состояло в том, что крестоносцы редко ею пользовались. До официального определения даты Божьего суда ожидать от них можно чего угодно. Лучше просто избегать встречи с представителями ордена.

Этот путь провел нас мимо самой странной местности в Польше. Посреди влажной северно-европейской равнины — настоящая пустыня.

Бледовская пустыня представляет собой двадцать квадратных миль сыпучего, сдуваемого ветром песка и жуткой жары летом. К счастью, мы захватили только ее кусочек и то намаялись в дороге.

— Откуда она взялась? — спросила Анастасия.

— Игра ветров, я думаю, любимая. Пан Конрад, вы что-нибудь знаете по этому поводу? — переадресовал вопрос Владимир.

— У меня тоже одни догадки. Может, все дело в особенностях формы здешних холмов. В данной области выпадает очень мало дождей.

— Говорят, здесь вообще никогда не идет дождь.

— Легко верю.

— Зачем Богу понадобилось создавать такое место? — поежилась Кристина.

— Откуда я знаю, что на уме у Бога?.. Впрочем, и такая местность может приносить пользу. Здесь хорошо хранить зерно, — отозвался я.

— Я считаю, что это пространство, потраченное впустую, — высказалась Кристина.

Тем вечером мы остановились у кузена пана Владимира, пана Августина, и его жены. Тихая парочка флегматиков, которые мало говорили и рано ложились спать. Настоящий отдых после Кракова.

На следующий день мы приехали в Окойтц.

Граф Ламберт не настолько сильно разозлился, как я предполагал. Его реакцию можно скорее описать словами: «О, дитя мое, как ты мог наделать столько глупостей?». Впрочем, такое перенести гораздо тяжелее.

— Ты знаешь, что сам выкопал себе могилу своим поступком. Все, что мы задумывали, — псу под хвост. Фабрики и мельницы останутся без твоего руководства. И миссия, которая привела тебя в Польшу по приказу Престера Иоанна, тоже закончится провалом.

Граф Ламберт пришел к выводу, что я являлся эмиссаром мифического короля Престера Иоанна. Из-за обета, наложенного отцом Игнацием, я никак не мог рассказать о моем происхождении и восстановить истину.

— Все не так уж плохо, мой господин. Даже если меня убьют, все мои начинания продолжат развитие. Витольд понимает устройство мельницы не хуже меня, а Флорентин знает о ткани даже больше.

— Возможно, пан Конрад. Но ты зажигаешь в них огонь. Даже если мы будем процветать без тебя, долго это не продлится. Если ты прав насчет монголов, наша страна, включая и мой город, через восемь лет будет лежать в руинах. Когда вокруг одни трупы, какая польза от мельниц и фабрик?

— Монголы — это проблема, мой господин, но теперь вы хотя бы предупреждены. Еще можно что-то сделать. В любом случае я не собираюсь проигрывать бой с крестоносцем. Я одержу победу. Я выигрывал в каждом сражении, в которое ввязывался в этих землях, и не понимаю, почему должен потерпеть поражение сейчас.

— Твоя уверенность только подтверждает твою неосведомленность, пан Конрад. Убийство разбойника с большой дороги или захваченных врасплох стражников — одно дело. Сражение с настоящим профессионалом — совсем другое. А правда состоит в том, что ты даже не сможешь дать хорошее представление. Я знаю, как ты управляешься с копьем. Ты никогда не видел настоящего в действии, а следовало бы. Первого числа следующего месяца в Бытоме, это день пути к северу отсюда, будет проводиться Божий суд. Спор о наследстве, так что бой не насмерть. Однако он даст представление о том, что тебе предстоит.

— Хорошо, мой господин. Я поеду.

— Прекрасно. Иногда профессиональные поединщики соглашались за плату дать несколько уроков. Кстати, пан Владимир, кажется, очень привязался к тебе, а он один из лучших мастеров копья в Малой Польше. Начиная с этой минуты ты будешь тренироваться с ним по три часа в день. На коне и с копьем. Ты никогда не станешь достаточно умелым для выигрыша, но хотя бы не умрешь позорной смертью.

Малая Польша — гористая местность вокруг Кракова, противостоит Большой Польше, северным и западным равнинам.

— Как пожелаете, мой господин. Я и сам собирался тренироваться. Но скажите мне, послали ли вы в Три Стены ткань, как я просил?

— Да. И я еще не взял платы за нее. Хотел с тобой все обсудить. Мы поспорили, будет ли работать мельница или нет. Ну, и ты выиграл. И не собирался ставить на следующую свою мельницу.

— Мой господин, вы бы захотели, чтобы князь Хенрик задолжал вам большую сумму денег?

— Гм. Понимаю, о чем ты. Неловкая ситуация, не так ли? Ладно. Что ты скажешь насчет оплаты моего долга тканью?

— Если вы считаете цену справедливой, то все в порядке, мой господин.

— Гм. Хорошо. Тогда, может, я накину еще дюжину рулонов?

Рулоны ткани просто огромны — ярд в длину и ярд в ширину. А в тринадцатом веке полотно стоило очень дорого.

— Тогда я посчитаю вас невероятно щедрым человеком.

— Значит, решено. Выбери подходящую ткань и отошли ее в свои земли с моими мулами. И, может, я все-таки не слишком щедрый... В конце концов, я твой сеньор, а наследником ты не обзавелся. Когда ты умрешь, твоя собственность перейдет ко мне. И к тому же даже после того, как я отослал своим вассалам их долю ткани за древесину и лен, у меня осталось больше полотна, чем я могу продать теперь, когда твоя фабрика заработала.

— Разве к вам не приезжают купцы за полотном?

— Не так много, как я надеялся. Большинство желают купить шерсть и уезжают с пустыми руками. Только некоторым необходимо льняное полотно.

— Возможно, вам следует подумать о торговой организации?

— О чем?.. Впрочем, не важно. Мы обсудим это вечером. А теперь пойдем осмотрим фабрику.

У графа Ламберта около ста пятидесяти рыцарей, большинство из которых уже имеют собственные владения. Для «управления» фабрикой он попросил каждого вассала выслать ему одну-двух крестьянских девушек. Оплачивать их работу он предложил тканью, что вселяло в души будущих работниц нешуточную надежду на счастье.

Рыцари, осведомленные о вкусах своего сеньора, отослали самых прекрасных незамужних девушек, каких только нашли в деревне. А в тринадцатом веке незамужними оставались только совсем еще девчонки.

Желая предотвратить негодование со стороны панн и неудобство для сеньора, каждой работнице рассказали о порядках, царивших в Окойтце, так что не слишком желавшие для себя подобной судьбы девушки вежливо отказывались, а вместо них посылали других.

День стоял жаркий, а табу на обнаженное тело в тринадцатом веке в Польше не существовало. Многие панны вместо одежды носили тоненькие тряпочки, а остальные вообще пренебрегли всякими деталями туалета. Фабрика напоминала сцену из итальянского фантастического фильма.

Мне показалось трудным в такой ситуации сосредоточиться на механизмах, да вообще сосредоточиться, не говоря уже о внимании к машинам.

Граф Ламберт катался в красоте, как свинья в грязи. Он ходил туда-сюда по фабрике, похлопывая по попке одну девицу, пощипывая другую, — и все это с улыбками и шуточками. Девушки пребывали в восторге от внимания со стороны такой важной персоны, большинство в открытую соревновались друг с другом в соблазнительности, пытаясь урвать свою порцию ласк.

Как только граф Ламберт объявил меня своим приближенным, ответственным за мельницу и фабрику, я также подвергся пристальному вниманию. Которое отвлекало, но было до крайности приятно.

На третьем этаже фабрики стояло около дюжины ткацких станков. На каждом производился определенный тип полотна, от толстого твида до тончайшей льняной ткани. Витольд превзошел самого себя, создав станок для последнего вида ткани, чем значительно расширил мои представления о возможностях деревянной техники.

Точно так же печать Гуттенберга стала едва ли не самой лучшей в мире. Рисунок на опытном образце всегда превосходит дальнейшую, выпущенную на его основе, продукцию. Когда ремесленник знает, что творит нечто принципиально новое, он вкладывает душу в работу. И это сказывается на результате.

Полотно, выходявшее из станка, тоже поражало воображение: прочное и легкое, оно выглядело как тонкий нейлон, несмотря на то, что состояло из льна.

— Поразительная ткань! — сказал я.

Нагие операторши покинули свои рабочие места и сгруппировались вокруг. На третьем этаже стояла невыносимая жара, но, думаю, настоящей причиной отсутствия одежды было желание понравиться и заработать больше ласковых похлопываний. Я не удержался и обнял за талию рыжеволосую нимфу.

— Действительно неплохо, — откликнулся граф Ламберт — в каждой руке по девушке, в каждой ладони — по юной груди.

— Неплохо?! Да эта ткань настолько замечательна, что подойдет даже для воздушного змея!

— А что такое воздушный змей?

— Воздушный змей, мой милостивый пан?.. Это такая штуковина, сделанная из палок, ну, и из ткани. Она летает.

Граф Ламберт внезапно потерял интерес к девушкам, с которыми заигрывал. В их глазах увяла озорная искорка.

— Ты хочешь сказать, что человек может построить летающий аппарат?

— Конечно, мой милостивый пан. Я могу сделать вам воздушного змея этим же вечером. Мне просто и в голову не приходило, что он вас заинтересует. А летают многие устройства. Самолеты, воздушные шары, вертолеты, ракеты, дирижабли и еще куча всего...

— Остальные мы обязательно обсудим, но позже. Сейчас я хочу, чтобы ты немедленно соорудил мне воздушного змея.

— Да, мой господин. Ах да, вы же приказали мне тренироваться по вечерам.

— Сегодня можешь забыть об этом. Ты в любом случае умрешь, а я собираюсь спасти хотя бы часть твоих изобретений.

Вот так, с шутками и прибаутками, я пошел делать воздушного змея.

Витольда оторвали от строительства второй мельницы и послали ко мне, чтобы он «оказывал посильную помощь». Я попросил его одолжить мне одного из младших плотников, а самого отправил обратно.

Мне предоставили около ярда лучшего льняного полотна, а Кристина и Анастасия, обе прекрасные портнихи, занялись кройкой и шитьем. Через час мы закончили, густо пропитали полотно льняным маслом и оставили воздушного змея на солнце. Потом пропустили пару стаканов пива.

Получился простой воздушный змей в форме алмаза. Ветер дул порядочный, и нам удалось запустить его прямо со двора.

Только змей оказался в воздухе, рядом со мной появился граф Ламберт. Когда размоталось двадцать ярдов веревки, он отобрал у меня игрушку и принялся забавляться сам, как непоседливый ребенок.

— Подумать только, человек может построить летающий аппарат!

— Естественно, мой господин. Вы сами видели, что может. Это довольно простая модель. Но есть еще и другие, более сложные.

— Тогда я должен их увидеть! Пан Конрад, ты бы остался чуть дольше, чем на обычные два дня?

— Как пожелаете, ваша милость. Сегодня утром вы упомянули о ткани, которую собираетесь мне отослать. Как вы думаете, можно ли добавить к ней пару тонн ниток и пряжи? Я хотел, чтобы мои люди кроме достойной верхней одежды имели и вязаное нижнее белье.

— Что? — Граф явно пришел в недоумение. — Ах да. Те диковинные узлы, что ты показывал моим дамам прошлой зимой. Возьми шесть тонн, если надо — и все двенадцать.

Я и взял. Ткань отправили в Три Стены вместе с остальным полотном уже через час. Погонщикам мулов пришлось разбивать лагерь в лесу той ночью, зато графу Ламберту не досталось шанса пожалеть о своей щедрости.

Соорудив воздушного змея и заставив его летать, я почувствовал себя чуть ли не волшебником. Люди, остававшиеся равнодушными к моим мельницам и фабрикам, простую детскую игрушку восприняли как дар богов. За следующую неделю я сделал коробчатого воздушного змея, рондальерского змея, французского военного змея и даже чудовищного китайского дракона.

Воздушный змей приобрел огромную популярность в замке, взрослые мужчины, профессиональные вояки и признанные лидеры, вскоре стали игнорировать соколиную охоту, предпочитая возиться с воздушными змеями. Новая забава распространилась по всей Польше — а через год и по всей Европе. Фабрика едва справлялась с заказами на великолепное полотно графа Ламберта. Цены на льняную ткань взлетели до небес, и купцы, приезжавшие за ней, часто покупали и другие разновидности полотна. К весне фабрика продавала каждый кусочек производившейся ткани, и все из-за глупой детской игрушки.

По крайней мере ее не называли моим именем.

А тем вечером за ужином граф Ламберт упивался огромным куском арбуза. Я уверен, что арбузы привезли не из

Нового Света, но каким-то образом в Польше о них еще никто не слышал.

— Вы только подумайте, пан Конрад, вы отдали этот поразительный овощ крестьянину!

— Да, мой господин. Позаботьтесь о сохранности семян, и в следующем году арбузов у нас будет предостаточно.

— Позабочусь, позабочусь... Ты мне столько раз объяснял, что нет никаких причин обделять кого-то, потому что скоро всех сортов овощей, которые ты привез, созреет так много, что хватит на всех. Просто мне кажется, что они слишком хороши. Тратить такое сокровище на крестьян!.. Хотя теперь уже ничего не поделаешь...

Я отдал графу семена всех видов растений, которые можно есть, так как беспокоился, что голодный крестьянин съест, к примеру, весь запас гибрида пшеницы в первую же зиму. Однако проблемы возникли именно с графом. Я решил, что неплохо в качестве саморекламы показать повару, что можно делать с кукурузой, и в следующем году получить достаточно акров земли для посадки всех выращенных семян. Так что я пожертвовал один початок из двадцати семи, росших на поле, графу на пробу.

Ламберт просто влюбился в кукурузу. Думаю, если бы я грубой силой не остановил его, он бы собственноручно пошел и сожрал весь урожай тем же вечером. А в тринадцатом веке больше семян достать невозможно — по крайней мере по эту сторону Атлантики.

Граф Ламберт щедро делился своим новым гаремом из юных панночек. Он даже попросил их специально позаботиться обо мне. Кристина как-то отошла на второй план, а две самые симпатичные девчонки разделили со мной постель той ночью. Самая моя заветная эротическая фантазия могла воплотиться в жизнь, если бы через час ласк и нежных поцелуев обе не признались, что не имеют представления, как поступить дальше. Граф, думая сделать мне приятно, прислал двух девственниц.

Вообще-то даже одна девственница представляет огромную проблему, если вы собираетесь все сделать как надо. Неловкий мужчина может превратить девчонку, имевшую возможность стать замечательной любовницей, во фригидную стерву. Две девственницы разом, да еще при том, что ни одну я практически не знал — это настоящий кошмар. Однако девушки все еще оставались со мной рядом и ожидали каких-то чудесных превращений. Волшебная ночь превратилась в одну длинную экзаменационную сессию.

В конце концов я справился с работой достаточно неплохо: кажется, девушки остались довольны. На самом деле я предпочитаю опытных партнерш. Тот случай с двумя девственницами за одну ночь выбил почву из-под моих ног. В права вступила умеренность.

Скажем, одна в неделю.

ГЛАВА 15

Из автобиографии пана Владимира Чарнецкого

Когда мы все-таки покинули Окойтц, вся компания почувствовала настоящее облегчение. Пан Конрад выглядел почти изможденным после перенасыщения обширными запасами девиц графа Ламберта. Кристина скучала. И ее, и Анастасию не слишком порадовали изменения в характере того, что в общем-то являлось их родным домом.

Что до меня, то я остался верен своей возлюбленной, хотя и не без усилий. Девушки с мельницы и фабрики с удовольствием оказывали услуги всем истинным опоясанным рыцарям. Действительно, они готовы были пойти на все, чтобы пополнить в свой список еще один пояс.

По приезде в Три Стены мы обнаружили, что люди начали одеваться гораздо лучше, чем раньше. У каждого появилась как минимум одна деталь новой одежды, бывшие рабы щеголяли в обновках. Я предвидел, что через несколько месяцев женщины облачат всех в вышивные крестьянские платья.

Едва вернувшись домой, пан Конрад повел себя очень странно. Он собрал народ и объявил, что его лошадь, Анна, человек, или очень близка к людскому роду. Какие-то колдуны из далекого прошлого сотворили ее или, может быть,

превратили из женщины в животное. Мне объяснение пана Конрада не понравилось.

В любом случае он освободил ее от принадлежности к кому бы то ни было и предложил поклясться ему в верности.

Люди пана Конрада любят своего хозяина, некоторые даже слегка побаиваются. Естественно, возражений по поводу его чудачества не последовало. Мы все слышали рассказы о персидских принцах, которые довольно странно относились к своим лошадям: позволяли им жить в домах или шатрах. Позже некоторые крестьяне предположили, что пан Конрад происходит из Персии.

Он также принял клятву Тадеуша, бывшего лодочника, теперь ставшего лучником, и еще восьми человек с женами и детьми, гребцов с Вислы. Потом пан Конрад произнес речь, упомянув, что эти люди теперь полноправные граждане Трех Стен, могут принимать участие во всех развлечениях и посещать церковь, таким образом давая официальное разрешение Анне слушать мессы наравне с людьми.

На следующий день, после тренировки с копьем, пан Конрад отбыл в Цешин. Он собирался обсудить с корчмарем расширение «Розового дракона». По-моему, он назвал это «франчайзингом», хотя второй постоянный двор они планировали построить в Кракове, а вовсе не во Франции.

Пан Конрад с некоторых пор пристрастился к таким одиночным коротким поездкам, и, хотя мне очень не нравилось отпускать его без охраны, что противоречило моей клятве князю, я просто не мог за ним угнаться. А все его волшебная лошадь.

Моя клятва требовала не только защищать пана Конрада, но и шпионить за ним, что совершенно противоречило моей натуре. Задание висело грузом на шее и пятнало душу. Меня оставляли присматривать за делами, то есть почти ничего не делать, потому что Яша прекрасно знал свое дело, а Тадеуш стоял на часах по ночам.

Почти сразу после его отъезда какие-то маленькие мальчишки подняли шум. Судя по всему, они играли в кустах около входа в рудник и нашли еще одну небольшую пещерку. Как и все малыши на их месте, они тотчас исследовали ее и вылезли на свет чрезвычайно напуганные. Один заявил, что пещерный призрак забрал его нож, а другой сказал, что камни были пугающе «липкими».

Во владениях графа Ламберта существует старая легенда о Пещерном Призраке. Говорят, его имя — Скарбник. Жуткого скрягу при жизни, его обрекли на вечные муки за грехи. Он охраняет шахты, подземные сокровища и даже души мертвых горняков. Призрак отличается злобностью нрава и часто обрушивает несчастья на тех, кто проникает под землю.

Обычно он появляется в обличье старика с белой бородой, но иногда оборачивается мышью или черным котом, и когда он проходит, под землей начинается пожар.

Скарбник ненавидит шум.

Я, естественно, цивилизованный, современный мужчина и не верю в бабушкины сказки. Задач у истинного опоясанного рыцаря много, но защита людей всегда идет первым номером в списке. Может, внутри обосновался опасный зверь или даже вор, так что мне ничего не оставалось, как исследовать пещеру самому.

Вход в туннель оказался очень маленьким. Мне пришлось оставить меч снаружи — в пещере им все равно не размахнешься, — и пополз внутрь. Там было так узко, что плечами, закованными в железо, я касался стен, а шлем скреб по потолку. Я проталкивал масляную лампу вперед одной рукой, а второй держал кинжал.

Надеюсь, вы не посчитаете меня трусом, если я скажу, что не люблю узких закрытых пространств со спертым воздухом и неприятными запахами. Мысль о тоннах камня над головой до крайности мешала. И все равно я продвигался

вперед, ибо рыцарь должен исполнять свой долг, не обращая внимания на пот на лбу и трясущиеся руки.

Я добрался до конца туннеля и никого там не обнаружил. То есть никакой явной опасности. Потом увидел нож мальчика у противоположной стены и решил вернуть его хозяину, потому что отец явно прибьет сыночка за потерю такого важного инструмента. Но как только я приблизился к нему, мой собственный кинжал выпрыгнул из руки сам собой и приклеился к черной стене в конце туннеля. Он не влип в камень, заметьте, а просто лег на вертикальную поверхность, как на стол. Кинжал висел на стене! Без видимых подпорок!..

Потом и меня самого потащило к дьявольской стене — или по крайней мере мою кольчугу. Шлем сорвался с головы и присоединился к ножу.

В этот самый момент лампа погасла: возможно, я ненадолго опрокинул ее, или пламя затушили капли пота. Хотя скорее всего кто-то или что-то, тянувшее меня за руки и кольчугу, решило продолжить свой труд в темноте.

Я не закричал, ибо истинный рыцарь никогда не кричит, кроме как в битве. Мое молчание не имело ничего общего с предупреждениями старой дурацкой легенды.

В любом случае я не видел причин оставаться там далее. Поделаться я ничего не мог: что бы там ни атаковало меня, простой рыцарь был не в состоянии справиться. Пусть здесь разбирается колдун — или, может, пан Конрад.

Я быстро пополз, или скорее попятился, назад — прочь из туннеля.

Из дневника Конрада Шварца

Корчмарь Тадеуш пришел в восторг от идеи открыть еще один постоялый двор в Кракове. Несколько раз в прошлом он просил моего разрешения на расширение уже существующей корчмы, приносившей немалую прибыль.

Я постоянно отказывал, потому что мы уже захватили большую часть рынка в Цешине. Остальные постоянные дворы города обслуживали людей, не собиравшихся посещать мою корчму. Когда ты уже удовлетворяешь весь спрос, нет смысла вкладывать деньги в дальнейшее строительство и развитие.

Но в Кракове жило в три или четыре раза больше народа, чем в Цешине, и просторный постоянный двор там себя оправдает. Для Тадеуша переезд в Краков означал примерно то же, что для современной балерины — выступление на сцене Большого театра. Великое событие!

У Тадеуша работало шестеро сыновей, почти все — взрослые мужчины. По плану мы собирались оставить старшего в «Розовом драконе» в Цешине. Тадеуш же вместе с остальными отпрысками, а позже и половина прислуги, должны переехать в Краков.

На месте они купят, или построят, если понадобится, подходящее здание. Гильдии из Кракова не позволят нам самостоятельно проводить строительные работы, что меня вполне устраивало. У нас и так дел по горло. Тадеуш уже прикинул, что именно хочет — нечто, похожее на уже имеющуюся корчму, только просторнее и богаче.

Потом мне захотелось иметь маленький постоянный двор в Трех Стенах, и если в Кракове наш бизнес будет процветать, можно подумать о Вроцлаве и Сандомире. А далее — кто знает? Возможно, каждый из сыновей Тадеуша станет корчмарем.

Управляющий с женой и пятью сыновьями отправились в Краков следующим утром, когда я отбыл в Три Стены. Но они, конечно, не смогли бы угнаться за Анной.

За милую до Трех Стен я повстречал Бориса Новацека с рыцарем, которые направлялись в том же направлении, что и я. Прошлой осенью несколько дней я проработал на этого человека, большая часть моих богатств перешла ко мне во

время службы у него. Граф Ламберт обошелся с ним не слишком достойно, и я всегда чувствовал себя перед Борисом в долгу.

— Борис!.. Я не видел вас с прошлого Рождества. Как ваши дела? Надеюсь, процветают? — сказал я, когда наши лошади поравнялись.

— Да, процветают, как и следовало ожидать, пан Конрад. Я собирался посетить ваши земли и посмотреть на чудеса, которые вы там творите. Знакомьтесь, мой новый компаньон, пан Казимир, я взял его на ваше место.

— Очень рад, пан Казимир. Надеюсь, вы продержитесь на этой должности дольше, чем я. — Я повернулся к бывшему шефу. — Вам будут всегда рады в моем доме, Борис. Но на самом деле в Трех Стенах еще не на что смотреть. Мы только начали строить. Однако я горжусь мельницей и фабрикой, что спроектировал в Окойтце. Вы можете заехать туда.

— Я думал об этом. Но боюсь, граф Ламберт решит, что я собираюсь преподнести ему в качестве подарка ко дню рождения все свое имущество. Так что лучше я воздержусь от поездки...

— Он слишком жестко обошелся с вами прошлой зимой. Но тем не менее сейчас у Ламберта есть ткацкая фабрика и больше полотна, чем он в состоянии продать. Вы когда-то упоминали, что подумываете о торговле тканями. Там вы сможете заключить выгодную сделку. И вот еще что. Я теперь владею литейной в Цешине. Они продают всю латунь, которую только отливают, и страдают от недостатка меди. С прошлой весны цена на медь в Цешине выросла в два раза.

— Интересная мысль, пан Конрад. Купить ткань в Окойтце, продать ее в Венгрии и вернуться с медью для Цешина? Думаю, это может быть прибыльным делом. Честно говоря, у меня сейчас нет товаров, только много денег. То есть не

так чтобы очень много... Вы помните того немца, что напал на нас по дороге из Кракова прошлой зимой? Не пан Райнберг, другой немец — за день до него.

Как мог я забыть первого человека, которого убил собственными руками?..

— Да.

— Тогда вы, наверное, помните, как я сказал, что если он действительно покрыл мой долг Швайбургеру, торговцу тканями, и не имеет наследников, мне не придется выплачивать двадцать две тысячи гривен. Так вот, именно это и случилось, и я разбогател благодаря случаю. Мне не пришлось отдавать долг, и я даже забрал свой янтарь обратно у Швайбургера.

— Вы хотите сказать, что тот немец оказался честным кредитором?

— Кредитором — да. Но честным? Разве честные люди бросаются с ножом на путников на большой дороге? Он попытался убить меня, а потом и вас. В любом случае мой долг еще не был просрочен в то время, и он не имел никакого права так обращаться с нами.

— И все-таки меня он беспокоит.

— Ну и зря. Вы не совершили ничего плохого, и у меня еще есть немного золота, чтобы успокоить вашу совесть.

— Что вы имеете в виду?..

— Я имею в виду свои прошлые слова о том, что вы получите половину моих прибылей, если немец расплатится. Я еще никогда не нарушал слова, и сейчас не собираюсь. Одиннадцать тысяч гривен в моих мешках принадлежат вам.

— Вы ехали три дня, чтобы отдать мне огромную сумму денег, о которых я и не подозревал, пока вы мне не сказали?..

— Да, пан Конрад. Думаю, вы правильно все поняли.

— Я никогда не видел столь честного человека! И это после того, как граф Ламберт отобрал большую часть добы-

чи, что мы взяли в том сражении и отдал ее мне, хотя именно вы нашли сокровища в лагере пана Райнберга. Меня настолько захватила забота о ребенке, что я перешагнул через сундук с сокровищами, даже не заметив его. Не люблю говорить гадости о своем сеньоре, но, по-моему, он просто вас обобрал.

— Меня действия графа Ламберта тоже не обрадовали. Но распределение добычи не имеет никакого отношения к моим словам, сказанным задолго до нашего приезда в Окойтц.

— Борис, вы меня изумляете. Но я просто не могу принять деньги. Это будет несправедливо. Если граф Ламберт прослышит о случае... что ж, его он все равно никак не касается. Если не прослышит, тем лучше.

— Теперь моя очередь изумляться, пан Конрад. Ни один рыцарь во всем христианском мире не простил бы мне долг.

— Давайте просто остановимся на том, что мы — два честных сумасшедших, нравящихся друг другу.

— Согласен. Но скажите, может, вам что-нибудь надо? Что-нибудь, что в моих силах исполнить?

— Знаете... может, и есть. Вы разъезжаете по всей Европе. Встречаете множество людей. Я хотел нанять кое-кого. Видите ли, я мало что понимаю в прикладной химии. Только несколько фактов из теории, касающихся смешивания веществ из коробочек и бутылочек, принесенных из аптеки. Последние здесь недоступны, а я не отличу боксит от фосфата. Но кто-то все-таки должен знать, как обращаться с сульфатами, делать соли и кислоты. Думаю, вы их называете алхимиками.

— Большую часть того, что вы сейчас сказали, я не понял. Но об алхимиках слышал. Я распространю слух, что вам нужна парочка. Но только почти все они — лгуны и

мошенники. Как я смогу отличить настоящего алхимика от афериста?

— Насколько я помню, из мусульман выходили — то есть выходят — лучшие алхимики, чем из нас, так что скорее всего это будет мавр. И если он знает, как сделать три сильных кислоты, если он покажет вам жидкость, в которой растворится золото — она называется *aqua regia*, — то это нужный человек.

— Я поищу его для вас, пан Конрад. Не буду ничего обещать, но постараюсь.

— Спасибо, Борис. Скажите, а что случилось с янтарем, который вы забрали у Швайбургера?

— Я продал его по приличной цене каравану крестоносцев...

Когда мы приехали в Три Стены, мне пришлось потратить несколько часов на то, чтобы поизображать из себя управляющего. Начальник рудокопов объявил, что они нашли глину в шахте. Этого можно было ожидать, так как глину всегда находят рядом с углем. И все-таки я воспринял новости как хорошие, потому что теперь мы точно знали, что сможем сделать настоящие кирпичи и глиняные дымоходы.

Потом явился пристыженный пан Владимир, и рассказал мне о втором туннеле и «липких скалах». Мне пришлось дважды прослушать путаную историю, прежде чем я сообщил, о чем он толкует. Зато когда ситуация прояснилась, мне оставалось только радоваться.

Я сменил одежду на рабочий костюм и пошел к туннелю, обнаруженному мальчишками. Собралась толпа людей, которые вообще-то должны были работать в данную минуту, но я рассудил, что пусть лучше посмотрят на то, что изменит их жизнь.

Я прополз внутрь чуть не на животе — таким узким оказался проход. Исходя из расположения и изгибания его кверху, я бы допустил, что туннель вырыли для осушения верхней шахты. Если бы мне удалось точно измерить угол наклона и длину шахты, мы могли узнать расстояние, которое придется пройти, выкачивая воду, чтобы добраться до угля.

Однако больше всего меня занимало, что же остановило предыдущих рудокопов. Когда я достиг тупика, сомнений не осталось. Ножи и шлем пана Владимира держались на намагниченной рудоносной жиле. Я знаю только один камень-магнит — магнетит, или магнитный железняк. Это почти самая лучшая руда в мире.

Наши предшественники прорыли туннель, а потом испугались того, что не в силах понять средневековый рудокop. Возможно, именно поэтому долину забросили пятьдесят лет назад.

Пришлось потрудиться, прежде чем ножи и шлем отстали от рудоносной жилы, но мне показалось важным вынести их на поверхность. Пан Владимир обрадовался возвращению доспехов, но с того самого дня его шлем намагнитился и собирал на себя железные частички, наподобие мальчишки, что коллекционирует разную ерунду.

— Вы нашли Пещерного Призрака? — спросил грязный мальчонка, когда я возвращал ему нож.

— Нет, но я нашел сокровище, которое он охранял!

Мои слова породили шум в толпе, поэтому я взобрался на гору, чтобы меня было лучше слышно.

— Там находится некий вид магнитной руды, который имеет свойство притягивать железо и сталь. Он называется магнетит. У нас целая жила в этой шахте. Она природного происхождения, так что бояться нечего. Это хорошая руда, с ее помощью мы сможем изготовить железо и сталь. Вы понимаете, что в нашей маленькой долине Бог предусмотрел все основные минералы, нужные человеку? У нас есть

уголь, руда, глина и известняк! Мы можем сделать известковый раствор, и кирпичи, и бетон! Железо и сталь! У нас есть даже песчаник, чтобы выкладывать им очаги и изготавливать жернова! Говорю вам — что бы ни произошло, успех нашей долины предопределен!

Моя речь прошла на «ура», хотя люди пока не осознавали, сколько им придется потрудиться для собственного блага.

ИНТЕРЛЮДИЯ ТРЕТЬЯ

Я нажал на кнопку «стоп».

— Том, я не могу поверить, чтобы так много минералов собралось в одном месте. Твои проделки?

— Нет. Кроме известняка, часто встречающегося в Карпатах, все остальное представляло собой небольшие залежи. Ни один из рудников не принес бы прибыли в двадцатом веке — то есть в том случае, если запасы велики, а транспорт дешев. Незначительные залежи различных руд — обычное дело для Европы. Конраду просто повезло, что минералы оказались так близко друг от друга. В любом случае прекрати вмешиваться.

Он нажал на «старт».

ГЛАВА 16

Мы с паном Владимиром только закончили еще одну трехчасовую утомительную тренировку, в течение которой я пытался научиться попадать копьем в столб с мишенью — старым фанерным щитом с небольшим отверстием посредине. Клей здесь использовали далеко не того качества, как в двадцатом веке, поэтому тонкие полоски дерева уже начинали расслаиваться. Пластинки стояли друг к другу скорее под углом в шестьдесят, чем в положенные девяносто градусов.

Щит крепился к одному концу креста, установленного на движущемся основании. На другом конце висел тяжеленный мешок с песком. Вы атакуете пугало на полном скаку и пытаетесь угодить копьем в дырку. Если промажете, как это обычно случалось со мной, то наверняка ударите в щит, крест повернется, и мешок с песком стукнет вас прямо по затылку. Результатом скорее всего будет стремительное падение с лошади.

Пан Владимир, однако, посчитал подобное устройство недостойным мужчины. Он собирался заменить мешок с песком здоровенным булыжником.

Я был просто не в состоянии освоить копье. После двух недель постоянных тренировок, получив массу ушибов и неприятных впечатлений, я не продвинулся в обучении ни на йоту.

— Я начинаю терять надежду, пан Конрад. Боюсь, вы никогда не обучитесь хорошо владеть копьем... Однако все не настолько плохо. Смерть приходит к каждому — рано или поздно. Ваша по крайней мере посетит вас в славной битве, в окружении друзей. Мы устроим вам грандиозные похороны, и я лично буду зажигать за вас свечку в церкви на Рождество и Пасху.

И он не шутил.

Делу вовсе не помогало то, что сам пан Владимир ни разу не промазал мимо нужной дырки своим копьем. Предполагалось, что он станет обучать меня своему искусству, но на самом деле он просто не понимал, как кто-нибудь может промазать мимо такой легкой мишени. Он попадал в отверстие даже сбоку! То есть поворачивал чучело под прямым углом к обычной позиции, скакал к цели галопом, а потом, пролетая мимо в трех ярдах, выбрасывал копье вбок, и оно неизменно поражало цель.

Становилось очевидно, что если я хочу одержать победу в предстоящей схватке, мне понадобится что-то особенное — специальное оружие, или нестандартная тактика, или посторонняя помощь. Желательно, конечно, все вместе. И сразу.

— Пан Владимир, давайте заново вспомним правила. Вы говорили, что существует правило «вооружи себя сам». Что, если я принесу с собой пушку?

— Что такое пушка, пан Конрад?

— Это трудноато объяснить... Ну, ладно. Что, если я, как и Тадеуш, стану лучником?

— Лук — не рыцарское оружие. Ни один истинный опоясанный рыцарь не станет использовать его в честном поединке. Лук — для женщин и крестьян.

— Почему это? Довольно странное предубеждение.

— Если бы лук использовали в сражениях, как бы мы узнали, кто кого убил? Какая уж тут слава — выйти на поле и тотчас пасть от стрелы? Лучшие воины начнут погибать

наравне с худшими! Какая ужасная ситуация! Нет. Настоящий рыцарь никогда не возьмет в руки лук или требушет, или что-то подобное.

— Значит, тяжелая артиллерия вне игры?

— Конечно, пан Конрад.

— Думаю, о пушках тогда не может быть и речи. Хотя, наверное, мне и не удалось бы за такое короткое время изготовить порох... А как насчет брони? Я заметил, что рыцари никогда не защищают железом своих лошадей.

— В этом нет никакого смысла. Атаковать коня противника означает обречь себя на проигрыш. Во время поединка четверо арбалетчиков будут пристально наблюдать за его ходом, чтобы мгновенно убить любого, нарушившего правила.

— Об этом я не подумал. Как насчет оружия? Я могу драться своим мечом, вместо того, тяжелого, что используете вы, ребята, не так ли?

— Ваш собственный меч подойдет, так же как и ножи, булавы, топоры, молоты, вообще все, что не предполагает метание в противника. Оружие должно оставаться в вашей руке.

— А кольчуга? Мне обязательно надевать ее?

— Необязательно, но вы будете последним дураком, если станете сражаться в одной рубашке. Вам также следовало бы заказать броню.

— Броню?

— Да, я как раз собирался вам сказать о ней, но времени еще достаточно. Это что-то вроде кожаной рубахи с вшитыми в нее железными полосами. Ее носят или под кольчугой, или поверх нее. Вам также понадобится большой шлем. Его надевают поверх обычного и не снимают первые несколько раундов, пока не сломаются копыя. Потом, если дело дойдет до сражения на мечах, можно верхний шлем снять, чтобы лучше видеть.

— Значит, в какой броне я бы ни явился, все будет считаться законным?

— Абсолютно законным. Но надеюсь, вы не планируете надеть нечто чертовски тяжелое. Если ваши движения замедлятся, это будет стоить вам удара в глазную прорезь в шлеме.

— Я собираюсь сделать броню, и притом легкую, как кольчуга.

Кузнец, которого я нанял, годился для общего ремонта железных инструментов, но мне требовался настоящий мастер. Я знал только одного подходящего человека — кузнец Ламберта, Илья. Грубый, неотесанный, буйный мужик. Однако он в совершенстве знал свое дело.

Через час я уже скакал в Окойтц.

Илья всем сердцем желал переехать в Три Стены. Похоже, он не очень ладил с новой женой, которой его наградила граф Ламберт.

— Ты ведь понимаешь, что работа временная, — объяснил я. — Я не собираюсь навечно разлучать тебя с семьей.

— По вашей комнате не носится четверо детей, когда вы пытаетесь отдохнуть. Чужих детей к тому же.

— Если ты не хотел жены с ее детьми, зачем женился?

— Таково было желание графа Ламберта. Можете сами с ним поспорить на этот счет, если вам жить надоело.

— Ну уж, извини. Это совершенно не моя проблема.

Граф Ламберт с радостью одолжил мне своего кузнеца, оговорив, однако, что мне следовало найти кого-то на его место. Сезон сбора урожая в самом разгаре, и любой, кто в состоянии починить поломавшиеся инструменты, считается жизненно необходимым человеком.

Я посадил Илью позади себя на круп Анны, и мы добрались в Цешин до темноты. Там я дал Илье мешочек с деньгами и приказал нанять себе четырех помощников плюс одного кузнеца для графа Ламберта.

Он также обязался приобрести железа весом со взрослого мужчину и необходимые инструменты и доставить все в Три Стены в течение двух дней, вместе с тонной древесного угля.

Я представил кузнеца корчмарю и братьям Краковским и наказал оказывать ему посильную помощь.

В Три Стены я подоспел к рассвету, то есть как раз к началу очередной тренировки, после проведения которой похромал к своей хижине и начал вырезать небольшие листы пергамента.

У нас с девушками ушло три дня на все про все, но в конце концов мы смастерили макет полного комплекта доспехов, какие можно увидеть в музее. Все детали состояли из пергамента — с пуговицами, нашитыми в местах для заклепок.

К тому времени, как прибыл Илья с помощниками, мы подготовили ему образцы для работы. Он посчитал мою идею сумасшествием, так же как и все остальные мои задумки. Я позволил ему ругаться сколько угодно, только бы мои доспехи были готовы к сроку.

Если хорошенько подумать, лезвие — это средство концентрации энергии. Меч собирает всю силу ваших рук и скапливает ее на микроскопической площади острия. Именно поэтому тупое лезвие режет хуже. У него площадь больше.

Меч концентрирует энергию не только в пространстве, но и во времени. Чтобы размахнуться им, нужно несколько секунд, но вся энергия замаха выливается в миллисекундах столкновения: сила мгновенного удара увеличивается в сотни раз. Именно поэтому легче срубить дерево, ударяя по нему топором, а не вдавливая инструмент в древесину.

Броня — средство распределения энергии. Подкладка под сталью сжимается, растягивая энергию удара на более продолжительное время. Чем толще подкладка, тем больше времени, тем меньше чувствует удар человек.

Броня также распределяет энергию удара в пространстве. Если лезвие не может рассечь сталь, ему приходится просто давить на нее. Чем больше пластины брони, тем шире площадь, тем меньше чувствует удар плоть. Что до кольчуги, то поверхность под каждым соединением слишком мала, и хотя она в сравнении с голой кожей кажется хорошей защитой, сплошной железной пластине она и в подметки не годится.

Конечно, существуют определенные ограничения толщины подкладки и величины пластин. Вам ведь придется еще как-то двигаться.

Однако я собирался надеть панцирь, который на двести лет превзойдет кольчугу противника, и одно это могло изменить исход битвы. В сражении высокой считается та технология, которая превышает возможности вашего оппонента.

Одновременно с тренировками и изготовлением оружия в Трех Стенах не прекращалась обычная работа. Уже намечались будущие контуры замка, церкви, корчмы, амбара, ледохранилища, бани (двойной, по типу сауны) и фабрики. Теперь я мечтал о коксовальной печи и домне.

С домной придется немного подождать, но мне хотелось знать, сможем ли мы превратить уголь в кокс. Далеко не все виды угля применяются при изготовлении кокса в средневековой печи. Построить же современную коксовальную печь при всем желании мне не удастся.

Пещеру, найденную мальчишками, я собирался расширить, чтобы добывать оттуда железную руду с помощью бронзовых лопат и киркомотыг, которые уже заказал.

И мы все еще не добыли каменный уголь. Каменщики, в конце концов, настолько расстроились, что соорудили огромный костер и побросали в него весь известняковый щебень, что остался после изготовления блоков. Целую неделю подкармливали они огонь деревом и щебнем, а когда костер погас, получили гашеную известь, окись кальция. Добавь песок и воду — и получишь известковый раствор.

Когда я поинтересовался, почему они с самого начала не рассказали, как с помощью костра получают известь, они мне ответили, что я не спрашивал. Тем же вечером за ужином я произнес речь о том, как важно держать меня в курсе подобного рода вещей. Но не думаю, чтобы они слишком глубоко это восприняли. Один из работников прояснил ситуацию: они столько раз видели, как я сооружал какие-то безумные приспособления, что если мне подскажут еще парочку подобных идей, времени на нормальную работу не останется вовсе.

Когда-нибудь я научу их доверять мне.

Вскоре постройки стали принимать нормальную форму, и люди воочию увидели результаты своей работы. Наверное, они уже начали беспокоиться по поводу перспективы застрять посреди леса на зиму, имея всего лишь временные хижины в качестве защиты от непогоды, потому что после того, как были возведены фундаменты, лица рабочих приобрели выражение уверенности.

Большинство детей-пруссков хорошо прижились. По виду они почти не отличались от польских детей примерно того же возраста. Акцент в речи, конечно, остался, но прогресс был замечен даже здесь. Мы хотя бы понимали их. Священник взял за правило оставаться в Трех Стенах по понедельникам для наставлений ребятишек в религии. Немало бывших рабов уже обратились в христианскую веру. Почти все начали изучать ремесло приютившей их семьи. Но иногда, когда дети не видели, что на них смотрят, на их лицах становились заметны следы пережитого ужаса. Это только укрепляло мою уверенность в том, что ребята не должны снова попасть в руки торговцев рабами.

Теперь Анна. Я сдержал свое обещание и сделал большой плакат с буквами, из которых она составляла слова. Лошадь продолжала регулярно посещать церковь, а священник — накапливать неудовольствие по этому поводу. В конце концов, он пришел ко мне за объяснениями.

Я предвидел такой поворот событий и подготовил ответ. Сказал, что Анна — полноправный гражданин Трех Стен, даже более разумный, чем некоторые из моих рабочих, и если она хочет вести духовную, христианскую жизнь, не мне ей мешать. Тон моей речи не оставлял места для возражений. Отец Станислав только покачал головой и ушел. А Анна продолжала посещать церковь.

С приближением зимы Владимир становился все мрачнее. Во-первых, его навестил брат и рассказал, что отец все еще сильно зол на него, а семья для Владимира — это все. Наверняка существовали и другие причины для его депрессии, но я никак не мог их разгадать. Он больше не составлял приятной компании, и я обнаружил, что с нетерпением ожидаю своих одиночных прогулок.

Свой следующий визит в Окойтц я подгадал так, чтобы попасть на божий суд в Бытоме до возвращения в Три Стены.

В Окойтце полным ходом шел сбор урожая.

В средневековом сельском обществе сезон сбора урожая был самым загруженным работой временем года. У крестьян имелось в распоряжении всего шесть-восемь недель для заготовки всех тех продуктов, которые позволят им не умереть с голода на протяжении года: все остальное время они просто готовились к этому сезону. И несмотря на появление текстильной фабрики и другие нововведения, появившиеся благодаря мне в Окойтце, его население все равно оставалось сельскохозяйственным обществом.

Все вставали с первыми лучами солнца и работали без остановки до темноты, часто заваливаясь спать в рабочей одежде. Работая по восемнадцать часов в день, люди потребляли огромное количество пищи, более чем по шесть буханок хлеба на человека в день, не считая остальной еды.

Наверное, славянский темперамент является результатом долгого приспособления к погодным и сельскохозяйственным условиям северной европейской равнины.

Когда появляется необходимость, мы способны работать месяцами без остановки лишь с небольшими перерывами на сон, успевая столько, сколько вчетверо больше людей из страны с более мягким климатом не переделают и за год. Для любого иноземца это поразительно. Для нас — кажется нормой.

Но когда необходимость пропадает — например, во время долгой северной зимы, — мы впадаем в летаргию, уменьшается количество потребляемой пищи, и двенадцать часов в день в постели считается самым приятным времяпрепровождением. А если кто-то помогает согреть тебе эту постель, то жить становится еще лучше, еще веселее, что тоже является частью славянского темперамента в частности и образа жизни вообще.

В пустынных странах природа настолько недружелюбна, что иногда не дает человеку достаточно воды. Когда влаги слишком мало и на всех ее не хватает, люди становятся естественными врагами друг для друга. Что и отражается на темпераменте обитателей жарких стран: с точки зрения поляков они становятся жесткими и злыми.

Но когда великий убийца — это не голод, не жажда, а пятимесячная холодная зима, то ведь каждый человек рядом представляет собой еще один источник тепла! Чем больше у тебя друзей, чем больше семья, тем больше шансов пережить зиму. Общительность, внимание к окружающим и любовь обладают большой ценностью в нашем обществе. Так же, как и сильное чувство группы.

Во время долгой зимы основную часть времени делать нечего, кроме как вести бесконечные беседы: любая тема приветствуется. Каждая проблема обсуждается часами, и у всех есть шанс высказать собственное мнение. Решения принимаются при окончательном согласовании позиций.

Но когда настает время работать, говорить уже некогда. Надо поторапливаться, иначе зима придет снова, а пищи запасено достаточно не будет. В такие дни мы, славяне, за-

мечательно трудимся в группе — без споров, в полном согласии, чего никогда не понять каким-нибудь арабам.

Крестьяне, в соответствии с моими инструкциями, соорудили сотню тачек, ни одна из которых теперь не стояла без дела. Чтобы было легче их толкать, вдоль дорожки уложили выструганные доски.

Все излучали дружелюбие, но драгоценного времени тратить на меня не собирались, так что я был предоставлен самому себе. Семена, которые я привез, дали хорошие всходы. На полях появились небольшие участки, на которых появилась пшеница, бобы, зимние кабачки и тыква. Крошечное количество семян гибридов уже взошло и дало урожай. Его собрали и поместили отдельно от обычного зерна. Собственно говоря, граф Ламберт сложил эти «элитные» семена прямо в своей спальне, чтобы кто-нибудь не съел ненароком весь урожай по ошибке.

В тот же вечер он показал мне свое сокровище.

— Посмотрите, пан Конрад! — Он держал открытый мешок, где находилось несколько фунтов ржи. — Все это выросло из одной-единственной горсти семян!

Я не увидел ничего необычного.

— И что, мой господин?

— Как это — что? Да тут, наверное, отдача пятьдесят к одному! Ты что, не знал, что отличным считается урожай пять к одному, а три к одному является нормой?

— Нет, мой господин, кажется, не знал. Вы имеете в виду, что каждый год берете одну треть зерен, чтобы снова засеять поле и получить урожай следующего года?

— Именно это я и имею в виду. А что, урожай пятьдесят к одному в твоей стране считается нормой?

— Не уверен, ваша милость. Я не работал на земле. Но у меня создалось такое впечатление, что нашим земледельцам требуется довольно мало семян. Обычно они не сажают часть своего урожая. Просто покупают семена у людей, специализирующихся на их производстве.

— Эти специалисты порядком набили руку в своей работе! Могу только надеяться, что нам удастся добиться того же. Будь уверен, все эти зерна надежно припрячут и посеют следующей же весной. Теперь вот еще что. Где семена у большинства твоих растений, мы знаем. А что делать с корнеплодами?

— Нам важны картошка и сахарная свекла, мой господин. Как обращаться с картошкой, я знаю. Из семян — как мы в этом году — ее обычно не выращивают. Вы разрезаете картошку так, чтобы на каждом кусочке оставался глазок, и потом сажаете в землю. Сахарная свекла же меня беспокоит. Честно говоря, я не знаю, что с ней делать.

— Ну, если она похожа на обычную свеклу, то даст ростки на второй год. Некоторые сорта оставляют в земле. Некоторые глубоко закапывают, а потом пересаживают следующей весной. Некоторые складывают в подвал.

— Думаю, лучше попробовать все три способа, мой господин. Какой-нибудь да сработает.

— Так и поступим. Подумать только! Свекла величиной с человеческую голову!

— Дело не только в размере, ваша светлость. Этот сорт на одну шестую часть состоит из сахара. Когда у нас будет достаточно свеклы, я покажу, как извлекать его, и у вас появится очень прибыльный корнеплод.

— Ну, можем попробовать. Но уже поздно, пожалуй, я стану готовиться ко сну. Спокойной ночи, пан Конрад!

Я позаботился об установлении дружеских отношений с одной из девушек с фабрики, так что ночь действительно прошла отлично.

На следующий день у меня состоялся разговор с отцом Кристины. Он мог бы вылиться в мучительный спор, так как я спал с его дочерью, но не собирался жениться на ней. Не вылился. Он смотрел на наши отношения как на что-то само собой разумеющееся. Его больше заботили розовые кусты.

На прошлое Рождество я подарил Кристине семена японской розы, и она посадила их перед родительским домом. Кусты разрослись даже слишком хорошо, и теперь доставляли неудобство своими размерами. Отец Кристины хотел, чтобы я спросил девушку, можно ли их оборвать. Конечно, как отец, крестьянин не нуждался в ее разрешении, но мудрый человек старается не разрушать своими руками мир в собственной семье.

Я ответил, что вместо того, чтобы обрывать кусты, пусть лучше подрежет их и посадит отростки, вдруг те пустят корни. Японские розы, наверное, действительно слишком большие для его двора, но в полях из них получится хорошая ограда. Идея понравилась, и крестьянин согласился воплотить ее в жизнь, когда закончится сбор урожая. Если отростки не выживут, он снова попробует следующей весной, ну а если и тогда ничего не получится, кусты обязательно вырастут из семян.

Этот год, как и предыдущий, выдался богатым на урожай, а в прошлом году он не успел перевезти весь свой ячмень в амбары, прежде чем дожди испортили оставшиеся на полях колосья. В этом году у отца Кристины появилась тачка, и разница ощущалась существенная. Он мог перевезти с ее помощью в три раза больше за день, чем раньше, и даже опережал график. Теперь крестьянин беспокоился, что у него не хватит места для хранения зерна.

Наверное, земледельцу всегда нужно о чем-то беспокоиться.

Следующим утром я с Анной поскакал в Бытом. Мы прибыли на место за несколько часов до полудня, и вскоре я уже разговаривал с младшим герольдом, которому, похоже, нечем было заняться.

— ...Меньше сотни человек, — отвечал он на мои вопросы. — Обычно собирается большая толпа народа.

— Думаю, все дело в сезоне сбора урожая, ведь почти все заняты делом, — предположил я.

— Ваша правда, мой господин, но божий суд должен состояться именно сейчас, потому что он и установит, кому будет принадлежать собранный урожай. На количество зрителей повлияло и то, что сражаются соперники не насмерть. На кону всего лишь наследство. По-настоящему обиженной стороны нет, поэтому рыцари бьются до первой крови.

— А в чем дело?

— Все просто. Умер человек, не оставив письменного завещания. Его имущество унаследовали бы вдова с дочерью, но двоюродный брат усопшего заявил, что они не могут выполнять военный долг, и поэтому его честь требует оспорить наследование. Большинство женщин пошло бы на компромисс, уступив ему часть собственности за выполнение военного долга. Но пани Мария не из того теста сделана. Она наняла профессионала защищать ее права. И теперь ее кузен, несомненно, жалеет, что дал жадности одолеть себя. Ему не остается ничего, кроме как согласиться на поединок, в котором у него нет ни малейшего шанса победить. Говорят, он заплатил рыцарю, чтобы тот его не особо покалечил, хотя правды никто не знает.

— Значит, исход predetermined. Неудивительно, что бой не привлек толпы народа, — сказал я. — Я слышал, что профессионал может дать урок-другой для желающего научиться сражаться. Как бы мне все устроить?

— Вам надо поговорить с одним из его оруженосцев, мой господин. Они стоят вон там, в серо-коричневых ливреях; нормальные геральдические цвета для Польши, хотя и редко встречающиеся в остальной Европе. Конечно, вам придется потратить десять—двенадцать гривен на урок. Ведь профессионал — это тот, кто продает свое умение за деньги.

Я последовал совету и, поговорив с оруженосцем, обнаружил, что за урок его хозяин брал двенадцать гривен. Двухнедельная зарплата рабочего. Однако если я научусь чему-то, что спасет мою жизнь, вполне приемлемая сделка. Уроки даются сразу после схватки. Конечно, оруженосец не со-

мневался, что его хозяин будет в достаточно хорошей форме, чтобы давать уроки после боя.

В полдень или около того, трубач своей игрой привлек внимание толпы, священник прочел молитву, и профессионал с соперником предстали перед зрителями, сняв шлемы. Наемный рыцарь — спокойный тридцатилетний мужчина. Его противник — молодой парень с улыбкой на губах и сверкающими глазами. Правильные черты лица, привлекательные почти до женственности: кто-то шепнул мне, что его прозвали Милашкой Яном.

Герольд прочел два обращения, от каждой стороны, чтобы все поняли, за что сражаются противники. Несколько крестьян поставили скамьи, и я заплатил за место как раз в пятидесяти ярдах от поля, Анна смотрела на сражение из-за моего плеча.

Два закованных в броню человека помчались навстречу друг другу с противоположных концов поля. Профессионал был одет в сдержанные серо-коричневые цвета, парень — в веселые желто-голубые, свои фамильные цвета.

Когда они встретились, профессионал поднял свое тяжелое копье, и мне на миг показалось, будто он собирается отдать первый раунд сопернику. Копье Милашки скользнуло по щиту противника, пана Болеслава, а тот обрушил свое копье, словно дубину, на шлем проносящегося мимо соперника.

Даже в последних рядах был слышен хруст.

Толпа вежливо похлопала, в то время как кузен пани Марии сложился в седле, а потом свалился с коня. Пан Болеслав помахал зрителям, принимая восторги, потом спешил посмотреть, в состоянии ли противник подняться.

Тот встал, поэтому профессионал вытащил меч и направился к парню. Вежливо подождал пару минут, пока противник перестал качаться, потом сказал: «Защищайтесь!».

Милашка попытался последовать совету, но из этого мало что вышло. После нескольких выпадов, которые пан Болес-

лав играючи отбил, последний ударил наотмашь по передней части похожего на бочку шлема. Парень упал как подкошенный.

Победитель снял шлем, поднял вверх меч и провозгласил, что Бог вынес свое решение, и с этого момента право пани Марии на земли и титул не подлежит сомнению. Потом поклонился и возвратился в свою палатку.

Несколько человек вышли помочь проигравшему: оказалось, что снять с него шлем не так-то уж и просто. Железо настолько вдавилось внутрь, что пришлось парня поднимать и нести к наковальне кузнеца. Следующее событие привлекло гораздо больше народу, чем сама схватка, на работу металлических дел мастера собралась посмотреть целая толпа. Кто-то посоветовал нагреть шлем, чтобы тот легче гнулся: все, кроме Милашки, засмеялись.

Когда шлем в конце концов сняли, показалось красное месиво, в которое превратилось лицо несчастного парня. Нос был разбит в кровь, все передние зубы вылетели. Дантистов в средние века не существовало, и парень остался калекой на всю жизнь. Милашка Ян перестал быть милашкой.

ГЛАВА 17

Как мы и договорились, я пришел за уроком к павильону пана Болеслава — круглой большой палатке, достаточно высокой, чтобы в ней поместился рыцарь верхом на коне. Ее использовали на турнирах, где высшим пилотажем считалось не показываться публике, пока тебя не вызовут сражаться.

— Вы меня простите, если я не стану подниматься? — сказал профессионал. — Болят они, эти мои старые раны. Вот, к примеру, одна из них, в колене, частенько напоминает о себе... Я так понимаю, вы тот самый парень, что говорил с моим оруженосцем. По вашему росту я бы также заметил, что вы — пан Конрад Старгардский, о котором все говорят.

— Угадали, — признал я. — Вы порядком потрепали Милашку. Мне казалось, вы не собирались увечить его, пан Болеслав.

— А, вы уже слышали? Ну, прежде чем думать обо мне плохое, просто вспомните, что я занимаюсь дракой за деньги, цены у меня высокие, а вдова не могла себе позволить заплатить слишком много. Ее деньги даже не восполнили накладные расходы. Но сейчас мертвый сезон, а ее дело — правое, накладные расходы все равно остались бы непокрытыми, поэтому я взялся за работу. Можете ли вы винить меня за то, что с претендента я взял в три раза больше, чем

с вдовы, и не за то, чтобы проиграть схватку — на такое я бы не согласился ни за какие деньги, — а просто чтобы не слишком поранить его?

— Но вы оставили его калекой на всю жизнь!

— Точно. Моя нанимательница ненавидит своего кузена, она хотела именно такого исхода. Профессионалу часто приходится играть очень тонко, чтобы удовлетворить обе стороны. Насколько я понимаю, моя нанимательница довольна, да и претендент не имеет официально никаких жалоб. В конце концов, он мог бы остаться лежать на земле после того удара в голову, бой объявили бы завершенным, и парень не получил бы серьезных увечий.

— Тогда с чего он поднялся и продолжил сражение? Наверняка ведь знал, что не имеет шансов на победу.

— Он поднялся, потому что слишком разозлился, чтобы трезво рассуждать. Вы видели, что я с ним сделал. Флорентийский удар — для нейтрализации копья, а «геркулесова дубинка» свалила парня с коня. Я бы не осмелился испытывать эти удары на профессионале, а ему всего лишь показал, что он на самом деле — шут гороховый, а не рыцарь. И все же я всегда могу доказать, что провел атаку таким образом, чтобы не сильно повредить противнику. Что до последующего ранения, это всего лишь один-единственный удар, и кто мог предположить, что его шлем не выдержит?

— Итак, вы удовлетворили требованиям обеих сторон, и сами остались в выигрыше?

— Конечно, пан Конрад. Мое ремесло не такое простое, каким кажется с первого взгляда. Ведь этот сукин сын пытался выбросить на улицу вдову с ребенком. Он заслуживает худшего. Но вы, по-моему, пришли не за разговорами. Вас беспокоит встреча с паном Адольфом в следующее Рождество?

— С кем? Когда?.. — удивился я.

— Вам еще не сказали? Наверное, этого и следовало ожидать. Заинтересованная сторона всегда узнает все пос-

ледней. В наших кругах о предстоящей схватке уже несколько недель говорят, так что я могу вам все рассказать. Просто сделайте удивленное лицо, когда услышите новости официально, герольдам нравится думать, что они занимаются важным делом. Короче, за три дня до Рождества вы встретитесь на поле Окойтца с представителем крестоносцев, паном Адольфом, в сражении не на живот, а на смерть, то есть без пощады. Он собирается вас убить, так что вам лучше продать все свое имущество и бежать, куда глаза глядят. Вот мой совет, и он достоин тех двенадцати гривен, что вы собираетесь заплатить мне.

— Если я убегу, почти полторы сотни детей попадут в рабство. Я не могу такого допустить.

— Несчастных ублюдков продадут в Константинополе вне зависимости от того, станете ли вы живым трусом или мертвым героем. Вы не похожи на мечтательного идиота, что учит наизусть «Песню Роланда» и потом докучает гостям своим пением на пирах. Вы — разумный взрослый человек. Так поступите же разумно и бегите.

— Пан Болеслав, я уже сказал, что не могу. Но послушайте. Если этот рыцарь пан Адольф так хорош, почему я не могу нанять профессионала сам? Я не бедная вдова. И могу позволить себе выбрать лучшего!

— Нет, не можете. Потому что лучший будет сражаться против вас. Все остальные и в подметки не годятся пану Адольфу, мы прекрасно знаем это. Мы занимаемся жестоким делом. Дурак в нем долго не продержится, так же, как и самоубийца. Во всем христианском мире не найдется столько денег, чтобы нанять меня или кого-то другого на бой против него до смерти. Зачем мне деньги в аду? Потому что именно туда и приводят самоубийства, а сражение с паном Адольфом прямой способ наложить на себя руки! Поэтому скажу вам прямо — спасайтесь бегством!

— Ладно. Спасибо за совет. Но я пришел сюда не за ним. Я пришел за уроком.

— Как хотите, пан Конрад. Но вы только зря потеряете время.

Он захватил пару деревянных учебных мечей, и мы вышли наружу. И он, и я уже облачились в броню, а большего снаряжения для тренировок и не требовалось.

— Думаю, сражение без коней вас удовлетворит, пан Конрад. Потому что мое копьё сломалось и будет готово только через несколько часов.

Я согласился. Мы потренировались немного, и я ясно осознал, что он сдерживает свои удары, как в сражении с любителем, одновременно постоянно указывая различные недостатки моего стиля. Но, несмотря на бой в неполную силу, я все равно получал немало синяков, а он, по-моему, даже не запыхался.

— Мечом вы владеете неплохо, хотя и немного медленно двигаетесь, — сообщил он.

— Я привык к легкому мечу.

— Ну и глупо. Но вот со щитом у вас серьезные проблемы. Щит даже важнее меча: вы можете допустить ошибку при работе с мечом и при этом остаться в живых. Такого обычно не случается при неверном обращении со щитом. Мы поработаем над этим немного.

Я приобрел еще пару дюжин синяков, а он продолжал ругаться на мою медлительность. Я начал предугадывать его удары, но профессионала и это не удовлетворило.

— Нет, идиот! Вы прикрываете глаза слишком рано! Вы даже не представляете, что я могу сделать!

— И что же вы можете еще сделать? — проорал я в ответ.

— Вот это!..

Я очнулся через несколько часов, все еще распластанный на земле. Шлем с меня сняли, а под голову подложили подушку. Поверх измученного тела лежала конская попона. Я застонал.

Один из оруженосцев пана Болеслава поднялся со стула, на котором ожидал моего пробуждения.

— Пан Болеслав велел передать, что до сих пор считает самым разумным выходом из вашего положения побег. Но если вам необходимо драться, то единственной надеждой на победу будет копье, потому что с мечом и щитом у вас нет ни малейшего шанса. Он также велел напомнить, что вы должны ему двенадцать гривен.

Я поднялся, заплатил мадльчишке и вечером отправился обратно в Три Стены.

Прибыл герольд от князя Хенрика и сообщил, что «Состоится Божий Суд Между Мною и Крестоносцем. Мне Предстоит Явиться во Всеоружии на Поле Чести в Окойтц в Полдень, за Три Дня до Рождества. С Собой Следует Взять Имущество, Незаконно Присвоенное в Бою, Не Исключая Рабов».

Он на самом деле каждое слово произносил с большой буквы. И не смог избавиться от привычки, даже выполнив свои обязанности, за последовавшим ужином. На девушек он не произвел особого впечатления. Мы отдали ему одну из свободных хижин на ночь, но я совершенно уверен, что спал герольд один.

И все же князь устроил мне значительно большую отсрочку от испытания, чем я предполагал.

Я старался выкраивать по меньшей мере час в день для общения с Анной, хотя часто даже столько не мог себе позволить. Как здорово иметь возможность поговорить с представителем другого вида!

Она довольно расплывчато отзывалась о своих предках. Анна совершенно точно была представительницей седьмого поколения животных, но при этом всегда говорила о предках от первого лица, будто первой стала продуктом биоинженерии. Однако при упоминании кого-то, кроме своих прямых родственников, она запросто употребляла второе и

третье лицо. Более того, всех их лошадь обозначала существительными женского рода и никогда мужского. Я так и не понял почему.

В большинстве случаев ее мышление отличалось простотой, некоторой приземленностью. Она не интересовалась философией и не понимала, зачем вообще нужна подобная наука. Математика, кроме арифметики, теология, кроме простейших моральных постулатов, научные теории и вообще все, что хоть слегка было оторвано от жизни, проходило мимо нее.

И все же Анну ни в коем случае нельзя назвать тупицей. Если появлялась практическая задача, она всегда находила практическое решение. Показателен такой случай.

«Ты ни можешь папасть копьем в дыру», — по буквам показала лошадка. Ее правописание оставляло желать лучшего, как она и предупреждала. Более того, оно так и не улучшилось.

— Я не могу попасть копьем в дыру, ты права, — согласился я. — Главная проблема действительно в этом.

«Я магу».

— Ты можешь попасть в чучело? Анна, у тебя нет рук. Чем ты собираешься держать копьё?

«Крюк на сидло, крюк на узду, узду — на миня. Копье в 2 крюк. Я пападу в дыру».

— Думаешь, получится? Давай попробуем, девочка! Я сейчас же прикажу сделать крючки. Думаю, к утру все будет готово. Спокойной ночи, Анна, и спасибо за отличную идею...

Мы явились на тренировочное поле за полчаса до пана Владимира. И сколько бы ни пробовали действовать по плану Анны, раз за разом получали отличные результаты. Она владела копьем так же искусно, как пан Владимир.

Более того, пока лошадь направляла копьё, моя правая рука оставалась свободной, и я мог за щитом держать меч

наготове. Если Анна не достанет ублюдка копьем, то я через полсекунды завершу дело мечом!

Мы практиковали двойной удар, я бил чучело по голове плоской стороной меча — после того как Анна попадала в отверстие копьем, — когда подъехал пан Владимир. Он смотрел на нас в немом изумлении.

— Пан Конрад, я едва могу поверить, что вы начинаете, наконец, делать успехи с копьем. А идея с мечом просто... просто сказочно хороша! Но как?..

Я объяснил ему план Анны. Пан Владимир воспринял умение лошади писать, как нечто само собой разумеющееся. Любое животное, которое в состоянии передвигаться с той же скоростью, что и Анна, явно волшебного происхождения, так что ожидать от него можно чего угодно. Более того, Анастасия учила его писать. И правописание пана Владимира не намного отличалось от Анниного, так что они отлично понимали друг друга.

Пан Владимир поскреб подбородок.

— Не думаю, что это незаконно, но распространяться о вашей тактике направо и налево все же не будем.

— Хорошо. Вот и мое секретное оружие!

— Ну, во всяком случае, вы хоть как-то совершенствуетесь, так что давайте теперь поработаем над слабыми местами в вашей технике...

Недели пролетали одна за другой...

Стоял дождливый осенний день, и плотники собирали дом у внешних ворот.

Мы натянули две толстые веревки между вершинами утесов с обеих сторон входа в долину. На двух колесах, закрепленных на шпатагах, висел деревянный каркас, а система воротов и блоков позволяла восьми работникам использовать каркас в качестве подъемного крана. Получалось что-то вроде «небесного крюка», охватывавшего всю территорию, с ним работа шла очень быстро. После дол-

гих месяцев подготовки, когда людям не раз казалось, что дело зашло в тупик, внезапно мы за один день построили четверть своего будущего дома. Радостное настроение охватило всех вокруг.

Граф Ламберт в сопровождении дюжины рыцарей появился поздним вечером.

— Граф Ламберт! Добро пожаловать, мой господин! — прокричал я, стоя на вершине здания в семь этажей. Потом просигналил рабочим, которые управляли краном, и они быстро спустили меня на землю.

— Черт возьми, это выглядит забавно! Можно и мне попробовать?

— Если хотите, мой господин, я прикажу поднять нас двоих наверх.

Шесть человек в беличьем колесе, расположенном высоко, на самом верху, тотчас подняли нас на крышу. Оттуда были видны все будущие постройки, и я показал, где появятся со временем церковь, корчма и баня.

— Вы быстро продвигаетесь вперед, пан Конрад. Через пару лет здесь появится прекрасный город.

— Через пару лет, мой господин? Все эти здания мы закончим через три недели.

— Невозможно! Даже ты просто не сумеешь успеть так много за такой короткий срок!..

— Спорим, мой господин? К примеру, на двадцать мулов, нагруженных вашим полотном, — против сорока мулов моих кирпичей и известкового раствора?

Я больше никогда не спорил с Ламбертом на деньги: услуги и товары почему-то казались ему более приемлемым средством оплаты.

— Решено! Значит, ты делаешь кирпичи?

— Да. Мы нашли глину в старой шахте. И построим печи для обжига сразу же, как только закончим с жилищами. Мы еще нашли жилу железной руды, и к весне я надеюсь начать производство железа.

— Мой мальчик, к весне тебя уже не будет в живых. Ты умрешь под Рождество. Ты что, забыл о божьем суде?

— Нет, мой господин, но я собираюсь победить.

— Твоя уверенность трогательна. А для чего вон тот огромный круглый каменный колодец?

— Это наше ледохранилище. В будущем появится три помещения, одно в другом. На круглую каменную стену, которую вы видите, мы положим настил и используем его как танцпол. Там будет крыша, но стен мы строить не станем. Второе помещение, на три ярда меньше, построим внутри первого, полностью под землей. Расстояние между ними заполним щепками и стружкой, которые не будут проводить тепло. Третье поместим внутрь второго: оно будет в шесть ярдов меньше в высоту и в три ярда уже. Пространство между вторым и третьим кругом этой же весной заполним снегом. Я подсчитал, что такое количество растает только через год. Таким образом, мы сможем наслаждаться свежими овощами зимой и холодным пивом летом.

— И все же это огромная яма!

— Шестнадцать ярдов в глубину, мой господин, и тридцать шесть — в диаметре.

Когда мы спустились вниз, я шепнул Кристине, чтобы она бежала на кухню и сказала приготовить что-нибудь особенное на ужин. Наталье же наказал распространить слух среди молодых девушек, что те, кто желал бы провести ночь с настоящим графом или одним из его рыцарей, могут прямо сейчас начинать готовиться к танцам. Она точно знала его вкусы.

Когда мы пришли в трапезную, граф Ламберт заметил:

— Все столы одинаковой высоты. Какой из них — наш?

— Их высота как раз подходит для еды, мой господин. Я завел здесь обычай, по которому все едят одну и ту же пищу с одинаковых столов. Это удобно. Я часто рассказываю своим людям за ужином, что им предстоит делать на следующий день. По-моему, крестьяне справляются с задачей го-

раздо лучше, когда у них есть время все обдумать. Что до того, где вам есть, думаю, лучше там, где спит лев.

— А где спит лев?

— Везде, где захочет, мой господин. Кто станет спорить со львом?

Мои слова вызвали смех, и граф Ламберт уселся за один из крайних столов. Одно из преимуществ жизни в тринадцатом веке: даже самые старые шутки воспринимаются как крайне остроумные и очень свежие.

Обычный стол тринадцатого века в ширину достигал размера, достаточного только для одного человека. Люди сидели с одной стороны, а слуги ходили с другой. Мы сделали столы по стандартам двадцатого века, а слуг в Трех Стенах отродясь не водилось.

Кристина не подумала назначить кого-нибудь на роль прислуги, а компания лелеющих надежды Натальиных девушек в данный момент наводила красоту по домам.

Обычно мы ели, как в кафетерии: обслуживающий персонал раздавал мясо, пиво и другую дорогую пищу, а остальным — угощайтесь сами. Теперь рабочие стояли в очереди за блюдами, и некоторые уже жевали, пока мой сеньор ожидал, когда же ему подадут еду.

Я не знал, как разрешить проблему, поэтому спросил напрямик:

— Мой господин, могу я попросить вас разъяснить мне один вопрос этикета? Если обычаи вассала отличаются от привычек его сеньора, по каким правилам они должны себя вести?

— Зависит от того, где они находятся, пан Конрад. На землях сеньора вассал обязан в точности следовать обычаям хозяина. В поместье же вассала сеньор должен придерживаться традиций вассала, если они не оскорбительны для него. В противном случае он должен сообщить вассалу о проблеме, а тог из вежливости обязан поступить так, как

желает того сеньор. По крайней мере, пока он находится поблизости.

— Спасибо, ваша светлость. Понимаете, в моих землях мы не держим слуг нигде, кроме как в корчме. Я не привык к личной прислуге и предпочитаю обходиться без нее. Я хочу сказать, что у нас нет никого, кто обучен обслуживать гостей за столом. Будет ли это оскорбительно для вас, если я предложу вам самому взять свою пищу, как делаю обычно сам? Или мне следует попросить панн обслужить вас, даже если они, возможно, не слишком хорошо справятся с заданием?

— Я как раз думал, когда же ты предложишь мне что-нибудь поесть! Не вижу, как мне может повредить прогулка от одного стола до другого.

Мы взяли себе мясо — без очереди, естественно. Титул имеет свои привилегии даже в Трех Стенах.

Усевшись снова за стол, граф Ламберт продолжил беседу.

— Значит, ты всегда ешь то же, что и крестьяне?

— Таков мой обычай.

— Замечательно. И ты всегда кормишь их столь хорошо?

— Боюсь, что нет. Обычно у нас едят только одно мясное блюдо за ужином и ни одного за обедом. Очень редко свиные окорока, оленину и мясо тура подают за один раз. На кухне хозяйничает Кристина, и я подозреваю, что в вашу честь она приказала зажарить все мясо, какое у нас было. В Трех Стенах недостаточно еды, и мы можем себе позволить только то мясо, что приносят охотники. Я планирую привезти в наши холмы овец, но это долговременный проект.

— Овцы довольно дешево стоят. Чтобы увеличить количество шерсти, поступающей на мою фабрику, я запретил убивать овец моложе десяти лет и продавать их за пределы моих владений. Многие жалуются, что не смогут прокормить овец зимой, но я не собираюсь отступать. Если будет необходимость, выход они всегда найдут.

— Возможно, я смогу здесь помочь, мой господин. Три месяца небольшое стадо моих овец питалось только свежими еловыми иголками. Это, конечно, не самая любимая их пища, но по крайней мере никто не голодал.

— Интересно. Но, должно быть, нужно много времени, чтобы нарубить такое количество веток.

— Меньше, чем вы думаете, мой господин. Вам всего лишь нужно спилить верхушку дерева, чтобы за один раз собрать множество иголок. Я собираюсь оставить четырех своих верхолазов на работе на зиму, и, по моим расчетам, они смогут уберечь от голодной смерти около тысячи овец.

— Ты должен показать мне, как вы рубите деревья.

— Первым же делом, прямо с утра, ваша светлость. Через месяц я собираюсь устроить большую охоту в монгольском стиле. Может быть, вы и ваши рыцари захотите присоединиться?

— Монгольская охота? Я думал, ты ненавидишь монголов.

— Да. Но это не означает, что я не могу чему-то у них поучиться.

— Действительно. Ну и как же охотятся монголы?

— Они окружают как можно большую площадь все вместе, а так как их число достигает иногда миллиона, территория примерно равна современной Польше. Потом охотники продвигаются к центру круга, прочесывая все кусты, не давая вырваться ни единому животному, но и не убивая никого до поры до времени. Сбивание в кучу всех тварей может занять несколько недель. Затем, на глазах у своего вождя, *кахана*, монголы приканчивают каждого попавшегося животного, устраивая нешуточную битву. Я не планирую чего-либо столь масштабного. Мы отпустим всех оленей, туров женского пола и других крупных травоядных, так же как молодняк и одну шестую животных мужского пола. Надо все же оставить зверей для охоты на следующий год. Опасных тварей — волков, медведей, диких кабанов и так далее — истребим всех до единого. Я не

хочу, чтобы они бродили по моим лесам и вредили моим людям. Мелкие животные — зайцы, птицы и остальные... ну, мы столько упустим при окружении, что о будущих поколениях беспокоиться не стоит.

— Мне это нравится, я приеду. Вы ведь оградите достаточно большое пространство, чтобы каждый знал, кого именно убил?

— Мы как раз строим ограду. Я собираюсь прогнать животных через главные ворота Трех Стен. Вся местность вне города будет наша. По плану одна шестая всего добытого мяса должна достаться благородным рыцарям, принявшим участие в охоте, одна двенадцатая — крестьянам, не живущим в Трех Стенах, а остальное пойдет на пропитание моим людям. Думаете, так будет справедливо?

— Вполне. У большинства рыцарей появится столько мяса, сколько они не смогут утащить, а приводить с собой в гости мулов невежливо... Конечно, тебе придется устраивать пир до и после охоты. Ты упомянул о других крестьянах. О чьих?

— Ну, есть ведь люди пана Мешко и мои собственные йомены...

— Вот об этом я, кстати, и хотел с тобой поговорить. Неужели на моих землях действительно оказалось двадцать семь скваттеров?

— Вроде бы да, мой господин.

— Черт возьми! — выругался он. — Должно быть, и на остальных землях найдется еще парочка сотен! Как, дьявол меня заberi, выгнать их оттуда?

— Почему бы вам не поступить так же, как и я? Заставьте закон работать на вас. Превратите их в своих йоменов, возьмите с них меньше, чем с крестьян, но и в ответ предложите меньше. Вы получите прибыль с тех, с кого до этого вообще ничего не имели, а они успокоят себя мыслью, что теперь живут на законных основаниях и могут рассчитывать на определенную защиту.

— Интересная мысль... Я подумаю над ней. Но как же мне, дьявол, встретиться с ними, чтобы сделать свое предложение?

— Я, конечно, не уверен, мой господин, но мой опыт подсказывает, что люди определенного типа обычно знают друг друга. Если хотите, я спрошу моего управляющего, что он может сделать. Он никогда ни в чем не признается, но, бьюсь об заклад, передаст ваше сообщение.

— Хорошо, хотя один спор в день вполне достаточен... Прикажи ему поехать с нами завтра.

— Завтра, мой господин?

— Да. Существует определенная церемония, которой мы пренебрегли. Определение границ твоих владений. Мы должны объехать твои земли, чтобы все знали, где они находятся, и не возникало недоразумений в дальнейшем. Пан Мешко и барон Ярослав встретят нас в назначенное время у своих границ завтра... Ну что ж, я вполне наелся. Кристина прекрасно готовит. У тебя запланировано какое-нибудь развлечение, пан Конрад?

— Танцы, мой господин. Вы сможете подобрать себе достойную девушку на ночь.

— Замечательно. Но тебе действительно надо приучить себя приказывать крестьянам, а не просто просить их что-то сделать.

ГЛАВА 18

Мои лесорубы пристрастились к довольно жестокой игре. Верхолазы забирались на дерево, чтобы отпиливать верхушку, а двое или трое вальщиков тут же принимались стучать топорами по тому же самому дереву снизу. Цель игры — выяснить, смогут ли верхолазы закончить свою работу, прежде чем ствол упадет на землю. Я приказал прекратить такие игры, но на меня никто не обратил внимания. Наверное, я был недостаточно убедителен. Верхолазы становились невыносимыми — со своим напыщенным видом и неизменными шипами. Может, в душе я хотел увидеть, как они проигрывают.

Графа Ламберта игра поразила так же, как и скорость, с которой мои люди могли свалить дерево. Его жизненная философия — и вообще характер — подразумевали следующее: если кто-то делает опасную на первый взгляд работу, граф должен непременно попробовать совершить то же самое.

— Ты проделывал это, пан Конрад, не так ли?

— Да, мой господин, мне пришлось показать им, как нужно рубить.

— Хорошо!.. Тогда ты и мне можешь показать. Эй, крестьяне, снимите свое снаряжение и отдайте его нам на время.

Верхолазам не очень понравилось обращение «крестьяне», и еще меньше — идея одолжить «их» снаряжение. По округе ходило несколько анекдотов о верхолазах, принимающих ванну с шипами на ногах и занимающихся любовью в том самом снаряжении, в котором они лазают по деревьям.

Но они ничего не могли поделать, кроме как подчиниться.

Граф всегда схватывал все на лету, и мы вскоре оказались наверху с пилами в руках. Он работал так быстро, что, пытаясь угнаться за ним, я не успел испугаться.

Когда верхушка рухнула на землю, а мы болтались взад-вперед на высоте в пятнадцать этажей, граф Ламберт посмотрел вниз и воскликнул:

— Что за черт? Никто не рубил дерево под нами!..

— Ваша светлость, а вы сами осмелились бы рубить дерево, на котором сидит князь?

— Твой довод понятен, но черт возьми! Я думал, мы выиграем!..

Вскоре мы поехали размечать мои границы. Граф Ламберт решил сделать церемонию праздничной, поэтому, кроме рыцарей, мы взяли с собой Кристину с ее паннами, и девушек, с которыми граф Ламберт со свитой провели прошедшую ночь. Счастливицы одолжили в замке наряды, однако некоторым все же пришлось ехать на вьючных мулах, потому что лошадей у нас не хватало.

По просьбе Ламберта к нам присоединился мой управляющий, и Петр Кульчинский тоже, потому как последнему дела не нашлось и он ухватился за возможность мечтательно глазеть на Кристину издалека. По идее, нам требовалось как можно больше свидетелей, желательно молодых: они дольше проживут и станут очевидцами церемонии для следующего поколения.

Пан Мешко и пани Ричеза встретили нас на своих землях, и дальше компания двинулась по нашей общей границе. Граф Ламберт указывал ориентиры всем и каждому. В те

времена, до изобретения топографической съемки, именно так и устанавливали границы.

Барон Ярослав и пан Стефан не встретили нас в назначенном месте в положенное время. Мы остановились, развернули завтрак и устроились ждать. Но даже когда неторопливое пиршество окончилось, они не появились. Граф Ламберт начал злиться.

— Пан Даниил!.. Вы точно ездили к ним вчера? Сказали им встретить нас здесь и сейчас?

— Конечно, ваша светлость.

— Черт их подери!..

— Мы с ними не очень поладили, мой господин, — вмешался я.

— Они могут сколько угодно ненавидеть тебя, но ослушаться приказа сеньора!.. По коням! Мы едем без них! Пан Мешко, останься с нами в качестве свидетеля.

Итак, мы закончили объезд моих границ без пана Стефана. Позднее я гадал, не приписал ли мне Ламберт какие-нибудь земли барона, чтобы проучить его. Однажды эта граница мне боком выйдет.

На обратном пути в Три Стены мы устроили спонтанную охоту и, к счастью, добыли дикого кабана и тура. «К счастью» — потому что у меня не было ни единого кусочка мяса, чтобы угостить своих гостей, а ближайший супермаркет находился в семи сотнях лет отсюда.

Мы вернулись в сумерках, а Яша с рабочими уже закончили строительство половины здания. В сущности, дело несложное — складывать вместе подготовленные части, что вроде гигантского детского конструктора. Я проверил каждую деталь собственноручно, так что они, естественно, замечательно подходили друг к другу.

Граф Ламберт застыл на месте в священном ужасе.

— Они столько сделали без твоего присутствия?.. Я могу прямо сейчас предсказать результат нашего спора. Вышлю двадцать мулов с тканью, как только вернусь в Окойтц.

— Я возьму льняное полотно средней плотности, ваша светлость.

Это давало нам шторы и запасной набор простыней.

Летом все, не исключая меня, ходили босиком, но с приближением зимы рабочие начали изготавливать башмаки для своих семей. Обычно крестьяне делали обувь из березовой коры. Заворачиваете ноги в тряпки и привязываете подошву из коры кожаными шнурками. Подошвы держались одну-две недели, а потом приходилось вырезать новые.

Вначале меня опечалило такое убожество, но позднее я подсчитал, сколько времени требуется на дубление кожи и сколько — на вырезание новых подошв из березовой коры. Мужчина может наделать обуви на всю семью примерно за час. Дубление кожи при существующей в тринадцатом веке технологии займет месяц, а кожаные подошвы продержатся только один сезон.

И потом, носить березовую кору оказалось в пятьдесят раз дешевле. Я начал подозревать, что кожаная обувь стала популярной, когда уменьшилось количество берез. Однако последних на моих землях росло не так уж и много. Я посадил несколько отростков, но еще несколько лет нам приходилось покупать кору. Я обнаружил, что она годится для записей ничуть не хуже, чем для подошв, а стоит гораздо дешевле пергамента.

К тому времени как выпал первый снег, рабочие закончили наше основное жилище. Мы, конечно, никогда на самом деле не прекращали строительство, но замок стоял, и внутри него действовала сантехника. Наверное, мне следует рассказать о нем подробнее.

Здание достигало ста девяноста ярдов в высоту — то есть стояло наравне с обоими утесами — и восьмидесяти ярдов в длину. По структуре его можно было назвать пятью зданиями с огнеупорными стенами между ними.

Подвал с толстыми деревянными огнеупорными дверями, которые мы со временем планировали обить железом, тянулся по всему периметру здания. Из-за неровной поверхности грунта он большей частью выступал из-под земли, но окон в подвале не было. Если смотреть из долины, можно увидеть только крепкий каменный первый этаж. Подвал мы в основном использовали для хранения продуктов и туда же перенесли пивоварню. Короткий туннель вел от подвала к ледохранилищу.

На первом этаже располагался коридор с главными (и единственными) воротами, оттуда же шел скат в подвал. Поступающие запасы еды сразу же с легкостью переправлялись в хранилище. Рядом с воротами мы поместили ванную комнату с душем, раковинами, чанами с горячей водой и дюжиной современных туалетов.

Затем идет прачечная, отличающаяся большим количеством раковин и сушилками. Я сделал парочку деревянных стиральных досок. По сравнению с местной практикой бить грязной одежды камнями моя технология ушла далеко вперед. После всех тягот, что я испытал, выманивая у графа Ламберта ткань, у меня не возникало желания увидеть, как какая-нибудь невежественная женщина растирает булыжником полотно в порошок.

Потом еще кухня, где находились печи, подогревавшие воду для остальных моих сантехнических усовершенствований. Несколько фарфоровых раковин предназначалось для мытья посуды.

Но единственным источником воды оставалась шахта. Мы распилили дерево на короткие чурбаны, выжгли их изнутри и прикрепили друг к другу, получив трубу. Затем согласно рельефу поверхности вырыли траншею, которая под легким наклоном спускалась от шахты к замку. Деревянные трубы тщательно подогнали друг к другу и залепили дыры глиной, чтобы уменьшить утечку воды.

Все лето вода оставалась достаточно чистой, но я знал, что положение изменится, как только мы доберемся до залежей каменного угля. Поэтому мы построили три гигантских фильтра, каждый по двенадцать ярдов в высоту — один из гравия, второй из дробленого известняка и третий из песка. Вода должна пройти все три, прежде чем попасть в замок. Может быть, мы и палили из пушек по воробьям, но я никак не мог проверить чистоту воды, а эпидемия просто стерла бы наше поселение с лица земли.

Под фильтрами располагался большой каменный резервуар, и, как и все остальное в системе водоснабжения, мы покрыли его грязью — по крайней мере в ярд толщиной, — которая служила изоляцией. Замерзшая вода в трубах могла бы стать главной проблемой нашего существования.

Самым большим помещением здания я бы назвал трапезную. Высотой в два этажа, она вмещала до тысячи человек. Зала простиралась на два отдельных строения, проходила через огнеупорную стену, в которой пришлось сделать гигантскую каменную арку. Меня беспокоила такая прореха в нашей защите от пожара, но и идея есть всем вместе тоже казалась крайне важной. Я успокоил свою совесть, повесив по бокам арки два огнетушителя. На втором этаже по кругу располагался балкон, который сообщался с лестницами, которые вели наверх.

Второй этаж проходил между двухэтажными воротами и трапезной. Там находились классные комнаты, детские и библиотека, которая оправдывает свое название только тогда, когда у нас появится достаточно книг, чтобы заполнить ее полки. Там же мы поместили лавку, где можно было купить разные мелочи, необходимые в хозяйстве.

Последнее стало главным нововведением, так как, за исключением больших городов, люди имели возможность купить что-то, только когда рядом случался лоточник. Иногда целыми месяцами хозяйки сидели без булавок и иголок, и

потому старались сохранить небольшую сумму на эти мелочи, если вдруг появятся коробейники. Свой резерв они называли «деньгами на булавки».

Так как мы покупали оптом и выставляли наценку всего в сотню процентов — вместо обычных трехсот, — то наши цены в основном оказались гораздо ниже, чем у странствующих лоточников. Однако торговля приносила доход, потому что магазинчиком заправляла одна девушка, Янина, а спрос никогда не падал. Я установил твердые цены, по которым можно приобрести товары. Торговаться запрещалось.

С поставщиками мы обращались подобным же образом. Делали заявки, специально указывая количество и качество желаемого товара. Всегда покупали у предложившего самую низкую цену, однако если продукты оказывались низкого качества, больше не имели с ним дела. Наши методы ведения бизнеса возмущали буквально всех, но, так как торговля с нами приносила существенную прибыль, поставщики неизменно возвращались.

Вскоре в каждой корчме системы «Розовый дракон» в городах, где нас не трогали местные гильдии, появились точно такие же лавочки. Если нам запрещали вмешиваться в местную экономику, мы ставили лавочку прямо за городскими воротами и вели дела так, чтобы и дохода не получать, и убытков не терпеть. Не одна гильдия развалилась из-за подобной практики, но по крайней мере уровень жизни горожан решительно поднялся.

Над воротами располагались мои апартаменты с небольшой комнатой отдыха, двумя туалетами и двумя ванными.

Здесь жили пан Владимир, Кристина, ее четыре основные панны и огромное количество других девушек.

Принимая во внимание, что Кристина занималась кухней, кормившей восемьсот человек, Явальда заботилась о животных и присматривала за всеми нашими транспортными средствами, Янина держала лавочку и координировала

поставку и продажу товаров, Наталья выступала моим личным секретарем и хранителем записей, а Анастасия следила за моим персональным хозяйством, я не мог ожидать от них еще и услуг по уборке замка.

Для поддержания чистоты мы взяли полдюжины дочерей рабочих. У моих служанок появились служанки.

Но мне и к ним предоставили полный доступ. Кристина решила, что так будет справедливо.

Мои апартаменты оказались более роскошными и просторными, чем я планировал, но пан Владимир убедил меня, что это необходимо по политическим соображениям — чтобы производить впечатление на благородных гостей.

Анна получила свое собственное стойло, которое использовала в основном для еды, так как все же предпочитала обычный лошадиный корм пище человеческой. Но она постоянно находилась рядом с нами. Это означало, что лестница должна быть больше, полы прочнее, а дверные ручки устроены так, чтобы и лошадь могла с ними совладать, потому что Анна любила присутствовать при беседах.

Все уже давно убедились, что я сумасшедший, так что на подобные чудачества внимания совершенно не обращали. Почему бы, собственно, и нет. В любом случае я — хозяин, а высокое положение имеет свои привилегии. Анна — замечательная девочка.

В остальных строениях располагались квартиры в четырех этажа. Типичное жилье составляло девять ярдов в длину и три — в ширину, хотя комнаты слегка различались по размерам, в соответствии с количеством членов семьи.

Холостяки обычно делили комнату на четверых, так же как и незамужние. Со временем девушки обнаружили, что можно выжить в одиночку и не заработать определенное клеймо в глазах общественности, и стали выходить замуж в более зрелом возрасте. Некоторые даже терпели до восемнадцатилетия, но я забегаю вперед.

На каждом этаже находилось по пять квартир вокруг лестницы, что понижывала здание сверху вниз. На втором этаже коридор был гораздо меньше, чем на остальных, и содержал туалетную комнату — два унитаза и раковины на двадцать семей.

По стандартам двадцатого века мы построили перенаселенную второсортную ночлежку. По стандартам же века тринадцатого получилось сказочно роскошное жилье, и все, не исключая людей, живших в замке, считали меня ненормальным из-за такого расточительного строительства.

Корчма «Розовый дракон» номер три попала в распоряжение второго сына Тадеуша, Жигмунта Врулевского. Уменьшенная версия корчмы в Цешине, унаследовавшая тот же шик, она имела тридцать комнат, сдававшихся внаем, в основном для купцов, и стояла для животных.

Но, по сути, корчма превратилась в бар для мужчин, так как сильному полу иногда требуется уйти подальше от семьи и попить водки с приятелями. Наряды официанток поощряли подобное поведение: со временем они вообще начали обслуживать посетителей топлесс. Одна из девушек попробовала осуществить идею на себе, без всяких намеков с моей стороны, и получила за вечер больше чаевых, чем все остальные, вместе взятые. Через неделю все официантки последовали ее примеру.

Каким-то образом, несмотря на отсутствие табу на нагое тело, на то, что у нас был только один душ, где мужчины и женщины мылись вместе, а пиво стоило гораздо дешевле всего в паре сотен ярдов в трапезной, мужчины все равно предпочитали, чтобы кружки им приносили красивые девушки с голой грудью.

Традицию переняли во всех остальных корчмах сети «Розовый дракон», и доходы значительно выросли.

Мужчины платят за удовольствие. Более сорока процентов дохода с корчмы уходило на зарплаты, так же как и

тридцать пять процентов — с лавочки. Остаток я откладывал. Однако люди могли не потребовать свое жалование и нажиться на этом, хотя нам и приходилось идти на разные уловки, чтобы обойти глупые ростовщические законы Церкви. Рабочие предъявили мне жалобу, с возмещением восьми процентов от их годового жалования, за то, что я не платил им вовремя. Но я наверняка не пропустил ни одной выдачи жалования.

Как потом выяснилось, жалование составляло только небольшую часть уплывавших из моих рук средств. Я вскоре уступил давлению десятников и прорабов, желавших повышения оклада. На самом деле мне это почти ничего не стоило. Большую часть тех денег я получал обратно через корчму, лавку и сберегательный банк.

Потом еще появилось стойло для восьми наших лошадей, тридцати шести вьючных мулов и четырнадцати молочных коров. Явальда следила за животными и транспортными средствами.

Я настоял на том, чтобы всех животных хорошо кормили, не из каких-то экономических соображений, а просто из элементарной порядочности. Я не собирался позволять дурно обращаться со своей скотиной. Это противоречило средневековой традиции использования животных в качестве рабов и предоставления им количества пищи, достаточной лишь для выживания. Естественно, люди опять объявили меня сумасшедшим, а когда заметили, что коровы продолжали давать молоко всю зиму вместо того, чтобы высохнуть от недостатка питания, признали меня колдуном — но опять-таки помешанным.

Мы также содержали двести цыплят, питавшихся в основном объедками со стола и кухонными отбросами. Из Кристины вышел маленький, но жесткий управляющий. Я пристрастился к свежим яйцам по утрам и завтракал обычно на рассвете. Все больше и больше народа присоеди-

лось ко мне, особенно когда я передвинул обед с десяти утра на полдень.

Если не обращать внимания на мои привычки, то система из трех приемов пищи в день все же имеет свои объективные преимущества. Большинство женщин работало по полдня. Десятичасовой обед выпадал как раз на середину утренней смены. Зимой же многие мужчины работали слишком далеко от дома, чтобы возвращаться за горячим обедом. А так мы по крайней мере кормили их горячим завтраком.

Более того, *мне* нравилось питаться именно так, а хозяин в замке — *я*.

Думаю, я слегка перегнул палку с церковью, но у нас оставалось столько гигантских бревен, что мне стало стыдно не придумать сооружение, как раз подходящее под их размер.

И хотя население еще не дотянуло до тысячи, оно будет расти. Жилищ мы можем настроить сколько угодно, но у одного общества должна быть одна-единственная церковь. Если появляется две церкви, общество раскалывается надвое.

Так что мы построили церковь, способную вместить четыре тысячи человек.

Я долго раздумывал, прежде чем дать ей название. Потом остановился на Церкви Христа-Плотника.

Представьте себе два больших строения в форме буквы «А», одинакового размера в высоту, длину и ширину, перекрещивающихся посередине. Четыре массивных каменных столба спускались с поверхности скалы и поддерживали строение с каждого угла.

Четыре гигантские треугольные стены, каждая по восемнадцать этажей в высоту, со временем мы сделаем окна из цветного стекла, но на данный момент пришлось их закрыть досками. Даже, и без витражей церковь производила

надлежащее впечатление. Никаких ошеломляющих статуй или ярких полотен, просто огромные строгие бревна высоко в горах.

Без подъемного крана перетащить стволы на нужное место оказалось трудновато. Мы намеренно оставили несколько больших деревьев на строительной площадке. Они стали мачтами, к которым привязали лебедки и веревки, чтобы поднимать самые массивные части здания.

Когда центральная пирамида из четырех самых больших бревен и массивная деревянная основная площадка оказались наверху, мы смогли использовать их в качестве подпорок и срубили настоящие деревья. В тот момент, как они падали, я пережил несколько не очень приятных минут, потому как если бы стволы свалились не в том направлении, они бы разрушили всю конструкцию, которую построить заново нам бы не удалось. Но, наверное, Бог не захотел, чтобы его церковь развалилась. Все получилось.

В основном мы строили церковь сверху вниз. Сначала крыша, потом стены, в последнюю очередь — пол. По-моему, плотники не переставали укоризненно качать головами, даже когда мы закончили работу в срок.

Я приказал прикрепить намертво к полу алтарь, скамьи и остальные церковные принадлежности, в противоречие со средневековым обычаем изготавливать передвижные варианты мебели. Никто не посмеет использовать мою церковь для попок, как часто случается в других городах.

Через месяц после визита пана Ламберта состоялась анонсированная монгольская охота, причем, по-моему, довольно успешно. Более сорока рыцарей приняли мое приглашение, включая братьев Банки, что несказанно обрадовало Янину, Явальду и Наталью. А монах Роман приехал из Окойтца посмотреть на забаву.

Считая всех людей пана Мешко и моих — женщин, мужчин и взрослых детей, — леса прочесывали более семисот человек, под прикрытием рыцарей, готовых помочь в случае беды.

Начав свой поход утром на расстоянии в сотню ярдов друг от друга, к закату они уже шли плечом к плечу, а долина кишела животными. Туры, волки, медведи... Их оказалось так много, что мне пришлось отдать специальный приказ не покидать замка той ночью. Не то чтобы кто-то по этому поводу сильно расстроился. Все были заняты игрой в душе.

Душ обрел самую большую популярность среди моих нововведений. Люди стояли спина к спине, живот к животу и выливали на себя тонны горячей воды. Кухонные печи горели, не переставая, и все равно еле справлялись со своей задачей.

Думаю, туалетом восторгаться труднее, но они тоже вызвали безграничное удивление. Один рыцарь пожаловался, что стирал кое-что из мелкой одежды в одной из низких раковин, нажал маленький рычаг, и белье исчезло!..

Наталья считала животных, пробежавших через ворота самостоятельно, а под конец поставила человека на свое место.

Получилось около четырех тысяч оленей, одиннадцати сотен диких кабанов, четырех сотен туров, шестисот волков, двухсот лосей, ста сорока медведей, плюс огромное количество рысей и других диких кошек, лесных куропаток, тетеревов, зайцев и прочей мелочи. И еще восемь самых больших коров, каких только видела Наталья.

Люди не верили своим ушам, когда она зачитывала список, но в конце концов это были все животные, жившие на сорока квадратных милях плодородной земли.

Они поверили утром, когда началась сама охота. Рыцари буйствовали два дня, выбиваясь из сил прежде, чем насыщалась их жажда крови. Простолюдинам приходилось

посторапливаться, чтобы успеть оттащить и освежевать трупы животных.

Тадеуш, лучник, выпросил разрешение принять участие в бойне, и я также позволил ему забрать пару туш: мне совсем не хотелось портить забаву знати. Он тут же натянул лук и выпустил четыре стрелы, по одной за секунду. Каждая оказалась в голове животного: три оленя и дикий кабан. Все они упали более чем в двухстах ярдах от нас. Стрельба его оставалась такой же искусной, как и прошлой осенью. Потом Тадеуш опустил лук и с выражением озабоченности на лице вернул свои стрелы в колчан, прежде чем вернуться и помочь освежевать туши.

Все шкуры я забрал себе, потому что кожа нам могла понадобиться во многих случаях, и исчерпал все запасы соли только на них. Мне пришлось покупать дополнительные три тонны в Цешине еще до конца охоты.

Пять наших огромных бочек из-под пива еле вместили засоленное мясо. На несколько недель вперед пить нам оставалось только воду — пока не сделают новые бочки.

Сауну, каменную башню высотой девять ярдов, забили почти доверху.

Строительство коксовальной печи только закончилось, и ее еще не использовали ни разу. Она была того же размера, что и сауна, так как рабочие сооружали их по одному стандарту. Ее также использовали как коптильню, так что лесорубы с ног сбились, добывая дрова для обоих очагов.

В средние века больше всего ценилось не мускульное мясо, а внутренние органы. Все наслаждались ливером, сердцами и печенью.

Кухня тоннами выкатывала головки сыра, и я решил, что в следующем году обязательно сделаю машины для производства сосисок. В этом просто не хватало времени.

По мне, так настоящий интерес представляли зубры. Мы поймали восьмерых: три теленка, четыре коровы и один бык.

Этих гигантских диких животных истребили к двадцатому веку. Последнего зубра уничтожили в Польше в шестнадцатом столетии.

Они в основном черные с одной белой полоской вдоль спины — от головы до хвоста. Когда я сидел на Анне, которая больше средней боевой лошади, и бык поднимал голову, его глаза оказывались вровень с моими.

— Он мой!.. — закричал Владимир, опустил копье и бросился бы вперед, если бы я его не остановил.

— Не забывай правила, — предупредил я. — По крайней мере шестая часть самцов должна остаться в живых для продолжения рода, а этот у нас только один. И вообще я собираюсь одомашнить его. Подумать только, сколько на нем мяса! Наверное, целые три тонны!

— Вы никогда не одомашните этого зверя, пан Конрад.

— Можно все же попробовать.

Немало потрудившись и заработав одно серьезное ранение, нам удалось собрать животных в другой долине, которую мы огородили несколькими поваленными деревьями, чтобы закрыть зверям выход и не дать улизнуть. Со временем у нас появилось порядочное стадо, однако я опять забегая вперед.

Шестьсот оленей мы заготовили на зиму. Никто и не подумал жаловаться, когда я отпустил половину самок, весь молодняк и шестую часть самцов из нашего улова. Мы и так получили больше свежего мяса, чем кто-либо когда-либо видел.

Монах Роман приехал из Окойтца, где изучал работу ткацкой фабрики по поручению своего аббата.

За ужином он преподнес мне замечательный сверкающий манускрипт, закрепляющий мое право собственности. Он сиял золотой фольгой и всеми цветами церкви.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Но где вы взяли краски и золотой лист?

— О, у меня теперь появилась настоящая коробка с красками. Ее мне подарила богатая вдова, в качестве подношения Церкви. В действительности обет бедности принес мне больше богатства, чем я мог мечтать. Вскоре обет послушания принесет мне пост управляющего ткацкой фабрикой в Кракове. Думаю, мне не стоит обсуждать обет целомудрия, но Окойтц — просто райский уголок.

Все согласились в следующем году устроить подобную охоту снова, и рыцарям хватило такта, чтобы не напомнить мне: в следующем году я уже буду мертвее мертвого.

Пан Мешко заметил, что в следующий раз надо захватить и его земли тоже, а граф Ламберт серьезно подумывал о проведении монгольской охоты на всей своей территории.

— Только подумайте! — говорил он. — Мы можем избавить мои поместья от волков и медведей! Вы знаете, сколько людей они убивают каждый год? Дюжины! А сколько у нас появится еды!

Кто-то подсчитал, что охотникам придется провести в полях несколько недель. Кто их будет кормить и где они будут жить? Как они смогут удержать волков, если те попытаются улизнуть из круга под покровом темноты?

Никто не знал, но все обещали подумать.

Когда дело дошло до раздела добычи, мы даже не потрудились выработать определенную систему. Просто каждый взял столько, сколько мог унести. Когда я заметил, что некоторые из моих йоменов подходят уже в третий раз, положил конец дележу.

Мы освежевали и выпотрошили волков, кошек и других несъедобных животных и вывесили их на ворота. Я объявил всем держателям собак, что они могут приводить и кормить своих животных этим мясом.

Но когда несколько рыцарей вернулись за скелетами, на воротах уже ничего не было. Скорее всего крестьяне забрали туши себе на обед.

До большой охоты жители Трех Стен существовали в основном на вегетарианском питании: каши, капелька мяса и свежие овощи. Но потом мы превратились в любителей мяса и почти половину калорий получали через животную пищу. Дети стали расти быстрее и выше.

Позднее этой же осенью мы наконец добрались до угля и обнаружили, что можем делать кокс. Это означало очистку угля от всяких примесей глины и камня, а потом выжигание из него посторонних веществ.

Печь представляла собой девятиярдовый купол с отверстием сверху, через которое загружался уголь.

Остальную поверхность печи мы покрыли грязью в качестве изолятора, за исключением дверки для вынимания кокса. Уголь выкладывали на уровне двери в полтора ярда длинными граблями. Потом на верхнем слое разжигали огонь, и объем воздуха сокращался.

Вскоре вся масса начинала тлеть, купол печи направлял огонь вниз. Через определенное время уголь размягчался и летучие вещества — аммоний, сера и углеводород — испарялись на поверхность и там сгорали. Воняло жутко.

Рабочий заглядывал внутрь через небольшую дырочку в верхней части дверцы. Заметив, что все летучие вещества сгорели, уголь опять твердый, а раскаленный верхний слой светится, он вставлял медный распыскивающий аппарат внутрь через верхнее отверстие и добавлял воды, чтобы затушить огонь и одновременно не слишком охладить печь.

Кокс, к этому времени превратившийся в почти чистый углерод, извлекался из печи лопатами с длинными ручками. Затем дверь обратно закрывали, и через верх засыпали новую порцию угля.

Если все сделать правильно, печь останется достаточно горячей, и уголь загорится сам собой. Наладив работу, мы

приноровились за день перерабатывать по одной партии. К весне появилось восемь печей.

Каменщики могли строить новые даже в самую холодную погоду, потому что работали около функционирующей печи, которая размораживала землю вокруг, а купола состояли из сухого песчаника. Известь ни за что не выдержала бы жар.

ГЛАВА 19

Но вот наступила последняя неделя перед Рождеством, моя отсрочка от экзекуции вышла. Мне предстояло идти и сражаться, и убить — или умереть, чтобы подтвердить права сорока детей на нормальную жизнь.

Мне приказали привести бывших рабов с собой в Окойтц, и послушаться я не мог. Однако я не собирался опять заковывать цепями. Мне хотелось представить их такими, какими они стали — христианскими детьми польских христианских родителей.

Если детям придется идти в Окойтц, приемные родители будут их сопровождать. То есть практически почти все население Трех Стен отправлялось в дорогу — за исключением людей, занимавшихся кормлением цыплят, поддержанием огня и наблюдением за водопроводом.

Но это означало, что если я проиграю схватку, крестоносцам придется забирать христианских детей из христианских семей, и думаю, даже им не удастся легко повернуть подобное. А может, и удастся. Но попробовать стоило.

Восемьсот человек отправлялись в долгий двухдневный поход, но мы были сыты и находились в хорошей форме. На улице стоял жуткий холод, однако люди тепло оделись и прихватили достаточное количество одеял.

За нами тянулась длинная цепочка навьюченных багажом мулов. Пан Мешко ожидал нашего приезда.

Я заставил Илью отполировать уже готовую новую броню до зеркального блеска. Если мне нужно выходить на ристалище и защищать правду, справедливость, чистоту детства, я сделаю это в качестве рыцаря в сияющих доспехах.

Я также попросил его отполировать и мой старый шлем и надел его вместо нового, который тяжело снимался. Передний и задний листы железа брони имели круглый вырез сверху для головы. Из этого выреза выступал вверх и наружу металлический воротник. Новый шлем представлял собой двухстворчатую раковину с верхушкой на шарнирах. Снизу на нем располагалось кольцо, подходившее к кромке воротника брони. Два болта удерживали обе части шлема вместе.

В новом шлеме я мог повернуть голову из стороны в сторону, но наклонить — никак. Что важнее, ее нельзя сильно пригнуть. Старый шлем при соприкосновении с тяжелым мечом с легкостью сломал бы мне шею. С новым удар в голову через край воротника распространялся на верхнюю часть туловища.

Но эта чертова штукавина тяжело снималась и одевалась. Без сильного рывка и помощника не обойтись.

На Анну мы тоже надели кое-какую защиту. Пластину на морду и кольчугу на шею — вот и все, что она позволила, и то после того, как я заверил, будто так она выглядит еще красивее.

Крючки для копья приделали по обе стороны от верхней пластины в надежде, что их наличие не вызовет подозрений у народа. А по обе стороны — на тот случай, если нам попадется левша.

Крючок на седле хорош, только когда тебе нужно попасть в чучело. В схватке с рыцарем требовалось что-то понадежнее.

Я сделал зарубку на краешке седла. В нее можно втиснуть древко копья, приложив немалые усилия. Это переносило силу удара на седло и, следовательно, на Анну, а мне

не приходилось двигать ни единым мускулом. Мы продолжали тренироваться каждый день, и в конце концов я решил, что мы достаточно подготовились — в меру своих возможностей.

Кроме железа, которое покрывало меня с головы до пят, я носил только громадный плащ из волчьего меха. Должно быть, и Анна, и я выглядели довольно устрашающе. Во всяком случае, на нас многие косились.

Пан Мешко хорошо подготовился к нашему приезду, устроил рабочих на ночлег в амбар. Добыча, отнятая у крестоносцев, уже находилась в Окойтце, посуда и запас пищи были подготовлены.

Добрые соседи — счастье для человека.

Пан Владимир, пан Мешко и я вместе с паннами сели ужинать.

Но пан Мешко и пани Ричеза все еще не поколебались в уверенности в скорой моей смерти, с доспехами или без. Когда все знающие люди убеждены в чем-то безоговорочно, начинаешь им верить помимо воли. Пять месяцев каждый встречный твердил, что меня наверняка убьют. Я начинал понимать всю серьезность положения, поэтому оставаться веселым стоило немалого труда.

— Ладно, — сказал я. — Признаю, что опасность действительно существует. Я могу умереть через несколько дней. Что же нам теперь делать?

— Вы подумали о своих проектах и планах? — спросил пан Мешко.

— Ну, все возвращается к графу Ламберту, ведь так?

— Если вы не позаботитесь об ином исходе.

— Вы предлагаете мне составить завещание?

— Завещание могут признать, а могут и нет. Скажите, вы хотите видеть графа Ламберта управляющим вашим имением в Трех Стенах? — продолжил допрос пан Мешко.

— Он лучше справился бы с этим, чем большинство людей, которых я знаю. Но в действительности мне кажет-

ся, что пан Владимир здесь самый подходящий человек. Я могу сделать его своим наследником?

Пан Владимир выглядел шокированным.

— Я?.. Но я ничего не смыслю в технике!

— Да. Но у вас хватает мозгов, чтобы послушать тех, кто знает больше. Вы прирожденный лидер и можете позаботиться о своих людях. Более того, вы — представитель знати. Я не смог бы оставить Три Стены, например, Яше. Знать этого не потерпит. Нет, пан Владимир, думаю, вам не отвертеться.

Пан Владимир начал было что-то возражать, но пан Мешко оборвал его на полуслове:

— Теперь, когда с наследником решено, встает вопрос, как устроить дело. Я упомянул, что завешание могут и не признать. Это будет зависеть от настроения князя, то есть полагаться на случай не стоит. И все же давайте попытаемся, нам понадобится всего лишь кусок пергамента. Однако, думаю, ни князь, ни другие знатные особы не посмеют вмешаться, если вам унаследует дочь, к примеру. В конце концов, их собственное богатство и положение стоят именно на данном принципе.

— Но у меня нет дочери! — воскликнул я.

— Но могла быть. Совершенно очевидно, что пан Владимир и Анастасия любят друг друга уже давно. Даже такой старый человек, как я, способен это понять. Они хотят пожениться, но не могут, потому что барон Ян не потерпит крестьянки в качестве невесты для собственного сына, а его жена тем более.

Владимир вскочил в гнев, но пан Мешко цыкнул на него:

— Сядь, пан Владимир. Я знаю твоих родителей почти двадцать лет. Они даже на мою свадьбу не явились, несмотря на то, что меня посвятили в рыцари за несколько недель до нее, но вот моя дама все еще была простолюдинкой.

— Пан Мешко, вы говорите о моем отце и сеньоре!.. — вскричал пан Владимир.

— Я говорю о старом знакомом, и каждое мое слово — правда. Ты хочешь жениться на этой девушке?

— Да, конечно!

— А ты, Анастасия? Ты хочешь выйти замуж за сего горячего молодого рыцаря?

— О да!..

— Тогда заставь его помолчать немного, пока мы придумаем, как вам помочь.

— Но она не моя дочь! — вставил я.

— Но может быть ею. Ее родители умерли. Вы можете удочерить девушку. Когда она станет вашей дочерью и наследницей, даже барон Ян не захочет препятствовать женитьбе сына на самой богатой наследнице в княжестве. О, я знаю, что сейчас твои сундуки не ломаются от золота, но я видел, что ты устроил в Трех Стенах за несколько месяцев. Через год ты бы превратился в самого богатого в Польше человека. Даже без тебя все твои начинания принесут сказочное богатство. Любой, у кого есть хоть капля мозгов, скажет тебе то же самое. Итак, Анастасия получает мужчину своей мечты, пан Владимир — любимую жену и больше денег, чем сможет потратить за всю жизнь. А вы, пан Конрад, — наследника, что воплотит в жизнь ваши планы.

С доводами спорить никто не стал, поэтому пан Мешко вытащил пергамент, перо и чернила и нацарапал свидетельство об удочерении Анастасии и мое завещание, в котором специально оговаривалось мое благословение на брак пана Владимира и моей дочери.

— Вам просто необходимо сделать себе печать, — сказал пан Мешко, — хотя теперь уже слегка поздно.

Все присутствующие поставили подписи на документах, пан Мешко прилепил свою собственную печать, а еще пообещал завтра же на обе бумаги раздобыть печати князя.

Когда наметилась вечеринка, я объявил, что приготовил несколько подарков. Пану Мешко и пану Владимиру достались плащи из волчьих шкур, такие же, как и мой.

— Я дюжину таких сшил, — сообщил я. — И раздам их всем высокопоставленным лицам, что появятся на поединке. На один плащ уходит около шести волков. Я вычислил, что если сумею сделать волчий мех популярным, люди более активно примутся истреблять опасных зверей. В самом деле, волчий мех очень прочный и теплый. Он содержит два разных вида волосков: длинные, жесткие, которые видно снаружи, и короткие, мягкие, почти как шерсть, у самой кожи. Волк действительно одет в овечью шкуру... Пани Ричеза, я не смог привезти ваш подарок с собой. Похоже, вы получите его не раньше весны. Но я оставил чертежи полной домашней системы водоснабжения и очищения в Трех Стенах, вместе с письменными указаниями для строителей. У вас будет горячая вода на кухне, плюс новая печь и настоящая ванная с маленькой водонапорной башенкой, управляемой ветряной мельницей.

Она лишилась дара речи. Честное слово. Я задолжал ей услугу за все это время. К тому же мне надо было где-то устроить смотрины нашей сантехники, а в ее доме останавливались все, кто проезжал мимо. Ну вот, добрый социалист постепенно превратился в несчастного капиталиста.

— Ну а вы, девушки, знаю, чего хотите. — Я дал Кристине, Явальде, Янине и Наталье по мешочку серебра. Они все высыпали монеты на стол и выразили свой бурный восторг.

Мешочек, предназначенный для Анастасии, остался у меня в руках.

— Что касается тебя, дочь, ты спала с мужчиной до свадьбы и не получишь от меня ничего, пока не исправишься и не начнешь вести праведную жизнь.

Из автобиографии пана Владимира Чарнецкого

Несколько недель я жил с камнем на душе. Со всех сторон надвигалась беда, вокруг пришли в движение великие силы, а я никак не мог повлиять на их решение.

Мой друг, пан Конрад, шел на смерть, и в момент его расставания с жизнью я нарушу клятву, данную князю — защищать его до конца моих дней.

Ян, мой брат, навестил меня в Трех Стенах и рассказал, что отец гневается даже больше, чем я предполагал. Несколько месяцев спустя роковой битвы с крестоносцами он все еще проклинал меня на все лады. В таком состоянии он никогда не благословит мой брак с Анастасией... да и вообще с кем бы то ни было, если уж на то пошло.

И наконец, моя любимая забеременела. Наш ребенок, может быть, даже сын, рос в ней, и, если я вскоре не приму безрассудное решение и не послушаюсь своего отца, мой сын родится бастардом, его ждут бесконечные насмешки на протяжении всей жизни, а мою любимую заклеят, как шлюху.

Я не мог остаться и жениться на ней, послушавшись своего сеньора, но и не мог уехать за границу. Все мое богатство составляло девять гривен, которые я взял из дома в прошлом году. Я не истратил ни гроша с тех пор, как расстался с тем кузнецом. А девять гривен дадут нам всего одну ночь в придорожной корчме. Если мы сбежим, будем голодать неделями.

Если бы я попросил, уверен, пан Конрад непременно одолжил бы мне денег — то есть, скорее, дал бы, — потому что мертвому долги не отдают.

Но частью моего соглашения с князем Хенриком был отчет обо всех важных действиях пана Конрада. Хоть я пока и не видел нужды в докладах, я все же практически шпионил за своим другом. Как могу я с честью принять его деньги после этого?

И вдруг за какой-то час за столом пана Мешко все решилось. Мудрость и опыт пана Мешко и доброта пана Конрада за несколько дней до его смерти развеяли все мои невозможные трудности. Я попросту был в шоке и, боюсь, вел себя не совсем адекватно случаю. Даже когда все закончилось, им пришлось поднимать меня, чтобы возложить на плечи меховой плащ, предсмертный подарок пана Конрада.

Я решил, что пан Конрад лишил Анастасию серебра в шутку, как в общем-то оно и было, он мне потом подтвердил. Он не хотел, чтобы Кристина и остальные думали, будто впали в немилость.

Но когда я обнял свою любимую, чтобы проводить ее в нашу комнату, она вдруг вся напряглась. Убрала мою руку и сказала, что я веду себя неподобающе. Потом вышла, и ночь провела в комнате Явальды.

В Окойтц мы приехали на следующий день, когда солнце уже садилось.

Город переполняли людские толпы, и если бы мы не позаботились о размещении заранее, крестьянам пришлось бы замерзать на улице.

Все монахи из францисканского монастыря Кракова были здесь, вместе с большей частью жителей города.

Наверное, треть знати целого княжества прибыла на божий суд, или по крайней мере известила о своем обязательном присутствии на поединке. Приехал епископ Краковский, ожидался и епископ Вроцлавский.

И конечно, явились купцы всех мастей, учуявшие легкую прибыль. Все вассалы графа Ламберта собрались в Окойтце, некоторые обещались приехать на следующий день, многие привезли с собой жен. Это означало также присутствие и моих родителей, но, слава Богу, их сопровождал дядя Феликс.

— Слава Иисусу Христу, мой отец и сеньор, — официально поприветствовал я папу.

— Во веки веков! Итак, Владимир, ты приехал посмотреть на неприятности, которые сам и устроил, — ответил он сухо.

— Отец, князь...

— Я уже говорил и с князем, и с графом! Каким-то образом тебе удалось перетащить их на свою сторону. Но, только подумать, что мой сын сделал из меня клятвопреступника, это...

Он внезапно повернулся и ушел. Мать быстро посмотрела на меня, потом ему вслед, и бросилась догонять отца без единого слова.

Дядя Феликс глянул на меня:

— Я поговорю с тобой позже, сынок. Не вешай носа.

Он отбыл вслед за родителями.

С грустью смотрел я в том направлении, в котором они скрылись. Возможно, я недооценил силу гнева и непреклонность отца.

Позже я оставил компанию пана Конрада, чтобы поговорить с родителями, и в этой невообразимой толпе долго не мог найти их.

Я знаю, что большинство людей прибыло, чтобы увидеть, как свершается воля Бога, то есть по серьезному поводу. Но когда сталкиваются старые друзья, не видевшиеся месяцы, а может, и годы, встреча обычно получается шумная. Толпа стала похожа на карнавальное шествие, где один я — чужой.

Проходя мимо ниши между церковью и замком, где граф Ламберт установил пару скамеек, я услышал знакомые голоса. Укрылся в тени и начал слушать.

— Говорю вам, он спас мне жизнь трижды. Помнишь, парень, как моя лодка застряла в камнях у Дуная? Если бы пан Конрад не пришел на помощь, наши косточки сейчас бы уже тлели там! А через пару дней в Кракове, в тот самый день, что я рассчитал тебя, он со свечой в руке разбудил меня как раз в тот момент, когда три вора уже

собирались перерезать мне горло и исчезнуть с моими вещами!

— Я не слышал об этом, Тадеуш, — сказал монах Роман.

— Очень похоже на него — ничего не рассказывать о своих добрых делах. Говорю вам, пан Конрад — святой.

— Ну, это уже будет Церковь решать. Но правда, что каша не заварилась бы, если бы он не уступил моим мольбам и не отправился в Сац вызволять тебя из темницы Пшемисла, — вступил Роман. — Он привел меня к Богу! Я был грешником, прежде чем повстречался с ним — поэт, плюющий на Церковь и все святое. Но его праведность послужила мне примером и обратила меня на путь истинный. А его щедрость!.. Понимаете, каждый день, целую неделю, он отдавал мне все деньги, которые получал за нелюбимую работу, чтобы я мог поесть и уснуть под крышей. А я в ответ принес ему послание, которое приведет его до смерти...

— Он никогда не спасал мне жизни, — проговорил Илья, кузнец. — Однажды он даже чуть не оборвал ее, когда отхватил кончик наковальни, где я работал, единым ударом своего тонкого меча.

— Это действительно правда? Я думал, просто люди болтают, — удивился Тадеуш.

— Правда. Но, скажу я вам, пан Конрад научил меня большему в моем ремесле, чем отец, а папа был истинным мастером. Пан Конрад слишком хорош, чтобы позволить ему умереть!

— Он не умрет, пока я еще могу согнуть лук. Вы все видели, как я стреляю. Меня еще никто не превзошел в целом мире. Это дар. Дар Бога. И теперь я знаю, для чего он послан мне. Я собираюсь сидеть на вершине его мельницы в день суда. Оттуда я могу попасть в любого из присутствующих на поле, хотя ни один крестоносец не поверит, что стрела может долететь так далеко, не говоря уже о том, чтобы убить человека.

— У меня есть наконечники для стрел, которые пробьют любые доспехи, — произнес Илья. — Даже ту новую диковинную броню, что я выковал для пана Конрада. Если тебе они понадобятся...

— Я возьму их.

— Это не сработает, Тадеуш. Слишком много людей слышали о твоей стрельбе, не говоря о тех, кто самолично видел. Ты совсем не старался сохранить свое умение в секрете! — заметил Роман. — Они тебя найдут и повесят, а пану Конраду не станет ничуть не лучше. Даже хуже, возможно, пану Конраду засчитают нарушение правил и убьют из-за тебя.

— Придется рискнуть.

Три заговорщика замолчали. Потом подал голос священник:

— Если крестоносца убьет человек, последнего обязательно поймают. Но если это будет деяние Господне...

— Что ты имеешь в виду?

— Что, если золотые стрелы упадут с неба и лишат жизни злодеев? Ведь именно из-за этого весь сыр-бор? Они хотят узнать волю Бога?

— Но у меня нет золотых стрел, — огорчился Тадеуш.

— Будут. — Роман открыл коробку с красками. — Думаю, у меня осталось достаточно золотых листов, чтобы покрыть восемь стрел.

Я вышел из тени.

— Я услышал достаточно. Вы, негодяи, собираетесь посмеяться над тем, что является сутью Божьего суда!

— Его сутью является драка взрослых людей, которые из-за отсутствия мозгов не могут решить свои проблемы мирным путем! — вскричал Илья, вскакивая на ноги. Крепкие мускулы заиграли на руках могучего кузнеца.

— И еще убийство лучшего во всем христианском мире человека за то, что у него хватило чести освободить несчаст-

ных детей из рабства крестоносцев! — добавил Тадеуш, присоединяясь к Илье.

— Вы, грязные крестьяне! Как вы разговариваете с опоясанным рыцарем?!

Маленький священник встал между нами.

— Братья! Христиане, помните, что вы все братья перед ликом господа Бога!

Смелость маленького человека поразила всех, и два дюжих крестьянина попятились назад.

— Вы тоже, пан Владимир, — сказал Роман, — присоединяйтесь к нам. Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Мне присоединиться к крестьянам и опозорить рыцарский орден?

— Вы тоже в долгу у пана Конрада. Говорят, он устроил все так, чтобы вы могли жениться на его приемной дочери и, таким образом, стать его наследником. Неужели вы такой человек, чтобы желать смерти лучшему другу, а потом завладеть его деньгами?

— Конечно нет, черт возьми! Но...

— Тогда сядьте и послушайте. Нам нужна ваша помощь, так же, как и ему.

— Что же вы от меня хотите?

— Вот мой план, — начал монах Роман.

Итак, я оказался на турнирном поле холодным зимним утром, ехал на коне и ждал, пока в меня выстрелят.

Веселье в Окойтце длилось всю ночь, и на поле не было ни единого человека.

Тадеуш заверил нас, что добавочный вес золота собьет ему руку, и захотел немного попрактиковаться.

Так как весь наш план мог рухнуть, если бы он промазал, то монах Роман целую ночь трудился над четырьмя стрелами, покрывая их золотом, а я поутру со щитом на копье гарцевал на Ведовском Пламени по полю, изображая движущуюся мишень.

Поразительно, чего только не приходится делать истинному рыцарю, чтобы выполнить свой долг.

Первая стрела пролетела на два ярда ниже положенного места, и я начал раздумывать, не погибну ли в ходе тренировок. Стрела на два ярда правее проткнула бы мое сердце.

Я опустил щит к земле четыре раза, показывая лучнику, насколько низко прошла его стрела. Он находился так далеко, что не мог видеть собственных стрел.

Вторая лишь ненадолго разминувшись с нижним краем щита. Хорошо. Кажется, у Тадеуша проблемы скорее с высотой, чем с направлением. Я скорее всего останусь в живых. Щит опустился на землю один раз.

Третья ударила прямо в щит, и я поднял руку, просигналив лучнику. Четвертая разминувшись с первой не больше чем на палец, несмотря на то, что я пустил Ведовское Пламя в галоп.

Я спешил, чтобы подобрать стрелы, потому что мы договорились на по меньшей мере три раунда тренировок.

Но, нагнувшись за последней стрелой, я увидел направляющегося ко мне пана Лештко. По гербу на щите я мог бы за версту узнать его, хотя с другими рыцарями мне так не везло. На западе рыцари носят на щитах собственные гербы. В Польше мы носим герб своей семьи, который дарует князь или король, когда таковой имелся. Во всей Польше их не больше сотни. Но родители пана Лештко остались далеко на севере, в Гнезно, и в княжество приехал он один из всей семьи.

Я спрятал стрелы за щитом.

— Пан Владимир!.. Рано вы встаете! Ваша милая решила выбросить вас за дверь в такой холод?

— Вы могли бы и знать, пан Лештко. Будучи крестьянской девушкой, она оставалась полной желания, теплой и простой. Теперь же, став дочерью пана Конрада, она не даст мне даже и за руку ее взять до свадьбы! А отец еще даже не благословил наш брак! Нет в мире справедливости, скажу я вам.

Пан Лештко засмеялся, как я и хотел.

— Ты, несчастный сукин сын! И все же она поступает правильно. Как дочь пана Конрада, она должна блюсти приличия, сохранять и его, и твою честь. А тебе, мой мальчик, остается только то, что делали все добрые сыны знатных родителей.

— И что же это?

— Утешить сердечную муку другой девкой! Пойдем! В Окойтце их тысячи! У меня есть одна, которую я согласен тебе одолжить. Когда с неба льется суп, мудрец подставляет горшок!

Я пообещал вскоре присоединиться к нему, и мы поехали в сторону города. К тому времени на улицы высыпали дюжины людей, и дальнейшая тренировка не имела смысла.

Мы договорились, что Тадеуш будет стрелять, только когда у пана Конрада появятся серьезные проблемы, что почти неизбежно. Но, может, и оставалась еще капля надежды.

ГЛАВА 20

Из дневника Конрада Шварца

Я не отдал серебро Анастасии в шутку, так как пытался развеселить компанию. Все вели себя, как на похоронах — на этот раз моих собственных.

К тому же, когда бы я ни дарил что-либо одной из девушек, остальные тут же хотели получить то же самое. А я не собирался позволять Кристине, Янине, Наталье и Явальде впадать в роль моих дочерей. Они слишком хороши в постели.

Слава Богу, я никогда не спал с Анастасией. Она уже принадлежала Владимиру, когда я в первый раз встретил ее. Иначе на моей совести вместе со всем другим оказалось бы еще и кровосмешение.

Тем не менее Анастасия восприняла свою роль моей дочери всерьез, что, может, и к лучшему. Большинство из того, что я делал в этом веке, нарушало все мыслимые обычаи и традиции, но оскорблять Церковь и институт семьи по меньшей мере неразумно. От перемен слегка пострадала личная жизнь пана Владимира, но он переживет. Слишком многое поставлено на карту.

В Окойтце находилось больше народа, чем на улицах Нового Орлеана на масленицу, и примерно такое же настроение охватило толпу. Я сам себе казался жертвенным ягненком, на убийство которого все приехали посмотреть.

О, каждый был вежлив, особенно вежлив, слишком вежлив подчас. Всякий человек в толпе считал, что я через полтора дня стану мертвецом, и старался сделать мои последние часы как можно более сладкими — пусть даже и приоттно-сладкими.

Потребовался целый час, чтобы устроить моих крестьян в Окойтце, несмотря на предварительные договоренности. Самое лучшее, что нам предложили, — крыша над головой для каждого и минимальная площадь на грязном полу. Людям приходилось лежать, тесно прижавшись друг к другу, чтобы поместиться в доме всем сразу. По крайней мере никто не замерзнет: такое количество человеческого тепла способно растопить айсберг.

Потом я решил сходить доложить о своем прибытии графу Ламберту.

Он был с князем.

— Однако, мой мальчик. Ты привлек внимание массы народа, — заметил князь Хенрик.

— Да, ваша милость. Полагаю, мне следует считать себя польщенным.

— Не думаю. Большая часть из этих людей приехала увидеть, как проливается кровь, и их не особо волнует чья... Что это такое на тебе надето?

— Ваша милость, я как-то раз говорил вам, что покажу, как делать лучшие доспехи. Ну, вот и первый экземпляр.

— Мило. Я уверен, дамы оценят. Вопрос в том, сможет ли броня не дать крестоносцу оценить тебя.

— Думаю, это мы выясним через пару дней, ваша светлость.

— Да, выясним. Ты привел с собой детей?

— Да, ваша милость.

— Где ты их приковал?

— Нет, ваша милость... то есть я их не приковывал. Они со своими семьями.

— Их семьи мертвы. Крестоносцы не оставляют свидетелей.

— С новыми семьями, ваша милость. Каждого из них усыновила семья моих рабочих в Трех Стенах. Я сказал, что сделаю из них христиан, и выполнил обещание. Все они добровольно крестились. Они теперь христиане, и члены польских христианских семей.

— Ты сказал, что заставишь лошадь петь, и Бог свидетель, ты это сделал! — засмеялся князь. — Да, когда ты умрешь, крестоносцам придется иметь дело с епископом, чтобы вернуть себе рабов! Здорово!.. Ты собираешься продолжить борьбу даже после смерти! Твой народ действительно великий, пан Конрад!

— Зависит от того, что под этим понимать, ваша милость. Здешний народ, кажется, воспринимает войну как спорт, в который играют по определенным правилам. Ею наслаждаются. Мы же ненавидим войну. Мы ненавидим драку. Мы не развязывали войну вот уже пятьсот лет. Но когда нам приходится вступить в бой, мы деремся всерьез и насмерть. Я не хочу сказать, что мы умеем драться. Как раз наоборот. Наши дети не растут с мечтой добыть славу на поле боя. Наши девушки не соревнуются между собой за внимание солдат. Наши юноши не проводят все свое время в обсуждениях стратегии и тактики. Поэтому когда приходит война, мы плохо деремся, непрофессионально. Но мы выходим на поле боя с готовностью стать калек, или даже умереть. Мы ведем длинные войны, но побеждаем.

— И насколько длинны ваши войны?

— Однажды мы воевали сто тридцать лет, когда даже само название нашей страны стерли с карт. И победили.

Разговор зашел в тупик. Потом граф Ламберт нарушил молчание.

— Ты сказал, что ваши девушки невысокого мнения о солдатах. За кем же они гонятся?

— Ответ вас удивит, мой господин. Многие визжат и неистовствуют при виде музыкантов.

— Вы правы, пан Конрад. Я поражен. Музыканты?..

Вмешался князь:

— А, вот и его преосвященство епископ. Я должен доложить об обращении прусских детей в христианство. Забавно будет посмотреть на его корчи!

Когда князь ушел, я надеялся тихо улизнуть, но граф Ламберт и слышать об этом не хотел. Он таскал меня за собой всю ночь и представлял друзьям. Через пять минут я пресытился вниманием и не имел ни малейшего понятия о последней сотне людей, с которыми меня познакомили.

К моему удивлению, несмотря на толпы народа, мне выделили отдельную комнату. Частично повлиял статус жертвенного ягненка, но, думаю, сыграл свою роль и тот факт, что именно в этой комнате умер Михаил Малиньский, и народ приписал ей какие-то глупые сверхъестественные свойства.

Янина, Явальда и Наталья где-то бродили с братьями Банки, а мы с Кристиной получили капельку спокойствия и уединения.

На следующее утро я встретил отца Игнация и пригласил его в свою комнату, единственное тихое место в Окойтце.

После моей исповеди он сказал:

— Ты проделал огромный труд, обращая тех пруссов.

— Да не особенно, святой отец. Они были бездомными детьми. Мы дали им тепло и любовь. Религиозные наставления и обращение пришли сами собой.

— Тем не менее это первый успех Церкви в работе с пруссами за триста лет! Что до стратегии предоставления детям свободы, она, возможно, принесет успех. Епископы Вроцлава и Кракова убеждены, что Церковь должна удерживать победу. Они попросили моего аббата позволить брать-

ям вооружиться палками, чтобы мы смогли защитить детей силой, если понадобится!

— Тогда как вы думаете, может быть, они поговорят с крестоносцами, и сражение вовсе отменят? Я с радостью верну им обратно меха, янтарь и другие товары. Я не хочу никого убивать и, естественно, не хочу умирать сам. Я не могу отдать детей, но, если Церковь собирается защищать их даже в случае моего поражения, зачем вообще драться?

— Стоящая мысль, пан Конрад. Я изложу ее их преосвященствам.

Он поднялся уходить.

— Еще одно, святой отец. Есть какие-нибудь новости о церковном расследовании?

— Удивлен, что это заботит тебя в такое время, но да, новости есть. Я говорил тебе, что по приказу епископа бу маги отослали в итальянский монастырь. Они вернули документы с резолюцией, что подобное дело должно решаться через каналы белого духовенства. С удивительной скоростью мой аббат послал письмо епископу Кракова, который переслал его епископу Вроцлава, так как твои земли находятся в Силезии, то есть относятся к Вроцлаву.

— То есть оно побывало в Италии, но вместо того, чтобы попасть в Рим, отправилось обратно в Польшу? Невероятно!

— Действительно. Кто бы мог подумать, что письмо может преодолеть весь путь до Италии и обратно за всего лишь одно лето и осень? Кажется, сам Бог подгонял его! Но теперь мне надо идти просить аудиенции у их преосвященств, чтобы передать твое предложение.

Да, даже в Церкви нашлось место бюрократии.

Крестоносцы появились в полдень. Чуть ли не тысяча рыцарей в доспехах и на боевых конях. Цепочка их мулов с поклажей растянулась на мили: они производили впечатле-

ние скорее захватчиков на вражеской территории, чем зрителей, прибывших посмотреть на Божий суд.

Крестоносцы разбили палаточный лагерь рядом с Окой-тцем, на противоположной стороне относительно турнирного поля. Он не походил на обычную для средневековья мешанину шатров, но напоминал аккуратный современный палаточный городок, или по крайней мере древнеримский.

Немцы, понятное дело.

К несчастью, лагерь стоял по ветру к городу, и время от времени от него исходил дурной запах. Задав пару вопросов, я узнал, что в качестве доказательства строгости ордена крестоносцам запрещалось бриться и мыться.

Неудивительно, что они такие злобные.

Я видел, как два епископа со свитой входили в лагерь. Очевидно, мое предложение достигло их ушей. Я также заметил своего старого врага, пана Стефана, и его отца, въезжающих туда же. По крайней мере все мои неприятели собрались в одном месте.

Вечер длился слишком долго, раздражающе долго, с бесконечной вереницей доброжелателей, становившихся в очередь, чтобы сказать мне пару печальных слов.

Какой-то ублюдочный купец установил игровой стол, за которым бились об заклад на исход схватки. Ставки — тридцать восемь против одного не в мою пользу. На столе лежала пара пергаментных листов, на которых записывали игроков и поставленную сумму, а в две открытые бочки у всех на виду бросали деньги. Когда бой закончится, купец возьмет себе одну двенадцатую от всей суммы, а остальное разделит между выигравшими соразмерно их ставкам. Два вооруженных охранника следили за бочками. В той, что содержала ставки на меня, денег набралось очень мало. У меня все еще оставались двадцать шесть тысяч гривен в замке графа Ламберта, я поставил всю сумму на себя.

На самом деле я не игрок, но существуют споры, в которых невозможно проиграть. Мой вклад поменял расклад на

восемь против одного — но, собственно, какого черта? Если я проиграю, меня это не особенно расстроит, поскольку я буду уже мертв.

Под конец я вернулся в свою комнату и оставил Наталью у двери, наказав никому не давать меня беспокоить. У девочки просто дар в этом деле.

Почему, черт возьми, все так уверены, что я умру? Я собирался выиграть!

И ни на минуту не устал убеждать себя в этом.

За ужином епископ Вроцлава известил меня, что крестоносцы мое предложение и слушать не захотели. Они считают, что должны отомстить за пролитую мною кровь. Пан Стефан уверил их в моих колдовских способностях, и в любом случае выставленный ими боец непобедим.

— Конечно, профессионал непобедим, ваше превосходительство. Любой профессионал непобедим. Мы деремся насмерть. Единственный победимый профессионал здесь мертвец.

Все посчитали мою речь шуткой и засмеялись.

— Будь что будет, сын мой. Обращение пруссов — замечательное деяние во славу Бога. Но оно поставило Церковь в неловкое положение. Мне придется защищать детей — возможно, от крестоносцев, то есть от одной из ветвей Церкви! Если ты сумеешь победить завтра, это поправит положение.

— Ваше преосвященство, я буду очень стараться выполнить все ваши пожелания.

Я поклонился и подумал: «Напыщенная задница!»

— Спасибо, сын мой.

Во время еды я раздал оставшиеся плащи из волчьего меха князю, его сыну, семи графам, включая Ламберта. Объяснил, почему волчья шкура является подходящим материалом для верхней одежды и почему, если она войдет в моду, численность волков начнет сокращаться. По-мое-

му, они приняли подарки просто в память обо мне, но я старался.

После ужина я пошел в конюшни и тщательно вычистил Анну. Потом провел с ней несколько часов. Она оказалась единственной, кто не верил, что ее хозяин вскоре умрет. Лошадка знала, что мы победим!

Ночь выдалась скверная. Кристина только и делала, что рыдала. Мне пришлось пригрозить выбросить ее из спальни, чтобы хоть немного поспать. Я даже предложил плаксе пойти поискать Петра Кульчиньского. Это ее утихомирило.

Утром я опять исповедовался и пошел в церковь. Ее наполовину заполнили крестоносцы, которые выстроились по правую сторону от центрального прохода. По левую сторону стояла княжеская знать. Чистое венчание, если не обращать внимания на вонь.

Когда настало время причастия, к священнику подвели только меня и одного крестоносца. Очевидно, именно с ним я и буду драться в полдень.

Мы подняли головы и тут же узнали друг друга. Голубые ледяные глаза и сломанный нос. Шрамы на лбу и щеке; очень длинные, очень светлые волосы, все такие же сальные.

В самый первый свой день в тринадцатом веке я подвергся нападению крестоносца. И это тот самый ублюдок!..

Церемония причастия не позволяла нам разговаривать, что, может, было и к лучшему. После мессы крестоносец тотчас покинул церковь, так что у меня не появилось шанса переговорить со своим противником. Впрочем, я все равно не знал, что сказать.

В полдень мы были готовы. Погода стояла холодная и облачная, облака плыли очень низко. Хороший день для боя. Солнце не слепит глаза, нет риска получить солнечный удар.

Турнирное поле представляло собой квадрат в триста ярдов, отмеченный маленькими флажками на палках. Ми-

нувшей ночью выпало несколько сантиметров снега, и поле сияло нетронутой белизной. Невозможно представить, что тремя месяцами раньше оно золотилось колосьями. Теперь мы удобрим землю кровью.

Крестоносцы выстроились вдоль двух сторон поля, близких к их лагерю, поляки заняли оставшиеся стороны. Знать уселась на скамеечки впереди. По просьбе князя никто из них не принес иного оружия, кроме церемониальных мечей. Он опасался того, что развяжется драка.

Которую он непременно проиграет.

Простолюдины столпились позади знати. Священники стояли тесной группой за двумя епископами.

Арбалетчики заняли четыре угла поля, двое из княжеской охраны и двое от крестоносцев. Их работа — убить рыцаря, нарушившего правила.

Герольды без роздыху трудились несколько дней, организовывая бой, и думаю, они постарались на славу, хотя и не мог отличить плохую их работу от хорошей.

Прозвучал шестой удар колокола. Трубоч сыграл что-то душещипательное, и два главных герольда вышли с пергаментными свитками. Я немного времени потратил на написание своего обращения, потому как в нем полагалось изложить мои взгляды на причину схватки. По традиции, первым должны читать обращение крестоносцев. Чем и занялся княжеский герольд — тот, что говорил заглавными буквами, потому как герольд крестоносцев не понимал польского.

— Знайте, Все Присутствующие, Что Во Второй День Августа, 1232 Года Нашего Господа, Наглый Разбойник, пан Конрад Старгардский, Преступно и Злонамеренно Напал на Караван с Товарами, на Собственность Тевтонских Рыцарей Святой Марии в Иерусалиме. В Этой Злобной Атаке Он Лишил Жизни Пятерых Членов Нашего Священного Ордена и Нанес Пожизненное Увечье Шестому, Когда Честные Рыцари Мирно Исполняли Долг Своего Ордена. Мы

Молим Бога, чтобы Он Влил Силу в Руку Нашего Воина, Помог Стереть с Лица Земли Богопротивного Разбойника Пана Конрада и Вернуть Собственность Нашего Ордена, Включая Рабов-Язычников. Да Свершится Воля Божья!

Я, конечно, знал содержание их обращения — прочитал копию еще за день до сражения. Князь позаботился о том, чтобы там не упоминалось имя пана Владимира. Думаю, причиной согласия крестоносцев с данным пунктом стал размер его обширной семьи. Разжигать вражду с таким количеством людей не захочется даже крестоносцам.

Однако последняя фраза о язычниках-рабах стала для меня новостью. Они ни на каплю не изменили своих намерений.

Потом тот же герольд прочитал мое обращение:

— Знайте, Все Присутствующие, Что Во Второй День Августа, 1232 Года Нашего Господа, Я, Пан Конрад Старгардский, Встретил Семерых Крестоносцев, Замешанных В Преступном Деянии. Они Издевались Над Ста Сорока Двумя Детями, Приковали Их Шея к Шее, И Заставляли Идти со Стертыми Ногами И Кровоточащими От Побоев Спинами. Я Попытался Освободить Детей И Выполнить Как Свой Христианский Долг, Так И Долг По Отношению К Своему Сеньору, Графу Ламберту. На Меня Напали Крестоносцы, Семеро Против Одного. Но Бог Был На Моей Стороне, И Мы Победили. Я Проследил, Чтобы Детей Приняли В Добрые Христианские Семьи И Дали Им Необходимые Религиозные Наставления. Все Они Теперь Христиане, И Не Могут Возвратиться в Свое Прежнее Состояние Незаконного Рабства. Я Заявляю, Что Крестоносцы — Дьявольский Орден, Скрывающийся Под Маской Набожности. Я Заявляю, Что Они Торгуют с Неверными Магометанами, Тем Самым Народом, Что Незаконно Удерживает Святые Земли, И С Кем Орден Должен Воевать. Я Заявляю, Что Они Захватывают Пруссию, Исходя Только Из Своей Жадности. Они Не Делают Ни Малейшей Попытки Религиозного Об-

ращения Этих Людей, А Вместо Того Убивают Их, Мужчин, Женщин и Детей. Я Заявляю, Что Дьявольский Орден Крестоносцев Должен Быть Распущен, А Его Бывшие Члены — Изгнаны Из Польши. Более Того, Я Объявляю Рабство Оскорблением Господа, Ибо Человека Создали По Образу и Подобию Бога, а Образ Бога Нельзя Подвергать Унижениям! Да Свершится Воля Божья!

Князь решил, что я поступил глупо, не упомянув о добыче, и нет ни единого шанса распустить или изгнать орден крестоносцев. По крайней мере из княжества Мазовии. Ему понравилась возможность установить подобный прецедент на своих территориях, но она осуществится только в невероятном случае моей победы.

Епископ заметил, что мои теологические рассуждения порождали кучу вопросов, но не стал вносить исправлений.

Я написал обращение, и оно мне понравилось. Упоминание о мехах и янтаре добавило бы нотку грубости, и, как бы то ни было, мое обладание ими не вызывало сомнений.

Герольды отошли на другую сторону поля, чтобы прочитать обращения крестоносцам по-немецки, княжеский герольд перевел и мое письмо. Он, возможно, туго сообщает, но при этом знает девять языков. Я видел, как толпе крестоносцев прошла рябь недовольства во время чтения моего обращения. Хорошо. Смятение во вражеских рядах!

Каждый епископ прочитал короткую проповедь, священники вознесли молитву, и мы, наконец, приступили к делу.

Я не горел желанием ни сражаться, ни умирать, но ожидание сводило меня с ума. И все же приступ чистого страха охватил меня, когда я осознал, что через пару минут, вполне возможно, буду валяться мертвый.

Еще один трубный глас — и герольды покинули поле. Последовала команда:

— По коням!

Я опустил забрало, выставил вперед копьё, и мы помчались.

— Делай все по порядку! Как на тренировке! — неслышным шепотом закричал я, пытаюсь убедить себя, что не испугался до одури.

Мы с Анной летели к противнику, я вставил копьё в крючок и зарубку на седле, как проделывал тысячу раз во время упражнений. Потом вытащил меч, как можно незаметнее, и приготовился нанести ублюдку двойной удар, так хорошо отработанный нами дома.

Анна, как всегда, попала точно в цель. Копьё ударило прямо в центр щита, а потом весь мир перевернулся.

Я отреагировал с немим удивлением. Просто не смог понять, что произошло — я каким-то образом оказался в воздухе! Соприкосновение с обледеневшей землей оказалось жестоким, в доспехах или без оных. Я лежал, на мгновение потеряв сознание, пока не очухался.

Встал, пошатываясь. Слой снега, недостаточно толстый, чтобы смягчить мое падение, все же без труда спрятал меч! Я бегом вернулся на место столкновения, но не смог найти свое оружие. Копьё сломалось. За исключением ножа, который я добыл в Цешине прошлой весной, мне нечем было себя защитить.

Подняв глаза, я увидел, как противник разворачивает коня и снова скачет на меня, опустив копьё. Я вытащил нож и засыпал в ожидании. Больше мне ничего не оставалось.

Анна повернулась и поняла мои затруднения. Она поскокала вперед и атаковала, но не крестоносца, а его коня.

Через пару секунд моя лошадь уже вырвала порядочный кусок мяса из крестца скакуна тевтонского рыцаря, а потом сломала ему обе задние ноги своими копытами.

Противник свалился на землю с элегантностью мешка с картошкой. В толпе крестоносцев раздались крики: «Колдовство!» и «Против правил!».

Явно пан Стефан провел с ними беседу. Я уже ожидал получить арбалетный болт в спину, но судьи решили, что я не отвечаю за свою лошадь, когда не нахожусь в седле, и вообще — что взять с глупого животного?

Анна подбежала ко мне и мимоходом выбросила копытом меч из-под снега. Он выскочил, как мячик для гольфа, и полетел ко мне рукояткой вперед. Пришлось выронить нож, чтобы поймать его, но мне только того и надо было.

По крайней мере мне так показалось.

Потом она остановилась и оглянулась, твердо уверенная, что победа в моих руках.

Крестоносец быстро поднялся. Его конь плакал от боли, но рыцарь не удосужился даровать животному легкую смерть.

Тевтонец бегом приближался ко мне.

— Позаботься о своем коне! — крикнул я. — Я подожду здесь!

— Этим я займусь позже! Вначале прослежу, чтобы ты на этот раз точно сдох!

Мне ничего не оставалось, как только встретить его с мечом в руках.

Ублюдок был хорош. Он бы с легкостью завоевал олимпийскую медаль по фехтованию. Даже размахивая тяжелым, в полторы руки длиной, мечом, он двигался быстрее, чем я со своим тонким стальным лезвием. Более того, он гораздо лучше меня знал, как обращаться со щитом.

Крестоносец пробился через мою защиту и вlepил затрещину по левому виску. Он бы убил меня, если бы я носил свой старый шлем. А так только повернул шлем вправо примерно на девяносто градусов и, согнув стальной воротник, защебил его.

Я не мог повернуть голову! Смотря вперед, я ничего не видел! Чтобы хоть что-то рассмотреть, мне приходилось поворачивать голову вправо.

Я отбросил щит и перешел на чистое фехтование. Больше мне ничего не оставалось. Чтобы пользоваться щитом,

надо иметь возможность смотреть вперед. Со стороны польской толпы послышался рев, но у меня не было времени думать об этом.

Противник пробивал мою защиту раз за разом, но Илья изготовил мне очень хорошие доспехи. Большую часть ударов я даже не чувствовал.

— Умри, ты, исчадие ада! Что нужно, чтобы убить тебя? Кол в сердце?!

У меня не хватало дыхания отвечать ему.

Его щит не давал мне ответить ударом на удар. Каждый раз, когда мне предоставлялся шанс атаковать, чертова фанера преграждала путь. Мой меч обладает удивительной режущей способностью, но и он мало что мог поделаться против покрытого кожей фанерного щита.

Ладно, сказал я себе. Займись щитом. Разруби этого ублюдка на кусочки! Сконцентрировавшись на щите, я попал по его краю. Полетели щепки.

Потом появился шанс ударить справа, прямо в середину щита, что я и сделал незамедлительно. Меч прошел сквозь щит и остановился на полпути.

И застрял.

Я попытался выдернуть его, но фанера держала прочно, а крестоносец не собирался выпускать свой щит.

Что еще хуже, мой меч был единственным средством защиты от его меча. Крестоносец вырвал у меня из рук оружие вместе со щитом и замахнулся.

Мне оставалось только отступить в сторону, уходя от удара, а потом попробовать на нем прием каратэ.

Вы наверняка знаете такой прием, его часто демонстрируют в замедленном темпе, но никогда не применяют на практике. Вы выкручиваете правую руку противника левой рукой, его локоть смотрит вниз, потом вы бьете правой ладонью вверх. Если все проделать правильно, правый локоть неприятеля сломается. На мне такое не сработало бы, пото-

му что железо на локте не позволило бы руке согнуться таким образом. Но крестоносец носил кольчугу.

Несмотря на все свое мастерское обращение с копьем и мечом, немец никак не ожидал схватки без оружия. Получилось. Его локоть поддался с жалостным похрустыванием.

Крестоносец выронил меч, который я быстро поднял. Рыцарь не сделал попытки убежать, как поступили бы на его месте многие. Он просто стоял передо мной.

Я не хотел его убивать, но мы сражались насмерть. Пощаду нельзя ни просить, ни даровать. Если я не уничтожу его, свобода ста сорока двух детей останется под вопросом.

Я взял вражеский меч и, размахнувшись со всей силы, опустил его сбоку на человеческую шею. Он не пытался остановить меня.

Умирая, он прошептал:

— Ублюдок!

Крестоносец повалился на снег, а на меня навалилось эмоциональное потрясение после всего случившегося. Руки и ноги дрожали, я едва стоял.

Каким-то образом я остался жив!

Люди с обеих сторон кричали и поздравляли друг друга, но они не были самым важным в этом мире, поэтому я их игнорировал.

Обеими руками мне удалось повернуть шлем, и я смог смотреть прямо. Встав ногами на щит, вытащил из него свой меч. Он крепко засел в фанере. Вернув оружие, я заметил, что не только наполовину прорубил щит, но и проткнул левую руку противника. Рыцарь просто не мог отбросить свой щит.

Я почти наверняка знал, что у крестоносца сломана шея, но при стольких детских жизнях, поставленных на карту, не собирался рисковать. Просто поднял меч и снял ему голову с плеч одним ударом. Крови почти не было. Полагаю, к тому времени он уже умер.

Мое сломанное копье валялось на земле, и я попытался восстановить ход событий. Я купил копье год назад, как

бесплезную фурнитуру. И взял самое легкое. Пан Владимир предпочитал легкое копье, поэтому и он ничего не сказал. Но пан Владимир метит обычно в отверстие для глаз, а Анне так высоко не достать.

На щите крестоносца осталась вмятина — наверное, от моего копья. Анна великолепно попала в цель, но при столкновении мое оружие сломалось, а его — нет. У меня не было шанса взмахнуть мечом: клинок выбило из моих рук, когда я слетел с лошади. Никогда бы не подумал, что можно выбить человека из седла, заканчивающегося у талии, но случилось именно это.

Я избавил от смертных мук коня крестоносца, который все еще давился рыданиями.

Поляки дико орали и аплодировали, не исключая даже тех, что ставили против меня. Крестоносцы хрипло вопили что-то на своем языке, но я не понимал ни слова, кроме «Колдовство!» и «Против правил!».

Я только осознал, что все кончено, и я победил.

Потом толпа немцев расступилась, и четыре вооруженных всадника в доспехах и белых плащах с черными крестами направили на меня копья.

Из автобиографии пана Владимира Чарнецкого

В день суда мы заняли положенные места. Тадеуш залег на крыше ветряной мельницы. Монах Роман стоял вместе с братьями, готовый кричать «деяние Господа!», «чудо!» и тому подобное. Я среди знати собирался делать то же самое.

Илья готовился бежать на поле и забирать золотые стрелы, так как мы совершенно точно знали, что пристального изучения они не выдержат. Явно Бог мог использовать что-нибудь получше, чем золотая краска!

Когда начался бой, копье пана Конрада сломалось при первом же столкновении с противником. Я проклинал себя

за то, что так и не заставил его заказать себе новое, более тяжелое!

Он слетел с лошади, и крестоносец уже подъезжал, чтобы прикончить его, но Тадеуш так и не выстрелил!

Позже он утверждал, что послал-таки пару стрел в цель, но не увидел, куда они упали, потому что спрятался сразу же после выстрелов. А когда вылез из укрытия, удивился, что крестоносец еще жив, но пан Конрад с противником дрались так близко друг к другу, что он побоялся снова стрелять, чтобы не задеть пана Конрада.

Казалось, мой друг непременно проиграет, но внезапно он, ко всеобщему удивлению, отбросил щит! Толпа взревели, потому что все теперь поняли, пан Конрад просто играл с крестоносцем: он настолько был уверен в своей победе, что мог позволить себе насмешку!

Под конец он даже оставил свой меч торчать в щите противника и прикончил крестоносца голыми руками! А потом еще подарил тому милосердную смерть ударом его же меча!

Толпа буйствовала! Никто не ожидал подобной доблести от пана Конрада, хотя он и не переставал утверждать, что победит. Чуть позже пан Конрад облегчил еще одним ударом муки коня крестоносца, которого ранила удивительная лошадь моего друга.

Мы думали, все кончено, когда еще четыре крестоносца, в доспехах и с оружием, выехали на поле к пану Конраду.

Крики «Против правил!» слышались отовсюду, и это действительно нарушало все известные правила! Но судьи уже отдали приказ лучникам разрядить арбалеты, из боязни случайного выстрела. Теперь арбалетчикам велели пристрелить нарушителей, но, чтобы зарядить эти дурацкие устройства, требуется время. Время, которым пан Конрад не располагал!

Далеко на крыше мельницы Тадеуш подготовился к событиям лучше остальных. Он опустошил два колчана и ви-

дел, как его стрелы пронзали низкие облака и попадали прямо в цель!

Каждая из золотых стрел оказалась в сердце одного из злодеев! Они разом вывалились из седел, а оставшиеся без седоков кони подбежали к пану Конраду и остановились по бокам.

— Деяние Господа Бога! — закричал священник Роман, падая на колени. — Мы стали свидетелями чуда во славу Господа!

Я тоже надрывал голос:

— Чудо! Чудо!..

Вскоре вся толпа вторила нам, пока Тадеуш быстро спускался с крыши мельницы и прятал лук с оставшимися стрелами.

Четко следуя плану, Илья первым оказался на поле. Но когда он ухватился за стрелу, попытавшись выдернуть ее из груди трупа, та согнулась в его ладони! Стрелы на самом деле оказались из *мягкого, чистого золота!*

Илья упал на колени и начал молиться.

ИНТЕРЛЮДИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Я снова нажал на «стоп».

— Не верю я в эту стрельбу! Не до такой же степени я агностик, чтобы думать, будто у тебя тут запечатлено настоящее историческое чудо. Здесь повсюду твои отпечатки, Том! Твоя ведь работа?

— Ну, конечно, моя. Я не мог доверить жизнь Конрада какому-то средневековому лучнику, пусть даже самому лучшему в своем роде. Ты ведь не думаешь, что я позволил бы немецким ублюдкам убить моего собственного кузена, не так ли? Долгое время целая бригада инженеров работала над суперсовременным оружием — просто на случай, если оно нам понадобится. Мы так и не использовали его, что хорошо, но немного неприятно для самих разработчиков. Они обрадовались, когда я дал им это задание. Золотые стрелы — самая простая часть замысла. Только несколько взрывателей на головки и электронных схем для передвижения по заданному направлению, потом программа самоуничтожения, чтобы избавиться от продукта высокой технологии в прошлом. Стрелы Тадеуша представляли определенную проблему. Нам пришлось взять на себя управление погодой и нагнать достаточно облаков, чтобы спрятать наш корабль, откуда потом мы определили и поймали маленькие движущиеся цели. Потом... ну, ты поверишь в крылатые ракеты тридцатого калибра?

— Я думал, ты точно знал, что Конрад будет жив восемь лет спустя, — заметил я.

— В этой истории так много запутанных моментов, что я просто не мог полагаться на случай. Может, он бы оказался и мертв, и жив одновременно. Это ведь не более странно, чем одновременно спасти и оставить того ребенка?

— Итак, ты подделал чудо. В такое трудно поверить, даже зная тебя!

— Послушай, парень. Что для одного чудо, для другого — технология.

Он нажал на «старт».

ГЛАВА 21

Из дневника Конрада Шварца

Я шел на бой, зная, что мое дело правое, а Бог на моей стороне. Я испугался до смерти, но каким-то образом выиграл.

Потом вдруг заглянул смерти прямо в лицо.

И дальше точно так же внезапно все закончилось. Мой мозг не мог воспринять все сразу. Как тот земледелец из Татр, я стоял, оглушенный случившимся. Чудо — это то, что происходит с другими, далеко отсюда в пространстве и во времени. Оно не случается с тобой здесь и сейчас.

Гораздо позднее во мне зародились неясные сомнения в реальных событиях. Я знал, на что способна современная технология. Если кто-то сумел создать существо, подобное Анне, подделка чуда не составит для него труда. Но правды я так и не узнал.

Отец Игнаций сказал, что, может быть, чудо одновременно подделали и не подделали. Что пути Господни неисповедимы, и иногда Он предпочитает действовать через людей. А если так, то почему бы не через людей из другого времени и места?

Большая часть поляков тринадцатого века не терзалась сомнениями. Они знали, что Бог говорил с ними. Со стороны зрителей слышались молитвы и крики, а я просто стоял на снегу без единой мысли в голове.

На поле вышел епископ и провозгласил золотые стрелы собственностью Церкви. После недолгих споров, следует ли считать тела поверженных крестоносцев святынями, так как они стали объектами деяния Господня, решили, что Бог их проклял и повелел похоронить вне святых земель без соборования, хотя их оружие и кольчуги тоже забрала Церковь.

Князь подошел к толпе крестоносцев и объявил, что их проклял Бог. Он приказал распустить орден, потому как его навечно изгоняют из Польши. Почти треть крестоносцев тотчас сорвали с себя плащи и отбыли на запад, в Германию. Я слышал, как один сказал, что он и так давно мечтал о ванне. Остальные, более упрямые и жадные, собрали вещички и вернулись в свои владения в Торуне, что в Мазовии.

Насколько я знаю, крестоносцы потеряли почти четверть своей общей военной силы, когда дело получило огласку. Конечно, уехали самые религиозные и честные, настоящие ублюдки прекрасно видели выгоду и не собирались упускать ее за здорово живешь.

Потом князь обратился к польскому народу и сказал, что с сего дня рабство запрещается на территории Польши, страны свободных людей, и любой раб, только ступив на нашу землю, становится свободным. Князь — грубый старый сукин сын, но вам бы понравился.

Перед тем как убраться, глава крестоносцев в дорогом плаще подошел ко мне поговорить.

— Твое волшебство и дешевые фокусы нас не остановят! Князь Хенрик не имеет власти в Мазовии и прусских лесах. Если мы не сможем провозить рабов через Силезию, найдем другой путь!

Я с минуту смотрел на него, потом сказал:

— Тогда мне придется и этот путь перекрыть.

— Сделай что-то подобное, и мы перестанем брать пленников!

С этим он уехал.

На другом конце поля я видел пана Владимира с отцом. Они плакали в объятиях друг друга. Дядя Феликс стоял неподалеку.

Через несколько часов барон Ян подошел ко мне и официально попросил руки моей дочери для своего сына. Конечно, я дал согласие и благословил этот брак. Мы не упоминали о приданом, хотя я и спросил, что он думает о том, чтобы пан Владимир присягнул мне.

Барон Ян ответил, что, если есть на то желание пана Владимира и разрешение графа Ламберта, он с радостью передаст мне своего вассала. Что мы и проделали как раз перед свадьбой.

Я проверил ставки, которые сделал на себя, и обнаружил, что деньги вернулись ко мне в размере четырнадцать к одному. Я стал богаче на двести тридцать восемь тысяч гривен. Не очень приятно оказаться единственным человеком на свете, верящим в свою правоту, но иногда это приносит неплохой доход.

Когда мне отсчитывали выигранные деньги, герольд епископа Вроцлавского объявил, что заключение брака между паном Владимиром и панной Анастасией переносится, их ожидание сокращается с шести недель до трех дней.

Князь отдал все имущество побежденного крестоносца мне, даже не потрудившись оставить часть графу Ламберту, как полагалось по обычаю. Я преподнес половину пану Владимиру в качестве приданого.

Мы остались в Окойтце, и через день после Рождества состоялась свадьба. Невеста просто сияла.

Содержание

Инженер средневековья

5

Рыцарь в стиле хай-тек

297

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Маркаистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Франковски Лео
Инженер Средневековья
Рыцарь в стиле хай-тек

Фантастические романы

Редактор А. Криволапов
Художественный редактор О. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Конрад Старгард — обычный инженер — несколько удивился, оказавшись в далеком прошлом своей страны, однако не стал терять времени даром... В рекордные сроки он — последовательно — умудрился попасть в руки Инквизиции, выйти сухим из воды, сделаться рыцарем, нажить кучу врагов, обзавестись десятком верных вассалов и построить город высоких технологий в самом сердце мрачных Темных Веков...

Казалось бы, проблемы решены?

О нет.

Проблемы ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ!

Читайте смешную и увлекательную сагу о приключениях «Инженера во времени», достойно конкурирующую с произведениями Сташефа и Асприна!



Лео Франкiewicz



ISBN 5-17-026497-6



9 785170 264971

ИНЖЕНЕР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
РЫЦАРЬ В СТИЛЕ ХАЙ-ТЕК